

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Том 4 (70). № 3

**Симферополь
2018**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 4 (70). № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

Учредитель – КФУ имени В. И. Вернадского.

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 5 от 28 ноября 2018 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Иванова Р. А.

Редактор электронной версии: Страхов В. В.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Гросфельд Е.В.	к. полит. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О.В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин Н.Н.	к. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Сафонова Н.В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А.П.	к. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-736-7713 Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru

Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать 28.11.2018.

Формат 70x100/16. 19,09 усл. п. л. Заказ № НП/227.

Тираж 50 экз. Подписной индекс объединенного каталога

«Пресса России» 39927. Цена 277 руб. Дата выхода в свет 28.12.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

УДК:165

ОБЪЕКТИВНОСТЬ «ОБЪЕКТИВНОСТИ»: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ Л. ДАСТОН И П. ГАЛИСОНА И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ¹

Вархотов Т.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: varkhotov@gmail.com

Статья посвящена методологии исторического исследования научного знания. Основным предметом рассмотрения является историографическая модель развития науки Нового времени, предложенная Л. Дастон и П. Галисоном в их фундаментальном совместном труде «Объективность». Проводится аналитическая реконструкция эпистемологических установок и концептуального аппарата авторов «Объективности» в контексте проблемы пределов историзации знания и исторического релятивизма. Одновременно ставится вопрос о регулятивном идеале эпистемологии, рассматривающей свой предмет как принципиально историчный. Автор приходит к выводу, что историчность науки и эпистемических добродетелей не исключает поиска универсалий и устойчивых инвариантов в истории науки, и что «мыслить эпистемологию исторически» не значит встать на позиции релятивизма. Историзм, скорее, предполагает отказ от априори в эпистемологии, признание локальности исторически наличных инвариантов и установку на кропотливый поиск нелокального на линиях пересечений всегда локальных исторических практик воспроизводства знания.

Ключевые слова: эпистемология, история науки, философия науки, методология исторического исследования.

За примерно полуторавековую историю истории науки накоплено много способов работы с этим интересным и деликатным предметом. Начавшись, по сути, как апологетический проект защиты «истинного знания» от «вековых суеверий» и «клерикальных нападков» с помощью демонстрации непримиримой враждебности «истинному», научному знанию всех альтернативных форм интеллектуальной культуры на протяжении всей истории цивилизации², история науки постепенно пришла к значительно более сложной форме существования. После краха

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы.

² Указанный взгляд сложился, в основном, под влиянием социальных процессов, связанных с рецепцией идей дарвинизма в третьей четверти XIX в. и далее. См., например, обстоятельный разбор этого сюжета в [Брук, 2004]).

позитивистского проекта единой линейной «накопительной» истории науки, – от которой остались выдающиеся образцы «всемирной истории прогресса научного знания», по сей день играющие не последнюю роль в ознакомлении с историей науки студентов ВУЗов,³ – история науки пережила несколько серьезных методологических интервенций. Она впитала в себя (и, в свою очередь, питала своими находками) результаты непрекращающихся дискуссий в философии науки, последствия микроисторического поворота в исторической науке, данные и выводы новейших направлений исследований практик, затрагивающих процессы создания, воспроизводства и рецепции научного знания (напр., развитие аудиовизуальных форм репрезентации и компьютерных технологий).

Одним из ярко проступивших в начале XXI в. результатов методологической трансформации истории науки⁴ является отказ от двух опорных концептов (и, одновременно, эпистемологических правил), длительное время направлявших работу всех ученых гуманитарной и обществоведческой сфер – от универсалий и классических причинно-следственных объяснений. Говоря словами Л. Дэстон, «Большинство историков науки больше не считают, что какая-либо структура способна воздать должное их предмету. Сама идея поиска всеобъемлющих закономерностей в истории науки кажется дикой (bizarre), своего рода рудиментарным гегельянством, ищущим скрытую, неумолимую логику в наблюдаемых капризах истории, – в случае Куна – последней попыткой дать Разуму (теперь воплощенному в науке) Рациональную историю» [11, р. 117]. В цитируемой статье Л. Дэстон разворачивает перспективу пост-куновской истории науки, важной частью которой (или одним из возможных итогов) является написанная ею в соавторстве с одним из ведущих современных историков физики и философов науки Питером Галисоном опубликованная в 2007 г. монументальная работа по истории науки Нового времени, озаглавленная «Объективность» [см. 13].⁵ По мнению Л. Дэстон, в истории науки «история» победила «науку»,⁶ и тщательное внимание к деталям, – прежде всего, к элементам практик, составляющих саму жизнь науки как конкретной культурно-исторической реалии, – вытеснило как строгие концептуальные схемы, так и диагностику причинно-следственных связей (либо констатации принципиального отсутствия таковых, как в случае с куновской идеей «несоизмеримости» научных парадигм).

Перевес «истории» над «наукой» в историографии этой последней означает, прежде всего, смещение от рациональных реконструкций и теоретических предметов в сторону более внимательной фактографии, оперирующей, прежде всего, конкретными материальными формами жизни «ученых», ориентируясь на

³ Поскольку именно квази-позитивистский взгляд на историю науки позволяет представить объект системно и единообразно, что бесценно в педагогической практике. Замечательным примером такого рода является [1].

⁴ Схематичное, но очень точное описание этого события см. [12].

⁵ Русский перевод вышел в сентябре текущего года, после того как работа над этой статьей уже была завершена [см. 7].

⁶ «История науки никогда не была более решительно исторической в своих методах (архивных) и способах объяснения (контекстуальных); многие, если не большинство ею занимающихся, учат на факультетах истории, к которым, как полагал Кун, они и принадлежат». – см.: [11, р. 118].

которые мы (и, в еще большей степени, они сами) относим их и то, чем они занимаются, к «науке». «Объективность» предлагает читателю очень специфический, – в особенности, для русскоязычного пространства, в котором работа Л. Дастон и П. Галисона пока аналогов просто не имеет – тщательно избегающий пресуппозиций и заготовленных заранее «машин интерпретации» взгляд на развитие научного знания в XVIII–XX столетиях. Этот взгляд является, прежде всего, попыткой сделать отправной точкой исследования некоторые взгляды, т.е. буквально работу глаза «ученого» и специфические практики, связанные с этой работой.⁷

Основным материалом, с которым работают авторы «Объективности», являются не идеи или теории, не персоны или коллективы, а конкретные практики визуального наблюдения и репрезентации, воплощенные в научных атласах. Сами авторы объясняют свой выбор следующим образом: научные атласы представляют собой жанр с долгой историей (существует как самостоятельный значимый жанр научной литературы по меньшей мере с XVIII в., что позволяет анализировать их развитие как непрерывное), присутствуют во всех естественных науках и даже в математике, играют существенную роль в воспроизводстве научного знания (в образовательных практиках) и достаточно дороги (во всех смыслах), чтобы заметные изменения в практиках их изготовления и использования считать значимыми и не случайными [12, р. 666–667]. При этом обильно цитируемые, в том числе в форме изображений, атласы выступают не просто иллюстративным материалом или источником выявления типов для анализа, они рассматриваются как непосредственные материальные формы существования науки, в равной мере предъявляющие, закрепляющие и формирующие (предписывающие) практики научного наблюдения, репрезентации и объяснения. По замечанию одного из рецензентов «Объективности», Л. Дэстон и П. Галисон «делают в точности то, чего требует их проблема: рассказывают перед нами то, что нам нужно, чтобы мы могли непосредственно понять ученых, которых они описывают. Это ровно столько понимания, сколько мы вообще способны достичь. Они не апеллируют к «привычкам мышления» и вещам такого рода, но они делают что-то подобное. Они изображают фактическую работу ученых, которые приходят к своим необычным представлениям об объективности, таким образом, что их привычки мышления кажутся естественными и правдоподобными. Они стремятся к сопереживанию – то есть к непосредственному пониманию» [19, р. 427].

⁷Тема объективации взгляда и отказа от анализа «представлений» и «концепций» в отрыве от материальных форм и средств воспроизводства этих «взглядов» в историографии науки имеет достаточно давнюю историю и отчетливо обозначена уже, как минимум, в одной из самых важных работ по истории науки, написанных во второй половине XX столетия, – «Левиафане и воздушном насосе» [см. 17]. «Объективность» содержит важные аллюзии на эту работу, напр., два первых параграфа заключительной седьмой главы («Seeing is being» и «Seeing is making») явно отсылают к названию второй и третьей глав работы С. Шейпина и С. Шеффера («Seeing and believing» и «Seeing double»); в обоих случаях производится реконструкция и оценка практик наблюдения и визуализации (работы глаза исследователя) в контексте статуса и устройства экспериментального знания и эпистемологии науки.

Выбор научных атласов обусловлен тем, что они воплощают (в буквальном смысле – придают материальную форму, по меньшей мере, предъявляют материальный след) практику научного наблюдения, рассматриваемого как система относительно устойчивых (и, в этом смысле, неизбежно нормативных) коллективных стратегий, реализующихся в индивидуальных материальных действиях (выборе инструментов наблюдения и средств фиксации, контроле переноса исходного изображения в книгу и т.д.). В полемике с критиками, Л. Дастон и П. Галисон последовательно отстаивают принципиальную несводимость собственной позиции ни к психологизму (сосредоточении на индивидуальных действиях и мотивации ученых), ни к социологизму (реконструкции направляющих коллективную деятельность ученых институциональных норм). Вместо этого предлагается своего рода экспансивный регионализм: наука – это территория (не индивиды и не институты), представляющая собой совокупность обладающих разной степенью автономии и разными размерами регионов. Эти регионы живут по определенным правилам, переплетение и изменчивость которых могут быть извлечены из наблюдаемых форм жизни, одним из типичных примеров которых и являются научные атласы.

Так понятые научные атласы перестают быть нормативными руководствами (сходными в своей моральной нормативности с кондуитами, призванными фиксировать рефлексивно значимые конкретные случаи реализации – обычно в форме нарушений – существующих норм поведения [см. 18]), а представляют собой, скорее, конкретные формы научного взгляда – во всей полноте практики его реализации, от исходной установки до выбора объекта, инструментов, правил осуществления наблюдения и визуальной фиксации, правил взаимодействия с художниками и полиграфистами и т.д. Историк науки следует за глазом ученого, доверяя больше практикам наблюдения и репрезентации, нежели исходной концептуальной установке, нередко обманывающей ученого, как в случае с одним из наиболее важных для книги сюжетов, – исследованием физики всплесков А. Уоррингтона, изменившего свое представление о предмете и, шире, эпистемологии под влиянием результатов изменения практик наблюдения и регистрации предмета [13, р. 154-167].

Рассматривая атласы в качестве практик, процессов и территории реализации научного исследования, Л. Дастон и П. Галисон реализуют одну из ключевых методологических идей своего исследования – неразрывность этоса и эпистемологии. Используемое авторами понятие эпистемической добродетели (*epistemic virtue*) предполагает, что цели ученого неотделимы от конкретных правил профессионального поведения, что познавательные практики являются, в конечном счете, такими же практиками, как и любые другие, в том смысле, что предполагают определенную форму моральной регуляции (представление о нормативной самости, об идеальном «я», которым реальное «я» должно стать, чтобы достичь поставленных целей). В этом плане эпистемология, если она существует не только на бумаге, но является реальным историческим образцом системы познавательных идеалов интеллектуальной культуры, с необходимостью предполагает определенную мораль, систему правил поведения (этос), и без этой морали

эпистемология не способна объективироваться в реальной исследовательской практике.

Своеобразная авторская версия «натурализованной эпистемологии»⁸ преобразует познавательные цели относительно действительности в моральные цели относительно субъекта, – ведь достижение целей практики («внешних» целей) предполагает необходимое для регуляции действий преобразование самости (достижение «внутренних» целей). И эти преобразования, формы моральной регуляции, обнаруживаются авторами как в самих научных изображениях, так и в методических соображениях создателей атласов, на всем протяжении их истории весьма охотно обсуждавших правила работы и требования к взявшемуся за создание атласа исследователю.

Взаимосвязь типов субъективности как форм моральной регуляции профессиональной практики человека знания и типов знания, ожидаемых, разыскиваемых этим человеком, находит выражение в трех видах «эпистемических добродетелей», историческому выражению которых в образах (изображениях), практиках наблюдения и в профессиональной идеологии посвящено исследование Л. Дастон и П. Галисона. Эти добродетели – «истина-по-природе» (truth-to-nature), «механическая объективность» (mechanical objectivity) и «тренированное суждение» (trained judgment), – являются для авторов историческими формами научной эпистемологии, а история ослабления влияния первой из них и появление на сцене двух других как раз и представляет собой историю объективности, зародившейся первоначально в форме объективности механической и связанной, в первую очередь, со стремлением изъять из репрезентации субъективность ученого и заменить индивидуальное участие интерпретатора (личное авторство) «слепым зрением» механических устройств наблюдения и фиксации.

Первая из эпистемических добродетелей, «истина-по-природе», стремится зафиксировать в репрезентации не столько то, что исследователь непосредственно видит, сколько «сущность», истину видимого; изображать значимое (собственно эпистемическое требование) и изображать ясно (требование, коренящееся в коммуникативных и педагогических задачах изображений), истину, а не видимость, – добродетель, прекрасно иллюстрируемая всей работой К. Линнея в биологии. Эта добродетель зарождается в эпоху Просвещения и доминирует до середины XIX столетия, когда под влиянием обновления парка инструментов наблюдения и технологий изготовления изображений она уступает первенство новому эпистемическому идеалу – механической объективности.

Механическая объективность следует идее автоматизации наблюдения и репрезентации, исключению, насколько это возможно, конкретного исследователя из процесса регистрации фактов, смирению воли и амбиций в угоду эмпирической

⁸ Натурализации эпистемологии, по мнению одного из ведущих современных историков науки С. Шейпина, «возможно, самое значимое изменение в истории науки и, конечно, в изучении науки в целом...», см.: [15, р. 9]. «Натурализация означает [требование] рассматривать эпистемологию, так же, как ее предметное содержание – условия истинности знания, – эмпирически» – см.: [16, р. 137]. Подробнее о месте этого восходящего к работам У. Куайна сюжета в современных исследованиях науки см.: [3, с. 97-99].

полноте и механической (регулярной и беспристрастной) достоверности. Одним из важнейших инструментов ученого эпохи механической объективности оказывается фотоаппарат, позволяющий регистрировать и получать изображения минуя руку, волю и разум исследователя, – чистую (по крайней мере, с точки зрения цели, пусть на практике это и не удавалось реализовать в полной мере) реальность. Регистрация истины-по-природе теперь оказывается произвольной фальсификацией, искаженной индивидуальной волей и амбициями ученого, а идеалом становится полностью «нечеловеческая» репрезентация, созданная беспристрастной и не совершающей ошибок машиной.

Третий эпистемический идеал – тренированное суждение – выходит на историческую сцену в 20-е годы XX столетия и, отчасти, становится компромиссом между двумя непримиримыми антагонистами – истиной-по-природе и механической объективностью. Компромисс рождается из несоответствия между растущей сложностью и, следовательно, неоднозначностью репрезентаций, ориентировка в которых требует специальных навыков («тренировки»), и практическими задачами ученых, которым, помимо полноты и «объективности» картины, необходимы конкретные выводы и практические руководства. Ориентация на результат и потребность ориентироваться в усложняющихся и множачихся изображениях формирует практику тренированного суждения, носитель которого, сохранив богатство и неоднозначность «механической» репрезентации, умеет различать в ней существенное и несущественное и выносить квалифицированные суждения, встраиваемые, насколько это возможно, в изобразительную практику, – в частности, в научные атласы.

Трем эпистемическим добродетелями соответствуют три исторических типа ученых (субъекта): «ученые-мудрецы» (savants), искавшие истину-по-природе, «исследователи» (reseachers), следовавшие за механической объективностью, и «ученые» (scientists), исповедующие практику тренированного суждения. Каждый из типов научного субъекта представляет собой модель моральной регуляции, нормативную для индивидуального профессионального поведения и воплощающуюся в практиках наблюдения и создания изображений. Каждая из этих моделей предполагает свои медиа (media) – опосредующие инструменты, при помощи которых создаются изображения, и свои медиумы (medium) – носители изображений.

«Эпистемические добродетели», являющиеся де факто основным инструментом распознавания периодов и территорий преобладания того или иного эпистемического идеала, являются, с одной стороны, регулятивным принципом, – затрагивающим в равной степени сферы морали (повседневного поведения ученого в качестве такового) и эпистемологии, – а с другой стороны, – совокупностью сходных материальных форм, которые историк может обнаружить в преобладающих в определенный период и в определенном месте научных практиках. Одной из ключевых методологических установок историографии в этой связи становится предпочтение объяснений и предпосылок, заявленных исключительно внутри самого исследуемого поля, но доверие к ним со стороны историка прямо пропорционально тому, насколько эти предпосылки и объяснения

объективируются в наблюдаемой практике работы декларирующих их ученых. Все вычленимые авторами «Объективности» «эпистемические добродетели» являются (и представляют интерес именно в той степени, в какой они таковы) одновременно направляющим (regulative, guiding) и непосредственно существующим в практике, «буквальным» (literal) идеалом, – каким, например, для механической объективности была машина – эталон точности, беспристрастности и полного изъятия индивидуальных особенностей и воли самости (self) из процесса работы, в совокупности обеспечивающие беспристрастный, «объективный» взгляд на вещи.

Таким образом, связка «эпистемический идеал» – «эпистемические добродетели», являющаяся основанием для нанесения контуров отдельных регионов на карте пространственно-временного континуума научного знания, фиксирует сложную структуру неиерархических взаимосвязей между материально-практической (визуальные репрезентации и связанные с ними процедуры и инструменты), моральной (установки формирования этоса научного субъекта) и эпистемологической (правила порождения и воспроизводства знания) составляющими конкретно-исторической формы (научного) знания. Здесь соединяются вместе типы поведения, продиктованные имеющимися образцами и воплощающиеся в имеющихся образцах; практики, концептуализация которых (регулятивный идеал) рассматривается со стороны инструментов, использование которых подтолкнуло ученых к конкретной форме понимания и регуляции собственных действий; предъявленные этими инструментами феномены, которые отличались (вплоть до прямого противоречия) от предъявляемых другими инструментами и тоже подсказывали специфические правила обращения с ними; социально-технологическая инфраструктура, необходимая для создания средств научной репрезентации и коммуникации (напр., атласов), которая тоже изменялась, предлагая вместо художников-соавторов – художников-слуг, вместо карандаша – фотоаппарат и т.д.

Описанная выше связка служит основной для историографической модели без линейной периодизации и традиционных причинно-следственных объяснений, являющаяся некоторой конкретной разработкой идеи истории знания как пучка траекторий относительно автономных регионов практики с зонами локальных сближений и пересечений. Такой взгляд на историю науки, фактически, исключает возможность написания «истории» в классическом смысле этого слова – описание и интерпретацию последовательности изменений одного и того же целостного объекта («позитивистский» вариант) или нескольких последовательно расположенных во времени разных объектов, не связанных между собой отношениями содержательной преемственности, но занимающих одно и то же «место» и идентичных функционально («куновская» модель). Вместо этого центр тяжести переносится на кейсовые исследования конкретных практик научной работы, а точки схождения этих практик и обнаруженные зависимости между ними рассматриваются как принципиально локальные и историчные: пользуясь метафорой рыночного обмена, предложенной П. Галисоном, можно сказать, что «Несмотря на колоссальные глобальные расхождения, торговые партнеры могут договориться о локальной координации своих действий» [6, с. 66]. Естественным

предметом анализа в такой модели становится лаборатория, которая представляет собой особое пространство «где возникает локальная координация убеждений и действий» [там же, с. 67].⁹

Однако, несмотря на категоричный и весьма последовательный отказ от универсальных схематизаций и объяснений, Л. Дастон и П. Галисон не отказываются от поиска локальных инвариантов, пусть и не претендующих на статус универсального закона. По их собственному признанию, «...Объективность не является кейсовым, биографическим или микроисторическим исследованием, по крайней мере не в любом привычном смысле этих слов. ... История объективности простерта сквозь страны, языки и столетия, – и, следовательно, ей не хватает сверхплотного внимания к исследованию конкретной лаборатории или больницы. Вместо этого она охватывает физику, метеорологию, биологию, химию, астрономию, математику и медицину; это отнюдь не ограниченное дисциплинарное кейсовое исследование. ... Она ведет, преодолевая тупики, в поисках локального объяснения или, того хуже, причинно-следственного объяснения для того, что на самом деле является глобальным явлением» [12, р. 674-675]. Множество тщательных, привязанных к самой материи исследуемых примеров кейсовых расследований формируют «мезоскопическую, движущуюся по поверхности, этико-эпистемическую» историю науки, которая стремится быть «беспощадно историчной», «заставляющей нас переосмыслить многое из того, что мы принимали как должное по поводу истории науки и создания истории» [там же, р. 677].

Тема «беспощадного историзма» недавно получила интересную локальную экспликацию на страницах журнала «Эпистемология и философия науки», где прошла дискуссия по поводу исторической эпистемологии и, шире, методологии исследования столь важного и сложного объекта, как «наука». Дискуссия развернулась вокруг поставленного Л.В. Шиповаловой вопроса о рисках и потенциальной прибыли «исторического» мышления о науке, идущего, по мысли автора, рука об руку с релятивизмом и отказом от претензий на универсальность [см. 9]. Участники дискуссии заняли весьма разные, отчасти противоречащие друг другу позиции – от ретроградной борьбы за универсалии «по ту сторону» исторического релятивизма, как минимум, на уровне ценностной регуляции науки [см. 4], до обоснования «отказа от конечной (предельной) определенности» и необходимости перехода к «гетерогенной эмпирической множественности» [5, с. 26], «контингентности форм научного познания», учитывающих, в том числе, «перформативность научного знания» [8, с. 38], и отказа от «классических» представлений о науке и трактовки знания и предмета знания как относительно автономных сущностей. Удивительным образом, все стороны спора нашли

⁹ Несмотря на кажущееся очевидным (и, разумеется, не случайное) сходство позиции П. Галисона с существенно более известным в связи с концепцией «исследований лабораторной жизни» Б. Латуром (см.: [14]), в действительности представление о «лаборатории» у них существенно отличается. Для Б. Латюра лаборатория является местом возникновения и воспроизводства «науки», для П. Галисона – местом встречи и взаимодействия разных компонентов науки, имеющих самостоятельное существование и вне лаборатории. В этом плане позиция Б. Латюра с точки зрения П. Галисона, по-видимому, может быть вписана в систему критикуемых им взглядов («позитивистов – антипозитивистов»), предполагающих у «науки» некий единый фундамент и двигатель развития.

аргументы в пользу своих позиций у Л. Дастон и П. Галисона, работы которых присутствуют в библиографических списках всех принявших участие в дискуссии авторов.

Это подводит к мысли, что любые формы релятивизма, включая одну из наиболее респектабельных и популярных – исторический релятивизм, неявным образом предполагают признание определенного рода универсальности, как минимум, в части единства предмета и профессионального языка. И, как хорошо видно на примере работы Л. Дастон и П. Галисона, «беспощадный историзм» вовсе не означает окончательного сосредоточения на микроисторическом исследовании и отказа от поиска макро-закономерностей. Эпистемические добродетели и соответствующие им типы ученого, хотя и историчны, – т.е. имеют точку возникновения и, возможно, исчезновения с исторической сцены, – однако нелокальны относительно других, нетемпоральных параметров сегментации пространства науки, – таких, как язык, государственные и дисциплинарные границы; не достигая статуса всеобщности и необходимости *sub specie aeternitatis*, они все же не могут рассматриваться как простые частные случаи и их локальность во времени отнюдь не означает неспособности выступать значимым (и, возможно, даже всеобщим и необходимым) инвариантом для конкретных регионов бытия.¹⁰

Согласно, возможно, несколько натянутой, но иллюстративной интерпретации одного из критиков «Объективности», ее авторы рассматривают объективность, являющуюся важнейшим элементом (научной) эпистемологии, не как «концепт», т.е. предельное понятие, априорный императив Разума, а как «сеть убеждений» (*web of beliefs*), которая, будучи вплетена в другие «сети убеждений», встроенные в практики, меняется вместе с изменениями убеждений и практик, что происходит непрерывно ввиду того, что «убеждения» не являются априорными и обновляются, оказываясь локально «истинными» или «ложными» [19, p. 406-410]. Соответственно, инварианты существуют, но существуют как историчные, а не априорные объекты: любое правило, связанное с человеком, имеет «историю до» и «историю после», и любой инвариант культурного пространства (состоящего из норм, практик и т.д.) локален в культурном времени.

Список литературы

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.
2. Брук Дж.Х. Наука и религия. Историческая перспектива. М., 2004.
3. Вархотов Т.А. Конструктивистская программа в философии и методологии науки // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы. Из-во Воронежского гос. ун-та, 2006.
4. Вархотов Т.А. Против релятивизма: историческая эпистемология в поисках универсалий // Эпистемология и философия науки, 2017. Т. 51. № 1.
5. Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2.

¹⁰Сходный аргумент имеет в виду Д. Блур, когда явным образом разводит условия воспроизводства и условия истинности знания, справедливо подчеркивая, что зависимость теории от социального контекста, обеспечивающего причинное объяснение ее появления и успеха, совершенно ничего не говорит о ее истинности, и что вопросы социального воспроизводства и эмпирической адекватности знания не имеют никакой необходимой взаимосвязи. См.: [10].

6. Галисон П. Зоны обмена: координация убеждений и действий // Вестник истории естествознания и техники, 2004, № 1.
7. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: НЛЮ, 2018.
8. Писарев А.А. Историческая эпистемология: эпистемология и другая философия // Эпистемология и философия науки 2017. Т. 52. № 2.
9. Шиповалова Л.В. Стоит ли мыслить науку исторически? // Эпистемология и философия науки, 2017. Т. 51. № 1.
10. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L., 1976.
11. Daston L. History of Science without Structure // Kuhn's Structure of Scientific Revolutions at Fifty. Reflections on a Science Classic. Ed. R.J. Richards and L.Daston. Chicago University Press, 2016.
12. Daston L., Galison P. Objectivity and Its Critics // Victorian Studies, Vol. 50, No. 4 (Summer, 2008).
13. Daston L., Galison P. Objectivity. NY: ZoneBooks, 2007.
14. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Social Construction of the Scientific Facts. Beverly Hills, 1979.
15. Natural Order: Historical Studies of the Scientific Culture. London: Sage, 1978.
16. Schmidt V.H. Oversocialised Epistemology: A Critical Appraisal of Constructivism // Sociology, 2001, vol. 35, № 1.
17. Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life. Princeton, 1985.
18. Tucker J. Objectivity, Collective Sight, and Scientific Personae // Victorian Studies, 2008, Vol. 50, No. 4.
19. Turner S.T. Webs of Belief or Practices: the Problem of Understanding // Arch.europ.sociol., LI, 3 (2010).

Varkhotov T.A. The Objectivity of «Objectivity»: I. Daston and P. Galison's Historiographic Model and the Historical Epistemology of Science // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 3–13.

The article concerns the methodology of the historical studies of science. The main subject is historiographic model proposed by L. Daston and P. Galison in their famous book "Objectivity" for describing and understanding the evolution of modern science from early Enlightenment till nowadays. The analytical reconstruction of the authors' epistemological stances and conceptual apparatus is being made within the context of historization of scientific knowledge and historical relativism. Along side the question of regulative ideal for historical epistemology is being put. The author comes to conclusion that the historicity of science and epistemic virtues does not exclude the search for universals and stable invariants in the history of science, and that "to think epistemology historically" does not necessary mean to be relativist. Historicism, rather, implies a rejection of a priori in epistemology, the recognition of the locality of historically available invariants and the establishment of a painstaking search for nonlocal on the intersection lines of always-local historical practices of the reproduction of knowledge.

Key words: epistemology, history of science, philosophy of science, methodology of history.

References

1. Bernal J. Science in the History of Society. Moscow., 1956 (in Russian).
2. Brooke, J.H. Science and religion. Some historical perspectives. Cambridge: Cambridge university press, 1991.
3. Varkhotov T.A. Constructivist program in philosophy and methodology of science // Philosophy of Science: historical periods and theoretical methods. Voronezh, 2006.
4. Varkhotov T. Contra relativism: historical epistemology in search of universals // Epistemology & Philosophy of Science 2017, vol. 51, no. 1.
5. Gavrilenko S. Historical epistemology: zone of uncertainty and space for theoretical imagination // Epistemology & Philosophy of Science 2017, vol. 52, no.2.
6. Galison P. Trading Zone: Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader» / Ed. by Mario Biagioli. New York: Routledge, 1999.

- 7.
8. Pisarev A. Historical epistemology: epistemology and the other philosophy // *Epistemology & Philosophy of Science* 2017, vol. 52, no.2.
9. Shipovalova L. Should we conceive science historically? // *Epistemology & Philosophy of Science* 2017, vol. 51, no. 1.
10. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. L., 1976.
11. Daston L. *History of Science without Structure* // *Kuhn's Structure of Scientific Revolutions at Fifty. Reflections on a Science Classic*. Ed. R.J. Richards and L. Daston. Chicago University Press, 2016.
12. Daston L., Galison P. Objectivity and Its Critics // *Victorian Studies*, Vol. 50, No. 4 (Summer, 2008), pp. 666-677.
13. Daston L., Galison P. *Objectivity*. NY: ZoneBooks, 2007.
14. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life. The Social Construction of the Scientific Facts*. Beverly Hills, 1979.
15. Natural Order: *Historical Studies of the Scientific Culture*. London: Sage, 1978.
16. Schmidt V.H. Oversocialised Epistemology: A Critical Appraisal of Constructivism // *Sociology*, 2001, vol.35, №1.
17. Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton, 1985.
18. Tucker J. Objectivity, Collective Sight, and Scientific Personae // *Victorian Studies*, 2008, Vol. 50, No. 4.
19. Turner S.T. Webs of Belief or Practices: the Problem of Understanding // *Arch.europ.sociol.*, LI, 3 (2010).

УДК 111.84+ 216

К ВОПРОСУ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ЗЛА В ЭПОХУ СХОЛАСТИКИ

Дьяченко О.Н.

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

E-mail: dyachenkoolga13@yandex.ru

Актуальность темы исследования, представленной в статье, обусловлена необходимостью обращения к одной из самых трудноразрешимых проблем в средневековой философии – проблеме теодицеи, выражаемой в вопросе о происхождении зла. Проблема происхождения зла в горизонте теоцентрического миропонимания получает свою артикуляцию уже в период ранней патристики как на Западе, так и на Востоке. Стремление разрешить противоречие, заданное христианским вероучением, порождает множество разнообразных концепций, согласующихся в трактовке того, что Бог употребляет зло во благо. Выдвигается тезис о том, что концептуальным основанием обсуждения проблемы теодицеи является рефлексия несубстанциальности зла, реализуемая в антропологическом и морально-этическом контекстах. В статье представлен комплексный анализ проблемы теодицеи в ранней схоластике. На основании анализа репрезентативных текстов показано, что существенная особенность западноевропейской средневековой мысли, погруженной в теистический контекст схоластических дискуссий на тему теодицеи, состоит в том, что философская мысль развивается в рамках преимущественно теоретических форм выражения и тем самым утрачивает связь с вопросом о добре и зле в его практических импликациях, которые образуют основу христианского вероучения.

Ключевые слова: Бог, добро, зло, онтологический статус, грех.

Проблема теодицеи всегда оказывалась ключевой для философской мысли, развивающейся в горизонте теоцентрического миропонимания, поскольку найти обоснование существованию зла означало разрешение одного из самых уязвимых вопросов христианского вероучения: если Бог абсолютно благ, а творение мира есть проявление и результат Божественной любви, тогда как возникло зло? В раннехристианской литературе говорить о происхождении в мире зла неправомерно, поскольку главный сюжет – это смерть Христа и Воскресение Христа, соответственно, страдание и спасение – вещи неразделимые. Анализ письменных источников эпохи апологетики свидетельствует, с одной стороны, о нежелании авторов обращаться к данной теме, с другой стороны, о тенденции ее рассмотрения в границах антропологии. В период патристики Аврелий Августин представил разные трактовки проблемы теодицеи, одна из которых была обоснована в собственно философском ключе и осмыслена им как часть всеобщего мироустройства.

Попытка определить онтологический статус зла или целенаправленно доказать его отсутствие начинается в эпоху схоластики. Для мыслителей данной эпохи Бог заключает в Себе смысл и цель мира, что предполагает погружение в контекст богословской проблематики. Неслучайно, Р. Пасноу отмечает, что в разговоре об эпохе Средних веков «первое, что необходимо сделать, найти наилучший способ говорить об этом времени» [1, с. 2]. В этой связи нельзя не согласиться с американским философом, поскольку вести речь о схоластике можно, основываясь на фундаментальной для всего Средневековья метафизической позиции понимания бытия как Слова, в этом контексте Откровение выступает как исходный опыт постижения бытия, а Бог есть величайшая Первопричина всего сущего.

Подход к проблеме происхождения и источника зла бенедиктинца Беда Достопочтенного отличает определенная самобытность и стремление рассмотреть внутренние причины и запечатлеть процесс зарождения злого намерения в человеке. И хотя некоторые исследователи отмечают компилятивный характер его богословско-философских трактатов, тем не менее, размышление монаха и философа отличает глубокий психологизм. Зло, по мысли Беда Достопочтенного, заключается в искушении, то есть испытании человека. Однако зло – это совместное действие внешней противоборствующей силы, исходящей от лукавого, и внутреннее принятие и последующее действие, происходящее в самом человеке. Беда говорит об устремлениях человеческого ума, которые заключают в себе семена добра и зла. Именно его настроенность формирует направленность движения человека к добру или ко злу. Если человек не стремится к получению наслаждения от соблазна или отказывается от предложенной ему греховной возможности, не соглашается внутренне «с удовольствием соблазна», он получает заслуженную награду. Беда Достопочтенный отмечает, что большее зло заключается в том, что «знающий, как делать добро и не делающий имеет больший грех, чем тот, кто согрешает по неведению» [2, с. 45]. И зло, которое совершает человек по незнанию, может быть простительно. И даже праведник остается таковым, если впадет в грех «по немощи плоти или по неведению». Именно эти идеи Беда Достопочтенного трансформируются у Петра Абеляра в принцип оценки нравственного качества поступка на основании изначального намерения, которое характеризуется желанием угодить Богу.

Отчетливое стремление установить онтологический статус зла отмечается в работах Иоанна Скота Эриугены. Он переводил с греческого языка трактаты Григория Нисского, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, хорошо знал византийскую патристику и предпринял попытку синтезировать катафатическую и апофатическую возможности богопознания. Эриугена выстраивает свою аргументацию так, что зло не вписывается в понимание действительности, сотворенной Богом. На основании отрицания времени он утверждает невозможность предзнания и предопределения в силу того, что слова «прошлое», «настоящее» и «будущее» не могут быть применимы по отношению к Богу. Как и Августин, он прибегает к опоре на когнитивные возможности языка и его средств, опираясь на диалектику, причем на диалектический метод, который использовал Гераклит. Свойства каждого явления, предмета или вещи Эриугена

объясняет, опираясь на их сходства с иными, или, исходя от того, что им противоположно. Иоанн Скот Эриугена разрушает августиновский принцип предопределения, доказывая, что имена «предзнание» и «предопределение» перенесены на Бога по сходству с вещами «преходящими». Причина заблуждений человеческого ума заключается в том, что слова, обозначающие время и место по отношению к предметам и вещам, пребывание которых определено во времени, будут истолковываться в буквальном смысле, «относительно того, что вечно существует в Боге, эти слова употребляются в переносном смысле, метафорически» [3, с. 297]. Из этого следует, что идею о том, что Богом предопределены для наследования вечной жизни одни и подвергнуты вечному наказанию другие, следует понимать «исходя от противного, дабы нас миновала пагубная ересь, причина которой – неправильное использование слов» [3, с. 297].

Несмотря на внешне однородный характер схоластической философии в трактовке проблемы теодицеи, можно выделить позицию Петра Дамиани, который не только отрицал всякую возможность онтологического статуса зла, но доказывал отсутствие зла как такового. Пренебрежительное отношение к научному знанию вместе с тем не мешало Петру Дамиани блестяще использовать диалектику и риторику в полемике с оппонентами, обличении пороков и увещании паств, поскольку именно в этот период усиливается тенденция противопоставления клира и мирян. Так, подобно другим философам Средних веков, он утверждал, что все создано Богом. Однако, беззакония, несправедливость, грехи не созданы Богом. И, поскольку Он не творил подобных вещей, следовательно, зла не существует. Петр Дамиани решительно доказывал, что зло занимает промежуточное положение между бытием и небытием. Он пишет: «...смешаться – есть зло, т.е. скорее ничто, потому благим Творцом, создающим все благое, эта изменчивая смесь не создана. В дурном же всегда видна изменчивость этой смеси, в том, что лишь представляется сущим, но не есть, и потому как бы в одно время и есть, и не есть» [4, с. 377]. В то время, как благо существует вечно и неизменно, оно не может единомоментно быть и не быть. Следовательно, то доброе, что сделал человек, «не может утратить своего бытия ни в настоящем, ни в прошедшем» [4, с. 376]. Для Бога не может быть ничего невозможного, независимо в действии и в бездействии.

Лишенность онтологических оснований у зла, поскольку субстанциально оно есть ничто, признает и учитель великого Петра Абеляра – Гильом из Шампо, представитель Ланской школы. Он ищет источник зла в том, кто существовал еще до сотворения мира и человека: в среде ангелов. Гильом пытается получить ответ на вопрос о том, откуда зародилось зло в природе наисовершенной, каковыми были ангельские существа, наделенные свободой воли и свойством рационального понимания (*rationalis intellectus*). Богом была определена цель ангельских существ: достичь наивысшего совершенства любви. Причиной же зла в среде ангелов стало превратное истолкование изначальной цели, предназначенной Богом для ангелов: реализации всей полноты любви как достижения наивысшего совершенства. Причиной падения послужило нарушение этого устремления и возвеличивание себя. Гильом доказывает, что «стремясь к совершенству в любви, не должно себя любить больше Бога, но выставлять прежде своей любви и воли любовь и волю Бога

и почитать его с совершенной страстью (*affectus*), ибо, почитая Бога, оно почитает себя и ближнего своего, как себя» [5, с. 282]. Зло, по мысли Гильома, изобретено, но не сотворено падшим Ангелом. Однако высшее зло – это «ненависть Бога, которое потому и высшее, что Бог его ненавидит» [5, с. 281]. Соответственно, добро он определяет как высшую любовь Бога.

Интересно, что Гильом отчетливо высказывает мысль о том, что первый сотворенный Богом человек изначально обладал познанием добра и зла на уровне понимания, благодаря которому и можно вести речь о существовании свободы воли. Способность отличать добро от зла и составляют, по мысли Гильома, сущность свободы решения. В этом был изначальный закон природы ума человека. Соответственно после грехопадения все последующие действия человека вступают в противоречие с этим законом. Тем не менее, познание добра и зла для первых людей означало отсутствие опытного знания (*experimentum*). В философии Гильома нивелируется действие Сатаны, поскольку получается, что человек нарушил божественную заповедь не в силу искушения, обмана или заблуждения, но здесь имел место осознанный и добровольный выбор в пользу зла.

Ансельма Кентерберийского, как и Гильома из Шампо, интересуют причины, побудившие ко злу дьявола, который совершил свое деяние не по воле Бога, а руководствуясь «инстинктом злобы». Ансельм утверждает, что и падший Ангел, и человек даже после совершенных злодеяний оставались в Божественной власти.

Ансельм выстраивает свою аргументацию, основываясь на диалектике. Он отождествляет добро и правильность, то есть «делать то, что должно», в чем заключена истина. Причем правильность он называет истиной действия. Разъясняя слова апостола Павла, Ансельм пишет о том, что «под словом «творить» (*facere*) Господь имел в виду не только в собственном смысле действие, но и всякий глагол» [6, с. 211].

Источник зла – это неправильная интенция воли и «зло есть не что иное, как отсутствие утраченной праведности в самой воле или в какой-то вещи по причине злой воли» [7, с. 257]. Причина наличия у человека разума заключается в том, что он был изначально необходим человеку для различения добра и зла. Избирательность присуща воле, которая должна быть подчинена главной цели – склоняться ко благу. Данная особенность есть природное свойство человеческого разума. И если воля у Ансельма автономна, то разум должен поддерживать эту направленность к добру.

Диалектические принципы, логические доводы не привели его к созданию существенно новой концепции происхождения зла. Рассуждение Ансельма концентрируется вокруг проблемы соотношения Божественного милосердия и справедливости. Ансельму не удалось приблизиться к сколько-нибудь определенному ответу на вопрос теодицеи.

Для Петра Абеляра каждый сотворенный человек – существо благое. Грех есть акт разума, который берет на себя функцию волевого начала, именно поэтому за греховные деяния не могут быть наказаны те, кто лишен разума. Абеляр называет четыре «компонента греха»: «изъян души, толкающий на прегрешение, ... грех, то

есть согласие на зло и презрение к Богу, воля, направленная на зло, и сам злокозненный поступок» [8, с. 424].

Абеляр считает всякое знание Божественным даром, и даже познание зла есть дело благое, поскольку оно не может быть тождественным умению совершать его, но, напротив, помогает человеку избежать греховных деяний в жизни. Эту мысль Абеляра повторяет и Бозций Дакийский, говоря о том, что в понимании зла нет греха, напротив, философ может по-настоящему достичь нравственного совершенства, поскольку именно он в полной мере способен познать всю «отвратительность действия, в котором состоит порок, и благородство действия, в котором состоит добродетель» [9, с. 143-145]. Философ указывает на качество, которое имманентно связано с познанием, но является пороком – это гордыня: «Ведь не неведение творит еретика, но гордыня; когда кто-либо желает приобрести себе какое-либо нововведение, он прославляется тем, что производит нечто необычное, ... чтобы показаться выше всех» [10, с. 302].

По мысли Абеляра, существуют различные разновидности добра и зла: первая – по сущности, вторая – по намерению (*intenio*). Существует также особая, третья разновидность: когда зло оказывается добром и наоборот. Петр указывает на то, что и добро может нести вред в зависимости от некоторых условий. Так, вера или надежда, например, не подкрепленные деяниями, могут «становиться бесполезным, скорее – даже вредным для нас, так и благоразумие» [11, с. 557]. И напротив, бывает, что «причиной зла является благо». И далее философ приводит в пример человека, стремящегося к добродетели, но возгордившегося от похвалы, породившей зависть у другого человека. Петр Абеляр раскрывает понимание высшего добра человека как добра, благодаря которому он становится лучше, и высшего зла, в силу которого он делается хуже. Но ключевым в духовном совершенствовании, по мысли философа, является само стремление к добродетели.

В XII веке контекст проблемы теодицеи задает августиновская идея предопределения, играющая заметную роль, к примеру, в трактатах родоначальника средневеково мистицизма Бернарда Клервоского. Слабость воли, по его мнению, – «полностью от нее самой, стойкость же – не от нее, но от Духа Господня» [12, с. 469]. В то же время Бернард отмечает, что, даже избрав добро или зло, человек остается свободным, ничем не побуждаемым. Бернард представляет новую трактовку евангельского сюжета об отречении Петра: апостол отказался от Христа не действием воли, а только словесно. В данном случае желание его ума и воли оставаться христианином было неизменным, он не хотел отречься от Бога. Но дело в том, что Петр солгал, руководствуясь желанием сохранить свою жизнь, а действие его бессильной воли только «сделало явным, насколько он любил себя, а насколько Христа» [12, с. 468]. Петр совершил этот поступок против собственной воли, соответственно подобное зло, по мысли Бернарда Клервоского, не должно быть причиной Божественной кары.

Таким образом, свобода и необходимость исключают друг друга, поскольку при отсутствии свободы нельзя вести речь как о заслугах, так и наказаниях. Бог подает награду в том случае, если человек только посредством него и вместе с ним добровольно избирает и творит благие дела.

Знаком человеческой добродетели Бернард считает духовное созерцание, лишенное земных подобий и образов. Такое действие ума есть некий исход из себя, но в то же время продолжение себя, возможное до тех пор, пока Божественное присутствие не оставит человека, вследствие чего духовные возможности ослабевают, человек переживает истощение. Бернард объясняет, что всякий раз, когда человек стремится к изменению своей жизни, уклонению от греховных помыслов и деяний, происходит «в духовном обновление разума, то есть внутреннего человека» [13, с. 439], только тогда ему открывается Божественное милосердие.

Высказываемые Бернардом Клервоским идеи позволяют рассматривать проблему теодицеи в контексте дискуссии, в рамках которой выделяются две позиции: 1) позиция августинизма, опирающаяся на идею предопределения; 2) позиция, выражающаяся в критике идеи предопределения и в стремлении найти альтернативу августинизму. Исключением является позиция Гильома из Шампо, который высказывает парадоксальный для своей эпохи взгляд о том, что сущность первоприроды человека изначально предполагала способность к осмысленному пониманию добра и зла, которую он называет законом ума, благодаря чему и можно вести речь о наличии свободы воли в человеке. Из чего неминуемо следует, что нарушение божественной заповеди Адамом было результатом осознанного и добровольного выбора, но не следствием искушения, заблуждения или обмана. Кроме того, философ присваивает Богу чувство ненависти, давая определение высшему злу, которое является таковым оттого, что Он его ненавидит. Добро же есть высшая любовь Бога. Таким образом, Гильом исключает бывший незыблемым фундаментальный принцип теоцентризма – понимания Бога как абсолютного блага. Причем философ настаивает на том, что дьявола побудил совершить свое деяние «инстинкт злобы». Тогда получается, что Бог сотворил существо изначально злое. Об этом совершенно определенно идет речь в его трактате «Диалог между Христианином и Иудеем о католической вере». Данная позиция вызывает недоумение, поскольку получает свою аргументацию в трудах представителя Парижского духовенства, каковым был Гильом.

Говоря о проблеме теодицеи в средневековой философии, нельзя не остановиться на личности Франциска Ассизского, поскольку его жизнь и духовный опыт имеет прямое отношение к рассматриваемой нами проблеме. Анализируя письменные источники, повествующие о нем, его высказывания, вопрос о виновности Бога в существовании зла упраздняется. Его образ в средневековой литературе стал осуществлением идеи практического воплощения христианской этики и аксиоматики. Франциск всецело осмыслил и реализовал идеал нравственного совершенствования, запечатленный в тексте Откровения и раннехристианской литературе. Доброта есть имманентный предикат личности, обладающей поэтичным, светоносным восприятием мира, понятным его современнику и каждому, кто стремился осмыслить всю полноту поразительной любви к живому, к человеку, всякому творению, Книге Жизни. Почему все-таки мы говорим о том, что фигура Франциска является ключевой также для философской мысли Средних веков? Если бы Франциск жил в России, вероятно, его назвали бы

юродивым, потому что подлинная духовность не есть плод католицизма или православия, но образец чистой веры и абсолютной доброты, не знающих границ. Франциск Ассизский жил во времена, когда философия была предметом интереса противоборствующих монашеских орденов, когда схоласты пытаются разрешить вопрос об онтологическом статусе зла, классифицировать добродетели в жизни общества. Но именно в его эпоху получает осуществление наивысшее зло: религиозная истина становится предметом спекуляции. По сути, его образ есть последняя попытка западной мысли вернуться к евангельскому идеалу. Даже первый Устав францисканцев, не сохранившийся до настоящего времени, состоял почти полностью из евангельских цитат. Наверное, Франциск и не задавал себе вопросов о том, что есть добро и откуда появилось зло? Он сам был живым свидетельством добродетели. Для Франциска существование зла – не повод размышлять о нем. В обращении, адресованном братьям-монахам, звучит призыв «не соблазняться из-за зла, совершаемого другим» [14, с. 25]. Он говорит только о последствиях познания зла: «кто присваивает себе собственную волю и превозносит себя за то доброе, что Господь говорит и творит в нем, и так, по наущению дьявола и нарушению заповеди, это стало плодом познания зла. А за это нужно понести наказание» [14, с. 19].

Франциск продемонстрировал современникам, что человека не может унизить нищета, которая в его мировоззрении есть реально осуществимый идеал, не достижимый философствующему монашеству. Бедность, смирение, премудрость, любовь у него живые, одушевленные существа, к имени которых он всегда прибавляет «святая Госпожа бедность».

Конечно, всестороннее осмысление наследия Франциска представляется трудной задачей, поскольку его идеи растворены в религиозной литературе (гимнах, молитвословиях, проповедях). Но даже те источники, которые свидетельствуют о нем, иллюстрируют, как его вера и личный опыт являются доказательством его идеи о том, что сама добродетель упраздняет и уничтожает порок. Принцип самодовлеющего всеобъемлющего добра, радости, благоговения и деятельной любви к тому, что для человека его эпохи не заслуживало внимания, преобразуются у Франциска в реальное воплощение истины.

Подводя итог вышесказанному следует, что анализ концепций, посвященных вопросу теодицеи в эпоху схоластики, позволяет говорить о том, что стремление определить онтологический статус зла или целенаправленно доказать его отсутствие привело к тому, что добро и зло, которые в христианской традиции изначально были частью живого духовного опыта и являлись сферой этики и практически ориентированной антропологии, оказываются в области теоретического знания, предметом логики и диалектики. Данное обстоятельство стало причиной того, что тема смысла добродетели как практической реализации христианской аксиоматики заменяется вопросом осмысления зла, а проблема деятельностного добра в нравственном совершенствовании человека трансформируется в идею оправдания Бога.

Последним в эпоху Средних веков, кто свидетельствовал о добре, был Франциск Ассизский. Собственным примером он как бы призывает

философствующего монаха перенести свой мысленный взор из сферы отвлеченного знания в глубины духовного опыта. Добро есть сама жизнь в его восприятии мира и всего, что его населяет. Главная мысль, которая в самых разных интерпретациях повторяется у большинства авторов, когда-либо писавших о нем, возвращается к описанию жизни человека с подлинно евангельским пониманием действительности, человека, отказавшегося от личного во имя всеобщей проповеди благой вести среди тотального равнодушия к христианской истине, свойственной его эпохе. Существенная особенность западноевропейской средневековой мысли, погруженной в теистический контекст схоластических дискуссий на тему теодицеи, состоит в том, что философская мысль развивается в рамках преимущественно теоретических форм выражения и тем самым утрачивает связь с вопросом о добре и зле в его практических импликациях, которые образуют основу христианского вероучения.

Список литературы

1. Pasnau Robert. *Metaphysical Themes 1274-1671*. CLARENDON PRESS, OXFORD, 2011. – 812 p.
2. Беда Достопочтенный. Толкование на Послание Святого Апостола Иакова. Христианское чтение. Научно-богословский журнал. Библийские исследования. Издательство СПбПДА. 2013. №2 С. 10-53.
3. Иоанн Скот Эриугена. О божественном предопределении: Фрагмент // Знание за пределами науки: Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV веков. – М.: Республика, 1996. – 445 с.
4. Петр Дамиани. О Божественном всемогуществе. В книге: Ансельм Кентерберийский. Сочинения / Перевод, послесловие и комментарии И. В. Купреевой. – М.: Канон, 1996. – С. 356–394.
5. Гильом из Шампо. Диалог между Христианином и Иудеем о католической вере. Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / [Под. Ред. С.Неретиной; сост. С.Неретиной, Л.Бурлака]. Т. 1. – СПб. : РХГИ; Амфора. ТИД Амфора, 2008. – С. 257–293.
6. Ансельм Кентерберийский. Об истине. Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / [Под. Ред. С. Неретиной; сост. С. Неретиной, Л.Бурлака]. Т. 1. – СПб. : РХГИ; Амфора. ТИД Амфора, 2008. – С. 203-230.
7. Ансельм Кентерберийский. О падении дьявола. Ансельм Кентерберийский. Сочинения / Перевод, послесловие и комментарии И. В. Купреевой. – М.: Канон, 1996. – 400 с. – (История христианской мысли в памятниках).
8. Петр Абеляр. Этика, или Познай самого себя. Пьер Абеляр. Теологические трактаты / Составление, перевод с латыни, вводная статья, комментарии, указатели С. Неретиной. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 640 с.
9. Боэций Дакийский. О высшем благе, или О жизни философа. Боэций Дакийский. Сочинения / Сост., пер. с лат., ввод. ст. и коммент. А.В. Апполонова. Изд.2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 312 с.
10. Пьер Абеляр. Теология «Высшего Блага». Пьер Абеляр. Теологические трактаты / Составление, перевод с латыни, вводная статья, комментарии, указатели С. Неретиной. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 263-403.
11. Пьер Абеляр. Диалог между Философом, Иудеем и Христианином. Пьер Абеляр. Теологические трактаты / Составление, перевод с латыни, вводная статья, комментарии, указатели С. Неретиной. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 484-606.
12. Бернард Клервосский. О благодати и свободе воли. Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / [Под. Ред. С.Неретиной; сост. С.Неретиной, Л.Бурлака]. Т. 1. – СПб. : РХГИ; Амфора. ТИД Амфора, 2008. – С. 444-476.

13. Бернард Клервосский. Проповеди на Песнь Песней. Проповедь 52. Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / [Под. Ред. С.Неретиной; сост. С.Неретиной, Л.Бурлака]. Т. 1. – СПб. : РХГИ; Амфора. ТИД Амфора, 2008. – С. 431-443.
14. Святой Франциск Ассизский. Сочинения. Наставления, уставы, увещания. – М.: НОЧУ «Издательство Францисканцев», 2009. – 302 с.

Dyachenko O.N. On the Issue of the Ontological Status of Evil in the Era of Scholasticism // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 14–23.

The relevance of the research topic presented in the article is due to the need to address one of the most difficult problems in the medieval philosophy of theodicy. The starting point for representatives of this era is the idea of God as an absolute and all-perfect good and his creation as an explication of the fullness of His love and creative power. However, there always remained a question: where did evil come from? The problem of the origin of evil in the horizon of the theocentric worldview gets its articulation already in the patristic period, both in the West and in the East. The desire to resolve the contradiction posed by the Christian dogma, generates polygamy of a wide variety of concepts. An analysis of the sources of this period allows us to conclude that not only the representatives of the Latin patristic, but also the Greek Fathers and Teachers of the Church express some agreement in interpreting the phenomenon of evil that God uses for good. Nevertheless, all previous concepts were based on the non-substantial cause of evil in an anthropological or moral and ethical context. The article presents a complex analysis of the theodicy problem in early scholasticism. Based on the evaluation of the works of representatives of this era, it is shown that the essential feature is the authors' desire to determine the ontological status of evil. God, the truths of Revelation, the sphere of spiritual life turn out to be objects of knowledge, which leads to the final rupture of medieval thought with the fundamental principles of Christianity, within the boundaries of which it was formed and developed.

Keywords: God, good, evil, ontological status, sin.

References

1. Pasnau Robert. *Metaphysical Themes 1274-1671*. CLARENDON PRESS, OXFORD, 2011. – 812 p.
2. Beda Dostopochtennyj. Tolkovanie na Poslanie Svyatogo Apostola Iakova [Interpretation on the Epistle of St. James the Apostle]. Hristianskoe chtenie. Nauchno-bogoslovskij zhurnal. Biblejskie issledovaniya. Izdatel'stvo SPbPDA. 2013. №2 P. 10-53.
3. Ioann Skot EHriugena. O bozhestvennom predopredelenii: Fragment [About divine predestination: Fragment] // Znanie za predelami nauki: Misticizm, germetizm, astrologiya, alhimiya, magiya v intellektual'nyh traditsiyah I–XIV vekov. – M.: Respublika, 1996. – 445 p.
4. Petr Damiani. O Bozhestvennom vsemogushchestve [On the Divine omnipotence]. V knige: Ansel'm Kenterberijskij. Sochineniya / Perevod, posleslovie i kommentarii I. V. Kupreevoj. – M.: Kanon, 1996. – P. 356–394.
5. Gil'om iz SHampo. Dialog mezhdru Hristianinom i Iudeem o katolicheskoy vere [Conversation between Christian and Judea about the Catholic faith]. Antologiya srednevekovoy mysli: Teologiya i filosofiya evropejskogo Srednevekov'ya: v 2 t. / [Pod. Red. S.Neretinoj; sost. S.Neretinoj, L.Burlaka]. T. 1. – SPb. : RHGI; Amfora. TID Amfora, 2008. – P. 257–293.
6. Ansel'm Kenterberijskij. Ob istine [About Truth]. Antologiya srednevekovoy mysli: Teologiya i filosofiya evropejskogo Srednevekov'ya: v 2 t. / [Pod. Red. S. Neretinoj; sost. S. Neretinoj, L.Burlaka]. T. 1. – SPb. : RHGI; Amfora. TID Amfora, 2008. – P. 203-230.
7. Ansel'm Kenterberijskij. O padenii d'yavola [About the fall of the devil]. Ansel'm Kenterberijskij. Sochineniya / Perevod, posleslovie i kommentarii I. V. Kupreevoj. – M.: Kanon, 1996. – 400 p. – (Istoriya hristianskoj mysli v pamyatnikah).
8. Petr Abelyar. EHtika, ili Poznaj samogo sebya [Ethics, or Know yourself]. P'er Abelyar. Teologicheskie traktaty / Sostavlenie, perevod s latyni, vvodnaya stat'ya, kommentarii, ukazateli S. Neretinoj. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2010. – 640 p.

9. Boehcij Dakijskij. O vysshem blage, ili O zhizni filosofa [On the highest good, or on the life of the philosopher]. Boehcij Dakijskij. Sochineniya / Sost., per. s lat., vvod. st. i komment. A.V. Appolonova. Izd.2-e. – M.: Editorial URSS, 2010. – 312 p.
10. P'er Abelyar. Teologiya «Vysshego Blaga» [Theology of the «Higher Good»]. P'er Abelyar. Teologicheskie traktaty / Sostavlenie, perevod s latyni, vvodnaya stat'ya, kommentarii, ukazateli S. Neretinoj. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2010. – P. 263-403.
11. P'er Abelyar. Dialog mezhdru Filosofom, Iudeem i Hristianinom [Conversation Between Philosopher, Jew and Christian]. P'er Abelyar. Teologicheskie traktaty / Sostavlenie, perevod s latyni, vvodnaya stat'ya, kommentarii, ukazateli S. Neretinoj. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2010. – P. 484-606.
12. Bernard Klervosskij. O blagodati i svobode voli [About grace and free will]. Antologiya srednevekovoj mysli: Teologiya i filosofiya evropejskogo Srednevekov'ya: v 2 t. / [Pod. Red. S.Neretinoj; sost. S.Neretinoj, L.Burlaka]. T. 1. – SPb. : RHGI; Amfora. TID Amfora, 2008. – P. 444-476.
13. Bernard Klervosskij. Propovedi na Pesn' Pesnej. Propoved' 52 [Sermons on the Song of Songs. The Sermon 52]. Antologiya srednevekovoj mysli: Teologiya i filosofiya evropejskogo Srednevekov'ya: v 2 t. / [Pod. Red. S.Neretinoj; sost. S.Neretinoj, L.Burlaka]. T. 1. – SPb. : RHGI; Amfora. TID Amfora, 2008. – P. 431-443.
14. Svyatoj Francisk Assizskij. Sochineniya. Nastavleniya, ustavy, uveshchevaniya [Compositions. Manuals, charters, exhortations]. – M.: NOCHU «Izdatel'stvo Franciskancev», 2009. – 302 p.

УДК 16

ДИАГРАММНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ СУЖДЕНИЙ И РАССУЖДЕНИЙ О БИНАРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Жалдак Н.Н.

Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», г. Белгород, Российская Федерация.

E-mail: zhnn3@rambler.ru

Система логики естественного языка в ее диаграммном представлении должна охватывать не только атрибутивные, но и релятивные суждения и рассуждения. В данной статье эта проблема решается для суждений и рассуждений о бинарных отношениях. Символические обозначения отношений дополнены изображением их свойств (симметричности, рефлексивности, транзитивности), что позволяет делать выводы по свойствам отношений. Линейные диаграммы сторон отношений дополнены графами, которые обозначают наличие или отсутствие отношений. Такие диаграммы позволяют из информации, даваемой квантификаторами посылок, делать выводы о квантификаторах заключений. В статье даются диаграммные словари релятивных суждений с основными квантификаторами естественного языка («есть», «нет», «все», «не все», «только», «не только», «только все», «все, кроме»), соответствующие правила вывода и примеры диаграмм релятивных рассуждений.

Ключевые слова: релятивные суждения, релятивные рассуждения, бинарные отношения, квантификаторы естественного языка, диаграммы отношений, правила вывода.

Объект исследования – диаграммное построение логики.

Цель исследования – дополнить авторское диаграммное представление системы логики естественного языка [1; 2; 3] диаграммным методом построения рассуждений из релятивных суждений с учетом квантификаторов естественного языка.

Такое дополнение актуально ввиду следующего. Использование методов вывода из релятивных суждений на естественном языке в научном познании должно быть осознанным и теоретически обоснованным. Множество квантификаторов естественного языка, исследуемых логиками, расширяется [7; 8; 9; 10]. Этим вообще актуализируется проблема их учета при выводах из релятивных суждений. На целесообразность такого дополнения указывает и наличие логики многоместных предикатов, т.е. логики релятивных суждений. Но, во-первых, ее собственные два квантора обычно не применяются для перевода многообразных квантификаторов естественного языка. Во-вторых, она не используется как общедоступный метод анализа релятивных рассуждений [4, с. 141–143]. А. И. Уемов представил практическую логику преимущественно как метод исследования суждений об

отношениях. Но этот метод общедоступного диаграммного представления не содержит [5]. Попытка П. Н. Джонсона-Лэрда представить сложные экзистенциальные графы Пирса как ментальные модели [6] может быть и верна, но только в том, что такими моделями они были для самого Ч. Пирса, а не для широкого круга людей. Кроме того, эти графы непосредственно соответствуют символическому языку логики предикатов, а не реальной действительности и естественному языку. Включаемые в учебники для гуманитариев изложения умозаключений из суждений об отношениях не рассматривают влияние квантификаторов посылок на квантификаторы выводимых заключений [4, с. 141–143].

Задачи статьи: 1) отправляясь от данных логики предикатов, ее законов и учитывая логические средства естественного языка, обосновать выбор эффективных обозначений символического и изобразительного языков, на которых можно передавать информацию логических форм релятивных суждений и правил вывода из них, 2) показать возможность построения диаграммных словарей форм релятивных суждений с квантификаторами естественного языка, 3) показать возможность диаграммных умозаключений из таких форм суждений по установленным правилам вывода.

Релятивные суждения таковы, что наименование одной из сторон может рассматриваться как логическое подлежащее, а наименование отношения и другой его стороны – как логическое сказуемое, поэтому они могут участвовать в рассуждениях как атрибутивные.

При этом не используется возможность делать выводы, основанные на знании о свойствах отношения. Но, если такое суждение рассматривается как атрибутивное, то наименование стороны отношения, которая принята за субъект суждения, обычно заменяет не предметная переменная, а обозначение одноместного предиката.

К тому же, если логические формы суждений о свойствах записываются на языке логики одноместных предикатов с одной предметной переменной, то эта переменная вообще теряет информативность. Это позволяет делать символическую запись на более коротком символическом языке без аналога предметной переменной.

Предметным переменным не придается одно определенное значение. В одних случаях разными предметными переменными обозначают разные подмножества в универсуме и разделяют их на диаграммах линией Жергонна [11, с. 157]. По С. К. Клини любая предметная переменная может представляться как «окошечко» для одного элемента, которое пробегает по *всему* универсуму [12, с. 75].

В записи же логических форм релятивных суждений на языке логики предикатов, предметными переменными обозначают именно множества элементов, которые находятся в отношениях. Но при этом теряются те собственные предикаты множеств элементов, которые находятся в этом отношении.

Различается и использование квантификаторов в логике предикатов и в естественном языке. В логике предикатов кванторы относят непосредственно к предметным переменным. В естественном же языке в любом случае кванторные

слова относятся непосредственно к наименованиям предметов, которые обладают свойствами или находятся в отношениях.

Поэтому далее в записи релятивных суждений стороны отношений обозначаются не как предметные переменные, а символами $(A, B, C, \dots)$, кванторные слова непосредственно относятся к этим символам, а отношение с любыми свойствами обозначается $R \rightarrow$, где $\rightarrow$ означает его направленность.

Для изображения свойств отношений используем стрелки, которые без пробела примыкают к букве R . Отношения запишутся следующим образом:

симметричное – $(A \leftarrow R \rightarrow B)$;

рефлексивное – $A R \longleftrightarrow B$;

транзитивное – $(A R \rightarrow \rightarrow B)$.

Сложное симметрично-рефлексивно-транзитивное отношение, например, запишется так: $(A \leftarrow R \longleftrightarrow \rightarrow B)$.

Правило непосредственного умозаключения по свойству симметричности отношения имеет вид: $(A \leftarrow R \rightarrow B) \leftrightarrow (B \leftarrow R \rightarrow A)$;

Правило непосредственного умозаключения по свойству рефлексивности отношения: $(A R \longleftrightarrow B) \leftrightarrow (A R \longleftrightarrow A) \wedge (B R \longleftrightarrow B)$.

Правило опосредованного вывода по свойству транзитивности отношения: $((A R \rightarrow \rightarrow B) \wedge (B R \rightarrow \rightarrow C)) \rightarrow (A R \rightarrow \rightarrow C)$.

Правило непосредственного вывода о свойствах отношения:

1) если отношение обладает некоторым свойством, то оно обладает этим свойством;

2) если отношение обладает сочетанием свойств, то оно обладает каждым из этих свойств или любым сочетанием этих свойств.

Например: $(A \leftarrow R \longleftrightarrow \rightarrow B) \rightarrow (A \leftarrow R \longleftrightarrow B)$.

Правило вывода непосредственного умозаключения из релятивных посылок, по которому определяются квантификаторы в заключении: квантификаторами в заключении могут быть указаны только те, элементы A, B которые состоят в данном отношении согласно квантификаторам посылки. То, что говорится обо всех, то говорится и о некоторых (неких). Если все $A R$ все B , то некий(е) $A R$ некий(е) B .

В записи формулой для двухместных предикатов первый квантор непосредственно относится не к знаку отношения, а ко второму квантору, и только через второй квантор к предикату отношения R . Например:

$$\neg \exists x \exists y Rxy \equiv \forall x \neg \exists y Rxy \equiv \forall x \forall y \neg Rxy,$$

а не

$$\neg \exists x R \exists y \equiv \forall x \neg R \exists y$$

Но последовательность слов в предложении на естественном языке должно интуитивно пониматься без искусственных преобразований.

Часть кванторных слов, употребляемых в суждении об отношении, при их употреблении в атрибутивных суждениях, несут информацию и о существовании, и о несуществовании. Если такое суждение об отношении используется как посылка атрибутивного рассуждения, то при выводе, из этих кванторных слов может извлекаться вся информация, передаваемая ими в атрибутивных суждениях.

Например, если суждение «Не все $A \rightarrow$ квантор B » берется как атрибутивное, и часть « $R \rightarrow$ квантор B » рассматривается как один предикат, то «Не все $A \rightarrow$ квантор B » $\equiv$ «Есть A , которые $R \rightarrow$ квантор B » и «Есть A , которые не- $(R \rightarrow$ квантор $B)$ ».

Тогда мы получаем: не- $(R \rightarrow$ квантор $B)$ = (не- $R \rightarrow$ квантор B), $(R \rightarrow$ не-квантор $B)$ или $(R \rightarrow$ квантор не- $B)$. Здесь отрицание адресуется весьма неопределенно. Учитывая эту неопределенность, если в логическое содержание релятивного суждения квантификатор включает суждение с отрицанием типа «не- $(R \rightarrow$ квантор $B)$ », то при выводе по свойствам отношения это включаемое суждение с таким отрицанием должно игнорироваться. Будем считать, что только информация о наличии отношения полезна для вывода по его свойствам. Истинным основанием для вывода по его свойствам может быть только то, что существует.

Не исключено, что при таком подходе теряется какая-то информация, но выводы по свойствам отношений из этой информации делать нельзя. Важно не только сохранять информацию, но и гарантировать ее надежность, истинность. То, какая именно информация об отношении и его сторонах при этом теряется и насколько это оправдано или необходимо, предстоит исследовать.

Чтобы определять квантификаторы в релятивных заключениях автор предлагает представлять значения квантификаторов посылок линейными с графами диаграммами отношений (ЛГДО). Для того, чтобы анализировать рассуждения, чтобы проверять и строить умозаключения на естественном языке и при этом служить для человека осознанными умозрительными (ментальными) моделями, альтернативные методы диаграммного представления значений суждений об отношениях не эффективны.

Известно, что значения суждений об отношениях представляются матрицами истинности. По-видимому, эти изображения значений суждений об отношениях являлись самыми понятными из альтернативных. Покажем, во-первых, возможность полного перевода с языка матриц истинности на язык упрощенных ЛГДО, во-вторых, большую эффективность языка ЛГДО для анализа рассуждений на естественном языке.

Полнота перевода означает, что для любой матрицы истинности есть равнозначная упрощенная ЛГДО.

В матрице истинности с одним элементом в универсуме действует тождество: $\forall x \forall y \ Rxy \equiv \exists x \exists y \ Rxy$. Поэтому она не годится, чтобы различать кванторы существования и всеобщности и другие квантификаторы.

Минимальные и самые экономичные модели, в которых вполне различаются значения кванторов всеобщности и существования – это модели для двух элементов в предметной области (в универсуме). На таких моделях любая из формул законов логики предикатов со связанными переменными не равнозначна любой другой.

Не исключено, что на них равнозначны более сложные формулы, которые в свою очередь будут неравнозначны для моделей с тремя элементами в универсуме. Но большинство релятивных умозаключений на естественном языке настолько просты, что для них достаточно двух элементов в универсуме модели. Каждой из матриц истинности и соответствующим ей формулам логики предикатов

соответствует равнозначная упрощенная ЛГДО. Это показано на примерах на рисунке 1. На такой ЛГДО, точками 1, 2 представлены два элемента в универсуме каждой стороны отношения x и y . Любая точка x может соединяться с любой точкой y графом, который обозначает отношение $R \rightarrow$. Каждой клетке на матрице истинности, соответствует наличие или отсутствие графа между точками, которые имеют такие же наименования, как и в матрице. Граф равнозначен знаку 1 («истина») и означает наличие отношения, отсутствие графа равнозначно знаку 0 («ложь») и здесь означает отсутствие отношения. Для полного перевода на язык логики предикатов диаграмма читается по максимуму информации, а не обязательно сверху вниз.

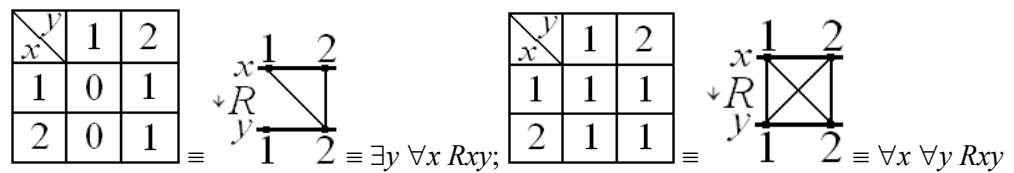

Рис. 1.

Такой же равнозначный матрице истинности фрагмент упрощенной ЛГДО можно привести для трех элементов в универсуме (см. рисунок 2), и в принципе для любого другого количества этих элементов.

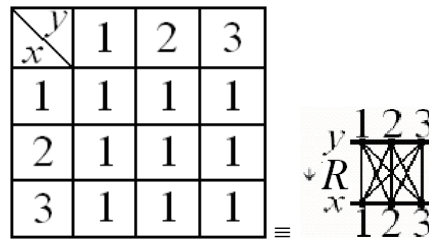

Рис. 2

В классической логике предикатов (КЛП) приняты такие условные значения логических средств естественного языка, которые для него неприемлемы. Эти условные значения искажают понимание квантификаторов естественного языка, а это ведет к парадоксам или просто к потере информации.

Например, закон перестановки кванторов: $\exists x \forall y Rxy \rightarrow \forall y \exists x Rxy$.

На матрицах и упрощенных ЛГДО значение этой формулы можно проиллюстрировать примерами: См. рисунок 3.

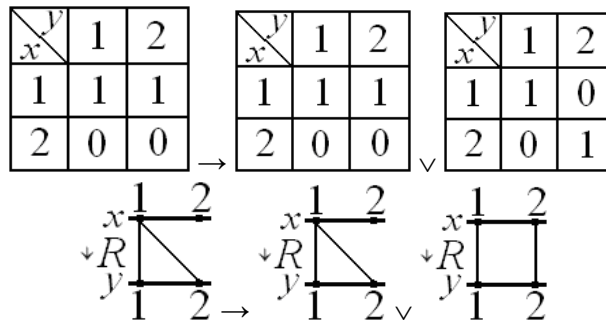

Рис. 3 показывает, что при перестановке кванторов с переменными в КЛП теряется информация. По формуле перестановки кванторов информация о наличии «хотя бы одного» элемента x , который находится в отношении ко всем элементам y , зависит от места переменной с квантором в формуле. Естественному языку это не соответствует. В нем «Некий $x \rightarrow$ все y » $\equiv$ «Ко всем $y \leftarrow R$ некий x ». А в фразе прочтения формулы перестановки кванторов одно выражение «существует хотя бы один x » для $\exists x \forall y Rxy$ означает наличие одного x , общего для всех y , а для $\forall y \exists x Rxy$ подразумевает наличие по одному не общему или общему x на каждый из y , а устранение этой неоднозначности контекстом самого прочтения какими-то правилами не предусматривается.

Прочтения со словами «существуют x » или «для некоторых x » еще больше не соответствуют значению формулы $\exists x \forall y Rxy$. Например, матрица истинности на рис. 4 соответствует таким прочтениям, но не самой формуле.

$x \backslash y$	1	2	3
1	0	0	0
2	0	0	1
3	1	1	0

Рис. 4

Здесь есть x (2 и 3), для которых все y по отдельности или вместе взятые таковы, что Rxy . Двухзначность создана окончанием множественного числа. Нужная информация о значениях формул $\exists x \forall y Rxy$ и $\forall y \exists x Rxy$ такими словами не передается. То есть их значения различаются не прочтениями на естественном языке, а определением этих формул разными матрицами истинности. Такого рода отсутствие учета точных значений логических средств естественного языка в КЛП показывает, что сама по себе она как метод анализа релятивных рассуждений недостаточна. Формулы же законов КЛП для существующих отношений, подтверждаемые матрицами истинности и упрощенными ЛГДО, подтверждаются также и полными ЛГДО, так как обозначения цельными графами существующих отношений ведут себя на тех и других ЛГДО одинаково.

Показанный выше на примерах (см. рис. 1–4) перевод с языка матриц истинности КЛП на язык упрощенных ЛГДО показывает, что в некоторых пределах язык упрощенных ЛГДО не уступает языку матриц истинности по выразительным возможностям. Однако оба эти языка не достаточны для анализа релятивных рассуждений на естественном языке. Для такого анализа с учетом всех квантификаторов естественного языка надо обогащать язык ЛГДО, приводить его в соответствие с естественным языком.

Однако, в частности, чтобы учитывать в качестве квантификаторов различия окончаний единственного и множественного числа, приходится заметно усложнять диаграммный словарь. Это видно в диаграммных словарях для детей, построенных автором [1, 137–144]. Поэтому, и ввиду распространенности такого безразличия, ниже предлагаю фрагмент словаря релятивных суждений, в котором окончания единственного и множественного числа в основном не различаются. Доработка такого словаря с последовательным учетом этих окончаний выходит за пределы этой статьи.

Оптимальны минимальные достаточные модели. Если модели с двумя различаемыми элементами в универсуме достаточны, то они и оптимальны как наиболее экономичные. Но на таких моделях бывают не различаемыми по значениям такие предложения, которые различаются в моделях с числом элементов в универсуме ≥ 3 .

Например, предложению «Некий x R все y » соответствуют матрица и диаграмма А на рисунке 5. Предложению же «Некие x R все y » на рис. 5 соответствуют матрица и диаграмма Б при двух элементах в универсуме с минимумом соответствующих x , а также матрица и диаграмма В при трех элементах в универсуме с минимумом соответствующих x .

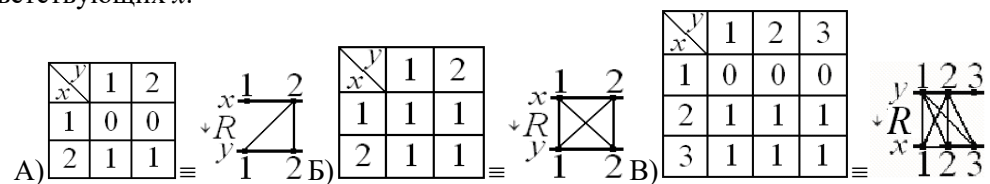

Рис. 5

Видно, что при универсуме только с двумя элементами предложение «Некие x R все y » не отличается по значению от предложения «Все x R все y ». Это означает, что для проверки и построения релятивных умозаключений двух различаемых элементов в универсумах моделей недостаточно и необходимо принять некоторые дополнительные условия и обозначения. Необходимо допущение третьего промежуточного различаемого элемента в универсуме в тех случаях, в которых говорится как минимум о двух элементах, но не обо всех.

Существует нижняя граница меры того числа элементов, различаемых в универсуме модели, которое позволяет различать конкретные сочетания квантификаторов, используемые в предложениях на естественном языке. Возможно, для каких-то сочетаний на ЛГДО потребуется аналогично ввести и четвертый элемент.

Окончания единственного и множественного числа как квантификаторы в КПЛ не различаются, чтобы различать формулы законов КПЛ, достаточно моделей с двумя элементами.

Преимущества ЛГДО перед матрицами истинности следующие.

1. На ЛГДО можно просто добавлять элементы, которые различаются во всём обсуждаемом, до числа, которое необходимо, чтобы не терять различие между квантификаторами естественного языка. Притом, если надо, то можно на уже выполненной диаграмме отмечать дополнительные контактные точки-элементы, а не чертить новую диаграмму (см. пример выше). В аналогичном случае необходимо строить новую матрицу истинности. Вместе с тем диаграмму с графами из обеих крайних точек на участке x можно понимать так, что, согласно ей, охвачено любое количество всех x , а не только 2.

2. Чтобы ЛГДО соответствовали естественному языку, стороны отношений обозначаются не предметными переменными, которые понимаются неоднозначно, а обозначениями множеств элементов, как на диаграммах атрибутивных суждений, в силлогистиках и в соответствующем фрагменте логики одноместных предикатов.

3. Соответственно на любой ЛГДО изображаются дополнения к этим множествам элементов, которые находятся в отношении. Это необходимо, так как согласно некоторым квантификаторам естественного языка в отношении бывают и элементы множества, и элементы дополнения к нему. Например, предложение «Не только студенты посещают занятия» означает, что и не студенты посещают занятия. На ЛГДО это может быть показано, а на матрице истинности, указанного типа нет.

4. Чтобы соответствовать естественному языку неупрощенные ЛГДО не ограничиваются значениями «истина», «ложь». На них обозначаются существование, несуществование и неопределенность отношения.

Такие ЛГДО как модели пригодны для того, чтобы делать из релятивных суждений непосредственные умозаключения, а также опосредствованные умозаключения из посылок о транзитивных отношениях.

Язык ЛГДС включает следующие обозначения.

В исходной (досвязочной) части такой ЛГДС (см. рис. 6 А) для каждой из двух сторон отношения есть самостоятельная досвязочная часть линейной диаграммы. В этой части один столбец выделен линией, другой – пробелом, и универсум с наружной стороны пробела ограничен вертикальным штрихом. Возле двух краев, но с заметным отступом от краев каждого столбца такой досвязочной части, на рисунке 6 отмечены, а в дальнейшем воображаются, две отдельные точки (вершины графа), расположенные на каждом отрезке линии и каждом пробеле. В этих точках мыслятся крайние элементы, которые могут быть связаны отношением. В каждой такой точке может осуществляться связь (контакт) рёбер, т. е. отрезков, которые сходятся в этой точке. Линии A , B , C ребрами графа не служат. Целое ребро графа на ЛГДО означает, что отношение R между данными элементами A (не- A) и B (не- B) существует, а разорванное ребро означает, что отношения R между указанными этим графом элементами не существует (См. рис. 6 Б). Отсутствие между точками (вершинами) цельного или разорванного ребра означает, что наличие или отсутствие данного отношения между соответствующими элементами не

определено. Знак «+» означает непустоту, а знак «-» означает пустоту множества A (не- A) или B (не- B), как на диаграммах атрибутивных суждений. Эти знаки можно не употреблять без необходимости, так как основным обозначением непустоты множества служит наличие графа с цельным ребром из точки в изображении этого множества (если существует отношение, то существуют и его стороны), а для пустого множества нет отношений с их свойствами.

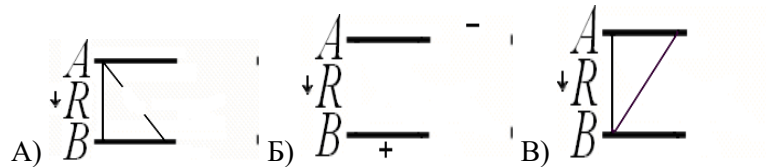

Рис. 6

Если оба элемента A , обозначенных точками на краях линии A , связаны ребрами с одним элементом B , то это означает, что все элементы A находятся в отношении хотя бы с одним B и т.д. (см. рис. 6 B).

Суждения со сложными экзистенциальными квантификаторами могут быть трудны для интуитивного понимания. Необходимо разложение таких суждений на простейшие экзистенциальные релятивные суждения с простейшими кванторами. То, на какие простые экзистенциальные квантификаторы разлагается любой сложный экзистенциальный квантификатор при тех же терминах, уже определено в диаграммных словарях атрибутивных суждений [1, с. 252–263; 2, с. 168–163].

Разложение суждения по сложному квантификатору первой стороны отношения осуществляется так, как если бы это было атрибутивное суждение, в котором субъект – наименование первой стороны отношения.

Например: Не только $A R \rightarrow$ только $B \equiv$ «Есть A , который $R \rightarrow$ только B » и «Есть не- A , который $R \rightarrow$ только B ».

Следующий шаг – разложение суждения по сложному квантификатору второй стороны отношения. Для этого в форме релятивного суждения «Квантор $A R \rightarrow$ квантор B » подчеркнутая часть « $R \rightarrow$ квантор B » читается как «квантор $B R$ », где B – субъект, а R – предикат. (Аналогичная перестановка в формулах КЛП, например, $\exists x \exists y Rxy$.) В последнем примере: только $B R \equiv$ есть $B R$ и нет не- $B R$. Соответственно, «Есть A , который $R \rightarrow$ только B » $\equiv$ «Есть A , есть его $R \rightarrow$ к B , но нет его $R \rightarrow$ к не- B »

Примеры статей диаграммного словаря логических форм релятивных суждений см. на рисунке 7. В них R – отношение с любыми свойствами. Свойства могут дополнительно указываться стрелками как в форме суждения, так и на диаграмме. Графы ориентированы, т.е. направлены сверху вниз. Эта ориентированность отмечена стрелочкой перед R .)

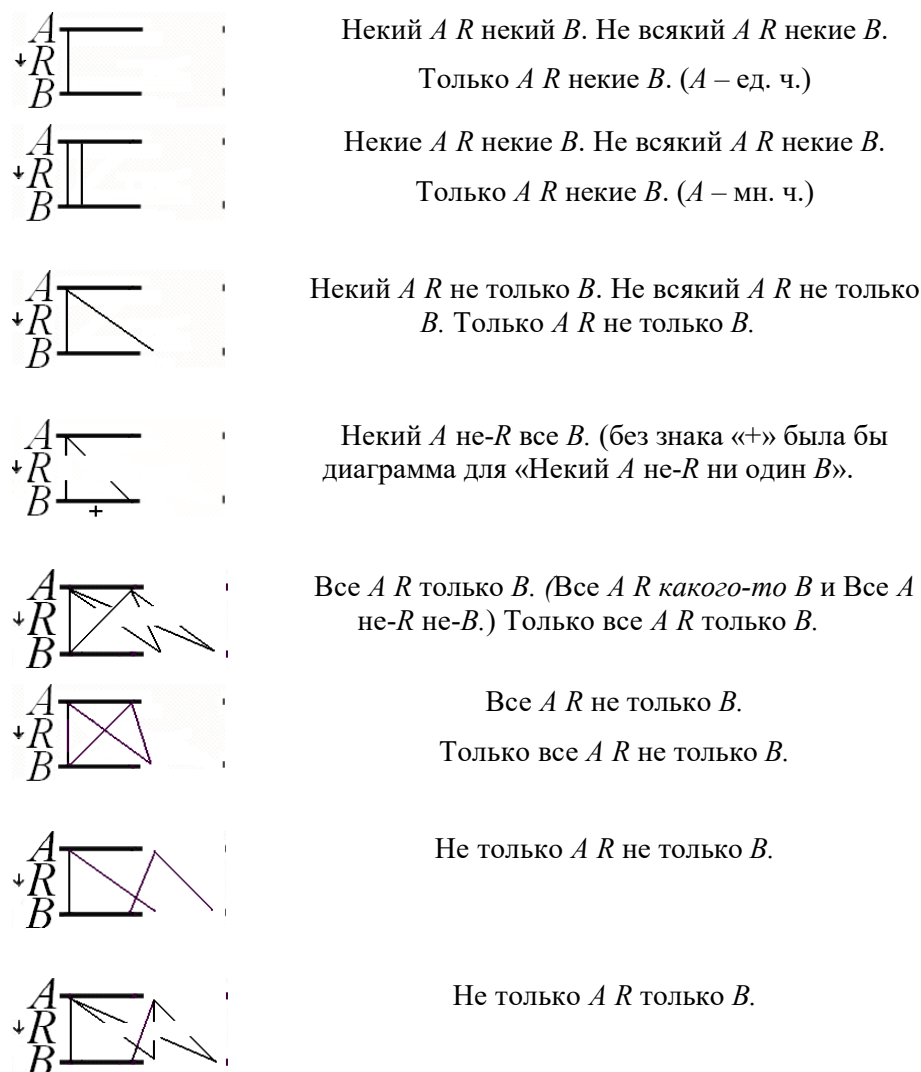

Рис. 7

Совмещенная диаграмма посылок умозаключения о транзитивном отношении строится соединением подходящих диаграмм двух посылок с соответствующей заменой букв (A, B на B, C). При этом отбрасываются все обозначения несуществования отношения и соблюдается правило поиска контрпримера.

Правило поиска контрпримера: на совмещенной диаграмме посылок следует выбирать такое положение целых рёбер графов, которое соответствует посылкам, но при котором отношение $R \rightarrow \rightarrow$ между A (не- A) и C (не- C) опосредовалось как можно меньшим числом элементов B (не- B). Если таких элементов B (не- B) может не быть, то правильное заключение по транзитивности отношения из данных посылок не следует (см. рис. 9).

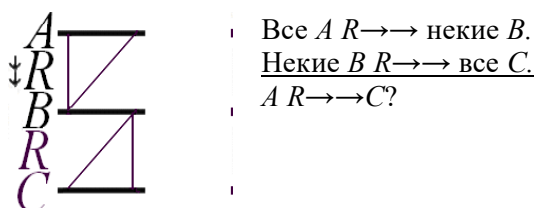

Рис. 9

Примеры правильных релятивных умозаключений по свойству транзитивности отношения:

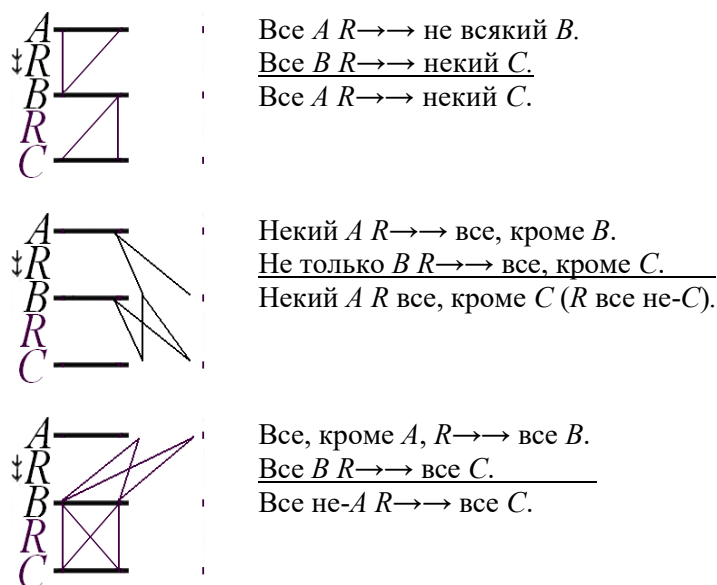

Рис. 10

Любая такого рода диаграмма дает образное представление значения объединения посылок в релятивном умозаключении по транзитивности отношения. Такое образное представление может быть построено и в воображении, т.е. быть «ментальной моделью». Вместе с тем здесь эти диаграммы имеют узкое назначение обеспечения выводов по свойствам отношений и рассматриваются, по крайней мере пока, отдельно от линейно-табличных диаграмм существования.

Выводы: язык ЛГДО эффективен для диаграммных словарей форм релятивных суждений с квантификаторами естественного языка и для диаграммных умозаключений из этих суждений по установленным правилам вывода.

Список литературы

1. Жалдак Н. Н. Образная практическая логика / Н. Н. Жалдак. – М.: Московский философский фонд, 2002. – 408 с.
2. Жалдак Н. Н. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки / Н. Н. Жалдак. – Белгород : ЛитКараВан, 2008. – 264 с.
3. Жалдак Н. Н. Изобразительная практическая логика естественного языка науки : монография / Изд-е 2-е, испр. и доп. / Н. Н. Жалдак. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 100 с.
4. Кирилов В. И. Логика: Учеб. для юрид. фак. и ин-тов / В. И. Кирилов, А. А. Старченко. – М.: Юрист, 1995. – 256 с.
5. Уемов А. И. Основы практической логики с задачами и упражнениями / А. И. Уемов. – Одесса: Одесский гос. ун-тет им. И. И. Мечникова, филос. отд-ние ИСН, 1997. – 388 с.
6. Johnson-Laird P. N. Peirce, logic diagrams, and the elementary operations of reasoning / P.N. Johnson-Laird // *Thinking and reasoning*. – 2002. – 8(1). – С. 69–95.
7. Barwise J. Generalized Quantifiers and Natural Language / J. Barwise, R. Cooper // *Linguistics and Philosophy*. – 1981. – V. 4. – №. 2. – P. 159–219
8. Johnson-Laird P. N. Only reasoning / P. N. Johnson-Laird, R. M. J. Byrne // *Journal of Memory and Language*. – 1989. – V. 28. – №. 3. – P. 313–330.
9. Pereira-Fariña M. A fuzzy syllogistic reasoning schema for generalized quantifiers / M. Pereira-Fariña, Juan C. Vidal, F. Diaz-Hermida, A. Bugarin // *Fuzzy Sets and Systems*. – 2014. – V. 234. – P. 79–96.
10. Жалдак Н. Н. Кванторные слова в логике естественного языка / Н. Н. Жалдак // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. – Том 3 (69). – 2017. – № 1. – С. 117–125.
11. Кузичев А. С. Диаграммы Венна / А. С. Кузичев. – М.: Наука, 1968. – 252 с.
12. Kleene S.C. *Mathematical logic* / Mineola, New York : Dover Publication Inc. – 2002. – 412 p.

Zhaldak N.N. Diagram Representation of Meanings of Logical Forms of Judgments and Reasonings about Binary Relations // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 24–36.

The system of natural language logic in its diagram representation should cover not only attributive, but also relational judgments and reasonings. In this article, this problem is solved for judgments and reasonings about binary relations. The addition of symbolic notations of relations by depicting their properties (symmetry, reflexivity, transitivity) allows to draw conclusions on the properties of relations. Linear diagrams of the parties to the relationship are complemented by graphs that designate the existing or not existing of a relationship. Such diagrams allow one to draw conclusions about quantifiers of conclusions from the information given by the premises quantifiers. Diagram dictionaries of relational judgments with basic quantifiers of natural language (“there is (are)”, “there is (are) no”, “all”, “not all”, “only”, “not only”, “only all”, “all, except”) and the corresponding inference rules and the examples of relational reasoning diagrams are given in the article.

Keywords: relational judgments, relational reasoning, binary relations, quantifiers of natural language, diagrams of relations, inference rules.

References

1. Zhaldak N.N. Obraznaya prakticheskaya logika [Image-bearing practical logic], Moscow, Moscow philosophical fund, 2002, 408 p.
2. Zhaldak N.N. Izobrazitel'nyy logiko-semanticheskiy analiz estestvennogo yazyka nauki [Representational Logical and Semantic Analysis of the Natural Language of Science], Belgorod, LitKaraVan Publ., 2008, 264 p.
3. Zhaldak N. N. Izobrazitel'naya prakticheskaya logika estestvennogo yazyka nauki [Representational Practical Logic of the Natural Language of Science], Belgorod, Belgorod Publ., 2014, 100 p.
4. Kirilov V. I., Starchenko A. A. Logika [Logic], Moscow, Yurist Publ., 1995, 256 p.
5. Uemov A. I. Osnovy prakticheskoi logiki s zadachami i uprazhneniyami [Bases of practical logic with tasks and exercises]. Odessa, Odesskii gosudarstvennyi universitet im. I. I. Mechnikova, filosofskoe otdelenie [Odessa, State I. I. Mechnikov University, philosophy], ISN, 1997, 388 p.
6. Johnson-Laird P. N. Peirce, logic diagrams, and the elementary operations of reasoning // Thinking and reasoning, 2002, 8(1), p. 69–95.
7. Barwise J. Generalized Quantifiers and Natural Language / J. Barwise, R. Cooper // Linguistics and Philosophy, 1981, V. 4, №. 2, p. 159–219
8. Johnson-Laird P. N. Only reasoning / P. N. Johnson-Laird, R. M. J. Byrne // Journal of Memory and Language, 1989, V. 28, №. 3, p. 313–330.
9. Pereira-Fariña M. A fuzzy syllogistic reasoning schema for generalized quantifiers / M. Pereira-Fariña, Juan C. Vidal, F. Diaz-Hermida, A. Bugarin // Fuzzy Sets and Systems, 2014, V. 234, p. 79–96.
10. Zhaldak N. N. Kvantornyye slova v logike estestvennogo yazyka / N. N. Zhaldak // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. [Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology], V. 3 (69), 2017, № 1, p. 117–125.
11. Kuzichev A. S. Diagrammy Venna [Venn Diagramms], Moscow, Nauka Publ., 1968, 252 p.
12. Kleene S.C. Mathematical logic / Mineola, New York, Dover Publication Inc., 2002, 412 p.

УДК: 141.7

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мельник А.В.

Уральский государственный горный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: melnikalex@list.ru

В статье рассматривается технология сетевого конструирования социальной реальности в условиях информационной глобализации. Организация сетевой коммуникации служит предпосылкой функционирования сетевых сообществ, которые обладают открытостью, горизонтальной морфологией, самоорганизацией и динамизмом. Возобновляемость сетевых коммуникаций создает условие устойчивого функционирования сетевых сообществ. Коммуникативная практика, нацеленная на производство знания и создания картины мира, выражается в понятии «дискурса». В традиции конструктивизма дискурс есть коммуникативное действие по формированию социокультурной реальности, которая является принципиально незавершенной. Отмечается, что с позиции теории социального конструктивизма образ социальной реальности является конвенциональным конструктом, влияющим на поведение и идентификацию его сторонников. В своем эпистемологическом измерении конструктивизм подчеркивает активность познающего субъекта, в сознании которого реальность не отражается, но постоянно конструируется, воссоздается. Конструктивистское восприятие мира представляет собой способ его интерпретации, что само по себе указывает на важность личностного измерения в процессах объективации социальных интеракций.

Важным для стабильного функционирования сообщества является сохранение его самоидентификации, основанной на поддержании базовой идеи его существования. Её смена ведет к созданию нового сообщества, с установлением новых коммуникационных взаимосвязей. Социальная технология конструирования сообщества начинается с инициативы по утверждению базовой идеи сообщества, затем следует этап проектирования, в дальнейшем наступает этап институализации.

Ключевые слова: конструктивизм, коммуникация, глобальные сети, сетевое сообщество, информационно-коммуникационные технологии.

Стремительное распространение сетевых технологий в современном мире ведет к усилению информационной глобализации. Она представляет собой всемирный процесс информационного объединения различных регионов мира и сфер жизни общества. Развитие сетевых технологий обеспечивает формирование единого информационного пространства, в которое активно переносится деятельность человека. Виртуализация общества подразумевает программное отображение взаимосвязей, выстраиваемых в сети между действующими субъектами. Нарастание процесса сетевой глобализации ускоряет соответствующие структурирование мироустройства.

Глобальное распространение сетевых сообществ в информационную эпоху ставит вопрос об их роли в процессе конструирования социальной реальности, а также предполагает обнаружение стратегий целеполагания. В соответствии с этим в данном исследовании необходимо решить следующие задачи: используя методологию конструктивизма, провести анализ факторов, обеспечивших формирование глобального сетевого общества; рассмотреть сетевую коммуникацию в качестве такой практики, которая порождает виртуализованную социальную реальность; определить концептуальные основания глобализации коммуникативных практик.

Данное исследование реализуется в рамках парадигмы конструктивизма. Она включает в себя совокупность теорий, разрабатываемых в рамках философии, психологии, социологии, биологии. Общей идеей теорий конструктивистской направленности является утверждение о принципиальной конструируемости реальности. К числу подобных теорий можно отнести генетическую эпистемологию Ж. Пиаже [1], личностный конструктивизм Дж. Келли [2], коммуникационный конструктивизм П. Ватцлавика [3], теорию социальных систем Н. Лумана [4], теорию автопоэтических структур У. Матураны и Ф. Варелы [5] и др. В связи с заявленной темой работы особое внимание привлекает к себе тот пласт теорий, которые касаются проблемы социального конструирования реальности. В этом случае обосновано обращение к трудам П. Бергера [6], П. Бурдьё [7], Н. Лумана [4], С. Н. Плотниковой [8], Ю. В. Смирнова [9], А. М. Улановского [10].

В качестве ведущего методологического инструментария, определяющего единство исследования, используется теория феноменологической социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, которые заложили концептуальные основы социального конструктивизма. Именно эта концепция, по нашему мнению, позволяет оптимальным образом взглянуть на роль сетевой коммуникации в стратегиях конструирования социальных систем в информационную эпоху. Ученые признают исключительную роль дискурсивных практик в конструировании образов себя и мира, осуществляемое благодаря установлению социальных интеракций. «Общие объективации повседневной жизни поддерживаются главным образом с помощью лингвистических обозначений. Кроме того, повседневная жизнь – это жизнь, которую я разделяю с другими посредством языка. Понимание языка существенно для понимания реальности повседневной жизни» [6, с. 27]. Социология знания обращается к феномену повседневной жизни как тому, что хранит в себе множество значений, без которых общество не может существовать. В традиции феноменологии, которую представляют П. Бергер и Т. Лукман, повседневная жизнь определяется через жизнь сознания, состоящей из множества реальностей, где высшей реальностью является повседневность. Она же конструируется «порядком объектов, которые были обозначены как объекты до моего появления на сцене» [6, с. 41]. Через повседневный язык происходит объективация области сознания, отвечающей за сохранение и трансляцию повседневных значений. Повседневная реальность является для сознания источником первичных значений, которые участвуют в смыслообразовании.

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману фундаментом социальной реальности оказывается система языка. Благодаря практическому применению языка в социальной коммуникации осуществляется объективация субъективных устремлений её участников. Тем самым происходит оформление языковой картины мира, обретающей объективный характер. В дальнейшем, сформированная картина мира, интериоризируется в сознание людей, что способствует их социализации. В этом плане коммуникативные практики выступают не только способом сближения людей, но также становятся универсальным инструментом порождения, накопления и передачи социального знания. «...язык реализует мир в двояком смысле слова: он его постигает и он его производит. Общение представляет собой актуализацию этой эффективности языка в ситуациях лицом-к-лицу индивидуального существования. Иными словами, люди постоянно производят свой социальный мир не только благодаря своим действиям, но и благодаря языку; сама «проговоренность» делает реальность, поскольку то, что не проговаривалось, не существует» [6, с. 104].

Процесс становления социальной реальности наиболее целостно можно описать, обращаясь к выявлению механизма её конструирования. В концепции социального конструирования присутствует тезис о том, что отмеченный процесс протекает в четыре этапа: (1) хабиитуализация (от англ. *habitual* – опривычивание), (2) типизация, (3) институализация, (4) легитимация.

1. Феномен хабиитуализации представлений раскрывается через понятие «габитус», которое было одним из центральных понятий в рамках структуралистского конструктивизма П. Бурдьё. По мнению ученого, габитус есть «система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации...» [7, с. 65]. Габитус является результатом присвоения индивидом образцов социальных отношений, ставших впоследствии его собственными паттернами, шаблонами восприятия и поведения. Они же, в свою очередь, становятся условием функционирования социальных институтов. В диалектике субъективных и объективных значений, формирующих социальные структуры, возникает эффект перевода отдельных взглядов на мир в статус привычных для общества.

2. За хабиитуализацией следует этап типизации процесса построения социальной реальности. Типизация есть ни что иное как классификация объектов по их типам. Н. М. Смирнова пишет, что типизация – это «идентификация с тем, что уже было, срывание покровов новизны и узнавание тождественности феномена с тем типом, к которому он «приписан» [11, с. 121]. Общество можно представить в виде взаимосвязанных типизаций, которые характеризуют устойчивые повторяющиеся социальные структуры.

3. Институализация есть процесс формализации социальных отношений в организованные саморегулируемые структуры, имеющие нормы и правила своего функционирования.

4. В процессе легитимации происходит установление законности сформированных социальных институтов.

Технология социального конструирования институциональных структур, представленная указанными этапами, обретает действенность благодаря наличию устойчивых коммуникаций.

Общество представляет собой систему связей и отношений, устанавливаемых между людьми в процессе коммуникации. Обусловленность социальных связей возможностью вступать в коммуникацию подчеркивает её фундаментальную роль в стратегиях формирования общностей. Речь идет о том, что поскольку сама общественная жизнь строится на основе совместной деятельности людей, которая, в свою очередь, невозможна без коммуникации, то становится правомерным говорить о коммуникативной природе общества.

Отечественный ученый Д.В. Иванов, понимая под коммуникацией операцию трансляции сообщения, отмечает, что: «...в современном нам обществе, именно эта операция трансляции – определяющее, доминирующее звено в триаде сообщение-коммуникация-интерпретация» [12, с. 359]. В этом случае изменения в коммуникациях отражаются в самой архитектуре общества. В частности, закономерным следствием распространения новых способов трансляции сообщений оказывается процесс обновления самих социальных связей. В настоящее время подобное переформатирование общества идет активными темпами, которые обусловлены широким внедрением глобальных сетевых коммуникаций.

Сетевое общество – это социальная система, в которой коммуникационным ядром являются сети, распределяющие основные потоки информации. Стремительное развитие и конвергенция информационно-коммуникационных технологий послужили условием для формирования сетевых структур, где основным предметом манипуляции становится информация. Социальная жизнь ускоренным образом организуется вокруг сетевой матрицы, которая утверждает сетевую форму и логику процессов. Сеть выступает в виде открытого множества взаимосвязанных между собой узлов. Как отмечает испанский ученый М. Кастельс, разработавший концепцию общества сетевых структур, сеть предполагает комплекс взаимосвязанных узлов, имеющих возможность безграничного расширения на основе единства коммуникационных кодов. «Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи)» [13, с. 495]. В состав тех или иных типов сетей входят соответствующие им узлы. Например, «сеть глобальных финансовых потоков» образована такими узлами, как рынки ценных бумаг и обслуживающие их центры; глобальные научно-образовательные сети сформированы связью между академиями, университетами, учреждениями культуры; глобальную сеть средств массовой информации составляют телевизионные каналы, студии, журналистские бригады. Подобные сети встроены в единую глобальную метасеть Интернет.

Социальные отношения, выстраиваемые в сетевом пространстве, реализуются на следующих уровнях: внутрисетевом, межсетевом и метасетевом. Целостность сетевой морфологии обеспечивается не только согласованностью языковых кодов, но и единством сетевых технологических принципов. К ним следует отнести

открытость сетей, их многоканальность, нелинейность, отсутствие главенствующего центра. Если говорить о глобальной сети Интернет, то особым её признаком является ячеистая топология, для которой характерна структурная повторяемость. Подсети, подключенные к Интернет, могут иметь разнообразную топологию, например, «шина», «звезда», «кольцо», «дерево». Несмотря на вероятные различия в конфигурациях сетей, в целом они способствуют распространению в обществе «горизонтального» типа отношений, что подразумевает возможность «прямого» общения равных по социальному положению людей.

Альтернативой этому выступают иерархические структуры, выстраивающие «вертикаль» отношений между участниками социального взаимодействия. Американские исследователи Э. Тоффлер, Х. Тоффлер отмечают, что в становящемся информационном обществе наблюдается «тенденция к горизонтальным организациям и к созданию сетевых и альтернативных структур» [14, с. 40]. Эффектом широкого внедрения глобальных сетевых коммуникаций в действие институциональных структур становится их большая открытость и демократичность. При этом сети приобретают всё более выраженное институциональное измерение.

В.И. Курбатов, изучая вопросы организации, управления и самоуправления сетевых сообществ, указывает на появление нового типа социальности, а именно «цифровой виртуальной информационно-коммуникационной социальности» [15, с. 18]. С нашей точки зрения, переплетение институциональных структур и глобальных сетей, порождающее новый тип социальности, можно определить как сетевую информационно-коммуникационную социальность. Её проявлением оказывается множество сетевых сообществ, которые претендуют на место ведущих субъектов коммуникационной деятельности в современном глобальном информационном обществе.

Становление сетевой социальной реальности представлено развитием сетевых сообществ. На понятийном уровне их сущность определяют С. В. Кувшинов и Е. И. Ярославцева; в частности, они отмечают, что «возникающее сетевое сообщество – это группа людей, поддерживающих общение и ведущих совместную деятельность при помощи компьютерных сетевых средств» [16, с. 125].

Как известно, сообщества существовали задолго до появления онлайн-общения. К их числу относятся, например, ранние христиане, первые протестантские секты, рыцарские сообщества и т.д.

В настоящее время сетевые офлайн-сообщества, члены которого связаны офлайн-общением, представлены, например, научными, образовательными, религиозными, художественными и т.п. объединениями. Но сегодня их коммуникационные взаимодействия всё в большей мере обеспечиваются использованием информационно-коммуникационных технологий, что предоставляет возможность онлайн-общения членам сетевых сообществ.

Сетевые коммуникации структурируют общество сообразно логике своего развития. «Сети конституируют новую социальную морфологию общества, и

внедрение сетевой логики значительно модифицирует процессы и их результаты в культуре и политике» [17, с. 500].

Власть сетевой структуры отражается в бытии онлайн-сообществ, обладающих открытостью, горизонтальностью связей, социальной адаптивностью, самоорганизацией и динамизмом. В своей совокупности данные характеристики способствуют повышению плотности и стремительности потоков сетевой коммуникации, которые образуют виртуализованную сетевую социальную реальность. Согласно доминирующей сегодня реляционной концепции, понятия «пространство» и «время», которые традиционно служат для описания физической реальности, могут быть определены как отношения, образуемые взаимодействием объектов, где пространство является взаиморасположенностью объектов, а время – последовательностью событий.

В контексте взаимодействия виртуальных объектов, принадлежащих сетевой коммуникативной реальности, пространство имеет свойства порожденности, многомерности и интерактивности, а время характеризуется актуальностью. Порожденность виртуального пространства подразумевает его созданность действием внешних по отношению к нему факторов, которыми, в данном случае, являются технические средства, используемые человеком. Многомерность виртуального пространства – это свойство пространства, иметь более трёх измерений. Интерактивность виртуального пространства – это способность пространства реагировать на действия пользователя.

В описании реальности, кроме абстрактного понятия «пространство», используется более практичное и конкретное понятие «среда». Оно указывает на ближайшее окружение человека, с которым тот постоянно взаимодействует. Это же понимание среды является релевантным по отношению к виртуальной среде. Условием формирования виртуальной среды в Интернете служит тот или иной сетевой сервис, который представляет собой платформу, объединяющую людей в виртуальные сетевые сообщества посредством программного обеспечения компьютерных технологий. Отечественный ученый А. П. Соловей пишет, что: «Виртуальные сообщества – это своеобразная проекция социальных сетей в виртуальном пространстве, пространстве интернета. Виртуальное сообщество – это совокупность социальных связей и отношений, опосредованных интернетом, целью которых является установление межличностного общения между людьми, создание сети друзей для реализации различных социальных потребностей» [18, с. 166-167]. Виртуальное сообщество отличается от реального сообщества тем, что осуществляет свои действия в виртуальной среде посредством сетевых технологий.

Социальными сетевыми сервисами являются: социальные поисковые системы (Google, Yahoo), социальные сети (Facebook, MySpace), Блоги (LiveJournal), Вики (Wikipedia), социальные медиакхранилища (Flickr, Youtube), персональные рекомендательные сервисы (Last.FM, Netflix Prize), географические сервисы (Google Earth), виртуальные миры (Second Life), Мэшп (Earthify).

Благодаря этим сервисам становится возможным наиболее эффективно создавать, обрабатывать, хранить и транслировать виртуальные объекты, к которым относятся цифровые тексты, графические изображения, цифровые аудио и

цифровые видеозаписи. При этом ведущим видом деятельности пользователей данных сервисов становится коммуникационная, в отличие от игровой, познавательной, трудовой деятельности.

Сетевые сообщества организуются по видам деятельности на основе общности интересов и актуальности тем для обсуждения. Следует отметить, что участие пользователей в сетевой деятельности носит добровольный характер. Участников особенно привлекает возможность проявления личной инициативы и самовыражения.

В целом, наиболее общими принципами создания сетевого сообщества являются наличие общности интересов, мотивационной составляющей для обмена информацией и наличие доступа к адресам других пользователей и координатора, организующего электронное взаимодействие.

В практическом смысле создание сетевого сообщества осуществляется благодаря проектированию. Н. Н. Новикова и Г. Н. Некрасова, изучая феномен проектирования сетевого педагогического сообщества, выделяют следующие его этапы: (1) определение целевой аудитории, (2) выделение проблемы, актуальной для целевой группы, (3) формулировка цели создания сообщества и задач, решаемых в рамках сообщества, (4) определение основных видов деятельности сообщества и механизма координации сообщества (распределение ролей, виды коммуникаций), (5) выбор способов привлечения участников в сообщество, (6) выбор вариантов использования инструментов социальных сервисов в деятельности сетевого сообщества [19, с. 106–107].

Особое внимание привлекает к себе выполнение последнего этапа, где требуется избрание оптимального сетевого сервиса, способного адекватно отражать имеющийся контент, а также предоставлять пользователям весь необходимый сетевой инструментарий для эффективного функционирования и развития сообщества. Ориентированность сетевого сервиса на активность пользователей, что стало возможным благодаря платформе Web 2.0, позволяет обеспечить жизнеспособность интернет-ресурса. Например, такая ориентированность была реализована в проекте Вики. Вики – «это коллекция взаимосвязанных между собой записей, среда для быстрого гипертекстового взаимодействия» [8, с. 131]. Вики позволяет многократно править текст, быстро его форматировать, размечать гиперссылки, вести учет изменений веб-страниц, восстанавливать ранние версии веб-страниц, вносить изменения в текст многим авторам. Принцип многократного ускоренного редактирования многими авторами текстовой информации действует в той или иной степени в приложении и к аудио-, видео- и графической информации в глобальной сети Интернет.

Жизнедеятельность сетевого сообщества проявляет себя не только в возможности пользователей влиять на работу интернет-сервиса, но также состоит в возможности обсуждения событий, которые связаны с тематикой сообщества. Событие может быть порождено как самим сообществом, так и за его пределами. Но в любом случае, данное событие вызывает реакцию пользователей в виде «волны» комментариев, постов, дискуссий, которые впоследствии затихают. В конечном счете, коммуникативные практики, осуществляемые членами сообщества,

служат условием его существования, их прекращение ведет к распаду сообщества. В случае, когда сообщество демонстрирует устойчивость ко всевозможным информационным «вызовам», оно становится институтом. В его деятельности начинает возрастать аспект формализации, который может быть выражен, например, в распространении договорных отношений.

Конструирование сетевого сообщества является частью стратегии эффективного управления современными социальными процессами. Привлечение таких инструментов сетевой коммуникации, как чаты, форумы, блоги, гостевые книги, конференции и т.п., задает форму взаимодействия внутри сообщества. Относительная простота настройки интернет-сервиса, на платформах которых организуются сообщества, открывает значительные возможности для управления конфигурацией. Например, создание новых актуальных тематических разделов интернет-сервиса, наполняемых соответствующим контентом, способно сделать его более привлекательным для большей аудитории пользователей. В этом случае происходит трансформация конфигурации целевой аудитории интернет-сервиса.

В заключение следует отметить, что становление глобального информационного общества открывает новые возможности для конструирования социальных структур. В этом процессе на передний план выдвигаются глобальные коммуникационные сети, обладающие значительным потенциалом преобразования самой ткани социальности, которая приобретает всё более выраженный сетевой характер. Сетевая форма взаимодействия наиболее ярко проявляет себя в деятельности сетевых сообществ, находящихся в процессе институализации, т.е. формализации социальных отношений. Значительное увеличение интенсивности коммуникационных контактов в сетевых сообществах ведет к созданию информационных потоков глобального масштаба. Наличие доступа к этим потокам у пользователей снимает пространственные, временные и социальные ограничения, обеспечивая высокую степень свободы в социальной коммуникации. Сетевая среда, структурированная горизонтальными связями, оптимизирует коммуникативные практики, которые отражаются на формировании самоидентификации как отдельных пользователей, так и самоидентификации сетевого сообщества.

Список литературы

1. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. – СПб.: Питер, 2004. – 160 с.
2. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. – СПб.: Речь, 2000. – 249 с.
3. Вацлавик П., Бивии Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. – 320 с.
4. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Издательство «Логос», 2004. – 232 с.
5. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 605 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
7. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007 – 288 с.
8. Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник МГЛУ ЕАЛИ. Выпуск 3(714) / 2015. – С. 72–83.

9. Смирнов Ю. В. Конструирование социальной реальности: коммуникативный аспект // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012 – № 4. – С. 13–18.
10. Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – №2. – С. 35–45.
11. Смирнова Н. М. От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). – М.: ИФРАН, 1997. – 222 с.
12. Иванов Д. В. Общество как виртуальная реальность// Информационное общество. Сб. науч. трудов. – М., 2004. – С. 355–427.
13. Кастельс М. Становление общества сетевых структур// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – С. 494–505.
14. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М., 2008. – 569 с.
15. Курбатов В. И. Сетевые онлайн-сообщества: структурно-функциональные и организационные факторы самоуправления // Гуманитарий Юга России. – 2018. – № 2. – С. 15–27.
16. Кувшинов С. В., Ярославцева Е. И. Человек в оцифрованном мире// Философские науки. – 2009. – № 6. – С. 120–138.
17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – 608 с.
18. Соловей А. П. Виртуальные сообщества как особая форма социальной интеграции // Психология, социология и педагогика. – 2014. – № 6. – С. 166–170.
19. Новикова Н. Н., Некрасова Г. Н. Этапы проектирования сетевого сообщества учителей технологии // Вестник ВятГУ. – 2011. – № 4(3). – С. 105–108.

Melnik A. V. Construction of Social Reality in Network Communities in the Epoch of Informational Globalization // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 37–46.

The article considers the technology of network design of social reality in conditions of information globalization. The organization of network communication serves as a prerequisite for the functioning of networked communities that have openness, horizontal morphology, self-organization and dynamism. The renewability of network communications creates a condition for the stable operation of networked communities. Communicative practice, aimed at producing knowledge and creating a picture of the world, is expressed in the concept of «discourse». In the tradition of constructivism discourse is a communicative action for the formation of a sociocultural reality, which is fundamentally unfinished. It is noted that, from the standpoint of the theory of social constructivism, the image of social reality is a conventional construct that influences the behavior and identification of its supporters. In its epistemological dimension, constructivism emphasizes the activity of the cognizing subject, in whose consciousness reality is not reflected, but is constantly constructed, recreated. Constructivist perception of the world is a way of interpreting it, which in itself indicates the importance of the personal dimension in the processes of objectifying social interactions. Important for the stable functioning of the community is the preservation of its self-identification, based on the maintenance of the basic idea of its existence. Its change leads to the creation of a new community, with the establishment of new communication links. The social technology of constructing a community begins with an initiative to approve the basic idea of the community, then follows the design stage, then the stage of institutionalization begins.

Key words: constructivism, communication, global networks, network community, information and communication technologies.

References

1. Piazhe Zh. Geneticheskaya epistemologiya [Genetic Epistemology]. – SPb.: Piter, 2004. – 160 s.
2. Kelli Dzh. Psikhologiya lichnosti. Teoriya lichnykh konstruktov [Psychology of Personality. The Theory of Personal Constructs]. – SPb.: Rech', 2000. – 249 s.
3. Vatslavik P., Bivii D., Dzhekson D. Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsii: Izuchenie patternov, patologii i paradoksov vzaimodeistviya [Pragmatics of Human Communications: The Study of Patterns, Pathologies and Paradoxes of Interaction]. – M.: Aprel'-Press, Izd-vo EKSMO Press, 2000. – 320 s.
4. Luman N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as a Social System]. – M.: Izdatel'stvo «Logos», 2004. – 232 s.
5. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya [Tree of Knowledge]. – M.: Progress-Traditsiya, 2001. – 605 s.
6. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya [Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge]. – M.: Academia-Tsentr; Medium, 1995. – 323 s.
7. Burd'e P. Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power] / Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. – M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.: Aleteiya, 2007 – 288 s.
8. Plotnikova S. N. Diskursivnye tekhnologii i ikh rol' v konstruirovanii sotsial'nogo mira [Discursive Technologies and their Role in the Construction of the Social World] // Vestnik MGLU EALI. Vypusk 3(714) / 2015. – S. 72–83.
9. Smirnov Yu. V. Konstruirovaniye sotsial'noi real'nosti: kommunikativnyi aspekt [The Construction of Social Reality: the Communicative Aspect] // Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii. – 2012 – № 4. – S. 13–18.
10. Ulanovskii A. M. Konstruktivizm, radikal'nyi konstruktivizm, sotsial'nyi konstruktivizm: mir kak interpretatsiya [Constructivism, Radical Constructivism, Social Constructionism: the World as an Interpretation] // Voprosy psikhologii. – 2009. – № 2. – S. 35–45.
11. Smirnova N. M. Ot sotsial'noi metafiziki k fenomenologii «estestvennoi ustanovki» (fenomenologicheskie motivy v sovremennom sotsial'nom poznanii) [From Social Metaphysics to the Phenomenology of the «Natural Attitude» (Phenomenological Motives in Modern Social Cognition)]. – M.: IFRAN, 1997. – 222 s.
12. Ivanov D. V. Obshchestvo kak virtual'naya real'nost' [Society as Virtual Reality] // Informatsionnoe obshchestvo. Sb. nauch. trudov. – M., 2004. – S. 355–427.
13. Kastel's M. Stanovleniye obshchestva setevykh struktur [The Formation of a Network Society] // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya. – M., 1999. – S. 494–505.
14. Toffler E., Toffler Kh. Revolyutsionnoe bogatstvo [Revolutionary Wealth]. – M., 2008. – 569s.
15. Kurbatov V. I. Setevye onlain-soobshchestva: strukturno-funktsional'nye i organizatsionnye faktory samoupravleniya [Networked Online Communities: Structural-functional and Organizational Factors of Self-government] // Gumanitarii Yuga Rossii. – 2018. – № 2. – S. 15–27.
16. Kuvshinov S. V., Yaroslavl'tseva E. I. Chelovek v otsifirovannom mire [The Person in the Digitized world] // Filosofskie nauki. – 2009. – № 6. – S. 120–138.
17. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economics, Society and Culture]. – M., 2000. – 608 s.
18. Solovei A. P. Virtual'nye soobshchestva kak osobaya forma sotsial'noi integratsii [Virtual Communities as a Special Form of Social Integration] // Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika. – 2014. – № 6. – S. 166–170.
19. Novikova N. N., Nekrasova G. N. Etapy proektirovaniya setevogo soobshchestva uchitelei tekhnologii [Stages of Designing a Network of Technology Teachers] // Vestnik VyatGU. – 2011. – № 4(3). – S. 105–108.

УДК 711.1

ПЯТЫЙ УРОВЕНЬ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИРОДООХРАННЫХ СИСТЕМ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Астанин Д.М.

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация.

E-mail: montenegro.astanin@mail.ru

Проводится анализ исторического процесса становления глобальной природоохранной политики современных государств мира в контексте развития многоуровневой природоохранной системы. Определено главенствующее влияние 1-ой Международной экологической конференции в Берне 1914-го года на организацию межгосударственных природоохранных органов, создание ООН – на утверждение Стокгольмской декларации 1972-го года и декларации Рио де Жанейро 1992-го года, сформировавших современную классификацию объектов экологического права, формы международного эко-сотрудничества, ранговую систему экологической политики. Выдвинут тезис о необходимости взаимной координации всех участников многоуровневого природоохранного процесса, неспособности современных природоохранных органов эффективно решать поставленные задачи в виду отсутствия совместной программы действий мировой природоохранной системы.

Ключевые слова: экологическая политика, природоохранная система, экологическое право, международное право, ландшафтное и биологическое разнообразие.

Охрана природы как проблема современной общественной жизни является темой, требующей многоуровневого рассмотрения в контексте международного сотрудничества, в котором взаимодействуют государственные, научные и общественные институты. Рост населения, ограниченность традиционных источников энергии, ограниченность ресурсов пресной воды и полезных ископаемых, загрязнение почвы, воды и воздуха веществами, многие из которых до XX века вообще не существовали – все эти явления породили то, что мы сегодня определяем как экологический кризис, инициирующий систему природоохранной деятельности. Природоохранная система имеет следующие уровни:

1. Традиционно-религиозный;
2. Государственный (с 1870-х годов появляются первые охраняемые природные территории в результате их туристского освоения) [1];

3. Научный (1920-30-е годы – в трудах В.И. Вернадского и Тейяра де Шардена разрабатывается учение о ноосфере как социоприродной системе, которая представляет собой синтез естественного и исторического процесса) [2];

4. Общественный [3];

5. Международный.

Современная глобализация стала причиной массы экологических проблем, решить которые возможно только совместными усилиями. Увеличилась массовость и скорость освоения природных ресурсов. Международно-правовая форма охраны природы имеет более чем вековую историю. К основным источникам международного экологического права относятся соглашения, договоры, конвенции, резолюции в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования. Экологическое право тесно пересекается с атомным, морским и космическим отраслями международного права. С 1970-х годов экологическая тематика прочно занимает одну из главных позиций политологии.

К первым международным природоохранным договорам относят:

1875 г. – Декларация об охране птиц (Италия, Австро-Венгрия);

1881 г. – Международная конвенция по защите растений;

1882 г. – регулирование рыболовства в Северном море;

1882 г. – защита полезных для сельского хозяйства птиц (Париж);

1887 г. – Договор о регулировании лова лососей в бассейне Рейна;

1887 г. – Охрана морских котиков в Тихом океане (Россия, США, Япония);

Охрана морских животных, китов, регламентация рыболовства (этим видам деятельности посвящено более 70-ти международных договоров);

1907 г. – Конвенция о рыболовстве в водах Дуная и Прута;

1911 г. – Конвенция по охране котиков в северной части Тихого океана;

1916 г. – Договор о промысле морских черепах (Англия, Никарагуа).

Международные соглашения составляются на основе научных данных мониторинга популяции, размножения, ареалов распространения биологических видов.

В истории развития международного экологического сотрудничества в XX веке можно выделить 4 этапа: 1) 1913–1948 гг.; 2) 1948–1968 гг.; 3) 1968–1992 гг.; 4) с 1992 г. по настоящее время. На первом этапе происходили попытки объединения сил различных стран в природоохранной деятельности. Достигалось это с помощью организации международных конференций, где обсуждалась необходимость создания международных независимых органов. По итогам работы Бернской конференции (1913 г.) стало очевидно, что охрана окружающей среды является комплексной проблемой, требующей институционального решения, что выразилось в создании целого ряда институтов защиты природы:

1922 г. – открытие Международного совета по охране птиц;

1923 г. – Международное общество по охране зубра;

1923 г. – 1-й Международный конгресс по охране природы;

1928 г. – открытие Международного бюро защиты природы (Брюссель);

1929 г. – Постоянный комитет по охране природы Тихого океана;

1935 г. – Международное бюро по охране природы.

Второй этап характеризуется созданием ООН [4, 5] как ведущей организации в вопросах экологического сотрудничества. В 1948-м г. при поддержке ЮНЕСКО создана первая международная экологическая организация: «Международный союз защиты природы». В 1962-м году была принята резолюция ЮНЕСКО «Экономическое развитие и охрана природы». В ней содержались три основных положения:

- 1) целостный взгляд на проблемы ресурсов окружающей среды;
- 2) расширение понятия «охрана природы» до термина «охрана окружающей среды»;
- 3) концепция сочетания экологических и экономических интересов.

В 1968-м г. принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о важнейшей роли экологии в экономическом и социальном развитии.

Третий этап характерен большой активностью многостороннего экологического сотрудничества. В 1972-м году утверждена Стокгольмская декларация [6], обобщающая основные принципы международного природоохранного сотрудничества [7]. 1982 год знаменателен выходом «Всемирной хартии природы», одобренной Генеральной Ассамблеей ООН. В отличие от Стокгольмской декларации, хартия была принята путём голосования, 111 стран проголосовали за резолюцию, 18 – воздержались и только США проголосовали против. Так же стоит отметить, что в 1980 г. была принята резолюция «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущих поколений».

Четвёртый этап начинается с конференции 1992-го года в Рио-де-Жанейро [8-10]. Отметим важные моменты данного этапа: 1998 г. – конвенция о доступе к информации, касающейся охраны окружающей среды (Орхус, Дания) [11]; 2012 г. – Конференция ООН по устойчивому развитию Рио +20, документ «Будущее, которое мы хотим», принятый по итогам работы конференции, ориентирован на концепцию сокращения бедности, содействия социальной справедливости.

Важной особенностью становления системы природоохранной деятельности является экологическая политика как подход, нацеленный на комплексные мероприятия, связанные с позитивным влиянием государственных и общественных институтов на состояние экосистем. В зависимости от охвата деятельности существует 5 видов экологической политики: 1) глобальная политика – международные, политические, внешнеэкономические мероприятия; 2) государственная; 3) региональная эко-политика – политика страны в отношении своих внутренних регионов; эко-политика регионов; 4) местная эко-политика: локальный и объективный мониторинг, государственный контроль соблюдения законодательства в области охраны природы; местные эко-программы и проекты; 5) корпоративная эко-политика (долгосрочные корпоративные цели предприятия).

Международная экологическая политика – катализатор внедрения экологических мероприятий более низкого уровня иерархической цепи. Принято выделять пять основных направлений международного экологического сотрудничества: 1) парламентское сотрудничество: разработка рекомендательных актов в сфере экологии; 2) координация исполнительных структур отдельных государств (под эгидой ООН); 3) регулирование охраны природы, заключение

договоров, единый международный подход; 4) научно-техническое сотрудничество: обмен информацией, совместная реализация проектов и экспертиз; 5) экологическое сотрудничество: международные экологические форумы.

Международная эко-политика должна быть направлена на решение задач охраны и рационального использования природных ресурсов. Для успешной реализации необходимы идеологические нормативы, среди которых наиболее изученным является «устойчивое развитие». Термин «устойчивое развитие» сформировался в 1987-м году после публикации доклада «Наше общее будущее», подготовленного Международной комиссией по окружающей среде и развитию (МСОКР) [4]. Главные постулаты устойчивого развития:

1. Приоритет качества над количеством;
2. Сохранность культурного и биологического разнообразия;
3. Симбиоз природопользования с процессом эволюции.

В рамках разработки понятия «устойчивое развитие» формулируется актуальная для современности задача по созданию междисциплинарной программы, ориентированной на формирование экологического мышления и подготовку к решению проблем ближайшего будущего. Решению такой задачи во многом способствуют прикладные исследования, осуществляемые в рамках Глобальной системы наблюдений за изменением состояния биосферы, состоящей из 3-х частей:

- 1) Инфотерра – всеобщая сеть информации по окружающей среде;
- 2) ГСМОС (глобальная система мониторинга окружающей среды) – замеры глобального загрязнения;
- 3) МРПТХВ (международный регистр потенциально токсических химических веществ) – оповещение в случаях нанесения ущерба токсичными химическими веществами.

На сегодняшний день функционирует только Инфотерра.

Комплексная реализация концепции устойчивого развития связана с проблемами ограниченности природных ресурсов, нарушениями устойчивости природных экосистем. Среди методов ограничительного воздействия выделяют экономические, законодательно-правовые, воспитательно-образовательные и политические.

Сегодня экологические налоги действуют в большинстве стран ЕС. Экологические налоги – налоги, база взимания которых оказывает специфическое негативное воздействие на окружающую среду [12]. Впервые необходимость внедрения экологических налогов была утверждена в 1973-м году – на 1-й Программе действий Европейского союза по охране окружающей среды. Основной идеей внедрения экологических идей в налоговую систему считался двойной дивиденд. Внедрение экологических налогов должно быть связано с социальными выплатами, ростом занятости, конкурентоспособности национальных производителей. Из стран с развитой экономикой большой опыт в этой области имеют скандинавские страны. С 1990-х годов интерес к эко-налогам стали проявлять Германия, Франция, Великобритания и Италия [13]. Большим импульсом для развития экологической налоговой системы стало принятие Директивы ЕС по упаковочным отходам в 1994-м году. Среди стран ЕС с развивающейся экономикой

можно отметить Венгрию, Польшу, Эстонию. Также определённым прогрессом в эко-налоговой деятельности отличаются Южная Корея, Тайвань, Малайзия, Сингапур и Таиланд. Экологические налоги занимают существенное место в общей налоговой схеме большинства стран ЕС [13]. Основная задача эко-налогов: не пополнение государственного бюджета, а призыв плательщиков к позитивному экологическому поведению.

Экологические налоги разделяют на 7 групп по сферам влияния:

1) транспортные налоги; 2) энергетические налоги; 3) платежи за загрязнение; 4) платежи за размещение отходов; 5) налоги на выбросы химических веществ; 6) платежи за пользование природными ресурсами; 7) налог на шумовое воздействие.

В странах ЕС наибольшее распространение получили энергетические и транспортные налоговые сборы. В США значительна проблема защиты окружающих экосистем. В Нью-Йорке существует налог на очистку водоёмов от нефтяных пятен. Энергетические налоги призваны снижать эмиссию оксидов азота, углекислого газа и серы в атмосферу. В Российской Федерации действует закон «Об охране природной среды», согласно которому 10% платежей идут в федеральный бюджет, 90% – на содержание природоохранных органов. По данным Министерства природных ресурсов РФ – ежегодный рост уровня промышленного загрязнения воздуха, почвы и воды составляет 5%. Бюджет экологических программ США и Канады в десятки раз выше российских.

**Таблица 1. Основные международные соглашения,
определяющие меры по сохранению природных ресурсов**

Водные ресурсы	Сохранение атмосферы	Сохранение межгосударственных территорий
Конвенции ООН по морскому праву, предотвращению загрязнения с судов (1973/1978 гг.). 1974 год – Конвенция по защите природной морской среды Балтийского моря (1992 год – пересмотрена). 1978 год – Региональная конвенция о сотрудничестве по	1963 год – Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (Москва, СССР). 1985 год – Конвенция о защите озонового слоя (Вена, Австрия). 1987 год – Монреальский протокол (дополнение к конвенции 1985-го года). 1997 год – Киотский протокол;	1973 год – Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения (33000 видов животных и растений). 1992 год – Конвенция о биологическом разнообразии [14]. 1994 год – Конвенция по

защите морской среды от загрязнения (Кувейт). 1982 год – Региональная конвенция по сохранению окружающей среды Аденского залива и Красного моря (Джедда, Саудовская Аравия). 1992 год – Конвенция о защите и использовании трансграничных водных путей и международных озёр (Хельсинки, Финляндия).	Стабилизация выбросов парниковых газов (2011 год – Киотский протокол был продлён на 5 лет). 1979-1983 гг. – Европейская конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, Швейцария).	борьбе с опустыниванием, улучшению плодородия (Африка).
--	---	--

На сегодняшний день подписано около 200 международных соглашений в области охраны природы.

Огромный вред экосистемам наносят постоянные войны и испытания атомного и водородного оружия. США, к примеру, после 2-й мировой произвели 1054 испытания атомной мощи [15-16]. Также, в числе противников защиты природы числятся правительства Франции, ЮАР и Израиля. В 1979-м году ЮАР и Израиль проводили совместные ядерные учения в районе Южной Атлантики.

Специальный комитет ООН в своих докладах сообщал о влиянии атомного оружия на окружающую среду: при одном взрыве происходит уничтожение растительности на территории до 1300 га, уничтожение микроорганизмов на площади в 40 га.

Значительную экологическую угрозу составляет захоронение радиоактивных и ядерных отходов. К примеру, около Ирландии скопилось около 50 тыс. тонн радиоактивных отходов. Дно Тихого океана в районе островов Гуам является площадкой массового захоронения отходов США. Любое повреждение контейнеров вызовет огромное заражение океана. Южному Вьетнаму был нанесен значительный экологический ущерб из-за вторжения США. Были уничтожены огромные площади джунглей [17].

Общеизвестным является факт, насколько огромным был ущерб, нанесённый флоре и фауне Африки в эпоху европейской колонизации. Были выжжены леса, уничтожены дикие животные. Обретение независимости африканских стран

открывает широкие перспективы в природоохранной области, к примеру, отметим Декларацию по охране природы Африки (1963 г.). Значение экологических законов Африки крайне велико, учитывая тот факт, что численность крупной дичи уменьшилась в 50 раз.

Огромные проблемы существуют и на Американском континенте. В качестве примера можно привести удручающее состояние экосистемы Амазонки. В последние десятилетия страны Южной Америки стараются создать свою собственную экологическую правовую систему. В результате проведенного исторического анализа определен слабый уровень научных основ международной природоохранной деятельности. Большая часть современных международных организаций опираются на концептуальные основы Римского клуба и Стокгольмского института исследования проблем мира [13]. Однако, в недостаточной степени учитывается возрастание антропогенной нагрузки на экосистемы. Требуется новая оценка ситуации, которая будет информировать об изменениях природно-ресурсных возможностей. Необходимо повышение эффективности рационального использования природных ресурсов, составление научно-обоснованных программ пространственного развития регионов.

Международные эко-организации действуют в пределах 2-х противоположных сторон: официальной (экологическое образование и эко-пропаганда) и неофициальной. В большинстве случаев присутствует неофициальная сторона (теневые интересы США и стран Евросоюза, финансово-промышленных групп) [18].

Экологическая глобальная политика – вершина многоуровневой системы охраны природы. Уменьшение количества военных конфликтов, совершенствование законодательной системы, научная и гуманистическая составляющие деятельности – основа для развития международной политики. Опора на традиционную культуру народов, использование современных достижений науки и техники – способ выхода из экологических и мировоззренческих кризисов современной эпохи. Мировой опыт показывает, что охрана природы эффективна как комплексная деятельность, в рамках которой государственная политика сочетается с особенностями культурно-исторических традиций.

Для комплексной системы охраны природы необходима координация природоохранного процесса как процесса, протекающего на множестве уровней (религиозном, научном, государственном, общественном, международном), взаимодействие всех членов и организаций. Проблематичность такой координации усиливается тем, что человечество не использует потенциальные возможности глобализации и интернационализации (в полной мере не осуществляется процесс обмена научными данными между наиболее развитыми странами). Одним из возможных подходов к решению проблемы координации природоохранной деятельности как многоуровневой деятельности является международное сотрудничество, в рамках которого природоохранная деятельность институционализируется и становится предметом международного правового регулирования.

Список литературы

1. Робинсон Н. А. Правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в США. Москва: Прогресс, 1990. – 528 с.
2. Субетто А. И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы / СПб.: Астерион, 2012.
3. Астанин Д.М. Четвертый уровень организации природоохранных систем: общественные экологические движения. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4(70). № 1. С. 157-168.
4. United Nations Environment Programme Environmental Observing and Assessment Strategy. URL: <http://www.un.org/earthwatch/about/docs/unepstrx.htm> (Дата обращения: 01.02.2018).
5. Организация объединенных наций. Окружающая среда. URL: <http://www.unep.org/ru> (Дата обращения: 01.02.2018).
6. Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С. Стокгольмская декларация, 16 июня 1972 г. В кн.: Действующее международное право. В 3-х томах. Москва: МНИМП, 1999. Т. 3.
7. Stockholm Declaration on the Human Environment, June 1972. URL: <https://ru.scribd.com/document/50039070/Stockholm-Declaration-on-the-Human-Environment-June-1972> (Дата обращения: 01.02.2018).
8. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. Москва, Прогресс-Традиция, 2000. – 200 с.
9. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (Дата обращения: 01.02.2018).
10. Johnson S. P. The environment after Rio. London, Graham & Trotman, 1994, 245 pp.
11. Орхусская конвенция. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml
12. Авдеева Т. Г. Роль экологического фактора в современных МЭО. Дисс. канд. эк. наук. Москва, 1994.
13. Гусев А. А. Экологическая политика Европейского Союза в контексте концепции устойчивого развития. Дисс. д-ра полит. наук: 23.00.02. Политические институты, процессы и технологии. Институт социологии РАН. Москва. 2010.
14. Конвенция о биологическом разнообразии. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (Дата обращения: 01.02.2018).
15. Гусев А. А. Современная экологическая политика // Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва, 2006. – 205 с.
16. Трофимов В. Н. Военная и экологическая безопасность. Международное право и сила. Москва. Прометей, 1991. – 131 с.
17. Кукушкина А. В. Взаимосвязь проблем экологической безопасности и разоружения (международно-правовой аспект). Дис. канд. юрид. наук/МГИМО. Москва, 1993.
18. Матвеева Е. В. Межуровневые взаимодействия в общественной, государственной и мировой экологической политике. Дисс. д-ра полит. наук: 23.00.02. – Политические институты, процессы и технологии. Саратов. 2012.

Astanin D. M. The Fifth Level of Organization Nature of Protection Systems: International Law. The Evolution of Institutions Global Environmental Policy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 47–56.

The analysis of the historical process of formation of the global environmental policy of the modern world States in the context of the development of a multi-level environmental system. Determined by the dominant influence of the 1st International environmental conference in Bern in 1914, the year the organization of inter-state environmental authorities, the establishment of the UN - adoption of the Stockholm Declaration of 1972 and the Declaration of Rio de Janeiro in 1992, the year that shaped the modern classification of objects of environmental law, forms of international environmental cooperation, to the rank system of environmental policy. The conclusion about the necessity of preliminary approbation of international legislative initiatives and mutual coordination of all participants of multilevel nature protection process, inability of modern nature

protection bodies to effectively solve the tasks, in view of the absence of a joint action program of the world nature protection system, lack of scientific and traditional-religious basis in international decision-making is formed.

Keywords: environmental policy, environmental system, environmental law, international law, landscape and biological diversity.

References

1. Robinson N. A. Pravovoye regulirovaniye prirodopolzovaniya i okhrany okruzhayushchey sredy v SShA [To Prove the regulation propolis and environmental protection in the United States]. Moskva: Progress, 1990, 528 s.
2. Subetto A. I. Noosfernaya nauchnaya shkola v Rossii: itogi i perspektivy [Noosphere science school in Russia: results and prospects]. SPb., Asterion, 2012.
3. Astanin D. M. Chetverty uroven organizatsii prirodookhrannykh sistem: obshchestvennyye ekologicheskiye dvizheniya [The fourth level of organization environmental systems: public ecological movements]. Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2018. T. 4 (70). № 1. s. 157-168.
4. United Nations Enviroment Programme Enviromental Observing and Assessment Strategy. URL: <http://www.un.org/earthwatch/about/docs/unepstrx.htm> (Data obrashcheniya: 01.02.2018).
5. Organizatsiya obyedinennykh natsiy. Okruzhayushchaya sreda [The organization of obedience. Environment]. URL: <http://www.unep.org/ru> (Data obrashcheniya: 01.02.2018).
6. Kolosov Yu. M., Krivchikova E. S. Stokgolmskaya deklaratsiya [Declaration of Stockholm]. 16 iyunya 1972 g. V kn.: Deystvuyushcheye mezhdunarodnoye pravo [MDR Current law]. V 3-kh tomakh. Moskva: MNIMP. 1999. T. 3.
7. Stockholm Declaration on the Human Environment. June 1972. URL: <https://ru.scribd.com/document/50039070/Stockholm-Declaration-on-the-Human-Environment-June-1972> (Data obrashcheniya: 01.02.2018).
8. Danilov-Danilian V. I., Losev K. S. Ekologicheskyy vyzov i ustoychivoye razvitiye [Ecological challenge and sustainable development]. Moskva. Progress-Traditsiya, 2000, 200 s.
9. Rio-de-Zhaneyskaya deklaratsiya po okruzhayushchey srede i razvitiyu [Declaration on environment and development]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (Data obrashcheniya: 01.02.2018).
10. Johnson S. P. The environment after Rio. London, Graham & Trotman, 1994, 245 p.
11. Convocation Of Aarhus. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (Data obrashcheniya: 01.02.2018).
12. Avdeyeva T. G. Rol ekologicheskogo faktora v sovremennykh MEO [Ecology is the role of the factor in the modern MAO]. Diss. kand. ek. nauk, Moskva, 1994.
13. Gusev A. A. Ekologicheskaya politika Evropeyskogo Soyuza v kontekste kontseptsii ustoychivogo razvitiya [Environmental policy in the European Union context, the concept of sustainable development]. Diss. d-ra polit. nauk: 23.00.02. Politicheskiye instituty. protsessy i tekhnologii. Institut sotsiologii RAN, Moskva, 2010.
14. Konventsia o biologicheskom raznoobrazii [Monastery of biological diversity]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (Data obrashcheniya: 01.02.2018).
15. Gusev A. A. Sovremennaya ekologicheskaya politika [The Modern ecological policy]. Institut mirovoy ekonomiki i mezhdunarodnykh otnosheniy RAN. Moskva, 2006, 205 s.
16. Trofimov V. N. Voyennaya i ekologicheskaya bezopasnost. Mezhdunarodnoye pravo i sila. [Background and environmental safety. MDR is right and power]. Moskva. Prometey, 1991, 131 s.

17. Kukushkina A. V. Vzaimosvyaz problem ekologicheskoy bezopasnosti i razoruzheniya [Razor the Relationship between environmental problems and security] (mezhdunarodno-pravovoy aspekt). Dis. kand. yurid. nauk. MGIMO, Moskva, 1993.
18. Matveyeva E. V. Mezhurovnevyie vzaimodeystviya v obshchestvennoy, gosudarstvennoy I mirovoy ekologicheskoy politike [Measures of interaction in the public, public and world environmental policy]. Diss. d-ra polit. nauk: 23.00.02. – Politicheskiye instituty. protsessy i tekhnologii. Saratov, 2012.

УДК: 323.2

РОССИЯ И КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ: УРОКИ ИСТОРИИ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Демешко Н.Э.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: natalidem93@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию интеграционного опыта России в отношении крымских татар в период с XVIII–начала XX вв. В 2014 году крымско-татарский вопрос получил новый импульс интернационализации, что было связано с рядом факторов. Зарубежное информационное пространство заполнили новостные сводки, отчеты международных организаций о нарушении прав человека в Крыму и о притеснении крымских татар. При этом в исторической ретроспективе Крым интегрируется в российское пространство не в первый раз. Данный социально-политический опыт и его технологическое измерение представляет, как прикладной, так и теоретический научный интерес. Анализ научной литературы показал неоднозначную оценку совместного исторического прошлого Крыма и России. Мнения исследователей о российском опыте интеграции крымских татар резко варьируются, от положительных до сугубо негативных, указывающих на целенаправленное многовековое истребление данного этноса царской и советской Россией. Поэтому актуальность объективного исследования интеграционной политики Российской империи относительно крымских татар, на основании первоисточников и политической литературы, с применением научной методологии, не вызывает сомнения. Также в статье будет дан прогноз относительно дальнейшего развития крымско-татарского вопроса на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: политические технологии, социально-политический опыт, интеграция, Российская империя, крымские татары, правительственные указы, газета «Переводчик-Герджиман».

С момента репатриации крымских татар на территорию Крыма в 1990-е гг. крымско-татарский вопрос системно привлекал внимание научной общественности. При этом на первом плане, как правило, традиционно оказывались политико-экономические аспекты (митинги, самовольный захват крымского земельного фонда представителями данного этноса). Однако международный резонанс крымско-татарский вопрос получил вследствие политических событий 2014 года. Об этом свидетельствует обсуждение главами различных государств, в том числе, Украины, Российской Федерации, Турецкой Республики крымско-татарской проблематики [см. 1, 2], многочисленные публикации в международных СМИ [см. 3, 4], а также пристальное внимание международных и неправительственных организаций (ООН, ОБСЕ, Всемирной организации Amnesty International,

Инициативной группы по правам человека в Крыму, Полевого правозащитного центра, Крым SOS) к положению крымских татар на территории российского Крыма.

Начало XXI века стало временем появления гибридных форм конфликтов между великими державами, которые научились действовать в «серой зоне» – на грани войны и мира, не вступая при этом в открытое военное столкновение и не нарушая нормы международного права. В гибридных войнах могут применяться различные методы ведения военных действий, в том числе и замещение традиционных базовых ценностей общества морально-психологическими установками агрессора, фальсификация истории, десакрализация значимых событий и персоналий, формирование этнического национализма, а также разжигание межнациональных и межрелигиозных противоречий в полиэтнических регионах. Все вышеперечисленное представляет прямую угрозу для России как мультинационального государства. Поэтому крымско-татарский вопрос, являясь внутренней проблемой России, одновременно является объектом противостояния великих держав и фактором либо усиления, либо ослабления российского влияния в Черноморско-Средиземноморском регионе.

После политических событий 2014 года совместное прошлое России и крымских татар, как одно из средств формирования мировоззрения населения, приобрело особый интерес и повышенный уровень политизации. Этот тезис подтверждается противоречивыми оценками научного сообщества исторического периода нахождения Крыма в составе царской и советской России (1783–1991 гг.). Мнения исследователей о российском опыте интеграции крымских татар резко варьируются от положительных [см. 5] до сугубо негативных, с указанием политики умышленного уничтожения крымско-татарского этноса в царский и советский период истории России [см. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. Это объясняется тем, что «сама история, как наука, находится в методологических рамках интерпретации, которые существенно варьируют возможности получения, трактовки и прикладного применения исторических знаний в качестве политической идеологии» [13, с. 51].

Кроме уже хорошо разработанных принципов исторической науки – историзма, объективности, альтернативности, можно выделить три методологических подхода исторической науки:

- 1) История является основой любой политической идеологии;
- 2) Историю пишут победители, то есть, элиты, которые победили в политической борьбе с внешними или внутренними конкурентами;
- 3) «Нет предела интерпретации исторического факта» [13, с. 51].

Вышеуказанные данные формируют актуальность объективного изучения российского опыта взаимодействия с крымско-татарским этносом.

Цель работы заключается в системном исследовании совместной истории России и крымских татар на основании источников и политической литературы для выявления функциональных социально-политических технологий интеграции крымских татар в современное общероссийское пространство.

В рамках достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**: изучить правительственные указы XVIII в., которые касаются крымских татар; исследовать публикации периодического издания «Переводчик-Терджиман» 1883-1918 гг.; классифицировать публикации периодического издания, демонстрирующие технологии интеграции крымско-татарского этноса; определить механизмы интеграции крымских татар в общероссийское пространство, а также основные направления царской политики в отношении крымских татар.

Объектом исследования является национальная политика России. **Предметом** – интеграционная политика Российской империи в отношении крымских татар.

Исследование проходило в рамках разработанной научной методологии, которая заключается в применении системного, цивилизационного и геополитического подходов. В качестве основных методов исследования используются: хронологический, институциональный, индукция, анализ, синтез, абстрагирование, типологизация, сравнение, обобщение опыта взаимодействия царского правительства с крымско-татарским этносом.

Впервые вхождение Крыма под юрисдикцию России произошло 8 апреля 1783 года. По мнению крымского исследователя А. А. Ирхина, присоединение Крыма и иные территориальные приращения Екатерины II стали возможными благодаря тому, что Запад был разобщен и занят внутренними конфликтами между ведущими державами – Францией и Англией, занятых переделом мира вне Европы. Континентальными же делами занимались Россия, Пруссия и Австрия [14, с. 65]. Поэтому у России появилась объективная возможность территориального расширения на Запад в географических рамках Балто-Черноморской дуги. Именно в этой дуге проходит исторический и цивилизационный спор о границе России и Европы [15, с. 50].

Подписание манифеста «О принятии полуострова Крым, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу» [см. 16] поставило перед Российской империей достаточно сложную задачу, интегрировать крымско-татарское население в российское пространство, относящееся к другой цивилизационной общности и тяготеющее в религиозной, культурной и политической сферах к Османской империи.

Особое внимание императрицы к новым поданным демонстрирует следующее обещание Екатерины II крымским татарам: «свято и непоколебимо за Себя и преемников престола Нашего, содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободно отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно, и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те прелести и преимущества, каковыми таковое в России пользуется» [17, с. 7].

Изучение правительственных указов и литературы позволило выделить политические технологии, применявшиеся в XVIII в. имперским правительством, для интеграции крымских татар в общероссийское пространство. Данные технологии, возможно, классифицировать по трем направлениям.

Направления интеграционной политики Российской империи

Политические технологии интеграции в отношении крымско-татарского высшего сословия (беев и мурз).

1. Привлечение крымско-татарской знати к военной службе с возможным награждением офицерскими чинами «соответствующих лиц» (15861, 15945) [см. 16].

2. Пожалование высшему сословию Крыма – беям и мурзам, всех прав и льгот российского дворянства (15936) [см. 16].

3. Предоставление многим мурзам и беям гражданских чинов (чин коллежского советника был пожалован Мемету-бею Ширинскому, должность областного совестного судьи – Казындару Мегмету-ага и др.) [17, с. 8].

4. Создание условий для активации общественно-политической деятельности крымско-татарской элиты – предоставление представителям крымско-татарского этноса должностей уездных предводителей дворянства. Данные должности получили в Симферопольском уезде – Абдувели-ага Топечокракский, Феодосийском – майор Атай-мурза Ширинский и др. [17, с. 8].

5. Выделение земельных ресурсов Таврической губернии в пользование именитым крымским татарам [17, с. 8].

Имперские технологии интеграции, направленные на представителей крымско-татарского духовенства и религиозные чувства крымских татар.

1. Обеспечение уважительного отношения к религии мусульман представителей других конфессий. О чем свидетельствует изданный Г. А. Потемкиным ордер, в котором указывалось: «...жесточайшему наказанию подвергнуться яко мятежник церковный, кто осмелится пренебречь уважением к священным их местам и нарушит молитву мусульман» [17, с. 9].

2. Демонстрация внимания правительства к религии мусульман. Екатериной II были выделены денежные средства на исправление крымских мечетей и помощь бедному мусульманскому духовенству [18, с. 96].

3. Установление контроля над местным мусульманским духовенством с помощью создания в 1794 году высшего органа духовной власти мусульман в Таврической области – Таврического магометанского духовного правления (деятельность была регламентирована в 1831 г. Положением о Таврическом магометанском духовенстве [см. 19]), а также через правительственное назначение муфтиев.

4. Популяризация знания государственного языка среди духовенства с помощью предоставления больших социальных перспектив, овладевшим русским языком. «При наличии нескольких кандидатов на духовную должность предпочтение должно было отдаваться знающим русский язык» [см. 19].

5. Распространение русского языка среди крымских татар, через отдельных представителей духовенства, владеющих государственным языком. Поскольку, кроме выполнения богослужебных обязанностей, духовенство руководило сферой образования мусульман [см. 19].

6. Создание условий для признания высшим мусульманским духовенством власти российских правителей [см. 19].

7. Демонстрация уважительного отношения к традициям крымских татар через наделение духовенства определенной судебной властью [см. 19].

8. Формирование положительного отношения мусульманского духовенства к российскому правительству посредством освобождения представителей данного сословия от уплаты налогов [см. 20].

Интеграционная политика Российской империи в отношении крымско-татарского крестьянского сословия.

1. Обеспечение свободы крымских татар. Крестьяне, относящиеся к крымско-татарскому этносу, были приравнены к государственным крестьянам, на которых крепостное право не распространялось [17, с. 9].

2. Предоставление льгот крымским татарам (крестьянам и поселенцам) в виде освобождения от воинской повинности (от рекрутского набора), а также от повинности по постою войск [17, с. 9].

3. Популяризация воинской службы среди крымских татар, путем создания национальных воинских формирований, вступление в которые происходило на добровольной основе, при зачислении в воинский состав выплачивалось жалование [17, с. 9–10].

Несмотря на лояльную политику, относительно мусульманского населения Крыма, закрепление позиций Российской империи на территории полуострова происходило достаточно проблематично. Об этом свидетельствуют волны эмиграции крымско-татарского этноса в Османскую империю. Причинами возникновения данного процесса были: паника, вызванная изменением привычного жизненного уклада и различием культур, вольности чиновников и русских войск на местах [17, с. 10], а также противоречия в вопросе земельной собственности. Стоит отметить, что новая администрация не чинила никаких препятствий для отъезда крымских татар, но всячески убеждала не покидать родину с помощью мусульманского духовенства и выделения земельных наделов. И это действовало: многие, покинувшие родину крымские татары, возвращались обратно [17, с. 8].

Процесс включения крымских татар в политическое, экономическое и культурное общероссийское пространство являлся перманентным, в силу внешних воздействий Запада и Османской империи, а также внутренних объективных причин: закрытость крымско-татарского общества [21, с. 43]; отсутствие патриотизма в отношении Российской империи [21, с. 35]; незнание и непонимание внутренних процессов, происходящих в российском обществе [21, с. 21];

недостаточная образованность крымских татар и незнание законодательной базы Российской империи [21, с.20]; отсутствие у правительства знаний о культурных, бытовых особенностях русских мусульман [21, с. 19]; непоследовательная интеграционная деятельность правительства [21, с. 28]. Поэтому и через сто лет вопрос интеграции крымских татар оставался актуальным для правительства России.

В XIX в. царское правительство начало задействовать информационную сферу, а именно – дало разрешение видному представителю крымских татар И. Гаспринскому на издание первой крымско-татарской газеты Российской империи «Переводчик-Терджиман», автором и редактором которой он являлся, с целью оказания влияния на крымско-татарскую общественность. Начало издания газеты было приурочено к 100-летию присоединения Крыма к России. Периодическое издание публиковалось с 1883 по 1918 гг., его формат был информационно-просветительский, в нем освещались все наиболее яркие и важные события конца XIX – начала XX вв. Интерес представляет тот факт, что газета, выполняя особую государственную функцию, при этом являлась частной.

В современной научной литературе существуют противоречивые сведения относительно политических взглядов И. Гаспринского. В работах, опубликованных до 1991 года, утверждалось, что по своим убеждениям он являлся «общероссийским патриотом» и выступал за сближение всего Востока с Россией [см. 22]. В исследованиях, публикуемых с 1992 года, И. Гаспринский уже демонстрируется как борец с российским самодержавием [см. 23, 24]. Изучение работ Гаспринского: «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина», «Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания» [см. 21], а также материалов газеты «Переводчик-Терджиман» не подтвердило последнюю концепцию.

На основании изучения публикаций газеты «Переводчик-Терджиман», возможно выделить следующие аспекты интеграционных технологий, которые доводились до крымско-татарского этноса посредством газеты и системно отображались на страницах периодического издания.

1. Филологические технологии, которые выражались в двуязычности периодического издания (газета издавалась на русском и крымско-татарском языках) [25, с. 1].

2. Авторитетная личность И. Гаспринского в роли проводника взглядов российского правительства и издателя-редактора газеты [25, с. 1].

3. Демонстрация и популяризация мирного проживания мусульман и христиан в рамках Российской империи [26, с. 1].

4. Воспитание чувства патриотизма к России, популяризация идей государственной принадлежности к великой российской державе [27, с. 1].

5. Доведение до крымско-татарского населения распоряжений и нововведений российских властей [28, с. 2].

6. Критика турецкого государства, которое стояло на ступень ниже в сфере образования и печатного дела [29, с. 87].

7. Демонстрация России как передового цивилизационного центра, наиболее приемлемого для жизни мусульман в сравнении с европейскими странами [30, с. 1].

8. Пропаганда повышения уровня светского образования и наделения административными функциями представителей высшего духовенства Крыма [31, с. 3].

9. Демонстрация активного участия крымско-татарского этноса в общественно-политических событиях страны [32, с. 2].

10. Распространение идеи о необходимости повышения уровня светского образования для успешной реализации представителей крымско-татарского этноса в профессиональной сфере [33, с. 27].

11. Формирование редактором-издателем «Переводчика» двухуровневой государственной идентичности крымских татар под названием «русское мусульманство» [34, с. 1].

12. Популяризация военной службы в российской армии представителей крымско-татарского этноса [35, с. 2].

13. Популяризация соблюдения русских торжеств в крымско-татарском сообществе [36, с. 1].

14. Информирование крымских татар об истории России с положительной оценкой деятельности правителей Российской империи [37, с. 3].

15. Доведение до крымско-татарского населения распоряжений и нововведений российских властей [28, с. 2].

16. Демонстрация авторитета власти Верховного правителя России и привилегированного положения крымских татар на территории Российской империи [38, с. 2].

17. Призыв крымских татар к соблюдению законодательства Российской империи [39, с. 1].

18. Популяризация изучения русского языка через демонстрацию больших социальных перспектив у специалистов, освоивших русский язык [40, с. 2].

19. Демонстрация свободы вероисповедания и уважительного отношения властей к религиозным обрядам мусульман Крыма [41, с. 2].

20. Распространение идеи о необходимости создания военно-политического альянса между Турцией и Россией, в противовес политике западной цивилизации, которая, пытаясь использовать этническую и религиозную близость крымских татар и турок, стремилась столкнуть интересы Османской и Российской империй в Крыму [33, с. 27].

21. Информационное противодействие эмиграции крымских татар в Турцию [37, с. 3].

22. Формирование общего врага для русского и тюркского населения России в образе Запада [33, с. 27].

Исследование российского интеграционного опыта в отношении крымских татар, иностранной политической литературы, публикаций СМИ по данной тематике позволило выявить ряд факторов, которые на современном этапе могут оказаться актуальными проблемами для процесса интеграции Крыма в российское пространство.

1. Большая площадь, низкая плотность и мультикультурный состав населения России.

2. Закрытость крымско-татарского общества в политической, экономической, социальной и духовной сферах [21, с. 43].

3. Цивилизационные отличия русского и крымско-татарского населения.

4. Негативная мифологизация совместного исторического прошлого России и Крыма [см. 4, 6, 10, 11, 12], а также отсутствие системной встречной деятельности России в сфере «мягкой силы».

5. Системная работа иностранных государств по созданию социокультурной среды через гранты на обучение (программы Türkiye Scholarships Университета SWPS), мероприятия и научные исследования [см. 42, 43]; публикации [см. 4], видеоролики («Чужие на своей земле. Имперское наступление на права крымских татар», «Кто такие крымские татары», «Найди Эрвина») в СМИ; кинематограф и театральные постановки [см. 44]; научную литературу [см. 8]. Данные действия направлены на формирование стереотипа среди крымских татар: «Россия на протяжении столетий притесняет крымских татар и умышленно проводит политику уничтожения и вытеснения данного этноса с территории Крыма».

В основе Российского государства лежит синтез русско-православного ядра и тюрко-мусульманского населения, что отражается на внутреннем устройстве и внешнем облике государства, а тюркские народы и мусульманская община составляют значительную часть российского общества. Однако это условие выдерживается при сильной центральной власти и проектной деятельности российской элиты. Как только наступает эпоха ослабления Российского государства, которое имеет закономерность повторяться в российской истории, Россия начинает рассыпаться на сегменты, где национальный и цивилизационный факторы служат основой для растаскивания империи по частям [13, с. 49]. Поэтому для создания стабильности во взаимоотношениях Москвы с крымско-татарским этносом необходимы:

1. Сильная центральная власть.

2. Реформирование экономики государства и выход из периферийного положения в капиталистической системе [45, с. 79].

3. Формирование элиты, ориентированной на национальные интересы государства, а не на свои собственные. Поскольку «в подавляющем большинстве российская как политическая, так и экономическая элита полностью интегрирована в западный проект, поэтому по своей природе она либеральна: она эвакуирует свои финансы на Запад, покупает там недвижимость, посылает туда учиться и жить своих детей» [см. 46].

4. Создание единой идентичности у населения и четкого проекта будущего вектора развития страны [45, с. 191].

5. Улучшение по количественным и качественным показателям технологий «мягкой силы» Российской Федерации в работе с крымско-татарским этносом (более активно распространять положительный опыт взаимодействия России и крымских татар в СМИ, создавать на государственном уровне различные учебные проекты, культурные мероприятия, курсы лекций, публиковать научные, публицистические работы по данной тематике с соблюдением принципа историзма).

6. Учитывая восточный менталитет крымских татар и особую роль национальных авторитетов для данного этноса, необходимо популяризировать пророссийских национальных героев крымских татар, а также сформировать авторитетного, пророссийского политического лидера.

7. Системно работать по созданию пророссийской крымско-татарской политической, экономической и культурной элиты, что может быть достигнуто посредством ранее упомянутых технологий «мягкой силы», а также наличием «социальных лифтов» для населения.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее.

Во-первых, политика российского правительства относительно крымских татар XIX–начала XX вв. в сравнении с XVIII в. эволюционировала и вышла на новый качественный уровень. Это явно демонстрируют количественные показатели и видовое разнообразие интеграционных технологий.

Во-вторых, интеграция крымско-татарского этноса в общероссийское пространство с 1783 года является перманентным и сложно достижимым процессом из-за ряда объективных причин. Поэтому требует системной работы регионального и федерального правительства для решения данного вопроса.

В-третьих, выявленный опыт интеграции крымско-татарского этноса в российское пространство XVIII–начала XX вв. может быть функционален в современном историческом периоде интеграции Крыма в общероссийское пространство.

Список литературы

1. Надикто О. Порошенко обсудил с Эрдоганом Крым. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/08/2016/57b892119a7947b7e2031a55> (Дата обращения: 12.08.2018)
2. Путин и Эрдоган обсудили положение крымских татар. URL: <https://ria.ru/east/20141201/1036043853.html> (Дата обращения: 25.07.2018)
3. Paschyn С.М. Russia Is Trying to Wipe Out Crimea's Tatars. URL: https://www.nytimes.com/2016/05/20/opinion/russia-is-trying-to-wipe-out-crimeas-tatars.html?_r=0 (Дата обращения: 23.07.2018)
4. Roache M. Russian Authorities 'Imprisoning Crimean Tatars in Psychiatric Hospitals'. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/mar/28/russian-authorities-imprisoning-crimean-tatars-in-psychiatric-hospitals> (Дата обращения: 21.07.2018)
5. Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Русские мусульмане в поле российской идентичности // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – 2008. – Вып. 7. – С. 289–303.
6. Белицер Н. Депортация крымских татар как еще один геноцид в СССР. URL: <http://islam.in.ua/ru/islamovedenie/deportaciya-krymskih-tatar-kak-eshche-odin-genocid-v-sssr> (Дата обращения: 13.08.2018)
7. Возгрин В.Е. Империя и Крым – долгий путь к геноциду / В. Е. Возгрин. – Бахчисарай, 1994. – 46 с.
8. Fisher A. The Crimean Tatars / A. Fisher. – Stanford: Hoover Institution Press, 1978. – 259 p.
9. Hall M. J. Crimean Tatar-Russian as a Reflection of Crimean Tatar National Identity. URL: <http://www.iccrimea.org/scholarly/mhall.html> (Дата обращения: 12. 08. 2018)
10. Pohl J. O. The Deportation and Fate of the Crimean Tatars. URL: <http://www.iccrimea.org/scholarly/jopohl.html> (Дата обращения: 22. 07. 2018)
11. Uehling G. L. The Crimean Tatars as Victims of Communism. URL: <http://www.iccrimea.org/scholarly/uehling-crimeantatars.html> (Дата обращения: 20. 07. 2018)
12. Vahtre L., Viikberg J. The Red Book of the Peoples of the Russian Empire. URL: http://www.eki.ee/books/redbook/crimean_tatars.shtml (Дата обращения: 23.07.2018)

13. Ирхин А. А., Демешко Н. Э. Роль И. Гаспринского в формировании идентичности русских мусульман // Вестник развития науки и образования. – 2015. – № 6. – С. 49–58.
14. Ирхин А. А. Борьба за «умы и сердца» народа Украины: российские позиции и причины упущенных возможностей // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 1. – С. 64–70.
15. Демешко Н. Э. Интеграционный опыт Российской империи в отношении Крыма в XIX веке // Запад – Восток. – 2015. – № 8. – С. 49–53.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. URL: http://nlr.ru/eres/law_/content.html (Дата обращения: 12.08.2018)
17. Сакович А. В. Крымские татары на военной службе Российской империи / А. В. Сакович. – М.: Фонд «Русские Витязи». – 2016. – 316 с.
18. Кандараки В. Х. Первые годы нашего господства в Крыму. В память столетия Крыма / В. Х. Кандараки. – М., 1883. – 145 с.
19. Воробьева Е. И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.). URL: <http://www.tatar-history.narod.ru/imper.htm> (Дата обращения: 14.08.2018)
20. Ромахина М. Правовой статус Крыма и Севастополя с 18-го века до наших дней. URL: <http://statehistory.ru/4536/Pravovoy-status-Kryma-i-Sevastopolya-s-18-go-veka-do-nashikh-dney/> (Дата обращения: 14.07.2018)
21. Гаспринский И. Россия и Восток. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – 132 с.
22. Климович Л. На службе просвещения: о первой тюркоязычной газете «Терджиман» и ее издатель И. Гаспринском // Гаспринский И. Из наследия. – Симферополь: Таврия, 1991. – С. 4–22.
23. Абдирашидов З. Ш. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние. – Ташкент: Akademmnashr, 2011. – 348 с.
24. Аблаев Э. А. Исмаил Гаспринский – гуманист, педагог, просветитель. – Симферополь: Таврия, 2010. – 156 с.
25. Гаспринский И. От редакции // Переводчик. – 1883. – № 1. – С. 1–2.
26. Гаспринский И. Россия // Переводчик. – 1884. – № 1. – С. 1–2.
27. Гаспринский И. Выше нами был поставлен... // Переводчик. – 1905. – № 29. – С. 1–2.
28. Гаспринский И. Вакуфная Комиссия // Переводчик. – 1893. – № 16. – С. 1–2.
29. Гаспринский И. Жизнь и печать в Турции... // Переводчик. – 1884. – № 41. – С. 86–87.
30. Гаспринский И. Английский закон // Переводчик. – 1901. – № 40. – С. 1–2.
31. Гаспринский И. Ответ газете «Зия» // Переводчик. – 1883. – № 19. – С. 1–3.
32. Гаспринский И. В воскресенье... // Переводчик. – 1894. – № 19. – С. 1–2.
33. Гаспринский И. Несколько дней в Стамбуле // Переводчик. – 1885. – № 16. – С. 26–27.
34. Гаспринский И. Через три дня // Переводчик. – 1899. – № 48. – С. 1–2.
35. Гаспринский И. Юбилей Крымского дивизиона // Переводчик. – 1900. – № 13. – С. 1–2.
36. Гаспринский И. С новым Годом // Переводчик. – 1893. – № 1. – С. 1–2.
37. Гаспринский И. Об уходе в Турцию // Переводчик. – 1893. – № 25. – С. 1–4.
38. Гаспринский И. 18 октября 1890 г. // Переводчик. – 1890. – № 37. – С. 1–2.
39. Гаспринский И. Русская власть... // Переводчик. – 1893. – № 15. – С. 1–2.
40. Гаспринский И. Наши старики правильно говорили... // Переводчик. – 1889. – № 13. – С. 1–2.
41. Гаспринский И. Открыв 1 ч. XI Т. Свода законов Российской империи... // Переводчик. – 1889. – № 43. – С. 1–2.
42. В посольстве США в Украине открыта выставка крымскотатарского искусства. URL: <https://avdet.org/ru/2012/03/12/v-posolstve-ssha-v-ukraine-otkryta-vystavka-krymskotatarskogo-iskusstva/> (Дата обращения: 14.08.2018)
43. Підготовка і видання оновленої версії книжки «Кримські татари як корінний народ». URL: http://www.irf.ua/grants/awarded_grants/preparation_and_publication_of_the_updated_version_of_the_book_crimean_tatars_as_an_indigenous_people/ (Дата обращения: 14.08.2018)
44. Турки снимают фильм о депортации крымских татар. URL: <http://www.kianews.com.ua/news/pr-vzyala-tri-kresla-v-krimy-9459> (Дата обращения: 12.08.2018)
45. Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / А. А. Ирхин. – Севастополь: Рибэст, 2011. – 294 с.

46. Ирхин А. А. Противоборство цивилизаций и позиции России. URL: <https://cont.ws/@alex/91513> (Дата обращения: 14.08.2018)

Demeshko N. E. Russia and the Crimean Tatars: Retrospect and Forecast // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 57–69.

This article is devoted to the study of the integration experience of Russia in relation to the Crimean Tatars from the XVIII–early XX centuries. In 2014 the Crimean-Tatar question received a new impulse of internationalization. News reports, reports of international organizations on human rights violations in Crimea and oppression of Crimean Tatars were published. At the same time, in historical retrospect Crimea is integrated into the Russian space not for the first time. This socio-political experience and its technological dimension is of both practical and theoretical scientific interest. Analysis of the scientific literature has demonstrated an ambiguous assessment of the joint historical past of Crimea and Russia. Opinions of researchers on the Russian integration experience of the Crimean Tatars range sharply from positive to strictly negative. Most authors pointed to the purposeful centuries-old extermination of this ethnos by tsarist and Soviet Russia. Therefore, the urgency of an objective study of the integration policy of the Russian Empire relative to the Crimean Tatars based on primary sources and political literature using scientific methodology is beyond doubt. Also, the article will give a forecast on the further development of the Crimean-Tatar question in the territory of the Russian Federation.

Keywords: political technologies, social and political experience, integration, the Russian Empire, Crimean Tatars, government decrees, the newspaper "Translator-Terdzhiman".

References

1. Nadykto O. Poroshenko obsudil s Erdoganom Krym [Poroshenko Discussed with the Erdogan Crimea]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/08/2016/57b892119a7947b7e2031a55> (Accessed: 12.08.2018)
2. Putin i Erdogan obsudili polozhenie krymskikh tatar [Putin and Erdogan Discussed the Situation of the Crimean Tatars]. URL: <https://ria.ru/east/20141201/1036043853.html> (Accessed: 25.07.2018)
3. Paschyn C. M. Russia Is Trying to Wipe Out Crimea's Tatars. URL: https://www.nytimes.com/2016/05/20/opinion/russia-is-trying-to-wipe-out-crimeas-tatars.html?_r=0 (Accessed: 23.07.2018)
4. Roache M. Russian Authorities 'Imprisoning Crimean Tatars in Psychiatric Hospitals'. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/mar/28/russian-authorities-imprisoning-crimean-tatars-in-psychiatric-hospitals> (Accessed: 21.07.2018)
5. Gavrilov Yu. A., Shevchenko A. G. Russkie musul'mane v pole rossiiskoi identichnosti [Russian Muslims in the field of Russian identity]. Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik [Russia Reformed. Yearbook], 2008, Vyp. 7, p. 289–303.
6. Belitser N. Deportatsiya krymskikh tatar kak eshche odin genotsid v SSSR [Deportation of the Crimean Tatars as Another Genocide in the USSR]. URL: <http://islam.in.ua/ru/islamovedenie/deportaciya-krymskih-tatar-kak-eshche-odin-genocid-v-sssr> (Accessed: 13.08.2018)
7. Vozgrin V. E. Imperiya i Krym – dolgii put' k genotsidu [Empire and Crimea – a Long Way to Genocide]. Bakhchisarai, 1994, 46 p.
8. Fisher A. The Crimean Tatars. Stanford: Hoover Institution Press, 1978, 259 p.
9. Hall M. J. Crimean Tatar-Russian as a Reflection of Crimean Tatar National Identity. URL: <http://www.iccrimea.org/scholarly/mhall.html> (Accessed: 12.08.2018)
10. Pohl J. O. The Deportation and Fate of the Crimean Tatars. URL: <http://www.iccrimea.org/scholarly/jopohl.html> (Accessed: 22.07.2018).
11. Uehling G. L. The Crimean Tatars as Victims of Communism. URL: <http://www.iccrimea.org/scholarly/uehling-crimeantatars.html> (Accessed: 20. 07. 2018)
12. Vahtre L., Viikberg J. The Red Book of the Peoples of the Russian Empire. URL: http://www.eki.ee/books/redbook/crimean_tatars.shtml (Accessed: 23.07.2018)

13. Irkhin A. A., Demeshko N. E. Rol' I. Gasprinskogo v formirovanii identichnosti russkikh musul'man [The Role of I. Gasprinsky in the Formation of the Identity of Russian Muslims] Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya [Bulletin of the Development of Science and Education]. 2015, № 6, p. 49–58.
14. Irkhin A. A. Bor'ba za "umy i serdtsa" naroda Ukrainy: rossiiskie pozitsii i prichiny upushchennykh vozmozhnostei [Struggle for "Minds and Hearts" of the People of Ukraine: Russian Positions and Reasons for Missed Opportunities] Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya [Paradigms of History and Social Development]. 2016, № 1, p. 64–70.
15. Demeshko N. E. Integratsionnyi opyt Rossiiskoi imperii v otnoshenii Kryma v XIX veke [Integration Experience of the Russian Empire in Relation to the Crimea in the XIX Century] Zapad – Vostok [West-East]. 2015, № 8, p. 49–53.
16. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Meeting]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (Accessed: 12.08.2018)
17. Sakovich A. V. Crimean Tatars in the Military Service of the Russian Empire [Crimean Tatars in the Service of the Russian Empire]. Moscow: Fond «Russkie Vityazi», 2016, 316 p.
18. Kandaraki V. Kh. Pervye gody nashego gospodstva v Krymu. V pamyat' stoletiya Kryma [The First Years of our Domination in the Crimea. In Memory of the Century of the Crimea]. Moscow, 1883, 145 p.
19. Vorob'eva E. I. Vlast' i musul'manskoe dukhovenstvo v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.) [Power and the Muslim Clergy in the Russian Empire]. URL: <http://www.tatar-history.narod.ru/imper.htm> (Accessed: 14.08.2018)
20. Romakhina M. Pravovoi status Kryma i Sevastopolya s 18-go veka do nashikh dnei [The Legal Status of the Crimea and Sevastopol from the 18th Century to the Present Day]. URL: <http://statehistory.ru/4536/Pravovoy-status-Kryma-i-Sevastopolya-s-18-go-veka-do-nashikh-dnei/> (Accessed: 14.07.2018)
21. Gasprinskii I. Rossiya i Vostok [Russia and the East]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 132 p.
22. Klimovich L. Na sluzhbe prosveshcheniya: o pervoi tyurkoyazychnoi gazete «Terdzhiman» i ee izdatele I. Gasprinskom [At the Service of Education: about the First Turkic Newspaper "Terjiman" and its Publisher I. Gasprinsky] Gasprinskii I. Iz naslediya [Gasprinsky I. From the heritage]. Simferopol: Tavriya, 1991, p. 4–22.
23. Abdirashidov Z. Sh. Ismail Gasprinskii i Turkestan v nachale XX veka: svyazi – otnosheniya – vliyanie [Ismail Gasprinsky and Turkestan in the beginning of XX Century: Connections – Relations – Influence]. Tashkent, Akademmnashr, 2011, 348 p.
24. Ablaev E. A. Ismail Gasprinskii – gumanist, pedagog, prosvetitel' [Ismail Gasprinsky - a humanist, educator, educator]. Simferopol, Tavriya, 2010, 156 p.
25. Gasprinskii I. Ot redaksii [From the Editor]. Perevodchik [Translator], 1883, № 1, p. 1–2.
26. Gasprinskii I. Rossiya [Russia] Perevodchik [Translator], 1884, № 1, p. 1–2.
27. Gasprinskii I. Vyshe nami byl postavlenn... [We have been Raised by us ...] Perevodchik [Translator], 1905, № 29, p. 1–2.
28. Gasprinskii I. Vakufnaya Komissiya [Vakufnaya Commission]. Perevodchik [Translator], 1893, № 16, p. 1–2.
29. Gasprinskii I. Zhizn' i pechat' v Turtsii... [Life and the Press in Turkey]. Perevodchik [Translator], 1884, № 41, p. 86–87.
30. Gasprinskii I. Angliiskii zakon [English Law]. Perevodchik [Translator], 1901, № 40, p. 1–2.
31. Gasprinskii I. Otvet gazete «Ziya» [Reply to the Newspaper "Zia"]. Perevodchik [Translator], 1883, № 19, p. 1–3.
32. Gasprinskii I. V voskresen'e [On Sunday ...] Perevodchik [Translator], 1894, № 19, p. 1–2.
33. Gasprinskii I. Neskol'ko dnei v Stambule [A Few Days in Istanbul]. Perevodchik [Translator], 1885, № 16, p. 26–27.
34. Gasprinskii I. Cherez tri dnya [Three Days Later] Perevodchik [Translator]. 1899, № 48, p. 1–2.
35. Gasprinskii I. Yubilei Krymskogo diviziona [Anniversary of the Crimean Division] Perevodchik [Translator]. 1900, № 13, p. 1–2.
36. Gasprinskii I. S novym Godom [With the New Year] Perevodchik [Translator]. 1893, № 1, p. 1–2.
37. Gasprinskii I. Ob ukhode v Turtsiyu [About Leaving in Turkey]. Perevodchik [Translator], 1893, № 25, p. 1–4.

38. Gasprinskii I. 18 oktyabrya 1890 g. [October 18, 1890]. Perevodchik [Translator], 1890, № 37, p. 1–2.
39. Gasprinskii I. Russkaya vlast'... [Russian Power] Perevodchik [Translator]. 1893, № 15, p. 1–2.
40. Gasprinskii I. Nashi stariki pravil'no govorili [Our Old People Correctly Said ...]. Perevodchik [Translator], 1889, № 13, p. 1–2.
41. Gasprinskii I. Otkryv 1 ch. I XI T. Svoda zakonov Rossiiskoi imperii... [Opening 1 part I XI T. Code of Laws of the Russian Empire ...]. Perevodchik [Translator], 1889, № 43, p. 1–2.
42. V posol'stve SShA v Ukraine otkryta vystavka krymskotatarskogo iskusstva [An Exhibition of Crimean Tatar Art was Opened at the USA Embassy in Ukraine]. URL: <https://avdet.org/ru/2012/03/12/v-posolstve-ssha-v-ukraine-otkryta-vystavka-krymskotatarskogo-iskusstva/> (Accessed: 14. 08. 2018)
43. Pidgotovka i vidannya onovlenoi versii knizhki "Krim's'ki tatar yak korinnii narod" [Preparation and Publication of the Updated Version of the Book "Crimean Tatars as an Indigenous People"]. URL: http://www.irf.ua/grants/awarded_grants/preparation_and_publication_of_the_updated_version_of_the_book_crimean_tatars_as_an_indigenous_people/ (Accessed: 14.08.2018)
44. Turki snimayut fil'm o deportatsii krymskikh tatar [Turks make a Film about the Deportation of Crimean Tatars]. URL: <http://www.kianews.com.ua/news/pr-vzyala-tri-kresla-v-krimy-9459> (Accessed: 12.08.2018)
45. Irkhin A. A. Geopoliticheskie tsikly Evrazii i natsional'nye interesy Ukrainy [Geopolitical Cycles of Eurasia and National Interests of Ukraine]. Sevastopol, Ribest, 2011, 294 p.
46. Irkhin A. Protivoborstvo tsivilizatsii i pozitsii Rossii [The Antagonism of Civilizations and the Position of Russia]. URL: <https://cont.ws/@alex/91513> (Accessed: 14.08.2018)

УДК: 327

**МОДЕЛИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЖИМА
ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ:
1783–2018 ГГ. И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Ирхин А. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация.

E-mail: alex.irhin@mail.ru

В статье проводится анализ эволюции режима Черноморских проливов в исторической ретроспективе 1783–2018 гг. В данных хронологических рамках автор выделяет четыре модели его функционирования: Ункяр-Искелесийский мирный договор (1833), Лондонская конвенция (1841), Лозаннская (1923) и конвенция Монтре (1936). Восстановление российского суверенитета над Крымом в 2014 году автоматически усиливает российские позиции в Черноморско-Средиземноморском регионе за счет снятия ограничения на проведение самостоятельной политики, которые были ранее связаны с арендным статусом Севастопольской военно-морской базы. В этих условиях режим функционирования Черноморских проливов снова становится предметом конкуренции великих держав, что проявится в ближайшем будущем. В настоящее время консолидированная позиция России и Турции позволяет сохранить действие выгодной двум державам конвенции Монтре. Однако попытки военного переворота в Турции в 2016 году и другие факторы показывают, что западные державы будут стремиться изменить баланс сил в Черноморско-Средиземноморском регионе, ключ к которому лежит в режиме функционирования Черноморских проливов.

Ключевые слова: Черноморские проливы, Россия, Турция, Крым, Черноморско-Средиземноморский регион.

Режим функционирования Черноморских проливов – Босфора и Дарданелл – на протяжении последних нескольких столетий был предметом дипломатических переговоров, которые либо предшествовали масштабным столкновениям великих держав, либо подводили их итоги. Каждый из режимов представлял модель функционирования проливов с внешними и внутренними условиями и хронологическими рамками.

Современный период в международных отношениях является переходным, когда создаются предпосылки для формирования новой системы международных отношений. Как показывает исторический опыт, такие периоды между уже ушедшей в прошлое международной системой и еще не сформированным мировым порядком, характеризуются повышенной конфликтностью между субъектами мировой и региональной политики, цель которых – получить наиболее благоприятные пространственные позиции перед началом нового передела мира.

Российская Федерация в 2014 году, восстановив свой суверенитет над Крымом, реанимировала исторические комплексы западной элиты в отношении российской экспансии через Черноморские проливы. Одновременно узел проблем, вокруг которого в прошлом был завязан так называемый «Восточный вопрос» стал предметом конкуренции главным образом в геополитическом треугольнике между Россией, Западом и Турцией.

Цель данной публикации – исследование эволюции режима Черноморских проливов в исторической ретроспективе 235 лет с момента присоединения Крыма к России в 1783 году и до 2018 года. Результатом достижения поставленной цели будет выделение моделей режимов Черноморских проливов, которые отвечали российским интересам либо игнорировали их, что как показывает исторический опыт, являлось прологом будущего военного столкновения, когда Черноморские проливы становились коридором для доставки враждебных сил к берегам России.

Объектом исследования является региональная система международных отношений в Черноморско-Средиземноморском регионе в хронологических рамках 1783–2018 гг. Предметом – эволюция моделей режима Черноморских проливов.

Методология исследования включает в себя три подхода – системный, исторический и геополитический. Их сочетание позволяет в полной мере достигнуть поставленную научную цель.

Вот уже несколько столетий сотрудничество и конкуренция России и Запада происходит главным образом проходит в рамках Балто-Черноморской дуги. Границы этой кривой подвижны и меняются исходя из логики слабости или силы каждой сторон.

Проникновение России в регион начинается во второй половине XVIII века. Однако в условиях отсутствия выхода к Черному морю, первое масштабное проникновение русского флота, а следом и других интересов России, происходило со стороны Балтики. Одной из существенных причин, формирующей благоприятные геополитические условия для быстрого продвижения России в регион, было системное столкновение Великобритании и Франции.

Главные западные державы того исторического периода – Великобритания и Франция в период с 1688 по 1815 гг. в течение «долгого восемнадцатого столетия» в борьбе за глобальное доминирование находились в состоянии постоянных войн. Причем география столкновений была от Северной и Латинской Америки, Западной Европы до Индии. Так называемая Война лиги Габсбургов велась в течение восьми лет до 1697 года. После краткого перерыва две нации вновь вступили в войну за испанское наследство (1702–13 гг.). Продолжительная, но напряженная интерлюдия закончилась в 1740 году войной, разразившейся за австрийское наследство. Через семь лет после Аахенского мирного договора началась Семилетняя война. Франция пыталась вернуть некоторые из своих катастрофических потерь, понесенных ею по Парижскому договору от 1763 года в результате пятилетней войны, продолжавшейся с 1778 по 1783 гг. В соответствии с ее итогами Соединенные Штаты становились независимыми. Но война вызвала банкротство Франции и ускорила Великую французскую революцию. В результате последовал двадцать один год революционных и наполеоновских войн, направленных против Британии.

Они завершились только битвой при Ватерлоо в 1815 году [1, с. 20]. Шестьдесят из 127 лет Франция и Британия воевали друг с другом, формируя расширенные рамки внешнеполитических возможностей для региональных держав.

В ходе «длинного восемнадцатого столетия» в условиях столкновения Британии и Франции на этом этапе сложилась ситуация, когда Париж имел значительное влияние на Стамбул, а Британии было необходимо через ослабление Турции включить ее в антифранцузский союз. Лучшего кандидата для разыгрывания «английского баланса» против Турции, чем Россия не было на тот момент. На региональном же уровне под влиянием польского вопроса и позиции Франции Порты объявляет в 1768 году войну России, используя Крым, как плацдарм, а татарскую конницу, как главную наступательную силу. Париж оказывал давление на Польшу с целью сдерживания российского продвижения на Запад. Складывалась неблагоприятная ситуация, когда польско-турецкая коалиция при поддержке Франции формировала пояс сдерживания для России и представляла постоянную угрозу на ее юго-западных границах.

В этих условиях Россия, используя заинтересованность и содействие Британии, наряду с сухопутным наступлением организует морскую экспедицию в 1769 году из Кронштадта в составе 20 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирского корабля, 26 вспомогательных судов, свыше 8 тысяч человек десанта и 17 тысяч общего состава экспедиции.

Содействие Британии происходило по двум важнейшим направлениям.

Во-первых, она открыла возможность вербовки для России опытных морских английских офицеров.

Во-вторых, Британия позволила России использовать свои военно-морские базы в Средиземноморье: в Гибралтаре и на Минорке. Кроме того, при содействии Англии было обеспечено пребывание российского флота в Ливорно – главном порту Великого герцогства Тоскана (область современной Италии). Более того, русская эскадра по пути следования останавливалась для ремонта и отдыха на самих Британских островах, что свидетельствует об острой заинтересованности Лондона в России в качестве союзника.

Данный поход завершился в 1770 году Чесменской битвой и в итоге разгромом турецкого флота, что имело эффект домино в российско-турецком и англо-французском противостоянии, то есть на региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, в новое время проникновение России в регион Большого Средиземноморья происходило с балтийского региона и при тесном содействии Британии. Целью последней было использование российских ресурсов для ослабления региональных и глобальных позиций Франции.

Процесс присоединения Крыма к России в условиях глобального противостояния Англии и Франции также мало беспокоил на тот момент англосаксонскую элиту, скорее французы посчитали это опасным явлением, которое может впоследствии представлять угрозы для баланса сил в Черноморском, а главное Средиземноморском регионе. К середине XVIII века Россия уже стала вызывать у западных наблюдателей неясное беспокойство. В 1762 году французский поверенный в делах в Санкт-Петербурге докладывал:

«Если русские амбиции не сдерживать, то их последствия могут оказаться фатальными для соседствующих держав... Я знаю, что силу русских не следует мерить их экспансией и что их господство над восточными территориями скорее впечатляющий мираж, чем источник реальной мощи. Но я также подозреваю, что нация, лучше любой другой способная справиться с непривычными крайностями времен года на чужбине вследствие суровости климата у себя дома, привыкшая к рабскому повиновению, довольствующаяся в жизни малым, в состоянии начать войну при малых на то затратах... И такая нация, как я подозреваю, скорее всего окажется завоевателем» [2, с. 122].

Однако по ходу развития исторического процесса, в котором Франция теряла свои глобальные позиции, а Британия взяла верх в процессе гонки за глобальное лидерство, Лондон начинает рассматривать морские возможности России в Большом Средиземноморье: сначала с подозрением воспринимать российское продвижение на юго-запад, а затем и больше – перенимать французскую точку зрения.

Присоединение Крыма к России формировало независимую от Британии, в отличие от Средиземноморского похода 1768–70 гг., точку геополитического роста для России. Вокруг Черноморских проливов – воротами России в регион началась двухсотлетняя борьба между Россией и Западом, где Османская империя обладала меньшим уровнем субъектности и вынуждена была лавировать.

В этот период Екатерина II выступает с инициативной «греческого проекта», который заключался в контролируемом совместно с европейскими державами разделе Османской империи, однако на этом этапе европейские государства заняли негативную позицию в отношении такой идеи по причине экономических и геополитических интересов. Последние заключались в понимании удобства сдерживания России руками Османской империи. Главной же коммуникационной линией такого сдерживания становятся Босфор и Дарданеллы.

В дальнейшем тема режима Черноморских проливов становится предметом военных и дипломатических столкновений и договоренностей.

Французы начинают требовать от Турции прохода через Черноморские проливы. В 1802 году канцлер Воронцов формулирует принцип, при котором черноморские державы имели бы возможность свободного прохода своих военных кораблей через проливы, тогда как нечерноморские державы имели бы различные ограничения по возможности прохода в регион. Слабеющая Турция в условиях конкуренции Англии и Франции начинает придерживаться схожих позиций. В период с 1799 по 1805 гг. были подписаны русско-турецкие соглашения, по которым российские военные корабли проходили в Средиземноморский регион, в то же время Турция не пропускала военные корабли нечерноморских держав. Такое региональное русско-турецкое сближение уже не устраивало ни Францию, ни Англию. В результате целенаправленной деятельности английская дипломатия в 1809 году навязывает Порте Договор о мире, торговле и секретном союзе. По нему Османская империя принимала обязательства по закрытию проливов в мирное время для военных кораблей всех стран. Русский флот был заперт в Черном море [3, с. 11].

Очередным этапом конкуренции за проливы становится Ункяр-Искеллесийский договор между Россией и Турцией от 1833 года. За всю историю существования проблемы Черноморских проливов для России это был самый благоприятный договор, который устанавливал военный союз России и Турции и право свободного прохода российского флота через проливы, при этом по требованию России эти проливы закрывались для кораблей любых стран, кроме России. Чуть более чем через 100 лет именно такую модель военно-политического взаимодействия Турции и СССР пытался продвинуть И. В. Сталин с оговоркой, что военно-политический союз двух государств должен ограничиваться зоной проливов и Черноморского региона [4, с. 33].

Такие благоприятные условия Ункяр-Искеллесийского соглашения были связаны с ослаблением Османской империи и центробежными тенденциями окраин, которые подпитывались Англией, Францией и Россией. При этом если в отношении греческого национально-освободительного движения эта коалиция находила общие взгляды, то по поводу других территорий-окраин, проявлялись заметные расхождения. Последние были, по всей видимости, связаны с четкой геополитической ориентацией османских окраин на одну из трех великих держав, что увеличивало их международный потенциал. Причиной для выгодных статей Ункяр-Искеллесийского договора была военная помощь, предоставленная Россией Османской империи в борьбе со своей еще одной мятежной окраиной – Египтом. 30-ти тысячный русский корпус высадился в районе Босфора и преградил путь по захвату турецкой столицы египетским войскам. Однако в этой борьбе внутри Порты Египет поддерживала Франция, тогда как русский царь Николай I сделал выбор в пользу поддержки целостности слабеющей Османской империи.

Во время второй турецко-египетской войны британская дипломатия добилась подписания Лондонской конвенции от 15 июля 1840 года, которая закрыла проход иностранных военных кораблей через Проливы. В следующем году, когда Франция вновь вошла в европейский концерт, Лондонская конвенция становится конвенцией о Проливах. Согласно 1 статье, «Султан, с одной стороны, объявляет, что он имеет твердое намерение на будущее время соблюдать начало непреложно установленное, как древнее правило его империи, и в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных держав входить в Проливы Дарданеллы и Босфор» и, пока Порты находится в мире, его Султанское Величество не допустит ни одного военного иностранного судна в Проливы. Вторая статья Лондонской конвенции от 1841 года предусматривала международный регламент военного судоходства через Проливы, который основывался на коллективных обязательствах договаривающихся сторон друг к другу, а не только к Турции. Таким образом, Лондонская конвенция о Черноморских проливах существенно ограничивала суверенитет Турции и снимала преимущества России в отношении Проливов, которые та получала в результате Ункяр-Искеллесийского договора.

Если Ункяр-Искеллесийский договор был блестящим успехом российского оружия и дипломатии, то Лондонская конвенция отразила успех Британии. Примечательно, что Россия почти добровольно отказалась от столь выгодного режима Черноморских проливов, что обеспечивало ей не только безопасность своих

южных рубежей, но и возможность военным и торговым путем свободно проникать в Средиземное море.

Столь блестящей победе британской дипломатии способствовал все тот же новый баланс сил, который был сформирован англичанами для сдерживания уже России. При содействии Лондона в 1818 году в ранг великих держав вернулась Франция, элита которой в последующие несколько десятилетий сделала своей национальной идеей месть России за унижение Наполеона в 1812 году.

Таким образом, выученные британской дипломатией исторические уроки способствовали тому, что во время второй турецко-египетской войны Британия очень расторопно, опередив Россию, поддержала турецкого султана и совместно с Францией способствовала вытеснению российских позиций из Порты, которые выглядели угрожающими в глазах европейцев после подписания Ункяр-Искелесийского договора.

Николай I пошел на добровольную отмену договора, полагая, что такой шаг будет способствовать новой изоляции Франции и крушению баланса сил в Европе [3, с. 70]. Однако баланс выстраивался главным дирижером Венской системы международных отношений и в его планы не входила изоляция истощенной после 1815 года сухопутной и морской великой европейской державы, которая после Наполеона I представлялась идеальным инструментом сдерживания амбиций России. В новом разыгрываемом «английском балансе» сил была и другая крайность. Франция и Англия, заперев Россию в Черном море, постепенно становились открытыми конкурентами в борьбе за сферы влияния внутри Османской империи, которая по-прежнему занимала большую часть Большого Средиземноморья. Опасения англичан в отношении данной конкуренции проявились уже в 1830-х, когда Франция захватила Алжир и получила влияние в Египте и Сирии. Верхней точкой англо-французской конкуренции стал раздел Османской империи и формирование системы мандатариев после Первой мировой войны. Интересным исследовательским вопросом может стать английская дилемма между русской и французской угрозами.

В январе 1918 года президент США В. Вильсон обратился с посланием к конгрессу, перечислив в 14 пунктах предлагаемые им условия мира. Это послание явилось основой американской программы окончания Первой мировой войны. 6 пункт программы касался России – «Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное действие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечения ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет. И более, чем прием, также всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций в ближайшие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости, бескорыстия их симпатий» [5]. Данная американская позиция в отношении проливов, которая не

противоречила английскому подходу, была реализована в условиях подписания Лозаннского мирного договора в статьях одноименной конвенции. Черноморские проливы попали под международный контроль и проход военных и гражданских судов разрешался для всех государств, как во время мира, так и войны в случае нейтралитета Турции. Если Республика выступала на стороне одной из воюющих сторон, то предусматривался свободный проход через проливы военных кораблей нейтральных стран.

12 пункт В. Вильсона касался Турции. Черноморские проливы – Дарданеллы и Босфор – предлагалось открыть не только для торговых, но и для военных судов всех стран. Указанный пункт касался также национальных проблем Турции, в частности он гласил: «Турецкие части Османской империи в современном ее составе должны получить обеспеченный и прочный суверенитет, но другие национальности, ныне находящиеся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия автономного развития» [6, с. 145].

Сопоставление взглядов американского президента на две распадающиеся империи Евразии свидетельствует о желании американского истеблишмента сохранить целостность России, но при этом через национальный вопрос фрагментировать Османскую империю. Кстати, такое стремление сохранить целостность России просматривалось в отношении экспансионистских возможностей Японии завладеть ресурсами Сибири в 1904, 1918 и 1941 гг., когда американцы своими прямыми и косвенными действиями не позволяли Токио реализовать планы евразийской экспансии. Американская логика была связана с тем, что, завладев такими ресурсными возможностями, островная империя превращалась бы в гораздо более опасного для США конкурента, чем любая – «белая» или «красная» Россия. В отношении же Османской империи В. Вильсон, по сути, констатировал свершившийся факт распада в условиях конкуренции Англии, Франции и США, где последние пытались получить свою долю для управления регионом.

Вопрос о проливах получил долговременное геополитическое решение в 1936 году, когда состоялась конференция, которая упорядочивала новый режим прохода судов через Черноморские проливы, который с небольшими изменениями сохраняется и на сегодняшний день. Так, 20 июля 1936 года в Швейцарском городе Монтре, король Болгар, президент Французской Республики, король Соединенного Королевства, король Эллинов, император Японии, король Румынии, президент Турции, король Югославии, представитель ЦИК СССР договорились о новом режиме прохода судов в Босфоре и Дарданеллах.

Конвенция Монтре признает особое положение черноморских государств по сравнению с нечерноморскими. За торговыми судами всех стран сохраняется полная свобода прохода через проливы в мирное время, в военное же время турецкая сторона вправе вводить ограничения [7, с. 55–56]. Фактически контроль над проливами находится в руках Турции и более сильного государства или группы государств, стоящих за ней. Конвенция была направлена на тот момент против возможной геополитической экспансии СССР (России). Но в то же время это был

компромисс – проливы находились не под международным, а турецким контролем и черноморские государства получали преимущества перед нечерноморскими.

В подписании конвенции из нечерноморских держав участвовали: Англия, Франция, Япония – это свидетельствует об их стремлениях вести политику в отдаленных регионах. Однако была и другая категория держав, которая не приняла участия в конференции – США, Германия и Италия.

Следующий этап борьбы за проливы начался после Великой отечественной войны.

Советское правительство 19 марта 1945 года заявило о денонсации договора 1925 года о дружбе и нейтралитете. В ответ на предложение Турции начать переговоры по условиям будущего договора были выдвинуты территориальные претензии, касавшиеся возвращения провинций Карс и Ардаган, а также изменения статуса проливов и совместной их обороны.

В турецкой прессе реакция на денонсацию данного договора была представлена таким образом, что турки не понимают претензий СССР и готовы дальше укреплять советско-турецкую дружбу. Однако вследствие внешнеполитических действий СССР, Турция оставляет себе право судить о том, что будут ли советские предложения способствовать развитию дружбы между странами [8, оп. 128, д. 820, л. 5,12,16,17].

В 1946 году СССР направил две ноты турецкому правительству, в которых обвинял последнее в нарушении конвенции Монтре во время Второй мировой войны, и предлагал новый проект режима проливов:

- проливы должны быть всегда открытыми для прохода торговых судов всех стран;

- проливы должны быть всегда открытыми для прохода военных судов Черноморских стран;

- проход через проливы для военных судов нечерноморских держав не допускается, за исключением особо предусмотренных случаев;

- Турция и Советский Союз, как державы наиболее заинтересованные и способные обеспечить свободу торговли мореплавания и безопасность в проливах для предотвращения использования проливов другими государствами во враждебных Черноморским державам целях, должны были разделить ответственность по их обороне [9, с. 169].

И. Сталину не удалось реализовать это направление внешнеполитического давления на союзников, однако представляется, что у советского лидера была другая цель – через создание давления в средиземноморском направлении получить политический выигрыш на всех восточноевропейских территориях, которые были заняты советскими войсками. Сталин создавал давление на морских коммуникациях, где Россия была традиционно слабой, и воскрешал старые западные страхи времен Екатерины II о возможном поглощении Россией всей западной цивилизации, если она получит контроль над проливами. При этом он выигрывал Восточную Европу и получал сухопутный выход в Большое Средиземноморье через выстраиваемую систему союзников.

Анализируя более чем 235-летнее присутствие России в регионе необходимо констатировать, что для России Босфор и Дарданеллы являются воротами в регион Большого Средиземноморья, в то же самое время через проливы возможности державы могут быть заблокированы в Черноморском бассейне и, наконец, через них к берегам России могут быть доставлены значительные враждебные силы. Самый благоприятный режим был достигнут в 1833 году в результате подписания Ункяр-Искелесийского мирного договора, когда Российская империя могла спокойно проводить свои корабли на Запад Большого Средиземноморья и при этом перекрывать проливы в случае возникновения опасности. По сути, речь шла о совместной обороне проливов. Самая неблагоприятная модель функционирования Черноморских проливов для России и, следовательно, благоприятная для Британии была реализована в результате подписания Лондонской конвенции в 1841 году. По ней проливы попадали под «международный контроль» путем реализации так называемого древнего правила Османской империи, согласно которому Босфор и Дарданеллы объявлялись в мирное время закрытыми для военных кораблей всех стран. Конвенция в дальнейшем позволила успешно реализовать объединенному Западу крымскую кампанию и лишить Россию возможностей военно-морского присутствия в регионе.

В 1923 году Англией была реализована схожая по условиям с Лондонской Лозаннская конвенция, которая ставила Черноморские проливы под международный контроль и разрешала проход военных кораблей для всех держав во времена мира и войны.

Действующая с 1936 года с небольшими изменениями до сегодняшнего дня конвенция Монтре является, по сути, компромиссом между этими двумя крайними моделями. По ней черноморские державы имеют приоритет над нечерноморскими государствами. Так, при условии предварительного уведомления Турции, черноморские державы имеют право свободно проводить свои военные корабли через проливы. В то же время нечерноморские державы имеют право проводить корабли в Черное море сроком не более чем на 21 сутки и их тоннаж не должен превышать 30 тыс. тонн с возможностью повышения тоннажа до 45 тыс. тонн. В случае войны, турецкое руководство может перекрывать проливы. В 1936 году конвенция Монтре отражала *modus vivendi*, по которому И. Сталин сделал попытку пересмотра сразу же после окончания Второй мировой войны. Советский лидер продвигал модель совместной советско-турецкой обороны проливов, то есть, по сути, возвращение к Ункяр-Искелесийской модели.

В настоящее время, конвенция Мотре в условиях геополитического давления Запада выгодна России, так как позволяет ограничить его морскую экспансию в Черноморском регионе, в то же самое время при условии дружественной Турции, позволяет перебрасывать свой ВМФ из Черного в Средиземное море. Следовательно, в современных условиях соотношения геополитических потенциалов и формирования новой системы международных отношений, любые попытки пересмотра режима Черноморских проливов, закрепленного конвенцией Монтре, не отвечают современным российским национальным интересам.

Список литературы

1. Маклинн Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства / Ф. Маклин; пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 638 с.
2. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. – 848с.
3. Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре / В. Н. Виноградов. – М.: Наука, 1991. – 160 с.
4. Ирхин А. А США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз / А. А. Ирхин. – Севастополь: «РИБЕСТ», 2016. – 208 с.
5. Четырнадцать пунктов Вильсона. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/14points.htm> (Дата обращения: 12.08.2018)
6. Миллер А. Ф. Турция: актуальные проблемы новой новейшей истории / А. Ф. Миллер. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
7. Актюн М. Черноморские проливы: незримые связи // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – 2003. – С. 43–75.
8. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф.17. Оп. 128. Д. 820, 1199.
9. Внешняя политика Советского Союза – М.: Издательство политической литературы, 1952. – 836 с.

Irkhin A.A. The Regime of the Black Sea Straits in 1783–2018 and Russia's National Interests // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 70–80.

The article gives a retrospective view upon the 1783–2018 evolution of the regime of the the Black Sea Straits called the Turkish Straits within the existing westernized political framework. Within the given period, author distinguishes four models of the regime: the 1833 Treaty of Unkiar Skelessi, the 1841 London Straits Convention, the 1923 Peace Treaty of Lausanne, and the 1936 Montreux Convention. After Russia has reestablished its sovereignty over Crimea, its influence in the Black Sea Region is substantially reinforced as no limits to independent policy, that were connected with the lease status of the Sevastopol Naval Base, any longer exist.

Under those circumstances the regime of the Black Sea Straits is again the subject matter of the great powers struggle that we will observe in the nearest future. At the moment the consolidated position of Turkey and Russia helps to continue the Montreux Convention that is of advantage for both of them. But some attempts of the military coup in Turkey say for the fact that Western countries tend to change the power balance in the Black Sea and Mediterranean Region where the regime of the Turkish Straits is the key factor.

Keywords: Black Sea Straits, Turkish Straits, Russia, Turkey, Crimea, Black Sea and Mediterranean Region.

References

1. Maklinn F. 1759. God zavoevaniya Britaniei mirovogo gospodstva [1759. The Year of Conquest of Britain by World Domination]. Moscow, AST, Astrel', 2011, 638 p.
2. Kissindzher G. Diplomatiya [Diplomacy]. Moscow, Lodomir, 1997, 848 p.
3. Vinogradov V. N. Britanskii lev na Bosfore [British Lion on the Bosphorus]. Moscow, Nauka, 1991, 160 p.
4. Irkhin A. A. SShA i Turtsiya: strategicheskii soyuz i takticheskie raznoglasiya. Retrospektiva i prognoz [The USA and Turkey: a Strategic Alliance and Tactical Differences. Retrospective and Forecast]. Sevastopol, «RIBEST», 2016, 208 p.
5. Chetyrnadtsat' punktov Vil'sona [The Fourteen Points]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/14points.htm> (Accessed: 12 August 2018)
6. Miller A. F. Turtsiya: aktual'nye problemy novoi noveishei istorii [Turkey: current problems of the new modern history]. Moscow, Nauka, 1983, 277 p.
7. Akgyun M. Chernomorskie prolivy: nezrimye svyazi [Black Sea Straits: Invisible Links]. Rossiiskoturetskie otnosheniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Russian-Turkish Relations: History, Current State and Prospects], 2003. – p. 43–75.
8. Rossiiskii tsentr khraneniya i izucheniya dokumentov noveishei istorii [Russian Center for the Storage and Study of Documents of Recent History]. F.17. Op. 128. D. 820, 1199.
9. Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza [Foreign Policy of the Soviet Union]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952, 836 p.

УДК 327.7

ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК МОДЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Ислямова Э.Э.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: defi77@yandex.ru

Черноморский регион представляет собой один из уникальных геополитических регионов, в котором реализуются различные интеграционные формы. Однако интеграция порождает ряд сложностей, которые являются препятствием на пути к созданию эффективно работающей интеграционной модели. Постоянное балансирование между различными центрами силы, такими как ЕС, США, Россия и Турция, отсутствие четкой классификации и определения функциональных возможностей в рамках интеграционных объединений и организаций, отсутствие стабильной политической ситуации, «затяжные» конфликты и отсутствие стабильных экономических показателей роста не позволяет заключить, что в Черноморском регионе успешно идет процесс интеграции. В современных условиях Черноморскому региону предстоит сделать выбор: или развивать внутреннюю интеграцию в тесной связи с другими структурами, или сохранить напряженность на своих границах, что, безусловно, рождает проблему политической нестабильности. Либо государства, входящие в бассейн Черного моря, целиком вливаются в новое структурное образование, либо они сохраняют статус-кво, и тогда возникает иная структурная единица, которую только условно можно будет называть региональным объединением. Усилия по защите региона предполагает усиление роли регионального сотрудничества организаций (ОЧЭС, Блэксифор, ГУАМ), которые в сотрудничестве с международными субъектами могут обеспечить реализацию эффективной и реальной региональной безопасности при активном участии всех политических факторов, задействованных в рамках европейской и глобальной системы безопасности. Актуализируется необходимость разработки механизма регулярных консультаций и координации между ОЧЭС и всеми другими региональными организациями и инициативами (правительственными и неправительственными), а также с «внерегиональными» партнерами, что позволит избежать дублирования в реализации конкретных проектов.

Ключевые слова: региональная интеграция, Черноморский регион, интеграционные процессы, ОЧЭС, ГУАМ, Blackseafor.

В настоящее время одной из мировых тенденций общественного развития, трансформирующей государственно-правовые и социально-экономические модели, и в этой связи, порождающей новые культурные связи, является региональная интеграция. Региональной интеграции свойственны различные формы и модели, при этом европейская интеграционная модель не является универсальным образцом межгосударственных объединений, особенно в ракурсе событий последнего

времени, когда ЕС регулярно демонстрирует несостоятельность своей политики в ряде вопросов. Большинство современных исследователей полагают, что проблема реализации модели успешной региональной интеграции может рассматриваться только в условиях, когда регион имеет общие природные географические границы, сформированные институты региональной безопасности, высокую степень сотрудничества в политической, экономической и военной сферах, наличие общего культурного пространства. При этом интегрирующийся регион должен обладать правоспособностью и легитимностью с точки зрения других участников международного сообщества. Теоретическим и практическим аспектам региональной интеграции в рамках ОЧЭС посвящены работы Г. Андрэа [1], М. Г. Никитиной и А. С. Бабашиной [2], Л. Н. Величко и В. Н. Садченко [3], Н. С. Беляковой [3], А. Р. Никифорова [6; 7], Э. Д. Эшбы [11] и других отечественных и зарубежных специалистов. Однако события 2015–2016 годов заставляют по-новому смотреть на характер текущего и перспективность дальнейшего взаимодействия между странами-участницами ОЧЭС.

Целью данной статьи является рассмотрение организации черноморского экономического сотрудничества как модели региональной интеграции в Черноморском регионе.

Объектом исследования является организация черноморского экономического сотрудничества.

Предметом исследования – специфика образования и функционирования организации черноморского экономического сотрудничества как модели региональной интеграции в Черноморском регионе.

Методологической основой исследования является сочетание исторического, политико-географического, политико-культурного и политико-экономического подходов. Ключевым методом исследования стал системный анализ, позволивший одновременно применить все упомянутые подходы.

Черноморский регион является одним из уникальных образований, ставшим самостоятельной геополитической зоной после распада советской системы. В рамках региона моделируются и развиваются интеграционные процессы, основанные на стремлении сближения и взаимодействия национальных хозяйств, формировании региональных экономических группировок, поиске политических компромиссов и обеспечении безопасности [3, с. 20]. Но указанная уникальность формирует не только благоприятные условия для успешной политической интеграции в современное геополитическое пространство, но и порождает ряд сложностей относительно вхождения государств региона в мировую политику.

Государства Черноморского региона имеют общие природно-географические границы, а море и его бассейн создают необходимую коммуникационную сеть между ними. Это является одним из условий успешной интеграции, однако неравномерность экономического и политического развития, сохраняющаяся напряженность в отношениях между субъектами региона, мультикультурность и полирелигиозность, а также активное влияние извне создают существенные проблемы для эффективной консолидации. Особенную роль здесь играет отсутствие длительного опыта построения самостоятельных интеграционных моделей и

наличие объективной необходимости постоянного балансирования между различными центрами силы, представленными ЕС, США, Россией и Турцией, стремящейся к лидирующим позициям. И, тем не менее, на протяжении последних двадцати пяти лет, последовавших за распадом советской системы, черноморские государства активно пытаются проводить политику сотрудничества и более глубокой интеграции.

В настоящее время ситуация безопасности в Черноморском регионе и на Кавказе является чрезвычайно сложной, так как она характеризуется, с одной стороны, становлением процесса построения региональной безопасности в рамках евро-атлантического сотрудничества, а с другой – существованием важных противоречивых проблем, вызванных внутренними и межгосударственными конфликтами в СНГ, а также усилением асимметричных угроз, незаконного оборота наркотиков, транспортного сообщения, миграции и, что играет не последнюю роль, усилением терроризма. Потенциальный способ решения проблем региона может быть реализован только в более широкой концепции безопасности, которая включает в себя региональную интеграцию, демократизацию, экономический рост и переосмысление политики и стратегии в отношении Черного моря.

Деятельность Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) можно считать одним из успешных проектов интеграции. Организация черноморского экономического сотрудничества (Organization of Black Sea Economic Cooperation, BSEC) была создана в 1992 году, это межправительственная организация, объединяющая 12 государств, созданная для развития сотрудничества, мира, стабильности и процветания в бассейне Черного моря. В ОЧЭС входят Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Россия, Румыния, Сербия, Турция и Украина. Наблюдателями в организации являются Австрия, Белоруссия, Германия, Египет, Израиль, Италия, Польша, Словакия, США, Франция, Тунис, Хорватия, Чехия, а также Европейская комиссия, Конференция Энергетической хартии, Черноморская комиссия, Международный Черноморский клуб. В 2004 году к Декларации присоединилась Сербия и Черногория, став двенадцатым членом организации, однако после прекращения существования такого государства в 2006 году, место в организации перешло к Сербии. Декларацией о Черноморском экономическом сотрудничестве предусматривается поощрение многостороннего сотрудничества в области торговли и промышленности, энергетики, транспорта, связи, науки и техники, сельского хозяйства, экологии, туризма и других сферах [8].

С 1992 до 1998 организация называлась просто «Черноморское экономическое сотрудничество» (ЧЭС). В 1998 году было принято решение о преобразовании ЧЭС в Организацию черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). 5 июня 1998 года был подписан Устав организации. 8 октября 1999 года на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была утверждена заявка на предоставление ОЧЭС статуса наблюдателя в ООН. Основным органом, принимающим решения в ОЧЭС, является Совет министров иностранных дел, который созывается два раза в год (в июне и в декабре).

В настоящее время в ОЧЭС функционируют 22 рабочие группы, среди направлений деятельности которых – сельское хозяйство и агропромышленный комплекс, наука и технологии, банковское дело и финансы, таможенные вопросы, образование, энергетика, культура, туризм, транспорт, защита окружающей среды, борьба с преступностью и др. Председательство в ОЧЭС полугодовое, на ротационной основе в соответствии с английским алфавитом. Действующий председатель координирует все мероприятия, осуществляемые в рамках организации, и обеспечивает надлежащую работу, выполнение принятых резолюций и решений. С января по июнь 2017 году кресло председателя в ОЧЭС принадлежит Турции.

Под руководством действующего председателя в ОЧЭС работает Постоянный международный секретариат со штаб-квартирой в Стамбуле (Турция). Генеральным секретарем ОЧЭС является Михаэль Христидис. Постоянную поддержку процесса черноморского сотрудничества на консультативной основе обеспечивает Парламентская ассамблея Черноморского экономического сотрудничества, представляющая национальные парламенты государств-членов.

В 1992 году был учрежден Деловой совет ЧЭС – международная неправительственная организация, состоящая из представителей деловых кругов государств-членов организации. В качестве регионального банка ОЧЭС был создан Черноморский банк торговли и развития (ЧБТР). Соглашение о его учреждении было подписано в июне 1994 года, 1 июня 1999 года ЧБТР приступил к операционной деятельности. Учредителями банка являются входящие в ОЧЭС Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, Россия, Турция и Украина. С мая 2000 года ЧБТР является наблюдателем при Международном валютном фонде и Группе Всемирного банка. Штаб-квартира ЧБТР расположена в Салониках (Греция).

Приоритетными направлениями деятельности ЧБТР как важнейшего инструмента развития многостороннего сотрудничества в регионе являются финансирование проектов, представляющих взаимный интерес для стран-членов, в частности, в области энергетики, транспорта и промышленности, а также кредитование торговых операций.

В настоящее время в рамках ЧЭС внимание участников сконцентрировано на работе над следующими проектами сотрудничества: Скоординированное развитие кольцевой автомагистрали вокруг Чёрного моря (разработан по инициативе Минтранса России), развитие морских магистралей в регионе ЧЭС. Продолжается работа над подготовленным Минтрансом России текстом проекта Меморандума о взаимопонимании по развитию мультимодальных грузовых и пассажирских паромных линий.

В период с января по июнь 2016 года в ЧЭС председательствовала Россия. Были организованы десятки мероприятий, включая 5 отраслевых встреч министерского уровня. В этой работе было задействовано 14 российских министерств и ведомств. По инициативе России создан «Механизм развития проектного сотрудничества в Черноморском регионе». В 2016 г. в соответствии с отдельным Донорским соглашением между Правительством России, Секретариатом

ЧЭС и ЧБТР в Организацию ЧЭС был переведён 1 млн. долл. США. В центре внимания – отбор проектов для их последующей реализации в областях возобновляемой энергии, энергоэффективности, «зеленых» технологий, развития малого и среднего предпринимательства, улучшения региональной и муниципальной инфраструктуры, наращивания экспортного потенциала государств региона и др. Согласован пакет учредительных и оперативных документов по функционированию Механизма. Российская сторона призвала другие страны ЧЭС рассмотреть возможность посильного участия в его работе. Целью Механизма развития проектного сотрудничества является подготовка проектов в таких областях, как развитие региональной и муниципальной инфраструктуры, наращивание экспортного потенциала стран-участниц ОЧЭС, повышение энергоэффективности и внедрение «зеленых» технологий, малое и среднее предпринимательство, что придаст импульс развитию взаимовыгодного сотрудничества между странами Черноморского региона. Основополагающие документы данного финансового инструмента, включая объявление о созыве проектных предложений (Call for Proposals), руководящие принципы (Operative Guidelines of the Facility) и анкету для заявки на грант (Grant application form), размещены на официальном сайте ЧЭС: <http://www.bsec-organization.org/pages/black-sea-project-promotion-facility/> [9].

Несмотря на свою явно выраженную экономическую основу, ОЧЭС призвана укреплять безопасность и стабильность регионального сотрудничества как части интеграционного процесса в Европе, основанного на правах человека и основных свободах, на процветании через экономическую свободу, социальную справедливость, равную безопасность и стабильность. Особенно подчеркивается отсутствие политического подтекста при формировании и функционировании этого объединения.

Практически одновременно с ОЧЭС, были созданы ГУАМ, Blackseafor – Черноморская группа военно-морского сотрудничества, Содружество Демократического выбора – СДВ, «Черноморская гармония», Черноморский форум и Комиссия по защите Черного моря от загрязнения. Хотя каждая из программ имеет разные задачи, все они направлены на углубление регионального сотрудничества как основы для стабильности и безопасности в Черноморском регионе. Между тем такое количество объединений не является гарантией эффективной работы каждой из упомянутых организаций, поскольку черноморские государства являются параллельно участниками других региональных организаций, дающих альтернативные решения вопросов, поднимающихся в ОЧЭС, Blackseafor, ГУАМ и других черноморских объединениях.

Еще одним препятствием на пути успешной интеграции в Черноморском регионе является отсутствие четкой структурированности и определения функциональности внутри интеграционных объединений и организаций. Так ОЧЭС, имея постоянные структуры, такие как секретариат, банк развития, парламентская ассамблея, деловой совет, исследовательский центр и тематические рабочие группы, страдает от ряда недостатков: медленный процесс принятия решений, нехватка средств, недостаток квалифицированного экспертного персонала и ограниченное

количество участников со стороны малого бизнеса и представителей общественных организаций. Все это существенным образом снижает эффективность ее деятельности, что в свою очередь уменьшает привлекательность и авторитетность организации на международном уровне.

О необходимости реформирования ОЧЭС было сказано на 31-м заседании Совета министров иностранных дел, проходившего в Салониках в декабре 2014 г. В частности, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации В. А. Небензия, отметил, что, несмотря на продуктивную работу, проведенную в текущем году рядом комиссий организации, нельзя не отметить необходимость повышения эффективности ОЧЭС и ее реформирования [5]. Прежде всего, речь идет о необходимости определения конкретных целей и сроков обязательств и юридические механизмы их реализации в рамках решений, принятых ОЧЭС, что обеспечит их дополнительную значимость в сравнении с индивидуальными усилиями государств-членов. Кроме того, следует увеличить бюджет ОЧЭС, на основе введения пропорциональных взносов, что позволило бы организации осуществлять совместное финансирование крупных проектов, представляющих региональный интерес, а также создать специальные финансовые фонды по примеру Греческого Фонда Развития и активизировать деятельность Черноморского банка торговли и развития [3, с. 24].

Однако успешное устранение существующих организационных и структурных проблем в ОЧЭС не является гарантом того, что членство в ней станет приоритетным направлением в экономической стратегии государств-партнеров, поскольку в условиях политической нестабильности в регионе действенным остается двусторонний диалог. В этой связи показательна политика Турции, которая, являясь инициатором создания ОЧЭС, активно заключает двухсторонние соглашения вне рамок организации, но с ее членами, в частности с Российской Федерацией. С декабря 2004 г., когда состоялся официальный визит В. В. Путина в Турцию, прошли более 30 встреч на высшем уровне и было принято решение о создании Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ). Совет является руководящим органом, разрабатывающим стратегию и основные направления развития отношений между Россией и Турцией, координирует реализацию важных проектов политического, торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. В рамках ССВУ действует Совместная группа стратегического планирования под председательством министров иностранных дел двух стран. Регулярно проводятся ее заседания (последнее – 27 апреля 2014 г. в Москве), в ходе которых обсуждается широкий круг региональных и международных вопросов, ключевых проблем, а также двустороннее сотрудничество [9].

По оценке болгарского политолога Огняна Минчева, Турция, являясь инициатором создания ОЧЭС, получила, с одной стороны, еще один формат экономического и политического партнерства, где она пользуется положением «сверхдержавы», с другой стороны, установила тесные контакты с Россией, также претендующей на гегемонию в этом регионе. Тем не менее, стратегической задачей Турции по-прежнему остается вступление в ЕС [8]. Кроме того, события конца ноября 2015 г., связанные с различными позициями Российской Федерации и

Турецкой республики по вопросам антитеррористической операции в Сирии, уничтожением российского военного самолета СУ-24 и последовавшие за этим российские санкции заморозили на неопределенный срок наметившиеся устойчивые отношения между государствами.

Еще одной преградой на пути успешной интеграции в регионе является такой феномен, как конфликт между глобализацией и национальной спецификой. По мнению Кеннена Аллахвердева, на Кавказе сохраняется доминирование этнополитических принципов развития, причины которых связаны, с одной стороны, с особенностями природно-географических и религиозно-этнических условий формирования политических объединений, а с другой стороны, со слабостью экономической составляющей этносоциального развития, и отсутствием длительного опыта самостоятельной государственности. «Этнополитические процессы на Кавказе с внутренней необходимостью должны были пройти определенные стадии, и «дозреть» до заданной мировым сообществом планки социально-экономического и политического развития. Такое стадийное этнополитическое развитие встраивается в предлагаемое глобализацией «социально сжатое время». Поэтому можно считать объективно закономерным эволюционирование в регионе этнонационализма (пока доминантного) в плебисцитарный национализм, предоставляющий демократические инструменты достижения межэтнического компромисса и межэтнической кооперации» [9].

Следует отметить, что еще одним существенным препятствием в проведении последовательных интеграционных мероприятий является отсутствие стабильной политической ситуации в Черноморском регионе. Современная геополитическая обстановка такова, что изменение государственных границ Украины и Грузии, дестабилизация политической ситуации внутри этих государств оказала существенное влияние на функционирование региональных организаций.

Что касается ключевых приоритетов России в ОЧЭС, в этой связи отметим следующее.

1. Актуализируется необходимость дальнейшего совершенствования ОЧЭС при соблюдении ее Устава и укреплении ее институциональных основ. При этом представляется важным придерживаться существующего формата работы в соответствии с базовыми документами, избегая политизации вопросов экономического, инвестиционного и инфраструктурного сотрудничества. Залог успешного функционирования ОЧЭС – ориентированность на достижение конкретных результатов, укрепление доверия в Причерноморье, реализация проектов, способствующих устойчивому развитию и комплексной модернизации экономик стран-членов, повышение конкурентоспособности региона ОЧЭС и его узнаваемости в мире.

2. В рамках развития торгово-экономического сотрудничества необходимо расширять использование гарантийных фондов для облегчения доступа малых и средних компаний к заёмным финансовым ресурсам, осуществлять поиск перспектив выхода малых и средних предприятий стран ЧЭС на международные рынки, развития диалога по вопросам электронной торговли, содействия упрощению торговых процедур в странах региона. В сфере таможенного

сотрудничества необходимо активизировать деятельность по разработке типовых договоров со странами-членами о развитии системы «зеленых коридоров», а также активизации взаимодействия сопредельных пунктов пропуска, в том числе в контексте предварительного обмена информацией о перемещаемых товарах.

3. Продолжать планомерную работу по дальнейшей реализации двух крупных инфраструктурных проектов ЧЭС – Кольцевой автомагистрали вокруг Черного моря (КАЧМ) и развитию морских магистралей в регионе ЧЭС.

4. В сфере энергетического сотрудничества осуществлять развитие всего комплекса энергетической инфраструктуры (нефтяной, газовой и электроэнергетической), в том числе в части создания условий для реализации проекта Электроэнергетического кольца вокруг Черного моря, а также на привлечении инвестиций для осуществления важнейших инфраструктурных проектов.

5. Формировать новые и совершенствовать действующие механизмы в рамках Организации по взаимодействию национальных служб в области предупреждения и ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф. Способствовать укреплению взаимодействия в рамках профильной рабочей группы ЧЭС и созданных по инициативе России специальных рабочих групп по наводнениям, крупномасштабным лесным пожарам и сейсмическим рискам.

6. Способствовать созданию благоприятных условий для совершенствования инфраструктуры агропродовольственного рынка стран ЧЭС и максимального использования выгодного географического положения государств региона для наращивания взаимных поставок продовольствия.

7. Осуществлять противодействие торговле людьми и экстремистской деятельности, а также обеспечение безопасности в ходе подготовки крупных международных мероприятий, в т. ч. спортивных (Чемпионат мира по футболу 2018 г.).

8. Содействовать дальнейшему развитию потенциала органов, связанных с ЧЭС – Парламентской Ассамблеи, Черноморского банка торговли и развития, Делового совета, Международного центра Черноморских исследований. Представляется целесообразным продолжить налаживание взаимодействия ЧЭС и с другими международными и региональными организациями, уделяя при этом особое внимание сохранению идентичности ЧЭС и укреплению ее авторитета [10].

Таким образом, по мере возрастания геополитической, экономической и энергетической роли Черноморского региона, его значимость для России будет только усиливаться. Это означает, что борьба за стратегическое влияние в данном регионе должна стать одним из приоритетных направлений российской внешней политики. Кроме того, в условиях усиливающейся конкуренции за влияние с державами, имеющими четко обозначенную стратегическую цель и приоритеты, актуальной становится задача разработки цельной, просчитанной на длительную перспективу стратегии РФ в отношении Черноморского региона. Таким образом, инвестиционная привлекательность рассматриваемого региона не вызывает сомнения. Следовательно, наличие множества интересных грандиозных проектов и их возможная реализация указывает на желание партнеров перевести политические

отношения в новую плоскость – партнерское сотрудничество. А это связано с проблемой политической идентичности отдельных стран и сообщества в целом. Одновременно, наряду с вышеупомянутыми сложностями, очередной и очень серьезной помехой на пути становления региональной идентичности является военно-политическое присутствие США в регионе. Данный аспект не только осложняет процесс преодоления национальных и других барьеров, но и ставит под сомнение саму идею ЧЭС в целом.

Следовательно, реализация вышеупомянутых проектов либо конструирование новых означает не только решение отдельной экономической задачи регионального масштаба, но и урегулирование различных территориальных конфликтов и, в конечном счете, способствует стабильности на юго-востоке Европы и на Кавказе. Такой подход, на наш взгляд, может позволить государствам Черноморского бассейна выйти на иной этап взаимовыгодного сотрудничества, вывести внутрирегиональные отношения на качественно новый уровень и наполнить термин «ЧЭС» новым политическим содержанием. В противном случае региональное объединение рискует остаться неким аморфным и незавершенным объединением государств, не имеющих точек соприкосновения интересов и не способных преодолеть рамки национальной идентичности во имя глобальных интересов.

Список литературы

1. Андрэа Г. ЕС и румынское положение на Черном море и ОЧЭС // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 983–987.
2. Бабашина А. С., Никитина М. Г. ОЧЭС: проблемы, тенденции, перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Экономика и управление. – Том 1 (67). – 2015. – №3. – С. 3–10.
3. Белякова Н. С. Новые реалии архитектуры Черноморского региона. URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-sovremennykh-obshchestvennykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn/sektsiya-11-politicheskie-problemy-mezhdunarodnykh-otnosheniy-globalnogo-i-regionalnogo-razvitiya-sp/novye-realii-arkhitektury-chernomorskogo-regiona/> (Дата обращения: 25. 08. 2017).
4. Величко Л. Н., Садченко В. Н. Модели региональной интеграции в Черноморском регионе на современном этапе: проблемы институализации // Исторические науки и археология. – 2015. – № 4. – С. 20–26.
5. Каграманян Н. Черноморский потенциал. URL: <https://iz.ru/news/720503> (Дата обращения: 2.09.2017).
6. Никифоров А. Р. Ритмы Большого Черноморского Пространства: сверим часы // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины. Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 60–67.
7. Никифоров А. Р. Черноморский регион: пространство и время // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / Философия. Политология. Культурология. – Том 2 (68). – 2016. № 4. – С. 78–87.
8. Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) – URL: <https://ria.ru/spravka/20170521/1494660609.html> (Дата обращения: 25.08.2017).

9. Организация Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС). URL: http://www.mid.ru/rossia-v-gruppe-20-rossia-i-spezializirovannye-mezhdunarodnye-ekonomiceskie-organizacii-mvf-vto-oesr-fseg-oprek-i-dr-/asset_publisher/uFvfWVmCb4Rl/content/id/2149260 (Дата обращения: 25.08.2017).
10. Приоритеты российского председательства в ЧЭС. URL: <https://bsec.mid.ru/priorities> (Дата обращения: 25.08.2017).
11. Эшба Э. Причерноморье: регион соперничества или сотрудничества? // Современная Европа. – 2014. – № 2. – С. 69–80.

Islyamova E.E. Organization of the Black Sea Economic Cooperation as a Model of Regional Integration in the Black Sea Region // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 81–91.

The Black Sea region is one of the unique geopolitical regions in which various integration forms are realized. However, integration creates a number of difficulties that are an obstacle to the creation of an efficiently functioning integration model. Constant balancing between the various centers of power, such as the EU, the USA, Russia and Turkey, the lack of a clear classification and definition of functional capabilities within the integration associations and organizations, the lack of a stable political situation, "protracted" conflicts and the lack of stable economic growth indicators, that the integration process is successfully under way in the Black Sea region. In modern conditions, the Black Sea region has to make a choice: either to develop internal integration in close connection with other structures, or to maintain tensions on its borders, which certainly raises the problem of political instability. Either the states entering the Black Sea basin are wholly integrated into a new structural formation, or they retain the status quo, and then a different structural unit emerges that can only be conditionally called a regional association. Efforts to protect the region involve strengthening the role of regional cooperation of organizations (BSEC, BLACKSEAFOR, GUAM), which, in cooperation with international actors, can ensure the implementation of effective and real regional security with the active participation of all political factors involved in the European and global security system. The need to develop a mechanism for regular consultations and coordination between the BSEC and all other regional organizations and initiatives (governmental and non-governmental), as well as with "extra-regional" partners, is being updated, thus avoiding duplication of specific projects.

Keywords: regional integration, the Black Sea region, integration processes, BSEC, GUAM, Blackseafor.

References

1. Andreha G. ES i rumynskoe polozhenie na CHernom more i OCHEHS // Molodoj uchenyj. – 2015. – № 10. – S. 983–987.
2. Babashina A. S., Nikitina M. G. OCHEHS: problemy, tendentsii, perspektivy // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. – EHkonomika i upravlenie. – Tom 1 (67). – 2015. – № 3. – S. 3–10.
3. Belyakova N.S. Novye realii arkhitektury Chernomorskogo regiona. URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-sovremennykh-obshchestvennykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn/sektsiya-11-politicheskie-problemy-mezhdunarodnykh-otnosheniy-globalnogo-i-regionalnogo-razvitiya-sp/novye-realii-arkhitektury-chernomorskogo-regiona/> (Accessed: 25 August 2017).
4. Velichko L. N., Sadchenko V. N. Modeli regional'noj integratsii v Chernomorskom regione na sovremennom ehtape: problemy institualizatsii» // Istoricheskie nauki i arkheologiya. – 2015. – № 4. – S. 20–26.
5. Kagramanyan N. Chernomorskij potentsial. URL: <https://iz.ru/news/720503> (Accessed: 2 September 2017).

6. Nikiforov A. R. Ritmy Bol'shogo Chernomorskogo Prostranstva: sverim chasy // Problemy bezopasnosti Prichernomor'ya i nejtral'nyj status Ukrainy. Sbornik materialov. – Simferopol': SONAT, 2008. – S. 60–67.
7. Nikiforov A. R. Chernomorskij region: prostranstvo i vremya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo / Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. – Tom 2 (68). – 2016. № 4. – S. 78–87.
8. Organizatsiya chernomorskogo ehkonomicheskogo sotrudnichestva (OCHEHS). URL: <https://ria.ru/spravka/20170521/1494660609.html> (Accessed: 25 August 2017).
9. Organizatsiya CHernomorskogo ehkonomicheskogo sotrudnichestva (CHEHS). URL: http://www.mid.ru/rossia-v-gruppe-20-rossia-i-spezializirovannye-mezdunarodnye-ekonomiceskie-organizacii-mvf-vto-oesr-fseg-opek-i-dr/-/asset_publisher/uFvfWVmCb4Rl/content/id/2149260 (Accessed: 25 August 2017).
10. Prioritety rossijskogo predsedatel'stva v CHEHS. URL: <https://bsec.mid.ru/priorities> (Accessed: 25 August 2017).
11. Eshba E. H. Prichernomor'e: region sopernichestva ili sotrudnichestva? // Sovremennaya Evropa. – 2014. – № 2. – S. 69–80.

УДК 321:659.4

РЕПУТАЦИОННЫЙ КАПИТАЛ ГОСУДАРСТВА КАК ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Ишин А.В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: a.ischin@yandex.ua

Публикуемая рецензия содержит анализ монографии А.Э. Рудаковой и О.Е. Гришина «Репутационный капитал государства» (Москва, 2017). А.В. Ишин отмечает новаторский характер предложенной авторами исследования схемы соотношения элементов репутации, их функций. Отмечается, что репутационный капитал государства рассмотрен как сложный феномен российской и зарубежной действительности. При этом авторы монографии успешно использовали достижения различных школ и направлений политической мысли. Важное значение при этом уделяется технологиям формирования и перспективам развития репутационного капитала России. Монография определяется как весомое, квалифицированное исследование, которое имеет важное значение для современной гуманитарной науки.

Ключевые слова: репутационный капитал, социальный блок, международные организации, информационные технологии, swot-анализ.

В настоящее время в условиях многоаспектного нарастания конкуренции среди государств важной политологической задачей является осмысление феномена «репутационный капитал государства», исследование технологий формирования и реализации репутации политических институтов, определение уровня доверия к органам власти и управления [3; 6; 12].

Исследователи М.Г. Анохин, О.Е. Гришин в свое время активно начали изучать репутационный капитал государства [1; 2; 4; 5], а особенно много внимания этому направлению отечественной политической науки уделила политолог А.Э. Рудакова [7; 8; 9; 11].

Результатом совместного изыскания А.Э. Рудаковой и О.Е. Гришина с опорой на технологические концепты, предложенные ранее доктором политических наук, профессором М.Г. Анохиным, стала монография «Репутационный капитал государства» [10].

Актуальность представленной работы в значительной мере обусловлена тем обстоятельством, что уровень разработанности проблемы репутационного капитала государства в качестве важного политического ресурса имеет крайне ограниченный характер.

В этом отношении немаловажно отметить, что исследование А.Э. Рудаковой и О.Е. Гришина, рассматривающих феномен государства на основе институционального и неинституционального подходов, выполнено на базе ключевых концепций классической политологии с применением современных технологических трендов. Репутационный капитал государства рассмотрен как сложный феномен российской и зарубежной действительности.

Используя достижения различных школ и направлений политической мысли, А.Э. Рудакова и О.Е. Гришин формулируют собственное, интегрированное, определение объекта исследования, анализируют и сопоставляют такие категории как «репутация», «имидж», «бренд», представляют их расширенную трактовку, обосновывают общее и различное в их природе, сущностном значении и функциях [10, с. 6-27]. Авторами монографии выявлены и сформулированы проблемы, применены общенаучные подходы, определяющие значимость представленного исследования в теоретико-методологическом и прикладном отношениях.

Междисциплинарный характер работы позволяет говорить о серьезной обоснованности полученных авторами результатов – во всех её блоках использованы не только достижения современной отечественной и зарубежной политической науки, но и экономики, социологии, истории. Успешно адаптированы финансовые, экономические категории, алгоритмы к анализу политических феноменов, в частности государства. Авторы обращаются к методам политического прогнозирования, компаративного анализа. Прослеживается логический подход к проектированию способов достижения поставленной цели, преодолению противоречий, решению научной проблемы.

Четко выражено авторское сущностное видение понятия «репутационный капитал государства» как сложного комплексного политико-социального феномена, сопряженного одновременно с рядом областей научного знания (экономика, психология, история, культурология).

Стоит отметить новаторство предложенной авторами исследования схемы соотношения элементов репутации, их функций. Оригинальность трактовки, в том числе, состоит в определении места объекта исследования в данной структуре. Заслуживает внимания подход авторов к сопоставлению понятий «имидж», «бренд», «репутация». Имидж представляет, по их мнению, своего рода абстрактную надстройку, объединяющую набор характеристик государства в единый образ, бренд, аккумулирует наиболее яркие и узнаваемые черты образа, репутация уже отражает оценочные суждения целевой группы относительно сущности, имиджа и бренда государства, она может приносить как пользу, так и убыточность, таить в себе риски. Репутационный же капитал обеспечивает извлечение выгоды из характеристик государства, формирующих позитивное впечатление в сознании целевой аудитории (собственных граждан, официальной власти и граждан других стран, институтов, организаций, бизнес-структур). Утверждается, что «репутационный капитал государства формируется и транслируется с целью получения и сохранения преимуществ перед другими равными участниками политической, социальной и экономической жизни, оптимизации процедуры решения государственных задач: создания продуктивных

экономических и военно-политических союзов, установления партнерских отношений с другими участниками международной политики, получения авансов и кредитов. Репутация государства, в том числе, служит одним из факторов и обоснований для построения прогностических сценариев поведения его во внешней и внутренней политике» [10, с. 26].

Логично и обоснованно выявлены свойства репутационного капитала государства. Среди них: диверсификация капитала, когда укрепляются репутационные параметры основных политических, общественных институтов, акторов, каждый из которых по отдельности способен влиять на репутацию государства; накопление (самовозрастание) капитала – корректная стратегия трансляции репутационных характеристик субъекта, использование капитала приводит не к его растрате, а накоплению; реализация капитала, выраженная в процессе, когда в репутационном поле «товар» в форме положительных свойств субъекта «продается» объекту в обмен на такую абстрактную символическую ценность, как лояльность, доверие, предпочтение.

А.Э. Рудакова и О.Е. Гришин с теоретических позиций выявляют взаимосвязь конструирования понятия «репутационный капитал государства» с содержанием политологических, философских, социологических, экономических и других концепций, разработанных отечественными и зарубежными экспертами.

Ценность и интерес представляет выполненный анализ зарубежного опыта по созданию и развитию репутационного капитала, в том числе посредством использования технологий формирования «имиджа» и «бренда». Авторы обращаются к исследованию сильных и слабых сторон работы с репутационным капиталом в государствах с различными геополитическими, экономическими, социально-демографическими характеристиками и др. Удачно выбранный исследователями весьма широкий спектр стран, а также обращение к уже завершенным и реализуемым ныне стратегиям управления репутационным капиталом позволяет сделать ряд весьма ценных выводов. В частности, авторы отмечают современную тенденцию поиска эффективных решений посредством нового прочтения тематики уникальных национальных традиций.

В исследовании не только представляются наблюдения экспертов и эмотивные реакции целевой аудитории, но и приводится, к примеру, ряд документально оформленных концепций, разработанных на уровне государственной власти, отвечающих культурно-историческим традициям конкретной страны, а также глобальным тенденциям внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности государства. Сопоставляя эффективные решения в рамках иностранных моделей, авторы выделяют оптимальные для России тренды формирования репутационного капитала государства.

В работе выделены конкретные исторические события и факты, повлиявшие на состояние репутации России. Панорамный исторический анализ этапов развития Российского государства, сделанный авторами, показал, что его репутация сложилась под влиянием множества факторов: географических (открытие, освоение новых территорий, изменение государственных границ в результате военных действий, воли правящих элит и др.), политических (смена правителей, режимов,

военные конфликты, геополитическая конкуренция и др.), экономических (длительное существование феодальных форм хозяйствования, смена их индустриальными и постиндустриальными и др.), культурных (религиозная жизнь, наука, образование, искусство и др.), социально-демографических (миграция, уменьшение численности населения и др.) [10, с. 66-84].

Также анализ содержания издания позволяет отнести к числу значимых результатов выявление актуальных направлений формирования современного репутационного капитала России. В частности – развитие социального блока, подразумевающее повышение качества жизни; распространение технологий проведения политических и общественно важных мероприятий; внимательное отношение к принятию решений при участии в ключевых формальных и неформальных международных организациях; обращение к информационным технологиям (в том числе Интернет).

Большой интерес представляет раздел исследования, посвященный технологиям формирования и перспективам развития репутационного капитала России. Данный параграф проиллюстрирован яркими примерами проявления позитивных и негативных свойств репутации государства, его текущего состояния и потенциала развития. На основе данных социологических опросов, материалов СМИ, рейтингов государств, составленных по различным критериям, авторы монографии оценивают состояние репутационного капитала России – его сильные и слабые стороны, что позволяет осуществить swot-анализ. По итогам данного анализа представлены практические предложения повышения эффективности репутационного капитала государства. Среди них чрезвычайно важным на сегодняшний день представляется обоснование необходимости поддержки институтов гражданского общества – общественных организаций, движений, занимающихся просветительской, гуманитарной и другими типами социально ответственной работы. Удачно используются данные социологических исследований, проведенных ВЦИОМ, «Ромир», «ФОМ», «Левада-Центр», экспертные оценки, которые подтверждают гипотезу научной работы [10, с. 102-123].

Работа представляет собой весомое, квалифицированное исследование, положения и выводы, сформулированные авторами, в будущем могут быть применены в научно-теоретических и практических разработках в сфере формирования и развития эффективного репутационного капитала государства, однако можно отметить и некоторые недостатки, а именно:

- спорным является употребление авторами в некоторых частях текста в качестве синонимичных понятий «государство» и «страна», возможно, в контексте данной монографии следовало бы провести более четкое разделение этих категорий;

- исследователи предлагают оценивать и измерять состояние репутационного капитала государства, опираясь на данные популярных рейтингов, перечень которых представляется весьма дискуссионным и может изменяться в зависимости от целей и задач субъекта исследования. Критерии их составления в основном избираются «экспертным пулом», что негативно сказывается на объективности анализа;

– следовало бы обосновать прямую логическую связь таких базовых категорий исследования как «политический ресурс» и «репутационный капитал государства». Остается неясна позиция авторов: это специфический тип политического ресурса или эти понятия сопоставляются синонимично?

Отмеченные недостатки носят полемичный характер и не снижают общего высокого теоретического и практического уровня данной монографии и могут служить стимулом для дальнейших разработок в этой сфере. Полагаем, что данная работа, представляющая собой весомое, квалифицированное исследование, будет позитивно воспринята российским политологическим сообществом.

Список литературы

1. Анохин М.Г. Репутация и судьба великого народа взаимосвязаны // Политика и политология: актуальный ракурс. Коллективная монография. Авторы и составители М.Г. Анохин и В.Н. Давыдов / Под общ. ред. д.и.н., проф. Д.Е. Слизовского. М.: Институт современной политики РУДН. С. 6-17.
2. Анохин М.Г., Гришин О.Е. Репутационный капитал современной России: проблемы, опыт, технологии формирования // Образ России в контексте формирования культуры толерантности внутри страны и за рубежом: Сборник тезисов Международной научно-практической конференции. Москва, 13-15 ноября 2009 г. / Под. ред. Т.В. Евгеньевой. М.: РИЦ МГТУ им. М. А. Шолохова, 2010. С. 6-9.
3. Быба, Ю.В. Государство должно нравиться своему народу // Власть. 2007. № 12. С. 12-14.
4. Гришин О.Е. О репутационном капитале России // Политика, экономика, социум: стратегические приоритеты развития и механизмы взаимодействия в современной России. Секции 3, 4: Сборник статей / Сост. И.Д. Тургель. Екатеринбург: УрАГС, 2008. С. 73-74.
5. Гришин О.Е. О технологиях формирования репутационного капитала государства и бизнес – структур // Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы III Международной межвузовской научной конференции. Москва, 12-13 апреля 2007 г.: В 2 ч. Ч.2. / Под ред. Д.В. Васильева. М.: Институт бизнеса и политики, 2007. С. 172-181.
6. Розанова Н.Н. Исследовательская модель концепта «репутация региональной власти» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология. 2016. № 4. С. 38-47.
7. Рудакова А. Э. Категория «социально-политические технологии» в области формирования репутационного капитала государства // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2014. № 3. С. 12-16.
8. Рудакова А.Э. Репутационный капитал политического актора как государственная закупка // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 4. С. 67-73.
9. Рудакова А.Э. Технологии формирования репутационного капитала субъектов Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования 2015. № 1. <http://www.science-education.ru/121#56> (Дата обращения: 02.08.2017).
10. Рудакова А.Э., Гришин О.Е. Репутационный капитал государства: монография / Под ред. О.Е. Гришина. М.: Российский государственный социальный университет, 2017. 162 с.
11. Рудакова А. Э. Репутационный капитал российского государства – олимпийский вклад // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 16. С. 275-280.
12. Тимофеева Л.Н. Репутационный капитал России – Современный образ России: перспективы развития / Под ред. А.В. Очировой, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой. М.: Общественная палата РФ, МГУ, 2008.

Ishin A.V. Reputation Capital of the State as Politic-Social Phenomenon // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 92-98.

The published review contains the analysis of monograph of A.E. Rudakova and O.E. Grishin the «Reputation capital of the state» (Moscow, 2017). A.V. Ishin marks innovative character offered the authors of research of

chart of correlation of elements of reputation, their functions. It is marked that the reputation capital of the state is considered as the difficult phenomenon of Russian and foreign reality. Thus monographers successfully drew on accomplishments of different schools and directions a political idea. An important value is here spared forming technologies and prospects of development of reputation capital of Russia. A monograph is determined as ponderable, skilled research which has an important value for modern humanitarian science.

Keywords: reputation capital, social block, international organizations, information technologies, swot-analysis.

References

1. Anohin M.G. Reputacija i sud'ba velikogo naroda vzaimosvjazany [Reputation and Fate of Great People is Associate] // Politika i politologija: aktual'nyj rakurs [Policy and Political Science: Actual Foreshortening]. Kollektivnaja monografija. Avtory i sostaviteli M.G. Anohin i V.N. Davydov / Pod obshh. red. d.i.n., prof. D.E. Slizovskogo. M.: Institut sovremennoj politiki RUDN. S. 6-17.
2. Anohin M.G., Grishin O.E. Reputacionnyj kapital sovremennoj Rossii: problemy, opyt, tehnologii formirovanija [The Reputation Capital of Modern Russia: Problems, Experience, Forming Technologies] // Obraz Rossii v kontekste formirovanija kul'tury tolerantnosti vnutri strany i za rubezhom: Sbornik tezisov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Appearance of Russia in the Context of Forming of Culture of Tolerance up Country and Abroad: Collection of Theses of the International scientific-practical conference]. Moskva, 13-15 nojabrja 2009 g. / Pod. red. T.V. Evgen'evoj. M.: RIC MGGU im. M. A. Sholohova, 2010. S. 6-9.
3. Byba, Ju.V. Gosudarstvo dolzhno nravit'sja svoemu narodu [The State Must Like the People] // Vlast'. 2007. № 12. S. 12-14.
4. Grishin O.E. O reputacionnom kapitale Rossii [About the Reputation Capital of Russia] // Politika, jekonomika, socium: strategicheskie priority razvitija i mehanizmy vzaimodejstvija v sovremennoj Rossii. Sekcii 3, 4: Sbornik statej [Politician, Economy, Socium: Strategic Priorities of Development and Mechanisms of Co-operation are in Modern Russia. Sections 3, 4: Collection of Reasons] / Sost. I.D. Turgel'. Ekaterinburg: UrAGS, 2008. S. 73-74.
5. Grishin O.E. O tehnologijah formirovanija reputacionnogo kapitala gosudarstva i biznes – struktur [About Technologies of Forming of the Reputation Capital of the State and Business- Structures] // Rossiya i sovremennyy mir: problemy politicheskogo razvitija. Materialy III Mezhdunarodnoj mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii [Russia and Modern World: Problems of Political Development. Materials of the III International Between Universities Scientific Conference]. Moskva, 12-13 aprelja 2007 g.: V 2 ch. Ch.2. / Pod red. D.V. Vasil'eva. M.: Institut biznesa i politiki, 2007. C. 172-181.
6. Rozanova N.N. Issledovatel'skaja model' koncepta «reputacija regional'noj vlasti» [The Research Model of Koncept «Reputation of Regional Power»] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: politologija. 2016. № 4. S. 38-47.
7. Rudakova A. Je. Kategorija «social'no-politicheskie tehnologii» v oblasti formirovanija reputacionnogo kapitala gosudarstva [The Kategorija «Socio-Political Technologies» in Area of Forming of Reputation Capital of the State] // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2014. № 3. S. 12-16.
8. Rudakova A.Je. Reputacionnyj kapital politicheskogo aktora kak gosudarstvennaja zakupka [The Reputation Capital of Political Actor as Government Purchase] // Problemy postsovetского prostranstva. 2015. № 4. S. 67-73.
9. Rudakova A.Je. Tehnologii formirovanija reputacionnogo kapitala sub'ektov Rossijskoj Federacii [Technologies of Forming of the Reputation Capital of Subjects of Russian Federation] // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija 2015. № 1. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.science-education.ru/121#56> (Data obrashhenija: 02.08.2017).
10. Rudakova A.Je., Grishin O.E. Reputacionnyj kapital gosudarstva: monografija [The Reputation Capital of the State: Monograph] / Pod red. O.E. Grishina. M.: Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet, 2017. 162 s.

11. Rudakova A. Je. Reputacionnyj kapital rossijskogo gosudarstva – olimpijskij vklad [The Reputation Capital of the Russian State – an Olympic Deposit] // Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija). 2014. № 16. S. 275-280.
12. Timofeeva L.N. Reputacionnyj kapital Rossii – Sovremennyy obraz Rossii: perspektivy razvitija [The Reputation Capital of Russia is Modern Appearance of Russia: Prospects of Development] / Pod red. A.V. Ochirovoj, Ju.P. Zinchenko, L.V. Matveevoj. M.: Obshhestvennaja palata RF, MGU, 2008.

УДК 1(091)

ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ИОАННА ДАМАСКИНА

Карабущенко И.П.

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация.

E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Для современной элитологии религиозная тематика является всё ещё слабо изученным научным направлением. Элитология религии только начинает формироваться в качестве самостоятельного раздела большой элитологии, хотя отдельные её элементы давно уже существовали в рамках филологической и исторической наук. В настоящей работе предпринимается одна из таких попыток по выявлению и систематизации основных идей и возможных постулатов элитологии религии. Именно через такие исторические личности, как Иоанн Дамаскин, элитология религии должна выводить свои методологические и теоретические основания, корректировать понятийный аппарат, выявлять тематические особенности этого направления и т.д. Находясь на стыке научного и религиозного опыта, элитология религии пытается примерить существующие разногласия, устранив непонимание и откровенную враждебность между теологией и сциентизмом.

Ключевые слова: святость, иерархия, доминация, богословие, агиография, совершенство, благодать, религиозная элитология, элитология религии, элита, этика.

Имя выдающегося византийского богослова и почитаемого христианского святого Иоанна Дамаскина (ок. 675, Дамаск – ок. 777, МарСаба, близ Иерусалима, память 4 декабря) вписано красными буквами в историю православия. Согласно его Житию, преподобный прожил 104 года [см. 3]. Богослов и поэт Иоанн из Дамаска (урождённый Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби) за свое красноречие получил прозвище «золотой поток». Хронист Феофан Исповедник (ок. 760 – 818) отмечает, что Дамаскин имел славу проповедника, поэтому именует его на страницах своей «Хронографии» «Иоанн Златоструй», объясняя это тем, «что золотое сияние духовной благодати светило в его речах и в его жизни» (Theoph. Chron. P. 408, 417, 428) (такой же эпитет используется и в отношении св. Иоанна Златоуста) [см. 7].

В настоящей работе мы намерены исследовать элитологическое наследие выдающегося византийского мыслителя VIII в., установить особенности его теологического мышления, выявить терминологическую специфику современной элитологии религии. В связи с этим в качестве объекта выступает непосредственно сама религиозная средневековая элитология, а в качестве предмета – богословско-элитологическое наследие Дамаскина. В основе методологической базы мы используем методы диалектического анализа, исторической компаративистской элитологии и герменевтики. В качестве общенаучного подхода нами применяются принципы персоналистической философии, основанные на аксиологии личности и

ее детерминации социокультурных отношений. Предварительно также отметим, что мы будем комментировать творческое наследие Дамаскина так, как его поняли в силу своего разума. Поэтому наша работа изначально не застрахована от неточностей или каких-либо ошибок. Религиозная ограниченность нашего разума не позволяет нам придерживаться исключительно богословской традиции. Но это элитологическое богословие, представляющее собой светский взгляд на религиозную проблематику, внецерковная оценка феномена клерикальной элитности.

Элитологические идеи догматического богословия. Свои элитологические воззрения Дамаскин передает посредством таких философско-богословских категорий, как «качество», «избранность», «совершенство», «достоинство», «святость», «прекрасное» и т. д. Все они есть суть понятийного аппарата современной элитологии – науки об элите (форме) и элитности (содержания). Последнее позволяет нам утверждать, что в системе религиозно-философского мировоззрения Дамаскина присутствовал значительный элемент элитологических идей, систематизацию которых нам предстоит еще установить.

Иоанн утверждает, что «знание того, что Бог существует, всеяно в нас естественным образом» (Точное изложение Православной веры, I, III), т. е. это родовая категория всего человечества. Она же и является начальной точкой отсчета совершенства в нашем мире. Можно сказать, что идея Бога является самой совершенной идеей, до которой человечество дошло на определенном историческом уровне своего умственного развития. Богословское понимание Сущности Бога есть высшее знание, доступное только посвященным. А таковых – единицы.

Для теологии источником всей земной элитности является Бог. Элитность как превосходное качество дольного мира нисходит от Бога, который является предельной точкой совершенства и избранного начала: «Бог – один, совершенный, неопиcуемый, Творец всего, как Сохранитель, так и Управитель, выше совершенства, и прежде совершенства» (Точное изложение Православной веры, I, V). Абсолютное совершенство Бога позволяет ему быть началом всех последующих совершенств: Он есть «избирающее все начала и чины, находящееся выше и всякого начала, и чина, выше сущности и жизни, и слова, и мысли... [Он есть] единое начало, единая власть, единое господство, единое царство в трех совершенных Ипостасях» (Точное изложение Православной веры, I, VIII).

Анализ текста Дамаскина показывает, что в основе его элитологического воззрения лежит диалектический принцип развития, который и способствует изменению к лучшему (именно категория «лучшее» [«благо»] является центром его философско-богословского учения). Причем этот принцип носит всеобщий характер, так что даже мир ангелов «изменяется, и переменяется, и многообразно движется... изменяется по собственной воле, и преуспевающей в прекрасном, и удаляющейся от прекрасного, и напрягающейся, и ослабевающей» (Точное изложение Православной веры, I, III). Совершенство ангельского мира дает нам пример для подражания. Это есть движение от хорошего качества к ещё более лучшему его состоянию. И пределом такого нашего совершенства является Бог. Только Он, согласно Дамаскину, является критерием нашей индивидуальной

оценки. Этим тезисом византиец высказывает свою солидарность с Платоном, которому эта идея первому пришла на ум [Государство, 366a-d, 613a-b]. Главная категория платонизма «блага» есть производная от высшего блага, носителем которого является Бог. В этой связи христианские предчувствия первого афинского Академика сделали его необычайно популярным среди философски мыслящей православной публики.

Жизнь человека состоит в «уподоблении Богу в добродетели, насколько оно возможно для человека» («Точное изложение православной веры»), как замечает преподобный Дамаскин. В святоотеческой традиции это раскрытие образа Божия называется «обожением».

Унаследованное от Бога совершенство делает элиту неким началом для всех остальных производных от неё начал. Поскольку Бог есть начала всех начал, то и элита является «начальством» потому, что оказывается началом (инициатором) всех действий. Таким образом, элитой являются те, кто оказывается способным начинать что-то важное, т.е. элите удастся всех убедить в том, что это начинание необходимо и заставить всех выполнять соответствующие распоряжение по осуществлению этой необходимости.

В отличие от животного, человек есть самоуправляющееся существо, наделенное разумом и свободой. Свобода, по Дамаскину, есть разумное движение воли (или желания). «Поэтому Слово, сделавшись плотью одушевленной, и разумною, и свободною, было одарено и способностью желания» (Точное изложение Православной веры, III, XIV). Сама жизнь человека есть непрерывная череда выбора, где избираемое должно по желанию оказываться благом (хорошим, лучшим или самым лучшим – великолепным). Но свобода не освобождает нас от греха. Свободными от греха являются только святые. Поэтому совершенство духа кроется в его абсолютной свободе от греха (Там же, III, XIV).

Рассматриваемые нами категории относятся к онтологии элит и характеризуют ее объективную реальность с точки зрения диалектики развития. В этой связи уместно будет упомянуть о его учении о количестве и качестве.

С точки зрения философии, элитное – это предельные величины, отражающие содержащиеся в них качества. Дамаскин выделяет предельные и беспредельные величины. Перефразируя его, можно сказать, что элита как величина является для нижестоящих лиц неким социокультурным пределом, тогда как для самой элиты ее собственная величина оказывается беспредельной. «Величина, имеющая предел, может измеряться и исчисляться. Беспредельная же величина превосходит всякую меру и всякое число. Ее безразлично называют и многою, и великою» (Философские главы, XLIX). Поэтому сама для себя элита пределов своих не знает и стремится к максимальному увеличению своего могущества (т.е. беспредельной силы). И это оказывается бесконечной погоней за все новым и новым высшим качеством (наперегонки с самим Богом). Простой человек относится к числу, которое можно математически вычислить; человек элиты является величиной, которую можно лишь философски познать. «Кроме того, количественное разделяется на величину и множество: величина измеряется, множество исчисляется. Величина отвечает на вопрос: как велико? множество же на вопрос:

сколько?» [Там же]. Элиты и массы как раз и соотносятся через эти математические определения.

Должное в элите всегда измеряется качеством, тогда как реальное – количеством. Дамаскин утверждает, что «качество есть то, благодаря чему о предметах говорится, какого они качества». (Философские главы, LI) Онтология элиты это есть постоянное определение качества (т.е. ее критериев). Во-первых, оно всегда сравнивается со своей противоположностью (с тем, что элитой не является); во-вторых, качество элиты всегда находится в состоянии колебания между «более или менее»: «"Более" означает усиление, а "менее" – ослабление»; в-третьих, Дамаскин подчёркивает: «составляющей главное свойство качества, является то, что оно допускает сходство и несходство», т.е. сравнение с другими элитными аналогами (Философские главы, LI). В последнем случае (когда элита сравнивается с другой элитой, т.е. равное с равным) речь уже идет не о качественных, а о количественных показателях.

Соответственно, когда элита набирает присущие ей качества, отмечается рост ее влияния и власти; когда она начинает терять присущие ей качества, начинает ослабевать и ее элитное могущество. Поэтому задача любой элиты – максимально реализовать свой элитный потенциал, предельно точно систематизировав все свои достоинства, при этом оперативно избавляться от имеющихся недостатков и возможных угроз ее могущества. В элиту входят те, кто способен максимально концентрировать в себе силы превосходства и рачительно расходовать их по мере необходимого. Они способны эффективно восполнять понесенные утраты и предвидеть наступление подобных негативных последствий (Философские главы, LVIII).

Социально-политические аспекты религиозной элитологии. Данные аспекты элитологии религии касаются главным образом социальной иерархии и политической власти. Прямо эти вопросы Дамаскин не затрагивает, но у него всегда существует возможность их расширенной трактовки, т.е. он сам не исключает переноса своих догматических идей на социально-политические отношения. Приводя пример пророков, говоривших в переносном смысле, Дамаскин полагает, что выводимые на основе Писания законы сверхъестественного мира могут быть перенесены и на естественный мир человека.

Дамаскин поднимает ряд догматических вопросов, которые могут быть нами перенесены и на социальные отношения, особенно в свете элитологической проблематики. Эта серия вопросов начинается с проблемы свободы воли и охватывает целый комплекс важнейших проблем, связанных с духовным совершенством человека и истинным пониманием его истории. Уже в вопросе о свободе воли он исходит из тезиса присутствия и участия совершенства. Саму волю он определял как терпение и великодушие, которые доказываются делом, совершаемым по воле Божьей. Все Его заповеди направляют действия людей к лучшему (Беседа сарацины с христианином, 3). После первой седмицы миротворения Бог уже не творит, а сотворенное им воспроизводит себе подобное по мере своей несовершенной возможности: «по повелению Божиим, которое Он дал в первую седмицу, происходит происходящее. Ибо после грехопадения осуждена

земля произрастать тернии и волчцы», а грехи человеческие производят «вшей и червей» (Беседа сарацина с христианином, 10).

Самое главное элитарное событие человеческой истории – это приход в этот мир Христа. Рождество стало переломной точкой всемирной истории. Поэтому и арабских, и христианских богословов интересовал догматический вопрос о том, «как сошел Бог во чрево женщины?». Отвечая на него, Дамаскин пишет: «Знай же и то, что о нисхождении и восхождении Божиим Писание говорит в переносном, а не в собственном смысле, применительно к нашим свойствам, – ведь нисхождение и восхождение у философов в собственном смысле сказываются о телах, а Бог все содержит и никаким пространством не содержится» (Беседа сарацина с христианином, 7).

В дискуссии с сарацинами важным оказался и такой «каверзный вопрос» как вопрос о том, «Кто у тебя больше, освящающий или освящаемый?» «Христианин говорит, что «если я скажу, что освящающий больше освящаемого, ты мне ответишь: иди, поклоняйся Иоанну Крестителю как крестившему и освятившему твоего Христа». Чтобы не попасть в подобную ситуацию, Дамаскин предлагает притчу: «Если ты пойдешь со своим рабом в баню и он будет мыть тебя и чистить, кого ты назовешь большим, того жалкого и купленного раба, или себя, кого он моет как своего господина?». Иоанн имел в виду, что купивший больше, чем тот, кого он купил. «Так же понимай, – продолжает он, – что и Иоанн как раб и слуга прислуживал Христу в Иордане, крестившись в котором, Спаситель мой сокрушил главы гнездившихся там злых бесов» (Беседа сарацина с христианином, 11). В этой притче речь фактически идет о соотношении двух сил – начальства и подчиненного (кто, когда в установившейся иерархии выполняет соответствующую роль). Порядок сохраняется только тогда, когда субъекты этих отношений точно знают каждый свое место и роль. Социальная задача «верхов» управлять «низами» так, чтобы не давать им сомнения в своей легитимности, а политическая задача социальных низов – подчиняться воле доминанты и следить за тем, чтобы она не выходила за рамки существующего закона.

Антропологические корни элитологии религии. Тема совершенства насквозь пронизывает антропологические рассуждения, как уже было отмечено нами выше. Узловой точкой всемирной истории Дамаскин считает Рождество, когда родился самый совершенный человек этого дольного мира. В описании этого Совершенства он использует термин «Личность», как лицо, которому не причастен грех вообще. «Сам создал из плоти Святой Девы Марии совершенного человека, одушевленного и одаренного умом, и тот пил, и ел, и спал, а Слово Божие не ел, не пил и не спал, и не был распят, и не умер, но святая Плоть, которую Он принял от Святой Девы, она была распята. Знай же, что Христос считается двойственным по природе, но единым по ипостаси. Ибо одно предвечное Слово Божие и после принятия плоти ипостасно, т.е. лично, но не по природе – ибо не прибавилось к Троице четвертое лицо после неизреченного соединения с плотью» (Беседа сарацина с христианином, 8).

Говоря о нравственности, Дамаским постоянно употребляет такие понятия, как «совершенство», «избранность», «достоинство», «добродетель». Именно через эти категории он и раскрывает суть элитности духа. Анализируя его учение, мы

приходим к тому, что вне нравственного не может быть элитности, как совершенства нашего духа. В основе духовного совершенства лежит этика. Бог присутствует в человеке в качестве его совести, которая видит и оценивает все его мысли, слова и действия. Именно суд совести является самым справедливым и самым страшным судом для человека. Правильным человеком является тот, кто ставит суд своей совести выше суда общественного и правового.

Говоря о добродетели, Дамаскин указывает на её дифференциацию в силу разных способностей людей: «Ибо добродетели – естественны и естественным образом и поровну находятся во всех, хотя мы и не все поровну совершаем то, что согласно с природою. Ибо через преступление мы впадаем из того, что было согласно с природою, в то, что противно природе... подвижническая жизнь и труды ее выдуманы не для приобретения добродетели, которая извне приводима, но для того, чтобы мы свергли с себя чуждый и противный природе грех, подобно тому, как и с усилием удаляя ржавчину, находящуюся на железе, которая неприродна, но произошла вследствие [нашей] небрежности, мы показываем естественный блеск железа» (Точное изложение Православной веры, III, XIV). Таким образом, человеком элиты становится тот, кто успешнее остальных удалил из себя «ржавчину греха» и сам увидел истинное знание о себе.

Особое внимание Дамаскин уделяет вопросу почитания святости. Он пишет: «Должно почитать святых как друзей Христовых, как чад и наследников Божиих... [ибо] святые суть как боги, так и повелители и цари... [Они] соединились с Богом по собственной воле и приняли Его обитателем их сердца и, вследствие участия в Нем, сделались по благодати тем, что именно Он есть по естеству» (Точное изложение Православной веры, IV, XV). Святые получили имя слуг, друзей и сынов Божиих, и их надлежит почитать. Они «сделались внутренними жилищами Божиими и чистыми Его местопребываниями... и через ум Бог обитает также и в телах их» (Там же). Они находятся в жизни и свете Бога. Святые есть одушевленный храм Божий; они – жилище Бога. Святые максимально проявили себя в творчестве постоянной молитвы. «Ибо чем люди угождают Богу, в этом найдут себе наслаждение и слуги Его; а вследствие чего Бог гневается, вследствие того будут гневаться и щитоносцы Его» (Там же). Самый главный памятник святым – это не их физическое изображение, а «подражание их добродетелям». Мученики Господни являются избранными по чину, как воинство Христово, испившие Его чашу (Там же).

Именно святые являются более точным образом и подобием Божьим, поэтому к ним применимо понятие «личность». Но эта личность есть всего лишь отражение Личности Бога в человеке. Для обыденного человека Дамаскин прибегает к другому термину. В значении понятия индивидуальности у него употребляется термин «лицо»: «Лицо – пишет Иоанн, – есть то, что в своих действиях и свойствах обнаруживается ясным и определенным образом, отличным от способа обнаружения однородных существ» (Философские главы, XLIII). Лицо всегда индивидуально. Но у всех индивидуальностей одна общая цель – совершенствование своего духа, которое дается нам по средствам нашего творчества и ведет нас к состоянию полноценной личности.

Вторым путем помимо молитвенного является философская практика. И здесь богослов Дамаскин («сын апостолов») становится философом («другом Платона»). Согласно Дамаскину, одним из важных элитизирующих человеческую природу начал является философия, которая совершенствует наш ум, направляя его на познание Истины бытия. Богослов систематизирует философское знание с учетом своей теологической догматики. При этом в его определениях философии мы вновь находим присутствие знакомого нам элитологического элемента. Попробуем выделить его из классического текста Дамаскина. Иоанн пишет: «Философия есть познание сущего как такового, т.е. природы сущего. Философия есть познание Божественных и человеческих вещей. Философия есть помышление о смерти произвольной и естественной. *Философия есть уподобление Богу в возможной для человека степени. Мы уподобляемся Богу через справедливость, святость и добро* [Выделено – П.К.]. Справедливость состоит в правильном распределении, т.е. в том, чтобы не наносить обид, никого не судить, но каждому воздавать по его делам. *Святость выше справедливости и совпадает с добром* [Выделено – П.К.], состоя в том, чтобы сносить несправедливость, уступать обидчикам и даже благотворить им. Философия есть искусство из искусств и наука из наук. Ибо философия есть начало всякого искусства, так как ею было изобретено всякое искусство. Философия есть любовь к мудрости, а истинная Премудрость есть Бог. Таким образом, любовь к Богу — вот истинная философия» (Философские главы, LXVII). Философия как уподобление Богу через справедливость, святость и добро – это и есть элитологическая формула персоналистического совершенства. Человек как личность должен обладать двумя необходимыми достоинствами – он должен быть молитвенником и должен быть любителем истины.

Элитология религии. Рассмотрев основы элитологического мышления Дамаскина, мы теперь можем вывести некоторые общие правила элитологии религии. Прежде всего, коснемся уточнения смысла таких понятий, как «религиозная элитология» и «элитология религии». Религиозная элитология представляет собой историческое наследие религиозного опыта по стяжанию святости и ее оценки (почитания) в религиозной общине. И здесь мы должны отметить, что значительный массив элитологического материала был собран святыми отцами восточной церкви по монашеской аскетике [2], догматическому богословию [1] и агиографии [3]. Отдельно следует назвать документы по истории церкви и труды церковных иерархов [5], которые отражают этапы развития понимания святости, борьбу идей за Истину и поиск ответов на жизненно важные догматические вопросы.

Элитология религии – раздел большой элитологии, занимающийся исследованием религиозной элитности. Определенный опыт описания святости есть уже и в специальной справочной литературе [5, с. 200-202; 409-415]. Всё это даёт нам основание считать, что постепенное развитие элитологии религии будет способствовать не только научному становлению самой элитологии в целом, но и содействовать установлению диалога между наукой и религией, и их последующему конструктивному сближению.

Проведенный нами анализ текста Дамаскина позволяет утверждать, что главной темой и проблемой элитологии религии является тема святости. Святость есть максимум достоинства, при абсолютном уничтожении греха. Это максимальные (предельные) величины, с которыми когда-либо приходилось работать элитологии. Максимализм в элитологии – это стремление к абсолютному совершенству. И, как нам видится, накопленный за многие столетия религиозный опыт поиска духовного совершенства может быть с определенными оговорками распространен и на светское понимание совершенства, поскольку речь идет о единой природе человека.

Творения Дамаскина дают нам ключ к разгадке многих темных пятен религиозной элитности, позволяют раскрыть тайное в природе святости, точно сформулировать и поставить вопросы по интересующим нас проблемам. Трудности, с которыми нам пришлось столкнуться в ходе осуществления своего замысла, сводятся к тому, что крайне сложно бывает порой перевести на современный светский (научный) язык древние религиозные тексты (неоценимую пользу в этом деле играет герменевтика, выполняя одну из важнейших методологических функций). Несовершенство нашего языка, не позволяет нам адекватно изложить заложенный Дамаскиным «элитологический заряд» – комплекс тех идей, который суммарно и составляет его элитологическую часть мировоззрения. Мы смотрим на Дамаскина не духовным взором, а оцениваем его светским рациональным умом, что не может не вызвать возражений и порицаний со стороны клерикалов. Однако, заметно возросший в последнее время к этой теме интерес, делает нашу работу своего рода введением, той подготовительной фазой, которая контурно намечает вектор дальнейших научных исследований, идущих в этом направлении.

Список литературы

1. Дамаскин Иоанн, преподобный. Точное изложение Православной веры / Преподобный Иоанн Дамаскин. – М.: Сибирская Благовонница, 2015. – 476 с.
2. Добротолюбие: в 5 т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т.1. – 640 с.; Т.2. – 764 с.; Т.3. – 442 с.; Т.4. – 634 с.+XXX; Т.5. – 482 с.+VI.
3. Житие преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина // Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского, с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых. В 12 т. – М., 1996. Кн.4. Месяц декабрь.
4. Иоанн Дамаскин. Диалектика, или Философские главы / Пред. Г. В. Флоровского. — М.: Екклесия Пресс, 1999. С. 36-110. (Учителя неразделенной церкви).
5. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Слово пастыря. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 424 с.
6. Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. Перевод с древнегреческого и комментарии Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. — М.: Индрик, 2002. — 416 с. (Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Святоотеческое наследие. Т. 5.).
7. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. – 216 с.
8. Элитология: Энциклопедический словарь / Под ред. проф. П. Л. Карабущенко. – М.: Экон-информ, 2013. – 618 с.

Karabushenko P.L. Elitological Views of Joann Damaskin // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 99-107.

Religious subjects are still poorly studied scientific direction for modern elitology. The elitology of religion is just beginning to emerge as an independent section of elitology, although some of its elements have long existed within the philological and historical sciences. This work undertakes one of such attempt to identify and systematize the main ideas and possible postulates of religion elitology. It is through such historical figures as John Damascene elitology religion must withdraw its methodological and theoretical bases to adjust the conceptual apparatus, to identify features of the thematic areas, etc. Located at the junction of the scientific and religious experience, religion elitology trying to bring together their differences, eliminating the misunderstanding and outright hostility, formerly between theology and scientism.

Keywords: holy, hierarchy, domination, theology, hagiography, perfection, grace, religious elitology, elitology religious elite, ethics.

References

1. Damaskin Ioann, prepodobnyy. Tochnoe izlozhenie Pravoslavnoy very / Prepodobnyy Ioann Damaskin. – M.: Sibirskaya Blagovonnitsa, 2015. – 476 s.
2. Dobrotolyubie: v 5 t. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 1993. T.1. – 640 s.; T.2. – 764 s.; T.3. – 442 s.; T.4. – 634 s.+KhKhKh; T.5. – 482 s.+VI.
3. Zhitie prepodobnogo ottsa nashego Ioanna Damaskina // Zhitiya svyatykh, na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh–Mineysvyatogo Dimitriya Rostovskogo, s dopolneniyami, ob'yasnitel'nyimi primechaniyami i izobrazheniyami svyatykh. V 12 t. – M., 1996. Kn.4. Mesyats dekabr'.
4. Ioann Damaskin. Dialektika, ili Filosofskie glavy / Pred. G.V. Florovskogo. — M.: Ekklesiya Press, 1999. S. 36-110. (Uchitelya nerazdelennoy tserkvi).
5. Mitropolit Smolenskiy i Kaliningradskiy Kirill. Slovo pastyrya. M.: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii, 2009. – 424 s.
6. Tvoreniya prepodobnogo Ioanna Damaskina. Istochnik znaniya. Perevod s drevne-grecheskogo i kommentarii D. E. Afinogenova, A. A. Bronzova, A. I. Sagardy, N. I. Sagardy. — M.: Indrik, 2002. – 416 s. (Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy Bogoslovskiy institut. Svyatootecheskoe nasledie. T. 5.).
7. Chichurov I. S. Vizantiyskie istoricheskie sochineniya: «Khronografiya» Feofana, «Breviariy» Nikifora. Teksty, perevod, kommentariy. M.: Nauka, 1980. – 216 s.
8. Elitologiya: Entsiklopedicheskiy slovar'. /Pod red. prof. P. L. Karabushchenko. – M.: Ekon-inform, 2013. – 618 s.

УДК: 316.4

АНАРХИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Кемалова Л.И.

Керченский государственный морской технологический университет, г. Керчь, Российская Федерация.

E-mail: kemalova@yandex.ru

В статье поднимается проблема маргинальной сущности молодежи, определяемой промежуточностью ее социального статуса. В силу указанной специфики молодежь проявляет склонность к анархизму: она испытывает потребность в независимости и самостоятельности, стремится к свободе, понимая ее как вседозволенность, как «свободу от...». Подчеркивается, что в борьбе за самоутверждение, молодежь часто демонстрирует девиантные формы поведения. Нестабильность, неустойчивость мировоззренческих установок молодежи, ее бунтарский характер становятся объектом манипуляции. В то же время склонность молодежи к анархизму, ее стремление к самовыражению можно использовать в целях созидания нового общества, преобразуя молодежь из объекта манипуляции в субъект социальных перемен, создавая ей условия для успешной, позитивной самореализации и самоутверждения. В статье отмечено, что в формировании социальной субъектности молодого человека особая роль принадлежит семье и системе образования, в рамках которых необходимо не только обеспечить профилактическую подготовку, но и просвещение (просветление) души молодых людей. Автор подчеркивает, что в процес се формирования социальной субъектности молодого человека необходимо формировать такие свойства, как целеустремленность, умение проявлять инициативу, ответственность и самостоятельность, человечность.

Ключевые слова: молодежь, маргинальный статус, переходность, общество, анархизм, социальная субъектность.

Начало XXI века ознаменовано тем, что почти на всем постсоветском пространстве в период с 2000 по 2014 гг. наблюдалась высокая революционная активность. Так, в 2008 году была совершена попытка цветной революции в Армении, в 2006 году – «Васильковская революция» в Беларуси (так называемая «Джинсовая революция»), «Революция роз» в Грузии в 2003 г., «Революция тюльпанов» в Кыргызстане в 2005 г., 2010 г. в Молдавии в 2009 г. «Революция Твиттера» (как окрестили ее в западных СМИ за использование митингующими социальных сетей для координации действий), в Узбекистане «Андижанское восстание» 2005 г., в Украине «Оранжевая революция» 2004 г. и «Революция достоинства» 2013 г.

Анализ этих революций (и их попыток) показывает, что основная ставка при их подготовке и осуществлении делалась на молодежь, поскольку именно она является самой неустойчивой в идеологическом плане социальной группой, которую легко увлечь, силой, готовой к переменам и решительным действиям [1]. Этим

определяется интерес к исследованию молодежи как особой социально-демографической группы, являющейся индикатором социальных перемен.

Объектом нашего исследования является современная молодежь, предметом исследования – анархистские тенденции в молодежной среде.

Какая она – современная молодежь? Способна ли она осмыслить происходящее и понять всю ответственность, которая лежит на ее плечах, за будущее? Может ли она реализовать свою субъектность, стать гарантом такого будущего, где мы будем жить, а не выживать? Поиск ответа на эти вопросы предопределяет цель статьи – раскрыть сущностные характеристики современной молодежи как особой социальной группы, сделав акцент на ее склонности к анархизму как к особой системе взглядов, опирающихся на идею неограниченной свободы и равенства людей. В связи с этим, определяются задачи статьи:

- раскрыть маргинальную сущность молодежи;
- проанализировать социальный портрет современной молодежи, влияние идей анархизма на ее сознание;
- рассмотреть молодежь в качестве субъекта социальных перемен.

В научной литературе молодежная проблематика была всегда актуальной и рассматривалась в разных дискурсах. Молодежь как особая социальная группа является объектом исследования социологии, социальной психологии, политологии, демографии. Однако комплексные социально-философские исследования молодежи, ее особого маргинального статуса, характеризующего переход от детства к взрослости, ее склонности к анархии, в отечественной научной литературе представлены недостаточно.

Молодежь, как особая социально-демографическая группа, отличается не только возрастными границами, стилем поведения, но и своим образом жизни, образом мышления, ценностными установками. Жизненные принципы молодых людей характеризуются установкой на то, чтобы «жить лучше», тогда как представители старшего возраста ориентируются на то, «чтобы не было хуже, чем есть». К особым характеристикам молодежи можно отнести потребность в общении, самореализации, самовыражении, в достижении успеха. Однако общество не всегда способно предоставить равные стартовые возможности для позитивной самореализации различных групп молодежи, что приводит к поиску других, негативных методов самовыражения. Такая ситуация приводит к возрастанию уровня девиации в молодежной среде.

Девиантное поведение молодежи обуславливается еще и тем, что сама молодежь является маргинальной группой, если учесть, что она занимает пограничное, промежуточное положение в обществе, между детством и взрослостью, и в силу этой пограничности для нее характерны метания из крайности в крайность, неустойчивость, противоречивость чувств, стремлений, нестабильность ценностных установок [2]. Кроме того, маргинализация всего общества в условиях кризиса сопровождается маргинализацией молодежи, которая оказывается на задворках общества, будучи социально незащищенной, лишенной позитивных каналов самореализации, что так же приводит к различным формам девиации [3].

Молодежь демонстрирует протест против тех порядков, которые не позволяют ей реализоваться полностью. Она ищет свободу от... (родительской опеки, от влияния власти, социума, от всякого рода давления). Кроме того, она склонна к анархии в силу маргинальности своего статуса, испытывая потребность в независимости и самостоятельности. Неслучайно такие известные идеологи анархизма, как Макс Штирнер, Пьер Жозеф Прудон, Михаил Александрович Бакунин, Петр Алексеевич Кропоткин, провозглашая свои идеи, делали акцент на молодежи. Так, М.А. Бакунин в 1869–1870 гг. публикует ряд печатных обращений к русской молодежи.

По мнению анархиста М. Штирнера, вся жизнь – борьба за самоутверждение личности, самобытное проявление своего «Я». Он отмечал, что поскольку у государства одна цель – ограничивать, связывать человека, делать его подчиненным чему-то общему, то «мы – государство и я – враги» [см. 4]. То же самое он относил к праву: поскольку оно также навязывается человеку извне. Единственная реальность – это конкретное, неповторимое «Я». Позиция М. Штирнера вписывается в мировоззренческие установки современных молодых людей, находящихся в поиске своего «Я». Государство, неспособное создать условия для самореализации, превращается во врага [там же]. Именно этим и пользуются многие политтехнологи, стремясь вовлечь молодежь в различные революции и бунты.

Анархистские лозунги, что свобода – это возможность самостоятельно принимать решения, перекликаются с желанием молодого человека проявить себя, показать свою значимость и неважно каким способом. Поэтому анархисты всегда апеллировали к молодежи. Провозглашая каждого человека индивидуальностью, личностью, анархизм призывает к миру без принуждений и давлений, без власти, без иерархии. Волонтаризм, индивидуализм стали философской основой анархизма. Несмотря на то, что анархистские умонастроения были известны еще в античности, как революционное течение он сформировался в эпоху Нового времени, в эпоху революций. Молодежь поддерживала революционные идеи свободы, равенства и братства.

В России идеи анархизма среди молодежи стали распространяться в 40–50-е гг. XIX в. в ходе борьбы против крепостничества. К волонтаризму и индивидуализму как принципам анархизма добавился эгоцентризм М. Штирнера: «Нет ничего превыше меня». В конце 50-х – начале 60-х гг. формируется нигилизм как разновидность анархизма. В 70-е гг. XIX в. идеологом анархизма становится М.А. Бакунин, призывая молодежь к революционному восстанию [5]. Продолжателем идей М.А. Бакунина становится П.А. Кропоткин, революционные взгляды которого привлекли внимание молодежи тем, что он пытался охватить все стороны общественной жизни, акцентируя внимание на идеях гуманизма [6].

Всплеск анархизма произошел в начале 90-х годов XX века, но отсутствие у этого движения определенной программы действий привело его к тому, что оно сошло на «нет». Склонность к анархизму в молодежной среде не угасла, поскольку она заложена в самой природе молодого человека. Бунтарство, как проявление анархизма, присуще молодому поколению – ищущему себя, отмечающему на своем пути все, что не вяжется с его представлением о жизни. Поэтому молодой человек

противопоставляет себя окружающим (чаще всего это родители, учителя), которые пытаются очертить рамки, за которые выходить нельзя. В условиях отсутствия целостной культуры, ценностного вакуума, когда распадаются социальные связи, рушатся нормы, сознание молодого человека напоминает мозаичную картину, где в центре – культ максимализма, индивидуализма, нигилизма. А. Камю в своем произведении «Бунтующий человек» как раз поднимает тему бунта, анализируя те его формы, которые привели в итоге к революциям в XIX и XX вв. По мнению А. Камю, бунт – свидетельство пробуждения сознания человека, когда приходит понимание абсурдности бытия и желание преобразить действительность. При этом философ различает бунт и революцию, отмечая созидательный характер бунта [7].

Бунт является выражением анархизма. Молодые анархисты сегодня – это люди, стремящиеся противостоять обществу потребления. Это противостояние выражено в уходе во многие субкультуры – антифа, хардкор, панки и т.д. Чаще всего в анархистском движении участвуют студенты. Это подтверждают примеры европейских стран и стран постсоветского пространства, где периодически наблюдаются студенческие бунты.

Протест анархистов может принимать разные формы – от агрессивных до карнавальных (т.н. «клоуны-бунтари» в Чехии в 2000 году во время саммита МВФ и Всемирного банка). В России молодежь применяет в основном такие виды протеста, как митинги и шествия. Протестный потенциал молодежи возрастает в периоды трансформации общества, когда возникают дополнительные сложности для адаптации молодежи к быстроменяющейся среде. В «эпоху перемен» разрушается единая система социокультурных норм и ценностей, возникает ценностный вакуум, когда прежние ориентиры утрачивают свою значимость, а новые еще не сложились. Возникает ощущение потерянности, заброшенности, ненужности обществу. Увеличивается численность маргинализирующейся молодежи, готовой на любые действия ради того, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. Анализ состояния современного общества показывает, что в начале XXI века не только снижается численность молодежи (в РФ с 34,2 млн. чел. (23,9%) в 2013 году до 31,4 млн. чел. (21,5%) к 2016 году), но еще и ухудшается ее материальное положение [9]. Растет количество бедной молодежи: по данным Росстата, 23,4% бедных составляет как раз молодежь от 14 до 30 лет [10]. В последнее время в научной литературе используется термин «NEET–молодежь», обозначающий тех молодых людей, которые оказались вне сферы занятости, образования и обучения (NEET–аббревиатура от английского выражения «Not in Employment, Education or Training») [11]. Пребывая в ситуации отчуждения, молодые люди составляют особо опасную социальную группу, готовую ради денег, заработка на любые действия (поступки).

Молодежные протестные действия имеют несколько причин. Среди них: протест против существующих порядков, вызов обществу; межпоколенный конфликт, отсутствие взаимопонимания со старшим поколением; юношеский максимализм, стремление самоутвердиться, нежелание быть похожими на других. Молодежные движения неоднородны, они отличаются по политическим, религиозным, социальным субкультурным критериям. На рубеже XX–XXI вв. политическая активность молодежи возникает в первую очередь в странах Европы.

Бунты 60-х гг. XX века носили политизированный и массовый характер и воспринимались как акты неповиновения молодежи политике государства. Первые массовые волнения молодежи в Европе – это события в Чехословакии, в Югославии в 1968 году. В начале XXI века одно из массовых волнений молодежи (около 2 млн. человек) произошло во Франции в 2006 году.

В СССР первые попытки молодежных выступлений относятся к 50-м годам XX века, когда происходили процессы либерализации режима, и молодежь почувствовала относительную свободу. Сегодня протестные настроения молодежи выражаются в участии в различного рода молодежных движениях, среди которых движение антиглобалистов, экологические движения, субкультурные молодежные движения. Опасность некоторых молодежных движений состоит в том, что анархистские призывы против власти, государства, идеи либерализма воспринимаются неокрепшим сознанием молодых людей как руководство к действию, и они готовы выйти на улицы, участвовать в митингах и шествиях, демонстрируя тем самым свой протест против общества.

Может ли современная молодежь использовать свою активность не на баррикадах? Способна ли стать действительным субъектом позитивных социальных перемен?

Отвечая на эти вопросы, важно подчеркнуть, что молодежь не является однородной по своей структуре, поскольку подразделяется на множество слоев, отличаясь друг от друга своими интересами, убеждениями, деятельностью, разными стартовыми возможностями, а значит и разным уровнем жизни. Исследуя молодежь XX века, можно увидеть различия между революционной молодежью 20-х гг. XX века, молодежью сложных военных 40-х и послевоенных лет (50–60-е гг.) и молодежью конца XX века. Отношение к молодежи со стороны общества, в частности взрослого поколения, также менялось на протяжении всего XX века: от – «молодым везде у нас дорога» до отношения к молодежи как к «социальным инвалидам», которым требуется опека и забота со стороны государства.

Используя термин «поколение» для обозначения группы людей, которые родились в определенный период времени и испытали на себе влияние одних и тех же событий, некоторые исследователи (в частности, американцы Уильям Штраус и Нейл Хоув) создали теорию поколений. На основе данной теории исследователи выделяют: поколение G (потерянное поколение) (1900–1923 г.р.), молчаливое поколение (1923–1943 г.р.), поколение Беби-Бумеров (1943–1963 г.р.), поколение X (1963–1984 г.р.), поколение Y (Миллениум) (1984–2000 г.р.) и поколение Z (с 2000 г.р.) [12]. Нынешнее поколение – «Z» – так называемое цифровое поколение. Оно родилось уже в эпоху глобализации постмодерна. Всю информацию молодые люди получают из Интернета, они общаются в социальных сетях, являются активными потребителями – информации, товаров, развлечений. Для поколения Z приоритетными являются такие социальные ценности, как карьера и благосостояние. Духовные ценности в их глазах теряют свою значимость. На первое место выходят материальные ценности, физический и психологический комфорт, личная свобода. «Именно для поколения Z, практически лишенного мировоззрения, формирование системы подлинных значимых ценностей...актуально как никогда,

ибо иначе поколение “информационных аборигенов” не справится с обрушившимся на него огромным информационным потоком, требующим умения отделять главную информацию от второстепенной» [13, с. 60].

Итак, молодежь XXI века представляет собой социальную группу, к характеристикам которой добавились такие черты, как открытость, мобильность, высокая адаптированность к быстроменяющимся условиям, креативность. В отличие от молодежи XX века, современная молодежь гораздо более динамична, чем их «отцы». Она владеет компьютерными технологиями, информацией, а потому снисходительно относится к взрослым, которые не столь успешны в освоении различных электронных гаджетов. Социальный портрет современной молодежи определяется ростом потребительских настроений, приоритетом материального, снижением значимости таких духовных ценностей, как милосердие, бескорыстие. Власть денег и капитала заставляет искать молодых людей самые разные способы их обретения, чаще криминальные. Психология ноувиизма (здесь и сейчас), желание получить «все и сразу», малыми усилиями, формирует негативное отношение к честному труду. Молодые люди совершают каждое десятое тяжкое преступление, каждое четвертое вымогательство, каждый шестой грабеж, каждое восьмое преступление в сфере компьютерной информации. Ситуация усложняется тем, что на рубеже XX–XXI веков наблюдается не просто конфликт поколений, который сопровождает развитие общества во все времена, а происходит «разрыв поколений», когда «отцам» нечего передать своим «детям», поскольку на постсоветском пространстве прежние ценности, нравственные ориентиры и установки перестали «работать», оказались невостребованными в новых реалиях. В результате молодое поколение было вынуждено самостоятельно искать каналы социализации. «Уход» в молодежные субкультуры (чаще всего асоциального или антисоциального характера), недовольство существующим положением приводит к росту девиантов среди молодежи. Анализ состояния современной российской молодежи показывает рост следующих негативных тенденций: неустойчивое экономическое положение значительной части молодежи. Рост числа преступлений в молодежной среде (70–80% преступлений совершаются лицами в возрасте от 14 до 30 лет); высокая доля безработных среди молодежи [14]. Все эти тенденции, как уже было сказано, подталкивают молодежь к разного рода революционным движениям, обнажая их маргинальную сущность и склонность к анархизму как к проявлению их стремления к независимости и свободе. Этим пользуются некоторые политические деятели, манипулируя сознанием молодежи. Одна из причин привлечения молодежи в том, что это наиболее неустойчивая в плане идеологии, наиболее динамичная и неудовлетворенная часть общества. Она стала удобным объектом для использования различными силами в качестве ударной массы. В связи с этим возникает необходимость переосмыслить отношение к молодежи как к объекту манипуляции со стороны различных политических сил.

Молодежь – это не только объект преобразования в культурной среде общества, а также и субъект, который сам готов влиять на окружающий мир и изменять культуру. Заботясь о молодом поколении, о сохранении и преемственности традиций, культуры в целом, взрослые вместе с тем не могут и не должны

конструировать будущее без учета интересов и участия в этом процессе самой молодежи [15]. Маргинальный статус молодежи позволяет молодежи не только пребывать «на обочинах жизни», но и искать пути выхода из сложной ситуации. Поэтому важно выработать отношение к ней как к субъекту социальных преобразований в обществе, дать ей понять, что именно она способна совершить изменения к лучшему.

Социальная субъектность понимается как способность молодежи быть деятелем, творцом социальной реальности, «выступать в качестве активного начала» [16, с. 320]. Формирование социальной субъектности молодежи предполагает учет объективных условий и субъективных факторов. К объективным условиям можно отнести те возможности, используя которые молодежь может осуществлять свою деятельность, проявлять активность, либо двигая общество вперед, либо выступая для общества источником опасности. Молодежь, как верно подметил К. Мангейм, ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она — «потенция, готовая к любому начинанию» [17, с. 445].

К внутренним факторам социальной субъектности молодежи можно отнести ее стремление к проявлению своей субъективности, ее желание самореализоваться, ее готовность взять на себя ответственность за свои поступки, за то, что происходит вокруг. Формированию такого стремления у молодежи должна способствовать, кроме семьи, и система образования. При этом образование (как процесс обучения) в союзе с просвещением и воспитанием должно помочь молодому человеку самоопределиваться, найти позитивные способы самореализации.

Таким образом, анализ социального портрета современной молодежи показывает, что она меняется в процессе развития общества: ее ценностные установки, идеалы, нравственные ориентиры задаются социумом. В обществе потребления портрет современной молодежи представляет собой микс из установки на традиционные ценности (семья, здоровье, независимость) и ценности материального характера (деньги, богатство). При этом снижается установка на честный труд, соблюдение нравственных норм и правил. Маргинализация молодежи приводит к различным видам девиантного поведения, увлечению идеями анархизма, экстремизма. Склонность молодежи к анархизму чревата пониманием свободы как вседозволенности и проявлением радикализма.

Специфический переходный, маргинальный статус, предполагающий неустойчивость, противоречивость жизненных ценностей, ориентиров, может привести как к негативным формам девиации в результате распространения анархистских идей, так и вывести молодежь к поиску позитивных способов самореализации. Помочь молодому человеку найти себя, создав возможности для самоутверждения – одна из актуальных задач на сегодняшний день. В процессе формирования социальной субъектности молодежи желательно формировать такие их свойства, как целеустремленность, умение проявлять инициативу, брать на себя ответственность и проявлять самостоятельность. Особая роль в этом принадлежит системе образования. От мировоззрения молодого поколения, его позиции зависит будущее общества в целом.

Список литературы

1. Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, примов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах / Под общ. ред. С.Н. Гриняева. – М.: АНОЦСОиП, 2015. – 236 с. URL: <http://gorchakovfund.ru/upload/iblock/cde/cdec821319abfb14d7e82ba0fbaceafc.pdf> (Дата обращения: 10.02.2018)
2. Кемалова Л.И. Личность маргинала и возможности ее социализации в условиях транзитивного общества. Монография / Л. И. Кемалова, Ю. Д. Парунова. – Симферополь–Керчь: Таврия, 2010. – 298 с.
3. Кемалова Л.И., Корнильцева Е.Г. Молодежь как субъект социальной ответственности в условиях маргинализированного общества // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации. Научно-практическая (заочная) конференция с международным участием 27–28 ноября 2014. – Ульяновск: SIMGET, 2014. – С. 151–154.
4. Штирнер М. Единственный и его собственность / М. Штирнер. Пер. М. Гиммельфарб, М. Гохшиллер. – М.: Азбука, 2001. – 448 с.
5. Бакунин М.А. Избранные сочинения / М.А. Бакунин. – М., 1919–1921. Т. 1–5. – С. 83, 111.
6. Кропоткин П. Что делать? (К молодежи) / П. Кропоткин [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/static/or3/view/>.
7. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. / А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с. – (Мыслители XX века).
8. Статистика молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://vavilon.ru/statistika-molodezhi/#chislennost-molodyh-lyudej-v-rossii> (Дата обращения: 10.02.2018).
9. Новые бедные. Почему «на дне» оказались работающие россияне? Личные деньги. Деньги. Аргументы и Факты. URL: www.aif.ru (Дата обращения: 10.02.2018).
10. Варшавская Е.Я. Российская НЕЕТ–молодежь: характеристики и типология // Социологическое исследование. – 2016. – № 9 (389). – С. 31–39.
11. Кириллова Е. Поколение Z и его место в истории. Теория поколений. Поколения X, Y и Z. URL: <http://fb.ru/article/210221/pokolenie-z-i-ego-mesto-v-istorii-teoriya-pokoleniy-pokoleniya-x-y-i-z> (Дата обращения: 20.03.2018).
12. Корнильцева Е.Г. Перспективы культурологии в учебных программах негуманитарных специальностей / Е.Г. Корнильцева, О.В. Мылtasова, Т.А. Юшкова // Глобальный научный потенциал. – СПб.: ТМБпринт. – 2016. – № 12 (69). – С. 60.
13. Уржа О.А. Динамика социализации российской молодежи в условиях меняющегося мира // Социальная политика и социология. – 2015. – Ч.1. – Том 14. – № 3(109). – С. 126–133.
14. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика [Философия. История. Теория] / И.М. Ильинский. – М.: Голос, 2001. – 694 с.
15. Луков В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография / В.А. Луков. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». – 528 с.
16. Мангейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. / К. Мангейм. – М.: Юрист. – 700 с.
17. Алиев В.В. Основы исследования социальной субъектности молодежи // Знание, понимание, умение. – 2015. – № 1. – С. 152–161. URL: <http://www.zpu-journal.ru/> (Дата обращения: 20.03.2018).

Kemalova L.I. The Anarchist Tendencies in the Youth Surroundings // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 108–117.

The article raises the problem of the marginal essence of youth, determined by the interim of its social status. Because of this specificity, young people tend to anarchism: it needs independence and independence, strives for freedom, understanding it as permissiveness, as "freedom from ...". It is emphasized that in the struggle for self-assertion, young people often demonstrate deviant forms of behavior. Instability, instability of ideological attitudes of youth, its rebellious character become the object of manipulation. At the same time, youth's propensity for anarchism, its desire for self-expression can be used to create a new society, transforming youth from the object of manipulation into a subject of social change, creating conditions for successful, positive

self-realization and self-affirmation. The article notes that the family and the education system have a special role in the formation of the social subjectness of the young person, within the framework of which it is necessary not only to provide preventive training, but also enlightenment (enlightenment) of the soul of young people. The author emphasizes that in the process of forming a social subjectivity of a young person it is necessary to form such properties as purposefulness, ability to show initiative, responsibility and independence, humanity.

Key words: youth, marginal status, transition, society, anarchism, social subjectivity.

References

1. Irregulyarnyye konflikty: «tsvetnyye revolyutsii». Analiz i otsenka form, priemov i sposobov vedeniya operatsiy po smene rezhimov v suverennykh gosudarstvakh [The Irregular Conflicts: «The Colourful Revolutions». The Analysis and the Estimation of the Forms, Means and Methods of the Processing the Operations on Changing Regimes in Modern States]. M.: ANOTsSOiP, 2015, 236 s. URL: <http://gorchakovfund.ru/upload/iblock/cde/cdec821319abfb14d7e82ba0fbaeafc.pdf> (Accessed: 02 February 2018).
2. Kemalova L.I. Lichnost marginala i vozmozhnosti eyo sotsializatsii v usloviyakh tranzitivnogo obschestva [The Marginal Personality and the Possibilities of His Socialization under the Transitive Society Conditions]. Simferopol, Kerch, Tavriya, 2010, 298 s.
3. Kemalova L.I., Kornil'ceva E.G. Molodyozh' kak sub'ekt social'noi otvetstvennosti v usloviyakh marginalizirovannogo obschestva [The Youth as the Subject of Social Responsibility in the Marginal Society Conditions] // Aktual'nye problemy sovremennogo obrazovaniya: opyt i innovatsii / Nauchno-prakticheskaya (zaochnaya) konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem 27-28 noyabrja 2014. Ul'janovsk: SIMGET, 2014, S. 151–154.
4. SHtirner M. Edinstvennyj i ego sobstvennost' / M. SHtirner. Per. M. Gimmel'farb, M. Gohshiller. – M.: Azbuka, 2001. – 448 s.
5. Bakunin M.A. Izbrannyye sochineniya / M.A. Bakunin. – M., 1919-1921. T. 1-5. – S. 83, 111.
6. Kropotkin P. CHto delat'? (K molodezhi) / P. Kropotkin [EHlektronnyj resurs]. – URL: <https://www.litres.ru/static/or3/view/>. (Accessed: 02 February 2018).
7. Kamyu A. Buntuyushchij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo: Per. s fr. / A.Kamyu. M.: Politizdat, 1990. 415 s. (Mysliteli XX veka).
8. Statistika molodezhi [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://vavilon.ru/statistika-molodezhi/#chislennost-molodyh-lyudej-v-rossii> ((Accessed: 02 February 2018)).
9. Novyye bednyie. Pochemu «na dne» okazalis rabotayushchie rossiyane? Lichnyie dengi / Dengi / Argumenty i Fakty [The New Poor. Why Have Working Russians Appeared on the Bottom?]. URL: www.aif.ru (Accessed: 02 February 2018).
10. Varshavskaya E.Ya. Rossiyskaya NEET – molodezh: harakteristiki i tipologiya [The Russian NEET – Youth: the Characteristics and the Classification]. Sotsiologicheskoe issledovanie, 2016, № 9(389), S. 31–39.
11. Kirillova E. Pokolenie Z i ego mesto v istorii. Teoriya pokoleniy. Pokoleniya X, Y i Z [Z-Generation and its Place into History. The Generation Theory. X, Y and Z Generations]. URL: <http://fb.ru/article/210221/pokolenie-z-i-ego-mesto-v-istorii-teoriya-pokoleniy-pokoleniya-x-y-i-z> (Accessed: 20 March 2018).
12. Kornil'ceva E.G. Perspektivy kul'turologii v uchebnykh programmakh negumanitarnykh special'nostei [The Prospectives of Cultorology in the Studying Programms of Non-Humanitarian Field]. SPb.: TMBprint, 2016, № 12(69), S. 60.

13. Urzha O.A. Dinamika sotsializatsii rossiyskoy molodezhi v usloviyah menyayuschegosya mira [The Dynamics of the Russian Youth Socialization in the Changing World Conditions] // Sotsialnaya politika I sotsiologiya, 2015, Ch. 1, Tom 14, № 3(109), S. 126–133.
14. Ilinskiy I.M. Molodezh i molodezhnaya politika [Youth and the Youth Policy]. M.: Golos, 2001, 694 s.
15. Lukov V.A. Teorii molodezhi: Mezhdistiplinarnyy analiz: nauch. monografiya / V.A. Lukov. – M.: «Kanon+»; ROOI «Reabilitatsiya». – 528 s.
16. Mangeym K. Diagnostika nashego vremeni [Diagnosis of our time: War time essays of a sociologist]. M.: Yurist', 700 s.
17. Aliev V.V. Osnovy issledovaniya sotsialnoy sub'ektnosti molodezhi [The Basis of the Youth Social Subjectivity Investigation] // Znanie, ponimanie, umenie, 2015, № 1, S. 152–161. URL: <http://www.zpu-journal.ru/> (Accessed: 20 March 2018).

УДК: 355.02 (327.5 / 327.8)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ США ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ХАРАКТЕРА И СПОСОБОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Неелов В.М.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: wneelov@gmail.com

В настоящей статье рассматриваются причины и особенности использования США частных военных компаний. Этот вопрос является обширным, и для ответа на него требуется изучить изменения в несколько связанных между собой областях. Одной из таких сфер является военная. Изменение характера и способов ведения современной войны оказывает влияние на принятие военно-политическим руководством США стратегических решений. На основе анализа широкого круга американских источников, в статье дается ответ на вопрос о влиянии происходящих в военной сфере процессов на использование США частных военных компаний. США вынуждены искать новые формы и методы действий при проведении зарубежных операций в условиях совершенствования военных технологий, необходимости действовать на поле боя в составе коалиции, усложнения операционной среды, повышения уровня стратегической неопределенности и других происходящих в военной сфере изменений. Автор демонстрирует взаимовлияние двух процессов: с одной стороны, распространение практики делегирования ряда функций частным военным подрядчикам является одним из способов ответа на происходящие изменения, с другой – данная тенденция, в свою очередь, оказывает влияние на облик современной войны.

Ключевые слова: частные военные компании, США, негосударственные акторы, войны четвертого поколения, принятие военно-стратегических решений.

На рубеже 80–90-х гг. XX века заметным явлением в военной сфере стало распространение практики привлечения частных военных компаний (далее – ЧВК) государствами при проведении зарубежных операций. На сегодняшний день масштаб вовлечения таких коммерческих структур в решение широкого спектра задач, связанных с войной, стал еще более заметен, а тенденция к увеличению количества ЧВК и их сотрудников, действующих в интересах различных министерств и ведомств, сохраняется. Продолжает расширяться и спектр выполняемых частными подрядчиками функций. Указанные процессы характерны для многих передовых в военном отношении стран. Не являются исключением и США, на долю которых приходится до половины мирового рынка частных и охранных услуг [1].

Нельзя сказать, что существуют универсальные причины, вынуждающие государства прибегать к использованию ЧВК, однако происходящие в разных

сферах человеческой жизни изменения являются общими для многих стран и обществ. Одной из таких сфер является сфера военная, и именно коренные изменения в характере и способах ведения современной войны оказывают сильное влияние на формирование стратегий и концепций, в которых все более важную роль играют ЧВК.

Конечно, для наиболее полного понимания тех причин, которые оказывают влияние на принятие решений США об использовании ЧВК, необходимо рассматривать проблему в комплексе. Военная стратегия не существует в вакууме, и происходящие в ней изменения тесно переплетены с политическими, социальными и экономическими процессами, наблюдающимися в западных государствах в целом, и в США в частности [2]. Так, например, вопрос о выборе того или иного принципа комплектования вооруженных сил может быть объяснен только при рассмотрении целого ряда факторов, среди которых усложнение военной техники, коллективные представления общества о роли военной службы, стратегическая обстановка, сценарии возможного военного конфликта и др. [3].

Традиционно внимание исследователей, изучающих функционирование подобных коммерческих структур и значение ЧВК как инструмента политики современных западных стран, сконцентрировано на геополитических и экономических (реже – общественно-политических) факторах, связанных с распространением практики привлечения государствами частной военной силы. В рамках данной работы сфокусируемся на таком аспекте рассматриваемой проблемы как изменение характера и способов ведения войны. Данный подход определяет научную новизну настоящей статьи, цель которой – ответ на вопрос о влиянии процессов, происходящих в военной сфере, на использование США частных военных компаний.

Для достижения обозначенной выше цели представляется важным последовательно решить следующие задачи: 1) Выявить основные характеристики и особенности современных военных конфликтов; 2) Проанализировать современные концепции и доктрины, разработанные в США за последние десятилетия; 3) Показать, каким образом существующие в военной сфере тенденции влияют на современные американские концепции и доктрины и на военную стратегию Вашингтона в целом; 4) Выявить ключевые особенности использования США ЧВК и их роль в современной военной стратегии Соединенных Штатов.

Объектом настоящего исследования являются частные военные компании. Предметом – использование США частных военных компаний в контексте наблюдающихся в военной сфере тенденций.

Среди специалистов в области стратегических исследований нет единого мнения или подхода к оценке и характеристике происходящих в военной сфере изменений. Так, например, некоторые исследователи с большим скептицизмом относятся к концепции войн четвертого поколения, начало развития которой было положено американцами в 1989 году [4]. Критики данной концепции приводят контраргументы в качестве доказательств того, что военные ошибаются, делая ставку на сетцентричность и другие ключевые принципы, внося изменения в военные доктрины и стратегии [5, с. 1–2]. Несмотря на отсутствие единого взгляда

на проблему, нельзя отрицать того факта, что за последнее время облик и характер войны, а вместе с ними и способы ее ведения, изменились. Имеющиеся тенденции накладывают свой отпечаток и на политику США в части использования ЧВК при проведении военных операций.

Крупные военные операции, которые проводились за последние два десятилетия, принято относить к разряду так называемых «бесконтактных» войн. Это подразумевает использование различных видов высокоточного оружия, которое требует масштабного и качественного информационного и других видов высокотехнологичного обеспечения. Как отмечает доктор военных наук, профессор Владимир Слипченко, если раньше для того, чтобы одержать победу, нужно было оккупировать территорию противника при помощи сухопутных сил, то сегодня удары высокоточного оружия способны разрушить промышленный и экономический потенциал, сломить волю военно-политического руководства и населения к сопротивлению [6]. При этом совершенно необязательно уничтожать непосредственно военную силу.

Уничтожив промышленные и экономические центры, инфраструктуру, можно добиться нарушения снабжения и уровня боеспособности вооруженных сил противника. Современная армия, согласно данной концепции, должна быть гибкой, компактной и мобильной. Для того чтобы такой подход был эффективным, должны существовать высокотехнологичные информационные системы и средства связи. Количество разведывательных систем, беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) растет, и эта тенденция, судя по всему, лишь продолжится. В том числе, поэтому во многих государствах в целом происходит отказ от больших сухопутных войск [3, с. 79–94], хотя продолжающееся противостояние между Россией и Западом вносит свои изменения в этот процесс.

Сокращение военного персонала также во многом связано именно с принятым походом: военные не делают ставку на массовые армии, а вооруженным силам для ведения войн нового поколения требуются высококвалифицированные специалисты. При этом общее численность вооруженных сил снижается, войска становятся более компактными и мобильными. Технические сложные системы и БПЛА самого разного назначения необходимо обслуживать и эффективно использовать, что могут сделать только специалисты с высоким уровнем подготовки. Об этом писал знаменитый американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер – автор знаменитой теории волн, на которой военные специалисты США основывали построение новой концепции национальных вооруженных сил. Он описывал это явление следующим образом: «Для умного оружия нужны умные солдаты. Плохо образованные войска могут храбро биться в рукопашной, <...>, но для армий Третьей волны они такая же обуза, как невежественные рабочие на предприятиях Третьей волны» [7].

Призывной способ комплектования не способен обеспечить вооруженные силы такими кадрами – особенно в сжатые сроки. Для подготовки контрактников также нужно время. Использование ЧВК и их сотрудников способно частично решить эту проблему посредством заключения договора на оказание конкретного вида военных услуг. ЧВК предоставляют квалифицированных специалистов, обладающих

необходимыми компетенциями, а также способны обучить армейский персонал. При этом если речь идет о военных услугах в сфере высоких технологий, такие услуги могут также предоставляться гражданскими специалистами – сотрудниками ЧВК.

Одновременно с этим меняются организационные структуры вооруженных сил, а также структуры управления войсками. Концепция сетецентрических войн предполагает упразднение жесткой иерархической структуры управления. Это становится возможным благодаря тому, что войска объединяются в общую сеть, и каждый участник боевых действий имеет к ней доступ, может запросить ту или иную информацию, а также при необходимости огневую поддержку. Помимо этого, на первый план в США и других странах НАТО выходит возможность проведения совместных операций в рамках коалиции – так называемые «joint operations» [8]. Это подразумевает не только наличие единой сети, объединяющей системы управления войсками, но и высокий уровень взаимодействия, который невозможен без наличия нескольких условий: единая структура и иерархия подчинения, а также налаженное взаимодействие и обмен данными между войсками.

США и другие государства заключают контракты с ЧВК из самых разных стран мира. Так, американское правительство может подписывать договоры с британскими ЧВК – и наоборот. При этом они могут служить посредниками при взаимодействии союзного командования и войск в целом. Такая практика способна повысить уровень взаимодействия между союзниками, что также является одной из немаловажных причин использования ЧВК Соединенными Штатами.

Большая часть конфликтов, которые происходили за последние десятилетия, сопровождалась гуманитарными катастрофами: голод, сложная эпидемиологическая ситуация, рост числа беженцев, массовые нарушения прав человека. Участие США и других стран НАТО в этих конфликтах в том или ином качестве привело к осознанию военно-политическим руководством указанных государств необходимости поиска нестандартного решения конфликта. Разгрома противника на поле боя или прекращения огня в подобных условиях недостаточно, необходимо решить проблему становления мира и стабильности, помочь властям в укреплении государственности и порядка в зоне конфликта [9]. Военно-политическому руководству США и стран-членов Альянса стало ясно, что военными методами решения подобных вопросов не добиться, так как для военных структур эти задачи являются не совсем типичными. В этой ситуации в странах Североатлантического Альянса была разработана концепция военно-гражданского сотрудничества (англ. – Civil military cooperation – CIMIC; далее – ВГС).

В соответствующей доктрине НАТО под ВГС понимается «сотрудничество и координация между командованием НАТО и гражданскими структурами, включая гражданское население и местные власти, а также международные, национальные и неправительственные организации и агентства» [10]. Обеспечение связи между военными из стран Альянса и местными властями, населением и другими сторонами, вовлеченными в вооруженные конфликты, является одной из основных функций ВГС. В Совместном издании по взаимодействию разных видов и родов войск США (англ. – Joint Publication – JP), которое посвящено военно-гражданскому

сотрудничеству, подчеркивается, что ВГС является ключевым инструментом, позволяющим координировать интеграцию военных и невоенных средств в целях поддержания стабильности, реализации противоповстанческой стратегии и других операциях, когда угрозы носят асимметричный и иррегулярный характер [11, с. 1].

В ходе зарубежных операций США в Афганистане и Ираке ЧВК активно привлекали в свои ряды сотрудников из числа местного населения. В связи с этим стоит отметить, что использование ЧВК в таких операциях является выгодным для США и участников блока НАТО именно с точки зрения ВГС и одновременно для формирования положительного информационного фона проводимых мероприятий. Таким образом, найм и обучение сотрудников посредством ЧВК позволяет решить еще одну проблему, которая так или иначе возникает в случае применения вооруженных сил за рубежом. Речь идет о взаимодействии с населением страны, в которой приходится действовать.

Положительный эффект достигается в связи с тем, что частично решается проблема негативного восприятия иностранцев местными жителями, а также формируется костяк местных военных профессионалов и повышается уровень подготовки уже существующих в стране представителей этой сферы деятельности. Все это повышает шансы на то, что после ухода вооруженных сил с территории, где проводилась операция, местные власти смогут взять ситуацию под свой контроль. Следовательно, существует перспектива того, что ВГС окажется более эффективным. Именно поэтому исследовательские структуры при органах ВГС уделяют внимание освещению вопроса об использовании ЧВК в военных операциях [12].

Другой особенностью современных военных конфликтов является тот факт, что серьезные изменения претерпел сам характер войны. Все чаще государствам приходится воевать против негосударственных акторов: террористов, повстанцев, партизан, пиратов и др. Классические подходы борьбы с иррегулярным противником не срабатывают. Государства ищут нестандартные выходы из сложившейся ситуации. Идет разработка и внедрение противоповстанческих стратегий для вооруженных сил [13]. Создаются компактные структуры для противостояния такого рода угрозам.

Одним из подходов к реализации указанных стратегий и может являться привлечение к операциям против такого врага ЧВК, которые по своей природе также имеют отдельные признаки негосударственного участника ведения боевых действий. При этом армии конкретного государства либо не придется воевать напрямую с таким противником, либо она будет избавлена от выполнения ряда второстепенных функций и сможет сосредоточиться на основных боевых задачах. Анализ того, готовы ли ЧВК играть ведущую роль в противоповстанческой стратегии, на сегодняшний день еще проводится [14], и вопрос о том, могут ли ЧВК дать достойный ответ на подобный вызов, остается открытым.

Вместе с тем современные угрозы в последние годы все чаще характеризуются как неопределенные и непредсказуемые. Это находит отражение даже в ключевых документах, определяющих военную политику США. Так, в Национальной военной стратегии США 2015 года при описании характерных признаков операционной

среды, в которых вынуждены действовать ВС США, напрямую говорится о росте неопределенности [15]. Более того, отмечается, что лидеры должны быть способны предвосхищать и адаптироваться к «внезапности, неопределенности и хаосу» [14].

Говоря об операционной среде, в которой действуют современные вооруженные силы, следует подчеркнуть, что в Полевых уставах ВС США она также характеризуется термином «multi-stakeholder environment» [16, с. 62]. Тем самым подчеркивается большое количество вовлеченных в операции игроков, в число которых, согласно данному документу, также включаются ЧВК.

Сама по себе ситуация неопределенности усложняет правительству задачу по выбору основных направлений развития и строительства вооруженных сил. Привлечение же в случае необходимости ЧВК дает государству серьезное преимущество, если угроза возникает неожиданно, а вооруженные силы сами не готовы дать отпор появившемуся противнику в условиях временных ограничений, когда решение о применении армии может затянуться. При этом ЧВК, будучи заинтересованными получить от правительства контракты, способны в некоторых случаях найти оптимальный способ решения той или иной задачи независимо от избранной государством линии.

Следующим важным изменением в общем характере боевых действий является то, что такого понятия как линия фронта в условиях современной войны практически не существует. Бесконтактные способы ведения боевых действий устраняют всяческие условные границы. Понять, где находится противник, практически невозможно, а пространства, на которых происходит война, гораздо шире, чем просто зона боевых действий. Как пишет профессор Владимир Слипенченко, все это меняет «привычные представления не только в области стратегии, но также и в области оперативного искусства и тактики» [6]. Тем актуальней становится использование ЧВК при проведении военных операций.

Уже говорилось о том, что ЧВК привлекаются Соединенными Штатами для управления сложными технологическими системами, в том числе средствами связи и БПЛА. В условиях, когда линии фронта и границ войны не существует, вряд ли кто-то заметит разницу между сотрудником ЧВК или кадровым военным, который управлял ударным или разведывательным беспилотником, находясь за тысячи километров от зоны боевых действий. В данном случае работает тот же аргумент, что и в предыдущем изложенном пункте: использование ЧВК позволяет армии сосредоточиться на выполнении основных боевых функций. Например, ЧВК, которые специализируются на охране объектов, с успехом заменяют войсковые соединения, высвободив силы для ведения активных боевых действий в других секторах.

Учитывая продолжающееся ускоренными темпами развитие информационно-коммуникационных технологий, а вместе с ними и растущее внимание США к кибервоенной сфере, потребности в высококвалифицированных кадрах также покрываются за счет ЧВК и их сотрудников [17]. Стоит отметить, что развитие уже имеющихся и внедрение новых концепций сопровождается приходом в эти сферы частного военного бизнеса, что способствует расширению спектра выполняемых ЧВК функций. Они уже охватывают практически все аспекты деятельности ВС

США. Так, например, компания «SOS International» выполняет задачи в сфере проведения операций военно-информационного обеспечения (англ. – Military Information Support Operation – MISO) на территории Афганистана [18]. ЧВК широко используются для сбора, обработки и анализа разведывательных данных и для выполнения других функций.

Все вышеперечисленное поднимает и без того неоднозначный вопрос о статусе сотрудников ЧВК, которые формально не принимают участие в действиях на передовой. Как можно определить их статус, если зона боевых действий четко не определена, а управлять разведывательными и ударными средствами можно из-за океана? Почему в таком случае, водитель транспортного средства, находящегося непосредственно в зоне конфликта, но не применяющий оружие, будет иметь статус комбатанта, а сотрудник ЧВК или гражданский специалист, сидящий перед монитором в удобном помещении на другом континенте, такого статуса может не иметь? Эти вопросы остаются открытыми, и их еще предстоит решить.

Таким образом, ЧВК становятся все более важным инструментом, которым пользуются США при проведении зарубежных операций, будучи вынужденными реагировать на коренные изменения облика современной войны, характера и способов ее ведения. Разработка и реализация актуальных стратегий и концепций США проводится с учетом возможности привлечения ЧВК, а иногда и при их непосредственном участии. Более того, выполняя широкий спектр функций и во многом являясь проводником американской политики в условиях ведения военных кампаний, ЧВК постепенно начинают играть все более важную роль в качестве особого негосударственного актора в вооруженных конфликтах. Этот процесс, в свою очередь, оказывает серьезное влияние на логику ведения боевых действий и в целом на международную военно-политическую обстановку, делая их более трудными для анализа и прогнозирования.

Список литературы

1. Небольсина М. А., Никитин А. И. Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 145–160.
2. Неелов В.М. Причины использования государствами частных военных компаний. Общественно-политический аспект // Информационные войны. – 2017. – № 2 (42). – С. 22–27.
3. Власов Н. А. Мысль и меч: эволюция оборонной политики стран Западной Европы и развитие военных технологий во второй половине XX – начале XXI вв. / Власов Н.А., Малыгина А.А., Павлов А.Ю. – М.: Издательство МБА, 2013. – 248 с.
4. William S. Lind, Keith Nightengale, John F. Schmitt, Joseph W. Sutton, and Gary I. Wilson The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette. – October 1989. – Vol. 73. – № 10. – P. 22–26.
5. Echevarria A.J. II Fourth-Generation War and Other Myths // Strategic Studies Institute. – November 2005. – 28 p.
6. Слипченко В. К какой войне должны готовиться вооруженные силы // Отечественные записки. – 2002. – №8. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/8/k-kakoy-voyne-dolzhy-gotovitsya-vooruzhennye-sily> (Дата обращения: 14.01.2018).
7. Буренок В. Философский фундамент военного строительства // Независимое военное обозрение. – 2011. – 19 августа. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2011-08-19/8_army.html (Дата обращения: 08.01.2018).

8. Joint Publication 3-0. Joint Operations. – January 17, 2017. – 217 p.
9. Franke V. The Peacebuilding Dilemma: Civil-military Cooperation in Stability Operations // *International Journal of Peace Studies*. – 2006. – Vol. 11. – № 2. – P. 5–25.
10. NATO Civil-Military Cooperation (CIMIC) Doctrine. – June 2003. – URL: <http://www.cimic-coe.org/download/AJP-9.pdf> (Дата обращения: 12.01.2018).
11. Joint Publication 3-57. Civil-Military Operations. – September 11, 2013. – 173 p.
12. Checchia M. Private Security Companies Give Way to the Afghan Public Protection Force // *Civil-Military Fusion Centre*. October 2011. URL: https://www.cimicweb.org/Documents/CFC%20AFG%20Security%20Archive/CFC_Afg_PSCs-and-APPF_Oct11.pdf (Дата обращения: 09.01.2018).
13. Joint Publication 3-24. Counterinsurgency. – November 22, 2013. – 229 p.
14. Moesgaard C. Private Military Companies in Counter-Insurgency Strategy // *Danish Institute for International Studies*. – March 2011. – URL: http://psm.du.edu/media/documents/reports_and_stats/think_tanks/diis_policy_brief_private_military_companies_in_counterinsurgency_strategy.pdf (Дата обращения: 04.01.2018).
15. The National Military Strategy of the United States of America 2015. The United States Military's Contribution to National Security. – June 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (Дата обращения: 07.01.2018).
16. FM 3-16. The Army in Multinational Operations. – April 2014. URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/3-16/fm3-16_2014.pdf (Дата обращения: 21.04.2018)
17. Mahoney C. Private Defense Companies are Here to Stay – What Does that Mean for National Security? // *The Conversation*. – June 1, 2017. – URL: <https://theconversation.com/private-defense-companies-are-here-to-stay-what-does-that-mean-for-national-security-76070> (Дата обращения: 20.04.2018)
18. Job Description – Strategic Communications (SC) Planner, Afghanistan. URL: <http://careers.sosi.com/careers/Careers.aspx?adata=EGo8RMJuSYJPm0kDKDW%2fnGaFWefWxY%2bpY8fJYmvQYJNC89DMgxdfFQUy%2b5EvXDTvsusdKFu%2fflx3jKLpUviSoBjvl5HfxQP1bKPMVF131O6LX%2f4grBnDoLxxp3lqMqbitUm9v%2fdRCVMfPRVarbYtpFcK%2bDZuGsU7qPX%2fdPdFU7ZMIodBj3fFRicpiO2RaObb%2ff6syFK9WQ4Fg84fTt6YPaxfqLgYETsU9NDcv8IsZ7maZ> (Дата обращения: 01.09.2018)

Neelov V.M. The Use of Private Military and Security Contractors by the USA in a Changed Nature and Methods of Warfare // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 118-126.

This article considers the main causes and peculiarities of the private military and security contractors' use by the United States. This is an extensive question and it is required to study the several levels and areas in an integrated manner for understanding this problem. One of these areas is a military sphere. The changed nature and methods of warfare make an influence on the decision-making process by the US military and political leadership. Based on analysis of American sources, this article is to answer the question about the military area's processes impact on the use of private military and security contractors by the United States.

The military warfare has been being changed, which is characterized by many markers. Improving of military technology, the need to act in joint operations on the battlefield, increasing level of strategic uncertainty and other changes are among them. The United States is being forced to look for the new means and methods of action in conducting overseas operations in such a context. Author shows that the expanding practice of delegating certain functions to the private military and security contractors is one way of responding to the occurring changes. This process, in turn, is having an effect on the modern warfare.

Keywords: private military and security contractors, the United States, non-state actors, fourth-generation warfare, strategic decision-making.

References

1. Nebol'sina M. A., Nikitin A. I. Perspektivy mezhdunarodnogo regulirovaniya dejatel'nosti chastnyh voennyh kompanij [The Perspectives of international regulation of private military and security companies], Vestnik MGIMO University, 2016, № 2(47), 145–160 p.
2. Neelov V.M. Prichiny ispol'zovaniya gosudarstvami chastnyh voennyh kompanij. Obshchestvenno-politicheskij aspekt [Reasons of using private military companies by states. The socio-political dimension], The Information wars, 2017, № 2 (42), 22–27 p.
3. Vlasov N. A. Mysl' i mech: evolyutsiya oboronnoi politiki stran Zapadnoi Evropy i razvitie voennykh tekhnologii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI vv. [The idea and the sword: the evolution of the defence policy of Western European countries and the development of military technology during the second half of XX – beginning of XXI centuries], Vlasov N. A., Malygina A. A., Pavlov A. Y., Moscow, Publishing house of the IBA, 2013, 248 p.
4. William S. Lind, Keith Nightengale, John F. Schmitt, Joseph W. Sutton, and Gary I. Wilson The Changing Face of War: Into the Fourth Generation, Marine Corps Gazette, October 1989, Vol. 73, №10, P. 22–26.
5. Echevarria A.J. II Fourth-Generation War and Other Myths, Strategic Studies Institute, November 2005, 28 p.
6. Slipchenko V. K kakoj vojne dolzhny gotovit'sja vooruzhjonnye sily [What war should prepare the armed forces to], 2002, Domestic notes, №8. URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/8/k-kakoy-voyn-dolzhny-gotovitsya-vooruzhennye-sily> (Accessed: 14.01.2018).
7. Burenok V. Filosofskij fundament voennogo stroitel'stva [Philosophical base of military construction], Independent military review, 19 august, 2011. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2011-08-19/8_army.html (Accessed: 08.01.2018).
8. Joint Publication 3-0. Joint Operations, January 17, 2017. 217 p.
9. Franke V. The Peacebuilding Dilemma: Civil-military Cooperation in Stability Operations, International Journal of Peace Studies, 2006, Vol. 11, № 2, 5–25 p.
10. NATO Civil-Military Cooperation (CIMIC) Doctrine, June 2003. URL: <http://www.cimic-coe.org/download/AJP-9.pdf> (Accessed: 12.01.2018).
11. Joint Publication 3-57. Civil-Military Operations, September 11, 2013. 173 p.
12. Checchia M. Private Security Companies Give Way to the Afghan Public Protection Force, Civil-Military Fusion Centre, October 2011. URL: https://www.cimicweb.org/Documents/CFC%20AFG%20Security%20Archive/CFC_Afg_PSCs-and-APPF_Oct11.pdf (Accessed: 09.01.2018).
13. Joint Publication 3-24. Counterinsurgency, November 22, 2013, 229 p.
14. Moesgaard C. Private Military Companies in Counter-Insurgency Strategy, Danish Institute for International Studies, March 2011. URL: http://psm.du.edu/media/documents/reports_and_stats/think_tanks/diis_policy_brief_private_military_companies_in_counterinsurgency_strategy.pdf (Accessed: 04.01.2018).
15. The National Military Strategy of the United States of America 2015. The United States Military's Contribution to National Security, June 2015, 3 p. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (Accessed: 07.01.2018).
16. FM 3-16. The Army in Multinational Operations. – April 2014, 168 p. URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/3-16/fm3-16_2014.pdf (Accessed: 21.04.2018)
17. Mahoney C. Private Defense Companies are Here to Stay – What Does that Mean for National Security? The Conversation, June 1. 2017. URL: <https://theconversation.com/private-defense-companies-are-here-to-stay-what-does-that-mean-for-national-security-76070> (Accessed: 20.04.2018)
18. Job Description – Strategic Communications (SC) Planner, Afghanistan. URL: <http://careers.sosi.com/careers/Careers.aspx?adata=EGo8RMJuSYJPm0kDKDW%2fnGaFWefWxY%2bpY8fJYmvQYJNC89DMgxdfQUy%2b5EvXDTvsusdKFu%2fflx3jKLpUviSoBjvl5HfxQP1bKPMVF131O6LX%2f4grBnDoLxxp3lqMqbitUm9v%2fdRCVMfPRVarbYtpFcK%2bDZuGsU7qPX%2fdPdFU7ZMlOdBj3fFRicpiO2RaObb%2f6syFK9WQ4Fg84tTt6YPaxqLgYETsU9NDcv8IsZ7maZ> (Accessed: 01.09.2018)

УДК 101.1::316

О НЕКОТОРЫХ СТОРОНАХ ДЕМОКРАТИИ

Папаяни Ф.А.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР.

E-mail: f.papayani@mail.ru

В современном мире демократия является самой популярной, благозвучной и притягательной формой правления. Современная суть демократии отлична от ее древнегреческого толкования. Разнообразие современных форм демократии рассматривается как вторичный и естественный фактор, обусловленный разнообразием исходных условий демократизируемой страны. Вместе с тем, демократия имеет не только достоинства, но и ряд недостатков: неустойчивость в мирное время; нежизнеспособность в военное время; не обеспечивает нравственную атмосферу; повсеместно перерастает в олигархию.

Востребованность историко-генетического метода позволила установить то, что существующие демократии, реализованные в форме республики, являются номинальными. Фактической формой правления на Западе является олигархия. Россия пока остается «срединой землей». Сущность процесса демократизации XIX–XXI веков сводится к диктатуре мировой олигархии и гегемонии «оплота демократии» – США. В статье рассмотрены достоинства и недостатки демократии, а также те политические силы, которые обеспечивают, с одной стороны, ее поддержку и экспансию, а с другой, – неизбежную трансформацию в нечто тоталитарное, чуждое человеку. Суверенитет России предопределяет необходимость переосмысления этой формы правления.

Ключевые слова: демократия, выборы, мораль, олигархия, самоуправление.

Распад СССР – это следствие его поражения в «холодной» войне. Процесс демократизации России навязан победителем – США. В 1990-х годах многие вопросы (конституция РФ, закон «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)») решались только при участии советников из США, что едва удержало Россию от дальнейшего развала и социальной летальности. С 2000-х ситуацию во многом удалось преломить. Россия начала возрождаться, но многие из установок 90-х остались прежними. Пришло время их переосмыслить, а может и изменить. В условиях гибридной войны с объединенным Западом вопрос о форме правления резко актуализировался.

Объектом настоящего исследования является демократия как форма государственного правления. Предметом – некоторые сущностные свойства этого феномена. Целью – выявление его перспективности для современной России, а задачами – определение тех сторон демократии, которые требуют переосмысления.

Сущность демократии, ее формы, возможные модели, векторы становления и развития исследовали как западные (Э. Гутман, Л. Даймонд, Л. Зидентроп, К. Крауч, К. Макферсон, Ч. Тилли, Д. Фишкин, С. Хайтингтон и др.), так и

российские ученые (Н. Баранов, М. Горбунова, Ю. Дьяченко, Л. Ионин, В. Иноземцев, Б. Капустин, В. Коваленко, А. Салмин, А. Шубин, М. Яковлев, и др.). Однако, незавершенность и дискуссионность востребованных подходов, особенно применительно к России, дают основание определить этот вопрос в качестве проблемного поля [13, с. 5].

К концу XX века термин «демократия» (др.-греч. δημοκρατία – «власть народа», «народовластие» от δῆμος – «народ» и κράτος – «власть»), в отличие от предшествующих девятнадцати веков, стал исключительно притягательным. Благозвучность этой формы правления проявлялась в том, что только она объявляет народ в качестве источника власти, рождает надежду на ее осуществление в разных формах. Зачастую формой реализации демократии выступает республика. Правда, в Европе можно встретить «демократические монархии» (Великобритания, Норвегия, Швеция и др.) с выборами, с разделением и взаимодействием властей, а в Азии – «монархические демократии» (КНДР, Азербайджан, Казахстан и др.), то есть, республики с явными признаками единоличной авторитарной власти.

Востребованность историко-генетического метода исследования позволяет установить, что большинство современных европейских стран обрело демократию под внешним влиянием. После очередной волны демократизации 90-х гг. XX века гуманитариям всех стран стало очевидным то, что данный процесс всегда инициирован и координируется извне [1, с. 43].

Рассмотрев кратко истоки демократизации Европы, можно констатировать, что демократия в республиканской форме появилась в древнем мире и своего апогея достигла в Афинской, а затем в Римской республиках. Республиканская форма имела место и в средние века в тех городах, которые сохранили право на самоуправление (Новгород, Псков, Генуя, Венеция, Кельн, Любек, Гамбург и др.). Следует отметить, что демократия как форма правления с I века и до XVIII в Европе присутствовала, в основном, только в упомянутых вольных городах, причем непродолжительное время. Она не выдержала конкуренции с монархической формой правления. Все вольные города рано или поздно были поглощены монархиями. Макромасштабное возрождение демократии началось только лишь в XIX веке по инициативе тех политических сил, которые занялись революционным переделом власти в свою пользу, кардинальным изменением системы общественных координат.

Во Франции демократия в окончательном виде установилась с принятием конституции в 1875 г. Чтобы понять сущность этой демократии, нужно понять реальные движущие силы французской революции, разобраться, в чьих интересах они действовали. Как известно, девиз масонов «Свобода, равенство, братство» стал основной идеологемой Великой французской и последующих демократических революций. Для выявления сути знаменитой триады, очень важно понять, как сами масоны понимали смыслы своего девиза. «Свобода» означала «свободу воли, которая не подчиняется никакой власти, которая не признает ни монарха, ни папы, ни Бога...», «равенство» достигается уничтожением права наследования и экспроприации собственности (для уничтожения местных национальных элит, – Ф.П.), а «братство» – это такое братство в масонстве, чтобы «образовать

государство в государстве, государство над государством» [2, с. 557–558]. Цели масонов расходятся с представлениями обывателей, соблазненных этой триадой. В клятве масонов значится признание универсального отечества и борьба против государственных границ, Храмов и института семьи [2, с. 558]. Масоны возглавили процесс «революционной демократизации», они последовательно уничтожали все европейские монархии или делали их номинальными; часто уничтожалась не только армия, но и элита страны. Масонство выступило главным исполнителем процесса демократизации, как марксистского, так и либерального толка. С исполнителем все более-менее понятно. Но кто заказчик и выгодоприобретатель Великой французской революции? Этот вопрос требует своей расшифровки.

Со второй половины XX века западные журналисты регулярно используют формулу французской политики «RF=RF», что означает République Française=Rothschild Frères (Французская Республика=Братья Ротшильды). Это уравнение фактически фиксирует полную власть над Францией олигархического клана Ротшильдов [3, с. 5]. Другими словами, французская демократия – это номинальная форма правления, которая имеет все признаки реального олигархического влияния со стороны могущественного клана Ротшильдов.

Послевоенная оккупация Западной Европы позволила США быстро установить нужные ей формы правления на подконтрольных территориях. Большинство современных европейских стран обрели демократию после революционных и военных потрясений XX века [4, с. 64]. К XXI веку из 190 стран мира более 140 стали республиками [4, с. 71]. События конца XX – начала XXI века показывают, что в реальности масонская цель создания универсального всемирного государства свелась к однополярности, американоцентричности, к мировой гегемонии США.

Важнейшим элементом современной демократии является оппозиция. В нужный момент она может использоваться США для протестов и замены неудобных ей политиков (например, как это было сделано с Ш. Де Голлем во Франции в 1968 г.). Если замена мирным путем не удастся, то организуется политический хаос, создаваемый вооруженной оппозицией (Ливия, Сирия). Сталкиваясь с попытками «продвижения», «насаждения» или «экспорта» демократии, можно видеть, как они дискредитируют не только тех, кто их предпринимает, но и сами демократические практики. – отмечает В.Л. Иноземцев [1, с. 45]. Насаждаемая современная демократия принципиально отличается от естественной демократии в ее древнегреческом понимании и толковании.

Древние греки жили в небольших по нынешним меркам полисах-государствах. Избиратели знали избираемых, что позволяло выбирать на государственные должности лучших из лучших. Тем не менее, Платон указывал, что идеал народовластия труднодостижим, что демократия является самой слабой и неустойчивой формой правления, поскольку неизбежно перерастает сначала в охлократию. Затем своеволие и безначалие перерастает в тиранию и деспотию [5, с. 267–268, 350].

Одной из причин нежизнеспособности демократии, Платон, повторяя Сократа, видел в моральном факторе. Мыслитель утверждал, что справедливость в обществе и счастье граждан в нем являются производными от моральных устоев. Источником

гибели любого общества является его свобода, как определяющий фактор. Безудержная свобода, в свою очередь, отвергает любую форму социальной иерархии. Сочетание дурного воспитания и свободы побуждают граждан разрушать моральные барьеры, а затем и традиционные институты власти. Появление тирана становится логичным завершением этого процесса. Иными словами, демократия в своем последовательном развитии свобод, по мнению мыслителей древности, неизбежно ведет к рабству. Согласно В. Вольскому, нарисованная древним классиком картина носит универсальный характер и легко прослеживается в истории всех государств, когда-либо глотнувших «демократическую» свободу [6].

Демократия, как бы это не звучало парадоксально, не в состоянии обеспечить нравственную атмосферу в обществе. Наглядное доказательство тому – моральное разложение современного Запада: гомосексуальные браки, половая распущенность, наркомания, разрушение института семьи, культивирование всего низменного. Вся эта аномалия с конца XX века стала нормой жизни. Согласно Л. А. Тихомирову, «демократия, основанная на верховной власти количественной силы, по существу, враждебна влиянию нравственной силы как в ее аристократических формах, так и в формах единоличного влияния. Единства народной воли почти никогда не существует...» [7, с. 628].

Демократии слабы структурно, поэтому они легко трансформируются в диктатуру. Демократия является хрупкой системой, и если не создавать соответствующих условий для ее поддержания, то она будет разрушена, – отмечает Н. А. Баранов [8, с. 33–34]. Показателен пример демократического прихода к власти, а затем ее быстрой узурпации А. Гитлером в 1933 году. Исторический опыт Древней Греции, имеющей феноменальную череду всех форм правления, также подтверждает слабость и неустойчивость демократической формы правления. Это одна из нежизненных форм правления, ибо заявка на равенство всех перед Законом на практике ставится под сомнение неравенством людей по природе: полу, возрасту, состоянию физических и интеллектуальных сил.

Демократия недееспособна не только в мирное, но и в военное время. В последнем случае демократия фактически трансформировалась в монархию, когда диктатор выбирался как необходимый верховный и единоличный правитель на время боевых действий. Пример недееспособности хорошо иллюстрируется Второй мировой войной. Под напором нацистов III Рейха французская демократия пала за месяц, не оказав сколько-нибудь существенного сопротивления, несмотря на примерно равный оборонный потенциал Франции и Германии того времени.

Демократии неэффективны также при управлении обширными территориями. Характерен пример политики Г. Ю. Цезаря в Риме. Объединив демократические должности, он подготовил условия для смены демократии монархией. Эта смена формы правления была оправдана всей последующей историей небывалого расцвета Римской, а затем Ромейской (Византийской) империй.

Исторический экскурс позволил поразмышлять над возможностями демократии и заострить внимание на поиск ответа на вопрос о возможностях подлинной демократии в современных мирных условиях и как ее основополагающий признак –

регулярная выборность главы государства и представительных органов – отражает факт народовластия.

При демократии народ голосуя, выбирает власть. Для совершения сознательного выбора нужны глубокие знания. Однако, дать народу знания, достаточные для выбора, невозможно в принципе. Тем более, что многие из этих знаний составляют государственную тайну. Поэтому европейские выборы де-факто представляют собой конкурсы видеороликов кандидатов, рекламных щитов и соответствующей публицистики, но не как осознанный выбор лучшего кандидата из списка профессионалов [9, с. 21]. «Круг замкнулся: у народа нет знаний; без знаний нет выбора; без выбора нет демократии» [9, с. 92].

В Православной Церкви Архиерейский собор (церковная аристократия) выбирает патриарха, что в высшей степени разумно, поскольку архиереи действительно имеют для этого выбора достаточную компетенцию, а вот всенародные выборы патриарха вряд ли могли быть осознанными. Для многих избирателей – такие выборы были бы абсолютно формальными.

Проблема необходимых знаний является краеугольной и при проведении всенародных референдумов. Так, например, переименовать или нет название площади «им. Ленина» вполне могут решить сами дончане на городском референдуме г. Донецка. Иной вопрос, посылать или нет «вежливых людей» в боевой экипировке в Крым в 2014 г. для его присоединения к России? Попытка вынесения этого вопроса на демократическое обсуждение в формате референдума только бы повредила России, дав противнику (США) фору действовать в Крыму на опережение.

В крупных сообществах людей (тем более, когда речь идет о масштабном государстве) сама возможность демократии как формы правления вызывает много вопросов. В этом контексте выборы президента РФ в 2018 году выглядят скорее исключением из правил западной демократии. В. В. Путина, как главу государства, народ России знает 18 лет и может сравнить, какая Россия была в 2000 г. и какой стала в 2018 г. Поэтому он и победил на выборах с огромным перевесом, но по всем западным стандартам демократии В. В. Путин не должен был править так долго. Соответственно, он не должен был успеть сделать то, что ему удалось сделать. Если же представить, что В. В. Путин отказался бы от последних выборов, то всенародные выборы из оставшихся претендентов напоминали бы игру в политическую «русскую рулетку».

В «цитадели демократии» – США за демократическим камуфляжем просматривается неумолимая технология жесткой власти [10, с. 244]. Нужно быть бездумным адептом демократии, чтобы не замечать тот факт, что институты власти, обеспечивающие Новый мировой порядок (ФРС США, МВФ, МБРР, НАТО, ВТО, масонские и другие закрытые организации) отнюдь не демократичны. Здесь также уместна цитата Р. Михельсона [11, с. 32], отражающая «железный закон олигархии»: «любая форма социальной организации, вне зависимости от ее первоначальной демократичности, неизбежно вырождается во власть немногих избранных – олигархию или номенклатуру».

Современная демократизация имеет разнообразные смысловые оттенки, а именно:

- «имитационная демократизация» (это форма, которая имитирует демократию, что характерно для многих стран Средней Азии и Латинской Америки);

- «соблазняющая демократизация» (эта форма, примененная Западом на Украине, в Турции и Грузии, соблазн тут – прием в ЕС);

- «теневая демократизация» (форма использования влияния закрытых структур, когда элита стран принимается/вербуются в закрытые масонские и иные клубы, ордена и т.п.);

- «внешняя демократизация» (имеющие явные признаки насаждения или управления извне);

- «управляемая демократизация» (номинальная демократия, полностью подконтрольная местным властям, например, как в Белоруссии);

- «революционная демократизация» (например, Октябрьская революция 1917 г.), которая, правда, может приводить, наоборот, к дедемократизации (майдан на Украине 2013–2014 гг.);

- «оккупационная демократизация», осуществленная США в ФРГ (капиталистическая демократизация) и СССР в ГДР (социалистическая демократизация).

Кроме того, в настоящее время существуют изощренные разновидности демократии, характеризующиеся фактической нелегитимностью власти. В стране происходит государственный переворот. При этом форма правления может оставаться республиканской, но ее демократическая суть выхолащивается [4, с. 65]. Предложенная классификация конечно условна, ибо формы демократизации могут пересекаться. Главная цель этой классификации продемонстрировать вариативность процессов демократизации, в итоге обеспечивающих номинальную демократию.

На Западе можно говорить о реальных проявлениях демократии, но только если речь идет о демократии для олигархических кланов. Поэтому не случайно в 70–80 гг. XX в. возникла теория «элитарной демократии» («элитарного плюрализма»), как соединение элементов теории элит и теории «плюралистической демократии» [12]. На Западе демократия есть, если ее понимать, как консенсусную форму для олигархических элит. Именно такую «демократию» обеспечивает западная партийная система, когда борьба партий по сути отражает политическое противоборство элит в договорных партийно-политических формах. Не редко, когда президентами США становились представители богатейших олигархических кланов (Вашингтоны, Джефферсоны, Джексоны, Рузвельты, Джонсоны, Гуверы, Кеннеди, Буши, Клинтон, Трамп и др.). Тут уместен и пример Украины. Два последних президента Украины (В. Янукович и П. Порошенко) продемонстрировали миру, как олигархии приходят к власти при демократической форме правления.

В силу вышеизложенного, процесс становления подлинной демократии в России вызывает множество вопросов, дискуссий и споров. Процессу демократизации в современной России присуща неопределенность с различными вариантами траектории как становления, так и развития. В настоящее время Россия проходит путь демократического транзита с элитарной моделью демократии [13, с.

8]. В этом смысле Россия, по выражению Ю. В. Дьяченко представляет собой «срединную» страну [14, с. 6]. В России после выборов 1996 г. утвердилась «олигархическая» модель, – утверждает В.Л. Иноземцев. Ее перерастание в авторитарную и автаркичную систему стало вопросом времени [1, с. 44].

Следует ли из пороков демократии и сложностей ее осуществления то, что демократия должна быть полностью отторгнута Россией? И да, и нет. Номинальная демократия по западной модели (фактически означающая подчинение мировой олигархии) неприемлема для суверенной России. В России может быть приемлемой иная демократия. Речь идет о местном самоуправлении, о низовой демократии, имеющей русские стародавние традиции. Другими словами, «если мы признаем необходимость своей русской демократии, духовно суверенной, вызванной внутренними потребностями нации, то эта демократия должна существовать и развиваться без всякой оглядки на происходящее «у них» (на Западе, – Ф.П.) [15, с. 319].

Местное самоуправление осуществляется исходя из интересов всех жителей конкретной территории через выборные органы в пределах права, установленного государством [16, с. 62]. В царской России, например, органы самоуправления местного территориального социума были представлены общинами, земскими собраниями и земскими управами, а в советской России – районными (поселковыми) советами народных депутатов. Русская община – это первичная социально-политическая ячейка нации, обладающая территориальной обособленностью, социальной устойчивостью и относительной самостоятельностью в хозяйственно-экономическом отношении [15, с. 333].

Демократия в форме местного самоуправления в России всегда была дополняющей структурой государственной власти (будь то монархической или партийно-советской). Кроме того, демократия – это часть российской традиции, если ее понимать как принцип русской соборности, которая имеет свои духовные и этнополитические смыслы [17, с. 5–75]. Демократически, земским собором был избран на престол в 1613 году Михаил Романов. Соборность можно и нужно рассматривать как органическую доктрину государства, рассматривающую «политический народ как совокупность прошедших, настоящих и будущих поколений, образующих государство в качестве исторического субъекта. Соборность предполагает солидарное стремление людей к общему благу, к справедливости средствами государственной власти, ибо политическая воля народа в духе соборности – это не механическое большинство голосов, а устойчивое выражение общего мнения нации как органического единства, в котором ни одна из образующих его групп не получает превосходства перед другими в силу численности или богатства» [15, с. 318].

И, наконец, демократия в России приемлема, если под ней понимать не выборные шоу, а реальное равноправие в его светском толковании, то есть, как равные права на образование и здравоохранение, на карьерный рост, на «социальный лифт». Понимать, как некий тип солидарности, при котором каждый гражданин, воспитанный на традиционных ценностях, ощущает себя необходимой клеткой единого государственного организма, именуемого Россией.

Демократия, навязанная России по современным западным лекалам, означает:

- структурную неустойчивость в мирное время;
- нежизнеспособность в военное время;
- падение нравственной атмосферы в Обществе;
- неэффективность при управлении обширными территориями;
- исключение преемственности власти;
- перерастание в олигархию, охлократию или тиранию (деспотию).

В XXI веке не реальны формы демократии древнего мира, когда люди небольших городов-полисов знали друг друга, когда ценился престиж доверия. Если Россия – «Отечество наше свободное» – суверенная держава, то ей нужна демократия, но принципиально отличная от древней и номинальной западной. Решение, возможно, видится в «сочетанной форме» (по Л. А. Тихомирову) или в «Полибиевой схеме» (по В. Л. Махначу), когда форма политического правления включает элементы не только демократии, но и реальной монархии.

Список литературы

1. Иноземцев В. Л. Демократия: насаждаемая и желанная. Удачи и провалы демократизации на рубеже тысячелетий // Вопросы философии. – 2006. – № 9. – С. 34–46.
2. Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Русский Вестник, 2000. – Т. 1. – 736 с.
3. Does 'R.F.' Mean Republique Francaise Or Rothschild Freres? The Rothschilds (Cont.) // SANCHE DE GRAMONTJUNE 25, 1967. New York Times Archives. – June 25, 1967. – Page 5.
4. Симонишвили Л. Р. Организация государственной власти в современном мире / Л. Р. Симонишвили. – Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 436 с.
5. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий / Платон; Общ. ред. А. Ф. Лосев; В. Ф. Асмус, А. А. Тахо-Годи; пер. с др. греч. – М.: Мысль, 1999. – 656 с.
6. Вольский В. Три статьи о демократии. URL: <http://www.berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer11/Volsky1.php> (Дата обращения: 17.02.2018).
7. Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии / Л. А. Тихомиров. – М.: Москва, 1999. – 481 с.
8. Баранов Н. А. Эволюция современной демократии: политический опыт России. Автореф. дис ... докт. полит. наук / Н. А. Баранов. – СПб, 2008. – 45 с.
9. Шалыганов Ю. Проект Россия. Полное собрание / Ю. Шалыганов. – М.: Эксмо, 2012. – 944 с.
10. Таицкая А. И. Энциклопедия заблуждений. Суеверия / А. И. Таицкая. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.
11. Ларина Е. Война элит во времена перемен / Изборский клуб. Русские стратегии. – 2016. – № 4 (40). – С. 24–37.
12. Скаун О. Ф. Теория государства и права. URL: <http://lybs.ru/index-7533.htm> (Дата обращения 19.09.2018).
13. Горбунова М. А. Демократия в России. Автореф. дис ... канд. полит. наук / М. А. Горбунова. – Пятигорск, 2011. – 30 с.
14. Дьяченко Ю. В. Конституционализм как основа культуры демократии. Автореф. дис ... канд. полит. наук / Ю. В. Дьяченко. – Саратов, 2013. – 22 с.
15. Русская доктрина. Государственная идеология эпохи Путина / Под общ. ред. А. Б. Кобякова и В. В. Аверьянова. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1056 с.
16. Словарь патриота отечества / Сост. П. Ю. Губарев, А. В. Дмитриевский, С. Карамышев (о. Сергей), Д. Е. Муза и др. – СПб.: Луна, 2017. – 152 с.
17. Троицкий Е. С. Русская этнополитология / Е. С. Троицкий. – М.: Граница, 2003. – Т. 3. – 460 с.

Papayni F.A. The Essence of Democracy and its Modern Interpretation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 127-136.

Compared to monarchy and oligarchy, democracy in the present-day world is a more popular, euphonious and attractive form of government. The present-day essence of democracy is far different from its ancient Greek interpretation but nevertheless all democracies have common features, weaknesses and threats. Democracy of any epoch is unable to secure a moral atmosphere in society. Freedom, as a crucial principle of democracy, holds a threat of moral decay, oligarchization and downfall of the state. The paper makes use of a historical investigation method that allows to determine the background of the current democratization process, which, in its turn, made it possible to identify some common models of setting up democracy. The variety of modern forms of democracy is viewed as a secondary and natural factor stemming from the variety of initial conditions of a country to be democratized. The essence of the democratization of the 19th–21st centuries is demonstrated, which comes to the dictatorship of world oligarchy and hegemony of the “bulwark of democracy” – the USA. The revolutionary slogan “Liberty, equality and fraternity” has an implication, different from views of the man in the street. The author looks into weaknesses of democracy and political forces which secure its support and expansion, on the one part, and inevitable transformation into something totalitarian, on the other hand. Electivity of leaders of the state and obligatory formation of opposition result in exclusion of succession of power, when needed, in change of leadership from outside and, if required, in complete destabilization of the situation in the interests of the USA. In the absence of knowledge, electivity turns into a competition of video clips whereas it is impossible to impart a required scope of political knowledge to people. The democratization process in modern Russia is characterized by a certain degree of uncertainty. It is proved that democracy based on the Western model is inexpedient for Russia claiming national sovereignty and only specific Russian democracy is called for, which is understood as local self-government, collegiality or a type of solidarity.

Keywords: democracy, elections, morals, oligarchy, self-government.

References

1. Inozemtsev V. L. Demokratiya: nasazhdaemaya i zhelannaya. Udachi i provaly demokratizatsii na rubezhe tysyacheletiy [Democracy: Implanted and Desirable. Successes and Failures of Democratization at the Turn of Millennium]. Voprosy Filosofii [Issues of Philosophy], 2006, № 9, p. 34–46.
2. Platonov O. A. Ternovyy venets Rossii. Taynaya istoriya masonstva [Crown of Thorns of Russia. Secret History of Freemasonry] Documents and Materials. Moscow, Russkiy Vestnik [Russian Bulletin], 2000, Vol. 1, 736 p.
3. Does 'R.F.' Mean Republique Francaise Or Rothschild Freres? The Rothschilds (Cont.) SANCHE DE GRAMONTJUNE 25, 1967. June 25, 1967, Page 5 The New York Times Archives.
4. Simonishvili L. R. Organizatsiya gosudarstvennoy vlasti v sovremennom mire [Organization of State Power in the Present-Day World]. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing, 2012, 436 p.
5. Plato. Fileb, State, Thimey, Kriti / Plato; Under the general editorship by A. F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Nakho-Gogi: Translated from Ancient Greek – Moscow, Mysl, 1999. – 656 p.
6. Vol'skii V. Tri stat'i o demokratii [Three Articles about Democracy]. URL: <http://www.berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer11/Volsky1.php> (Accessed: 17 February 2018).
7. Tikhomirov L. A. Apologiya Very i Monarkhii [Apologia of Faith and Monarchy]. Moscow, Moscow Publ., 1999, 481 p.
8. Baranov N. A. Evolyutsiya sovremennoy demokratii: politicheskii opyt Rossii [Evolution of Modern Democracy: Political Experience of Russia]. Extended abstract of doctor's thesis, St. Petersburg, 45 p.
9. Shalyganov Yu. Proekt Rossiya [Project of Russia]. Complete Edition. Moscow, Eksmo Publ., 2012, 944 p.
10. Taitskaya A. I. Entsiklopediya zabluzhdeniy. Sueveriya [Encyclopedia of Misconceptions. Superstitions]. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 244 p.
11. Larina Y. Voina elit vo vremena peremen [War of Elites in the Times of Change]. Izborskii klub. Russkie strategii [Izborsk Club. Russian Strategies], 2016, № 4 (40), p. 24–37.

12. Skakun O.F. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of Government and Rights]. URL: <http://lybs.ru/index-7533.htm> (Accessed: 19 September 2018).
13. Gorbunova M. A. Demokratiya v Rossii [Democracy in Russia]. Extended abstract of candidate's thesis, Pyatigorsk, 30 p.
14. D'yachenko Yu. V. Konstitutsializm kak osnova kul'tury demokratii [Constitutionalism as Basis of Culture of Democracy]. Extended abstract of candidate's thesis, Saratov, 22 p.
15. Russkaya doktrina. Gosudarstvennaya ideologiya ehpoi Putina [Russian Doctrine. The state ideology of the Putin era]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii [Institute of Russian Civilization], 2016, 1056 p.
16. Slovar' patriota Otechestva [Dictionary of a Patriot of the Motherland]. St. Petersburg, Luna Publ., 2017, 152 p.
17. Troitskii E. S. Russkaya etnopolitologiya [Russian Ethnopolitology]. Moscow, Granitsa Publ., 2003, Vol. 3, 460 p.

УДК 327.8

ГЕНЕЗИС И СПЕЦИФИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ УКРАИНЫ

Пашковский П.И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: petr.pash@yandex.ru

В статье рассмотрены генезис и специфика общественных противоречий относительно внешнеполитического позиционирования Украины. Представлены мнения исследователей. Показано, что имеющиеся в этом контексте общественные противоречия являются производными особенностей геополитического положения и исторического развития Украины. Украинская внешнеполитическая ориентация исторически обусловлена взаимодействием трех парадигм – евроатлантической, евразийской и черноморской (юго-восточной). Происхождение различий во внешнеполитических приоритетах украинского общества уходит корнями в X–XV вв., характеризуясь разграничением между землями, где автохтонное население проживает свыше тысячи лет в составе разных государств и территориями, колонизированными в период Российской империи и СССР. Впоследствии, подобное проявилось в том, что с момента дезинтеграции СССР большинство жителей западных областей Украины традиционно отрицательно воспринимали идею присоединения их страны к союзу России и Беларуси, являясь приверженцами евроинтеграции и активного взаимодействия с европейскими государствами и США. Население Центра Украины относилось к российскому и западному векторам внешней политики своего государства более сдержано, однако, отдавая предпочтение первому. Преобладающее количество жителей украинского Юга и Востока демонстрировали стабильно положительное отношение к сближению Украины с Россией и интеграции в рамках российского проекта. На Украине не сложилось условий для консолидации внешнеполитических предпочтений элит и других социальных слоев на общезначимых началах. Видимая «раздвоенность» украинского общества в плане выбора внешнеполитической ориентации государства осложнялась имевшимися по этому вопросу противоречиями между элитами и массами.

Ключевые слова: общественные противоречия, внешнеполитическое позиционирование, Украина, Россия, европейская интеграция, евразийская интеграция.

С дезинтеграцией СССР перед независимой Украиной возникают дилеммы внешнеполитического позиционирования, дискуссии относительно которого обостряются в периоды предвыборных кампаний, социально-политической и экономической нестабильности. Обозначенные проблемы осложняются наличием традиционно имеющихся разногласий во внешнеполитических ориентациях украинского общества, усиливающих внутривнутриполитическую напряженность, что, как показали события конца 2013 – начала 2014 г., может привести к необратимым для государственного единства последствиям [1; 2; 3]. Учитывая геополитическое

положение Украины, исторически глубокие российско-украинские экономические и культурные связи, ее внешнеполитический курс перманентно характеризуется стратегическим значением для Российской Федерации [4, с. 121–133]. В этом отношении «украинский кризис» и последующее увеличение международной напряженности актуализируют необходимость исследования императивов и детерминант внешней политики Украины.

Различные аспекты внешнеполитического позиционирования Украины изучались российскими (И. Ивановым [1], А. Никифоровым [5], П. Пашковским [2; 4], С. Юрченко [3; 6] и др.), украинскими (Е. Каминским [7], Г. Касьяновым [8; 9], А. Кудряченко [10], В. Поединком [11], С. Шергиным [12] и др.) и зарубежными (Т. Кузьо [13; 14; 15], С. Хантингтоном [16] и др.) исследователями. Однако вопросам генезиса и особенностей имеющихся разногласий во внешнеполитических ориентациях украинского общества зачастую уделялось недостаточно внимания. В связи с этим выявление сущности обозначенной проблемы имеет научную новизну и практическую значимость, давая аргументированные объяснения острым вопросам современности. Целью данной статьи является рассмотрение происхождения и особенностей социальных противоречий относительно внешнеполитического курса Украины. В процессе исследования планируется решить следующие задачи: охарактеризовать специфику геополитического положения и исторического развития территорий, входящих в состав современного украинского государства; обозначить императивы и детерминанты украинской внешнеполитической ориентации; раскрыть причины происхождения и указать факты проявления различий во внешнеполитических приоритетах украинского общества; определить особенности внешнеполитических установок украинских элит; выявить противоречия между элитами и массами в отношении внешнеполитического позиционирования Украины.

Объект исследования – внешнеполитические ориентации украинского общества. Предмет – генезис и специфика общественных противоречий в контексте внешнеполитического позиционирования Украины.

Реалии украинской внешней политики во многом обусловлены геополитическим положением государства, культурно-психологическими и социально-экономическими особенностями его исторического развития. Расположение Украины в юго-западной части Европы в месте пересечения трех огромных геополитических массивов – евроатлантического, евразийского и исламского – создает уникальное цивилизационное пространство [17]. Крымский ученый А. Никифоров в этом контексте акцентировал, что «совокупность территорий, составляющих современное государственное пространство Украины, неоднократно становилась (прото) политическим центром для всего Евразийского пространства, базой для движения из глубин Евразии в направлении Западной Европы, Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока. Эта территория лежит в центре Славянского мира, генетически связана с западной и южной ветвями Славянства, являясь при этом колыбелью восточных славян. Значимость и ценность территории Украины не подлежит сомнению. Сомнительны ее геополитическая целостность и культурно-историческая полнота» [5]. Современная Украина

сформировалась как расколотая страна, по меньшей мере, с двумя отличающимися культурами, что находит многочисленные проявления, в том числе, в выделении в культурно-ментальном плане двух регионов: Восточного и Западного [16, с. 255].

Но в процессе комплексного анализа становится очевидным, что культурные различия между регионами Украины не столь однозначны в плане географического разделения, обуславливаясь сложными историческими перипетиями. По мнению украинских экспертов, «линия размежевания двух типов регионов <...> проходит не между Востоком и Западом Украины (ведь Черниговщина и Сумщина не являются никаким Западом, а Одесская и Николаевская области никогда не были географическим Востоком), не между Правобережной и Левобережной Украиной (ведь Измаил и Очаков не являются Левобережьем, а Полтава и Шостка – Правобережьем)....». Следовательно, «размежевание достигает не времен Казатчины и войн России с Польшей, а <...> времен Ингварсонов и Гедиминасов и идет по границам Русь (Киевская, Черниговская, Галицко-Волынская) и Степь при датской династии Ингварсонов X–XIII вв. или Великом княжестве Литовском и Крымском ханстве в XV веке – между автохтонными украинскими землями, где украинцы и их потомки живут свыше тысячи лет (в составе разных государств и империй), и новыми землями, колонизированными преимущественно украинцами в составе Российской империи и Советского Союза на протяжении последних 300 лет» [18, с. 34].

Региональные отличия четко проявлялись на политическом уровне во время выборов. Подтверждали это и данные мониторинга общественного мнения, который проводился учеными из Института социологии НАН Украины со второй половины 1990-х по 2009 г.: «скорее положительное» отношение к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси традиционно демонстрировали жители Юга (83,8%) и Востока (80,6%), в меньшей степени – Центра Украины (47,5%). В то же время, 54,7% жителей Запада Украины высказывались «скорее отрицательно» по поводу этой идеи («скорее положительно» – лишь 26,9%) [18, с. 20].

К столь значительным отличиям в восприятии политической реальности в рамках одного государства следует относиться с большой осторожностью, поскольку речь идет о разных культурно-психологических установках, по-своему трактующих действительность. «Люди, принадлежащие разным культурно-политическим средам, – отмечала российская исследовательница В. Крашенинникова, – живут в разных реальностях, делают различные выводы об одних и тех же событиях, избирают различные пути действий. В такой ситуации вопрос “Кто прав?” чаще всего некорректен, ибо каждая сторона права в рамках своего контекста, мировоззрения и понимания интересов» [19, с. 187]. Ни одна из отмеченных мировоззренческих установок не может быть однозначно справедливой или ошибочной, вместе с тем, признание приоритета какой-либо одной точки зрения будет означать фактическое отрицание другой, что способно привести к необратимым для государственного единства последствиям.

Указанные различия связаны с историческим опытом, следуя которому украинская внешнеполитическая ориентация характеризуется взаимодействием трех парадигм – евроатлантической, евразийской и черноморской (юго-восточной). Всякий раз, «когда Украина получала возможность жить своей жизнью, она

вынуждена была в первую очередь определяться именно в этих трех направлениях по поводу вопросов, с кем бороться, кому противостоять, а с кем заключать соглашения и союзнические отношения». При этом «ни одно из этих направлений не было для Украины доминирующим: по каждому из них на Украину двигались отряды захватчиков и по каждому из них распространялись цивилизационные достижения» [17].

В этом отношении, по мнению специалистов, проявляющиеся социокультурная и геополитическая «рубежности» должны в большей степени определять приоритеты государственной стратегии развития Украины. Игнорирование рубежного положения может привести к «увеличению центробежных сил, политизации их деятельности». Учитывая пространственно-экономические характеристики украинского государства, главным представляется ориентационный приоритет как определяющая доминанта дальнейшего движения. Выделяется три возможных варианта внешнеполитической ориентации: нейтральный и внеблоковый статус; прозападные (европейские и евроатлантические) устремления; интеграция в рамках российского проекта (восточный вектор). Что касается выбора в пользу вхождения в российский интеграционный проект, то таковой обусловлен «веками соседской и общей жизни России и Украины», а также видимой близостью в «социально-экономическом развитии». «Логичное следствие этой тактики – возможное конфедеративное единство с Россией в политическом и хозяйственно-культурном смысле». Однако, как полагал украинский эксперт А. Кудряченко, если «Украина будет придерживаться исключительно восточной ориентации, она сознательно выберет отставание от передовых в социально-экономическом плане государств» [10, с. 173-174].

Геополитическая «рубежность» Украины обуславливает вероятность угрозы занять периферийное положение между Европой и Евразией, тем самым предопределяя ей пассивную роль в масштабных региональных процессах. Украинские исследователи акцентировали, что если украинское государство идентифицирует себя как «региональная периферия», то оно непременно становится «санитарной границей», своеобразным плацдармом в противостоянии – различных в плане общественно-политического и социально-экономического уклада – Запада и России [12, с. 90]. Поэтому, рекомендовали специалисты, «Украине, как среднему региональному государству, граничащему с Востоком и Западом, в силу объективных причин следует осуществлять внеблоковую геополитическую стратегию. Вступать в союзнические отношения с каким-либо из полюсов нерационально и небезопасно, поскольку в условиях цивилизационного противостояния это может привести Украину к стратегическому конфликту с одним из «центров силы», а также к геополитическому и геоэкономическому регрессу». Выходом из этого положения представляется внешняя политика, основывающаяся на «принципах оптимальной многовекторности», способствующей трансформации Украины в «самостоятельного игрока в системе международно-политических координат Евразии» [12, с. 97–98].

В пользу данного утверждения свидетельствует и то, что, по большинству показателей, Украина является средней региональной державой, которая вынуждена

адаптироваться под влиянием «изменчивых международно-политических, экономических и энергетических обстоятельств во внешнем мире», изучать и учитывать «возможности и планы трех больших акторов международных отношений – РФ, США и ЕС». От каждого из них в большей, иногда в определяющей степени зависят характер и эффективность отношений украинского государства с другими акторами международной системы и его способность иметь гарантии государственной безопасности и сохранения суверенитета [7, с. 296].

Противоречия в выборе внешнеполитической концепции Украины были обусловлены еще одним обстоятельством. Целостность национальных интересов государства определяется монолитностью настроений его элит, с одной стороны, и остальных социальных слоев – с другой, а также возможностью консолидации их позиций на общезначимых началах. Последнее утверждение позволяет констатировать отсутствие условий для формирования единых украинских национальных интересов на современном этапе [14]. За годы независимости на Украине выстроилась властная иерархия, основанная на принципе локализации властных полномочий в рамках небольших групп, для которых доступ к власти (прямой или опосредованный) или влияние на нее было обусловлено узкими корпоративными интересами, только частично совпадавшими с интересами общественными. Эта властная иерархия имела выраженные признаки олигархии. А поскольку она строилась на принципе взаимного обеспечения экономических интересов и слиянии бизнеса и власти, то произвела общественные «сдвиги», экономические, политические, культурные и морально-психологические последствия которых проявили себя в дальнейшем [8, с. 176]. Так, размышляя о влиянии специфики украинских элит на внешнеполитическое позиционирование государства, украинский ученый Г. Касьянов делает важное заключение: «В украинской политике в 1990-е годы сформировалось четыре варианта выбора между Западом и Востоком, Европой (или Евроатлантикой) и Россией. Первый – “собака на сене” – балансирование между двумя мощными силами с минимальной выгодой для себя. Второй – “блудный сын” – периодическое возвращение то к одной, то к другой силе с постоянными обещаниями остаться в лоне. Третий – “навсегда вместе” – обещание фактической реинтеграции с Россией, в основном экономической. И, наконец, четвертый – “не ждали” – решительная интеграция в европейские структуры» [9, с. 80].

При этом курс на евроатлантическую интеграцию традиционно поддерживался лидерами финансово-банковского и среднего бизнеса, правыми, центристами и руководителями Министерства обороны [6, с. 24]. Некоторые аналитики объясняют прозападные настроения части украинских элит тем, что, помимо осознания культурно-психологической близости европейского образа жизни, «бизнесмены Запада Украины, которые исторически сотрудничают с Европой, ориентируются на нее» [11, с. 200–201]. В то же время приверженцами интеграции с РФ, как правило, являлись депутаты левых партий, предприниматели украинско-российских финансово-промышленных групп, а также руководители ВПК (ориентированные на кооперационные связи с Россией), региональные лидеры Востока и Юга Украины [20].

Задолго до событий конца 2013 – начала 2014 г. исследователи констатировали, что в своем отношении к внешнеполитическим проблемам украинское общество демонстрировало раздвоенность. Поэтому сложно было говорить о четкой внешнеполитической перспективе страны. Какой бы вектор ни был избран, одна часть населения стала бы его поддерживать, а другая – критиковать [6, с. 26]. Более того, на Украине наблюдалось противоречие между политической элитой и обществом в выборе вектора внешнеполитического позиционирования государства. С момента обретения независимости внешнеполитические предпочтения большей части элит были либо устремлены на Запад (вплоть до заявлений о необходимости вступления в НАТО), либо характеризовались многовекторностью [13; 15]. В свою очередь, значительная часть общества ориентировалась на Восток и укрепление отношений с Россией. Исследования, проводившиеся специалистами, представляющими Институт социологии НАН Украины во второй половине 1990-х – первом десятилетии 2000-х гг., показывают, что «скорее положительно» к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси относились 60,3% опрошенных граждан по всей стране. «Скорее отрицательно» оценивали данную идею значительно меньшая часть респондентов – 24,3%. Тех, кому трудно было определить свою позицию по этой проблеме, – 15,4%. Примечательно, что за 12 лет мониторинга по указанному вопросу поддержка союза лишь один раз опустилась ниже 50-процентной отметки – в 2000 г. (40,8%), когда будущее РФ представлялось неопределенным в постъельцинскую эпоху [18, с. 18–19].

Таким образом, имеющиеся общественные противоречия в контексте внешнеполитического позиционирования Украины являются производными особенностей ее геополитического положения и исторического развития. Украинская внешнеполитическая ориентация исторически обусловлена взаимодействием трех парадигм – евроатлантической, евразийской и черноморской (юго-восточной). Влияние каждой из них определяется как положительными, так и отрицательными последствиями. Происхождение различий во внешнеполитических приоритетах украинского общества уходит корнями в X–XV вв., характеризуясь разграничением между землями, где автохтонное население проживает свыше тысячи лет в составе разных государств и территориями, колонизированными в период Российской империи и СССР.

Впоследствии подобное проявилось в том, что с момента дезинтеграции СССР большинство жителей западных областей Украины традиционно отрицательно воспринимали идею присоединения их страны к союзу России и Беларуси, являясь приверженцами евроинтеграции и активного взаимодействия с европейскими государствами и США. Население Центра Украины относилось к российскому и западному векторам внешней политики своего государства более сдержанно, отдавая предпочтение первому. При этом большинство жителей украинского Юга и Востока стабильно демонстрировали положительное отношение к сближению Украины с Россией и интеграции в рамках российского проекта.

Украинскими экспертами признавалась реальность социокультурной и геополитической «рубужности» их страны – средней региональной державы, вынужденной маневрировать под влиянием политики РФ, США и ЕС –

детерминирующих необходимость проведения гибкого внешнеполитического курса, исходя из принципов «оптимальной многовекторности». В случае избрания в качестве приоритета какого-либо одного вектора внешней политики Украина неминуемо бы вступила в стратегический конфликт с одним из указанных «центров силы», что впоследствии и произошло.

В рассматриваемый период на Украине не сложилось условий для консолидации внешнеполитических предпочтений элит и других социальных слоев на общезначимых началах. Иерархия украинской власти, имевшая признаки олигархии, выстраивалась с учетом локализации полномочий в рамках небольших групп, руководствовавшихся узкими корпоративными интересами, на основе взаимного обеспечения экономических интересов и слияния бизнеса и власти. Евроатлантическую интеграцию Украины, как правило, поддерживали правые, центристы, представители среднего бизнеса, руководители Министерства обороны и лидеры финансово-банковского бизнеса. Курс на евразийскую интеграцию находил сторонников в лице предпринимателей украинско-российских финансово-промышленных групп, заинтересованных в кооперации руководителей ВПК, депутатов левых партий и региональных лидеров Востока и Юга страны.

Видимая «раздвоенность» украинского общества в плане выбора внешнеполитической ориентации государства осложнялась имевшимися по этому вопросу противоречиями между элитами и массами. Первые преимущественно ориентировались на Запад или политику «многовекторности», а преобладающее количество населения по всей стране – исключая западные и отчасти центральные регионы – стабильно поддерживало идею сближения с Россией.

Отмеченные общественные противоречия, обострившись под влиянием внешних и внутренних факторов, в полной мере проявились в период социально-политического кризиса на Украине в конце 2013 – начале 2014 г.

Список литературы

1. Иванов И. С. Украинский кризис через призму международных отношений / И. С. Иванов. – М.: НП РСМД, 2015. – 208 с.
2. Пашковский П. И. «Конфликт поколений» в контексте внешнеполитического выбора Украины как проявление личностной депривации / П. И. Пашковский // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: Коллективная монография / Отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров; перевод Е. А. Федорова. – Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2014. – Т. 2. – С. 364–372.
3. Юрченко С. В. Социально-политический кризис в Украине в контексте формирования новой системы международных отношений / С. В. Юрченко // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: Коллективная монография / Отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров, перевод Е. А. Федорова. – Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2014. – Т. 2. – С. 397–411.
4. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.) / П. И. Пашковский. – Киев: Интерсервис, 2012. – 189 с.
5. Никифоров А. Р. Украина: штрихи к геополитическому портрету в культурно-историческом интерьере / А. Р. Никифоров. – URL: <http://www.rusmircrimea.ru/nikiforov> (Дата обращения: 26.06.2018)

6. Юрченко С. В. Украина: проблема выбора внешнеполитической концепции / С. В. Юрченко // Причерноморье. История, политика, культура / Под общ. ред. В. И. Кузицина. – Севастополь, 2010. – Вып. IV. – С. 21–26.
7. Камінський Є. Є. Світ переможців і переможених. Міжнародні відносини і українська перспектива на початку XXI століття / Є. Є. Камінський. – К.: Центр вільної преси, 2008. – 336 с.
8. Касьянов Г. В. Система владних відносин у сучасній Україні: групи інтересу, клани та олігархія / Г. В. Касьянов // Український історичний журнал. – 2009. – № 1. – С. 160–180.
9. Касьянов Г. В. Украина между Россией и Европой: превратности выбора / Г. В. Касьянов // Новая и новейшая история. – 2005. – № 3. – С. 76–81.
10. Кудряченко А. І. Зовнішньополітичні виклики сучасної України / А. І. Кудряченко // Стратегічні пріоритети. – 2007. – № 4 (5). – С. 172–177.
11. Поєдинок В. Зовнішні виклики для політичних еліт України / В. Поєдинок // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. – К.: Український центр політичного менеджменту, 2010. – Вип. 20. – С. 196–203.
12. Шергин С. А. Геополитическая идентичность и геополитические интересы Украины на современном этапе глобализации и модернизации / С. А. Шергин // «Ялтинская система» и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности: Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 17–21 февраля 2010 г.): Сб. науч. ст. / Под ред. С. В. Юрченко. – Симферополь: АнтикВА, 2010. – С. 84–99.
13. Pazio T. Neither East Nor West: Ukraine's Security Policy Under Kuchma // T. Kuzio // Problems of Post-Communism. – September / October 2005. – Vol. 52. – № 5. – P. 59–68.
14. Kuzio T. Political Fragmentation in Ukraine / T. Kuzio // Ukraine Analyst. – September 2009. – Vol. 2. – № 2. – P. 1–8.
15. Kuzio T. Populism in Ukraine in a Comparative European Context / T. Kuzio // Problems of Post-Communism. – November / December 2010. – Vol. 57. – № 6. – P. 3–18.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.
17. Україна і Росія в історичній ретроспективі. – Т. 3. Кульчицький С. В., Парахонський Б. О. Новітній український державотворчий процес: Монографія / С. В. Кульчицький, Б. О. Парахонський. – К.: Наукова думка, 2004. – 504 с. – URL: <http://pulib.if.ua/book/191> (Дата звернення: 26.06.2018)
18. Геополитические ориентации населения и безопасность Украины. По данным социологов / А. А. Беленок, А. И. Вишняк, А. А. Зоткин [и др.] / Сост. Н. А. Шульга. – К.: Бизнесполиграф, 2009. – 88 с.
19. Крашенинникова В. Россия – Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России / В. Крашенинникова. – М.: Европа, 2007. – 392 с.
20. Майборода О. Проблеми національної єдності в Україні: соціальні й мовно-культурні аспекти / О. Майборода // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України: Збірник наукових праць. – К., 2007. – Вип. 33. – С. 22–32.

Pashkovsky P. I. Genesis and Specificity of Social Contradictions in the Context of the Problem of Foreign Policy Positioning of Ukraine // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 137–146.

The article considers the genesis and specificity of social contradictions regarding Ukraine's foreign policy positioning. The opinions of the researchers have been presented. It was shown that the social contradictions existing in this context are derived from the features of the geopolitical situation and historical development of Ukraine. Ukrainian foreign policy orientation has historically conditioned by the interaction of the three paradigms – the Euro-Atlantic, Eurasian and Black Sea (southeastern). The origin of differences in the foreign policy priorities of Ukrainian society goes back to the X–XV centuries, which is characterized by a distinction between the lands where the indigenous population lives for more than a thousand years as part of different states and territories that were colonized during the Russian Empire and the USSR. Subsequently, this is manifested in the fact that since the disintegration of the Soviet Union most residents of the western regions of Ukraine traditionally negatively perceived the idea of their country joining the union of Russia and Belarus, being adherents of European integration and active interaction with European states and the USA. The population of the Center of Ukraine related to the Russian and Western vectors of the foreign policy of its state is more restrained, however, giving preference to the Russian vector. The overwhelming number of Ukrainian

residents of the South and East have demonstrated consistently positive attitude to Ukraine's rapprochement with Russia and integration in the framework of the Russian project. Conditions for the consolidation of foreign policy preferences of elites and other social strata on general grounds in Ukraine haven't developed. The apparent «duality» of the Ukrainian society in the choice of foreign policy orientation of the state was complicated by the available on this subject conflicts between the elite and the people.

Keywords: social contradictions, foreign policy positioning, Ukraine, Russia, European integration, Eurasian integration.

References

1. Ivanov I. S. *Ukrainskij krizis cherez prizmu mezhdunarodnyh otnoshenij* [Ukrainian Crisis through the Prism of International Relations]. Moscow, NP RNMD, 2015, 208 p.
2. Pashkovsky P. I. "Konflikt pokolenij" v kontekste vneshnepoliticheskogo vybora Ukrainy kak projavlenie lichnostnoj deprivacii ["The Conflict of Generations" in the Context of Ukraine's Foreign Policy Choice as an Expression of Personal Deprivation] // *Lichnostnaja deprivacija: juridicheskij, psihologicheskij, mezhdisciplinarnyj aspekty: Kollektivnaja monografija* [Personal Deprivation: Law, Psychological and Interdisciplinary Aspects: Collective Monograph] / Resp. Ed. V. M. Melihov, O. N. Makarenko, G. G. Egorov [and etc.], Translator E. A. Fedorova. Volgograd, Tsaritsyn Poligraphic Company, Ltd., 2014, Vol. 2, p. 364–372.
3. Jurchenko S. V. *Social'no-politicheskij krizis v Ukraine v kontekste formirovanija novoj sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij* [Socio-political Crisis in the Ukraine in the Context of Creating a New System of International Relations] // *Lichnostnaja deprivacija: juridicheskij, psihologicheskij, mezhdisciplinarnyj aspekty: Kollektivnaja monografija* [Personal Deprivation: Law, Psychological and Interdisciplinary Aspects: Collective Monograph] / Resp. Ed. V. M. Melihov, O. N. Makarenko, G. G. Egorov [and etc.], Volgograd: Tsaritsyn Poligraphic Company, Ltd., 2014, Vol. 2, p. 397–411.
4. Pashkovsky P. I. *Integracionnaja politika Rossii na postsovetском prostranstve (1991 – 2011 gg.)* [Integration Policy of Russia in the Post-Soviet Space (1991–2011)]. Kiev, Interservis, 2012, 189 p.
5. Nikiforov A. R. *Ukraina: shtrihi k geopoliticheskomu portretu v kul'turno-istoricheskom inter'ere* [Ukraine: Strokes to the Geopolitical Portrait in the Cultural-Historical Interior]. URL: <http://www.rusmircrimea.ru/nikiforov> (Accessed: 26 June, 2018)
6. Jurchenko S. V. *Ukraina: problema vybora vneshnepoliticheskoy koncepcii (Lazarevskie chtenija)* [Ukraine: the Problem of Choosing a Foreign Policy Concept (Lazarevsky Readings)] // *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura. [Black Sea Coast. History, Politics, Culture]* / Heads. Ed. V. I. Kuzishchin. Sevastopol, Branch of MSU in Sevastopol Publ, 2010, Vyp. IV, p. 21–26.
7. Kaminsky E. E. *Svit peremozhciv i peremozhenyh. Mizhnarodni vidnosyny i ukrai'ns'ka perspektyva na pochatku XXI stolittja* [The World of Winners and Losers. International Relations and the Ukrainian Perspective at the Beginning of the XXI Century]. Kiev, Free Press Center, 2008, 336 p.
8. Kasyanov G. V. *Systema vladnyh vidnosyn u suchasnij Ukrai'ni: grupy interesu, klany ta oligarhija* [The System of Power Relations in Modern Ukraine: Interest Groups, Clans and Oligarchy] // *Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal* [Ukrainian Historical Magazine]. 2009, № 1, p. 160–180.
9. Kasyanov G. V. *Ukraina mezhdru Rossiej i Evropoj: prevratnosti vybora* [Ukraine between Russia and Europe: the Vicissitudes of Choice] // *Novaja i novejschaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2005, № 3, p. 76–81.
10. Kudrjachenko A. I. *Zovnishn'opolitichni viklyky suchasnoji Ukrajiny* [Foreign Policy Challenges of Modern Ukraine] // *Strategichni prioriteti* [Strategic Priorities]. 2007, № 4, p. 172–177.
11. Pojedynok V. *Zovnishni vyklyky dlja politychnyh elit Ukrai'ny* [External Challenges for Ukraine's Political Elites] // *Suchasna ukrai'ns'ka polityka. Polityky i politology pro nei'* [Modern Ukrainian Politics. Politicians and Political Scientists about It]. Kiev, Ukrainian Center for Political Management, 2010, Issue 20, p. 196–203.
12. Shergin S. A. *Geopoliticheskaja identichnost' i geopoliticheskie interesy Ukrainy na sovremennom jetape globalizacii i modernizacii* [Geopolitical Identity and Geopolitical Interests of Ukraine at the Present Stage of Globalization and Modernization] // *«Jaltinskaja sistema» i sovremennyj mirovoj porjadok: problemy*

- global'noj i regional'noj bezopasnosti: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Krym, Jalta, Livadijskij dvorec-muzej, 17–21 fevralja 2010 g.) [«Yalta System» and the Modern World Order: the Problems of Global and Regional Security: Proceedings of the International Scientific Conference (Crimea, Yalta, Livadia Palace Museum, 17–21 February 2010)]: Collection of Scientific Articles / Edited by S. V. Jurchenko. Simferopol, AntikvA, 2010, p. 84–99.
13. Kuzio T. Neither East Nor West: Ukraine's Security Policy Under Kuchma // Problems of Post-Communism. September / October 2005, Vol. 52, № 5, p. 59–68.
 14. Kuzio T. Political Fragmentation in Ukraine // Ukraine Analyst, September 2009, Vol. 2, № 2, p. 1–8.
 15. Kuzio T. Populism in Ukraine in a Comparative European Context // Problems of Post-Communism. November / December 2010, Vol. 57, № 6, p. 3–18.
 16. Huntington S. Stolknovenie civilizacij [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST, 2005, 603 p.
 17. Ukraïna i Rosija v istorichnij retrospektivi. T. 3. Kul'chits'ky S. V., Parahons'ky B. O. Novitnij ukrajins'kij derzhavotvorchij proces: Monografija [Ukraine and Russia in Historical Retrospect. Vol. 3. Kulchytsky S. V., Parahonsky B. O. The Newest Ukrainian State-Creation Process: Monograph]. Kiev, Scientific Opinion, 2004, 504 p. URL: <http://pulib.if.ua/book/191> (Accessed: 26 June, 2018)
 18. Geopoliticheskie orientacii naselenija i bezopasnost' Ukrainy. Po dannym sociologov [Geopolitical Orientations of the Population and the Security of Ukraine. According to Sociologists] / Compiled by N. A. Shulga. Kiev, Biznespoligraf, 2009, 88 p.
 19. Krashenninnikova V. Rossija – Amerika: holodnaja vojna kul'tur. Kak amerikanske cennosti prelomljajut videnie Rossii [Russia – America: the Cold War of Cultures. How American values refract the vision of Russia]. Moscow, Europe, 2007, 392 p.
 20. Mayboroda O. Problemy nacional'noi' jednosti v Ukraïni: social'ni j movno-kul'turnyj aspekty [Problems of National Unity in Ukraine: Social and Linguistic-Cultural Aspects] // Naukovi zapysky Instytutu politychnyh i etnonacional'nyh doslidzhen' im. I. F. Kurasa NAN Ukraïny: Zbirnyk naukovyh prac' [Scientific Notes of I. F. Kuras Institute of Political and Ethnic Studies of National Academy of Sciences of Ukraine: Collection of Scientific Works]. Kiev, 2007, Issue 33, p. 22–32.

УДК: 323.2

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА: ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И УЧЕТА

Черевык К.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: spliso@rambler.ru

Наличие или отсутствие гражданского общества в какой-либо стране сегодня во многом определяется количеством неправительственных организаций (НПО). Часто НПО отождествляются с определением «гражданское общество». Формирование их разветвленной системы считается показателем развитости гражданского общества, свидетельством многообразия и структурированности его интересов. В статье исследованы особенности определения и учета неправительственных организаций (НПО) в Кыргызстане, проведен анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность НПО, выявлены ее особенности. Термин «неправительственная организация» не закреплён в кыргызском законодательстве, однако фактически используется как государством, так и гражданским обществом. Вопросы деятельности НПО регламентируются нормативно-правовыми актами, касающимися некоммерческих организаций (НКО). Только некоторые организационно-правовые формы НКО соответствуют определению и критериям НПО. Рассмотрена ситуация с государственным учетом НПО в Кыргызстане, выявлены его особенности. На государственном уровне отдельная статистика по учету НПО не ведется. Данные о зарегистрированных неправительственных организациях находятся в государственных реестрах юридических лиц. Из-за местных особенностей определения НПО, единая база данных таких организаций в стране отсутствует, сведения об их количестве отличаются в различных источниках. Несмотря на объективные трудности с подсчетом НПО, автором было установлено их среднее количество в стране.

Ключевые слова: неправительственная организация (НПО), Кыргызстан, некоммерческая организация (НКО), третий сектор, гражданское общество.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что до настоящего времени определение «неправительственная организация» (далее – НПО) не унифицировано в международной и национальных правовых системах. В мировом юридическом и политическом лексиконе понятие «неправительственная организация» – это традиционная форма обобщения при ссылке на весьма неопределенный круг организаций. Правила использования данного понятия в международной практике не унифицированы, разнятся от одного института к другому и зачастую используются в разных значениях в терминологии отдельно взятого института [1, с. 243].

Тем ни менее, обобщая имеющиеся определения и характеристики НПО, можно сказать, что это, по сути, добровольные самоуправляющиеся организации, которые

не подчиняются органам государственной власти. К ним относятся объединения, созданные отдельными лицами (физическими или юридическими) и группами лиц, то есть самими гражданами или их объединениями, а не государством или его структурами. НПО могут быть как национальными, так и международными по составу и сфере действия, и также обычно основаны на членстве. Основной целью НПО не является получение прибыли. Прибыль, получаемая ими в ходе осуществления своей деятельности, не распределяется между членами или учредителями, а направляется на выполнение задач организации. НПО могут быть как неформальными организациями, так и структурами, обладающими правосубъектностью.

Цель данной статьи – проанализировать особенности определения и учета НПО Кыргызстана. Для достижения данной цели автором поставлены следующие задачи:

- дать общую характеристику роли сектора НПО в развитии страны;
- проанализировать национальную нормативно-правовую базу, регулирующую деятельность НПО;
- изучить особенности определения термина «неправительственная организация» в Кыргызстане;
- классифицировать местные НПО по организационно-правовым формам;
- изучить особенности учета НПО в стране;
- определить общее количество местных НПО.

Объектом исследования данной статьи являются неправительственные организации Кыргызстана, а предметом – анализ особенностей их определения и учета.

Поскольку в международном праве нет единого определения НПО, данный термин относится к чрезвычайно разнообразному спектру организаций, действующих в том или ином государстве. Следует отметить, что в каждой стране существует своя практика в некоммерческом секторе, в частности, в том, что касается форм деятельности НПО, благодаря которым они могут приобретать правосубъектность или получать различные виды преференций. Некоторые типы НПО существуют только в некоторых странах. Термины, используемые для описания НПО в том или ином национальном законодательстве, могут варьироваться. В одних странах все НПО или некоторые из них относятся к компетенции законодательства об общественных объединениях, в других они действуют в рамках отдельных законов [2]. В третьих странах НПО отождествляется с некоммерческими организациями (далее – НКО), в том числе на законодательном уровне, что юридически некорректно, так как НПО – это лишь часть некоммерческого сектора, поскольку НКО могут быть образованы не только частными, но и государственными структурами. Поэтому под НПО надо понимать именно те НКО, которые являются негосударственными организациями [3, с. 4]. Некорректно также отождествлять НПО с негосударственными организациями (НГО) – среди них есть и коммерческие организации.

В связи со всем вышесказанным, под НПО надо понимать и отождествлять с ними следующие понятия: «неправительственные некоммерческие организации», «неправительственные общественные организации», «негосударственные

некоммерческие организации», «негосударственные общественные организации». Как видим, список терминов для обозначения НПО в международном и национальном законодательстве, научной литературе достаточно велик и не исчерпывается вышеупомянутыми.

Что касается места сектора НПО в структуре общества, то, учитывая его некоммерческий характер, последний часто называют «третьим сектором», подчеркивая важность и равноправное положение неправительственных организаций наряду с государственными и частными структурами [4, с. 68]. Это объясняется тем, что современное общество по экономическому признаку условно разделяется на три сектора: первый – государственный, второй – коммерческий и третий – некоммерческий. В государственный (первый) сектор входят институты государства, а также государственные предприятия, учреждения и организации, финансируемые из бюджетов разных уровней. Коммерческий (второй) сектор составляют все организационно-правовые формы коммерческих организаций, то есть организации, которые имеют право, извлекая прибыль, распределять ее между учредителями [5, с. 40]. Третий сектор – особый общественный институт, образуемый совокупностью негосударственных и некоммерческих организаций, которые своей деятельностью обеспечивают часть социального воспроизводства и позволяют справляться с целым комплексом сложных социально-экономических задач [6, с. 21–22].

Также необходимо сказать о соотношении НПО и гражданского общества. Многие исследователи считают НПО не чем иным, как «сердцем гражданского общества» [7, с. 33]. Часто НПО отождествляются с определением «гражданское общество», подчеркивая важность отведенной представителям общественного сектора роли «строителей фундамента» демократических ценностей, выполнения ими функций контроля за соблюдением прав и интересов человека и гражданина, уважения к ним [8, с. 4]. Сегодня наличие или отсутствие гражданского общества в той или иной стране во многом определяется исходя из количества НПО. Именно такой подход присущ западной политической и социальной науке и главным для НПО странам-донорам и донорским организациям, прежде всего западным [7, с. 34]. Формирование разветвленной системы НПО считается показателем развитости гражданского общества, свидетельством многообразия и структурированности его интересов [9, с. 354]. Определение гражданского общества как совокупности НПО, несмотря на свою ограниченность с научной точки зрения, лежит в основе многих официальных документов, как принимаемых в рамках международных организаций, так и издаваемых государственными органами различных стран [7, с. 36]. Более того, НПО еще часто называют «организациями гражданского общества» [6, с. 22].

Переходя к анализу особенностей определения и учета НПО в Кыргызской Республике (далее – КР) отметим, что формирование и развитие неправительственного сектора, позволяющего обеспечить, наряду с правительственными организациями, свободное и реальное участие граждан в принятии решений и управлении социальными процессами, является одним из основных приоритетов развития КР при построении демократического гражданского общества [4, с. 68]. В настоящее время в республике активно

продолжается процесс формирования и развития третьего сектора, необходимого для функционирования гражданского общества, что отмечено в отчетах как национальных, так и зарубежных стран и международных организаций [10].

Формально само понятие «неправительственная организация» не существует в законодательстве страны. Вместо него на нормативно-правовом уровне используется понятие «некоммерческая организация». Однако на практике, в документах стран-доноров, международных донорских организаций, научных исследованиях местных и зарубежных политологов, местном политическом лексиконе и даже в некоторых кыргызских государственных документах, широко используется законодательно незакрепленный термин «неправительственные организации», хотя, как отмечалось выше, понятия НКО и НПО не равнозначны, отождествлять их не следует. Такая особенность определения НПО приводит, прежде всего, к тому, что при подсчете их количества в стране, в их число часто ошибочно включают все отечественные НКО, что существенно искажает статистику и в определенной мере влияет на оценки развитости третьего сектора и гражданского общества в Кыргызстане.

Таким образом, законодательную базу, регулирующую деятельность НПО в КР, составляют именно документы, так или иначе содержащие положения о деятельности НКО. На сегодня, это база представлена Конституцией, Гражданским кодексом, иными национальными нормативно-правовыми актами, а также международными актами и договорами, признанными и ратифицированными КР.

В национальном законодательстве ведущая роль принадлежит Конституции 2010 г. Деятельность НКО получает конституционную основу по статьям 4 и 35, которые закрепляют признанное международным сообществом право граждан на объединение [11]. Следующим важным источником правового регулирования деятельности НКО является Гражданский кодекс от 8 мая 1996 г. № 15. Он закрепляет основные положения о НКО и рассматривает их отдельные виды [12]. Дальнейшее развитие нормы Гражданского кодекса получают в специальных законах, посвященных отдельным организационно-правовым формам НКО. К их числу относятся: Закон «О некоммерческих организациях» от 15 октября 1999 г. № 111 [13], Закон «О товариществах собственников жилых и нежилых помещений многоквартирных домов» от 9 июля 2013 г. № 122 [14], Закон «Об объединениях (ассоциациях) водопользователей» от 15 марта 2002 г. № 38 [15]; Закон «О кооперативах» от 11 июня 2004 г. № 70 [16]; Закон «О жамаатах (общинах) и их объединениях» от 21 февраля 2005 г. № 36 [17]; Закон «О кредитных союзах» от 28 октября 1999 г. № 117 [18]; Закон «Об объединениях работодателей» от 22 мая 2004 г. № 66 [19]; Закон «О рынке ценных бумаг» от 24 июля 2009 г. № 251 [20], Закон «О профессиональных союзах» от 16 октября 1998 г. № 130 [21]; Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 31 декабря 2008 г. № 282 [22]; Закон «О политических партиях» от 12 июня 1999 г. № 50 [23]. Источниками правовых норм о НКО являются также указы Президента КР, постановления Правительства и правовые акты министерств и ведомств.

В Законе «О некоммерческих организациях» 1999 г. содержится определение «некоммерческая организация». Это добровольная самоуправляемая организация,

созданная физическими и (или) юридическими лицами на основе общности их интересов для реализации духовных или иных нематериальных потребностей в интересах своих членов и (или) всего общества, для которых извлечение прибыли не является основной целью деятельности, а полученная прибыль не распределяется между членами, учредителями и должностными лицами [13].

Понятие «некоммерческая организация» в Кыргызстане впервые было применено в Гражданском кодексе в 1996 г. В КР можно создавать только НКО, организационно-правовые формы которых предусмотрены в Гражданском кодексе или иных законах страны. В целом, на сегодня в кыргызском законодательстве закреплены следующие организационно-правовые формы НКО: общественное объединение; фонд; учреждение; объединение (ассоциация) юридических лиц; кооператив (некоммерческий); товарищество собственников жилья (кондоминиум); ассоциация водопользователей; жамаат (общинная организация); фондовая биржа; кредитный союз; саморегулируемая организация профессиональных участников рынка ценных бумаг; негосударственный пенсионный фонд; профсоюз; объединение работодателей; политическая партия; религиозная организация [24, с. 4–6].

Из всех вышеперечисленных форм к категории НПО в чистом виде относятся: общественное объединение, религиозная организация, жамаат (общинная организация), политическая партия, профсоюз, негосударственный пенсионный фонд, некоммерческий кооператив, товарищество собственников жилья (кондоминиум), ассоциация водопользователей, объединение работодателей.

С определенными оговорками к НПО относятся следующие формы НКО: фонд (только общественный), учреждение (только негосударственное), объединение (ассоциация) юридических лиц (только негосударственное), кредитный союз, саморегулируемая организация профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Вследствие вышеописанной специфики, определения НПО в местном законодательстве Кыргызстана регламентируются документами, затрагивающими деятельность НКО в целом. Так, некоммерческие организации в стране могут создаваться с образованием или без образования юридического лица. Регистрация НКО как юридического лица осуществляется в соответствии с Законом «О государственной регистрации юридических лиц, филиалов (представительств)» от 20 февраля 2009 года № 57. Для этого создан Единый государственный реестр юридических лиц, филиалов (представительств), куда вносится информация, в том числе и обо всех организационно-правовых формах НКО, подпадающих под критерии НПО [25]. Данный реестр ведется Министерством юстиции КР и доступен на сайте ведомства. Также данные о НПО содержатся в Едином государственном регистре статистических единиц (ЕГРСЕ) Национального статистического комитета КР и базе данных Государственной налоговой службы.

Что касается численности кыргызских НПО, то их точный подсчет был и остается большой проблемой не только для исследователей, но и для местных властей, самого неправительственного сектора, а также международных доноров. Сложность учета заключается, во-первых, в сложившейся местной практике определения НПО, а во-вторых – в отсутствии отдельного единого национального

справочника (базы данных) таких организаций, содержащего основную информацию о развитии неправительственного сектора страны с указанием названия организаций, контактов, фамилий руководителей, сфер основной деятельности, размере организаций, дате регистрации. Стоит отметить, что отдельные попытки создать базу данных НПО КР были сделаны Азиатским банком развития, Каунтерпарт консорциумом, агентствами ООН, справочником «Желтые страницы» и др. Но эти усилия не стали ежегодными и решали локальные задачи создателей. В силу этого в Кыргызстане фактически невозможно найти полноценной базы данных неправительственных организаций, если не считать вышеупомянутые базы данных Государственной налоговой службы, Национального статистического комитета, Минюста [26]. Однако и эти государственные реестры имеют общий характер, поскольку содержат информацию вообще обо всех зарегистрированных юридических лицах, то есть как коммерческих, так и некоммерческих, как государственных, так и частных. Поэтому подсчитывать НПО в этих реестрах необходимо, используя поиск по организационно-правовой форме НКО, соответствующей понятию и критериям неправительственной организации. Стоит отметить, что реестр Минюста является наиболее полным с точки зрения информации о каждом юридическом лице.

Таким образом, отдельного учета НПО в стране нет. Данные об общем количестве НПО или их отдельных видах за разные годы и периоды очень разнятся. Даже в госреестрах число НПО за один и тот же год часто отличается. Тем не менее, примерное число таких организаций в стране установить по годам в целом возможно, опираясь на государственные базы данных. Так, согласно данным Национального статистического комитета в 1997 г., в стране насчитывалось 2201 зарегистрированных НПО, в 1998 г. – 2888, в 1999 г. – 4009, в 2000 г. – 4966, в 2001 г. – 6271, в 2002 г. – 7863, в 2003 г. – 9436, в 2004 г. – 11250. Однако здесь речь идет не обо всех организационно-правовых формах НКО, которые соответствуют понятию и критериям НПО, а только о восьми из них (общественные объединения, общественные фонды, объединения юридических лиц [ассоциации, союзы], политические партии, религиозные организации, некоммерческие потребительские кооперативы, кредитные союзы, товарищества собственников жилья [кондоминиумы]) [27, с. 73].

В 2006 г. количество зарегистрированных НПО в КР уже составляло 13018 организаций [28, с. 130], в 2007 г. – 14617 [29, с. 138], в 2008 г. – 16189 [30, с. 134], в 2009 г. – 16862 [31, с. 138], в 2010 г. – 18341 [32, с. 138], в 2011 г. – 19427 [33, с. 138], в 2012 г. – 20394, в 2013 г. – 21193, в 2014 г. – 21797, в 2015 г. – 22696, в 2016 г. – 23245 [34, с. 138], в 2017 г. – 23859 [35, с. 138]. Согласно данным Минюста на апрель 2018 г. в стране было 17117 зарегистрированных НПО [36], по данным же Государственной налоговой службы – 15957 организаций [37] (без учета таких организационно-правовых форм НКО как саморегулируемые организации профессиональных участников рынка ценных бумаг и негосударственные учреждения).

Таким образом, анализ особенностей определения и учета НПО в КР позволяет прийти к следующим выводам:

Развитие неправительственного сектора в стране является одним из главных приоритетов внутренней политики.

В отечественном законодательстве не закреплено понятие «неправительственная организация», не существует отдельного законодательства, посвященного деятельности НПО. Вместо этого в нормативно-правовых актах используется более широкий термин «НКО».

Только некоторые формы НКО в КР подходят под определение и критерии НПО, а именно: общественное объединение; общественный фонд; негосударственное учреждение; объединение (ассоциация) юридических лиц; кооператив (некоммерческий); товарищество собственников жилья (кондоминиум); ассоциация водопользователей; жамаат (общинная организация); фондовая биржа; кредитный союз; саморегулируемая организация профессиональных участников рынка ценных бумаг; негосударственный пенсионный фонд; профсоюз; объединение работодателей; политическая партия; религиозная организация.

Деятельность НПО в КР регламентируется документами, регулирующими деятельность НКО.

В стране отсутствует единая база неправительственных организаций. Отдельный учет НПО государством не ведется, существуют общие государственные базы данных всех юридических лиц (Минюст, Нацстатком, ГНС), среди которых в том числе есть организации, подпадающие под понятие и критерии НПО. Также учет ведется самим третьим сектором и международными донорскими организациями, но везде данные о количестве НПО сильно разнятся.

В связи с особенностями определения и учета НПО, определить их точное количество не представляется возможным, однако согласно информации из госреестров в стране на сегодня насчитывается более 15 тысяч таких организаций.

Список литературы

1. Андреева О. С. Неправительственные организации и политические изменения в мировом сообществе // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4–3. – С. 243–247.
2. Основополагающие принципы статуса неправительственных организаций в Европе. Страсбург, 13 ноября 2002 г. Решение Комитета Министров Совета Европы. 837-ое заседание. 16 апреля 2003 г. URL: http://www.mid.ru/mezdunarodnye-akty-o-pravovom-statuse-npo/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/408002 (Дата обращения: 30.04.2018)
3. Программа ЕС «Неправительственные организации» для России. – Европейский Союз. Представительство Европейского Союза в Российской Федерации, 2016. – 56 с.
4. Гражданское общество и НПО Кыргызстана: взгляд изнутри. Сборник статей. – Бишкек: Интербилим, 2005. – 150 с.
5. Неправительственные. Десятилетие выживания. – Казань: Отечество, 2008. – 244 с.
6. Хорозов С. Роль неправительственных организаций в реализации социальной политики Республики Молдова. Дис. ... доктора социологии / Хорозов Сергей. – Кишинэу, 2016. – 205 с.
7. Молчаков Н. Ю. Некоммерческие организации как символ современного гражданского общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – № 2 (46). – С. 33–49.
8. Обзор деятельности экологических общественных организаций в Таджикистане. Рабочий документ. – Умиджон Улугов, 2017. – 28 с.
9. Мицкевич М. М. Неправительственные организации и их роль в решении социально-гуманитарных проблем // Управление в социальных и экономических системах: материалы XIX международной

- научно-практической конференции, г. Минск, 18 мая 2010 г. / Редкол.: Н. В. Суша [и др.]. – Минск, 2010. – С. 354–355.
10. Концепция сотрудничества между общественными объединениями, общественными фондами (неправительственными организациями) и органами государственной власти (Утверждена постановлением Правительства КР от 25 марта 2004 года № 200). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/55210/10?mode=tekst> (Дата обращения: 30.04.2018)
 11. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru> (Дата обращения: 30.04.2018)
 12. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8 мая 1996 г. № 15. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4?cl=ru-ru> (Дата обращения: 30.04.2018)
 13. Закон Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» от 15 октября 1999 г. № 111. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/274> (Дата обращения: 30.04.2018)
 14. Закон Кыргызской Республики «О товариществах собственников жилых и нежилых помещений многоквартирных домов» от 9 июля 2013 г. № 122. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=61251 (Дата обращения: 30.04.2018).
 15. Закон Кыргызской Республики «Об объединениях (ассоциациях) водопользователей» от 15 марта 2002 г. № 38. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=287 (Дата обращения: 30.04.2018)
 16. Закон Кыргызской Республики «О кооперативах» от 11 июня 2004 г. № 70. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1456> (Дата обращения: 30.04.2018)
 17. Закон Кыргызской Республики «О жамаатах (общинах) и их объединениях» от 21 февраля 2005 г. № 36. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1632> (Дата обращения: 30.04.2018)
 18. Закон Кыргызской Республики «О кредитных союзах» от 28 октября 1999 г. № 117. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/280/10?cl=ru-ru> (Дата обращения: 30.04.2018)
 19. Закон Кыргызской Республики «Об объединениях работодателей» от 22 мая 2004 г. № 66. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1452> (Дата обращения: 30.04.2018)
 20. Закон Кыргызской Республики «О рынке ценных бумаг» от 24 июля 2009 г. № 251. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202677/40?cl=ru-ru> (Дата обращения: 30.04.2018)
 21. Закон Кыргызской Республики «О профессиональных союзах» от 16 октября 1998 г. № 130. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=298 (Дата обращения: 30.04.2018)
 22. Закон Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 31 декабря 2008 г. № 282. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498> (Дата обращения: 30.04.2018)
 23. Закон Кыргызской Республики «О политических партиях» от 12 июня 1999 г. № 50. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/215> (Дата обращения: 30.04.2018)
 24. Создание некоммерческих организаций в Кыргызской Республике. / Авт.-сост. Н. Идрисов. – Б.: 2011. – 87 с.
 25. Закон Кыргызской Республики «О государственной регистрации юридических лиц, филиалов (представительств)» от 20 февраля 2009 г. № 57. URL: <http://minjust.gov.kg/ru/content/36> (Дата обращения: 30.04.2018)
 26. Краткий обзор гражданского общества в Кыргызской Республике. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29513/csb-kgz-ru.pdf> (Дата обращения: 30.04.2018)
 27. Коростылева Н. Н. Роль гражданского общества в развитии независимого Кыргызстана // Известия вузов Кыргызстана. – 2005. – №4. – С. 71–75.
 28. Социальные тенденции Кыргызской Республики: 2005–2009: Выпуск 6. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2011. – 140 с.
 29. Социальные тенденции Кыргызской Республики: 2006–2010: Выпуск 7. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2011. – 149 с.
 30. Социальные тенденции Кыргызской Республики: 2007–2011: Выпуск 8. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2012. – 147 с.
 31. Социальные тенденции Кыргызской Республики: 2008–2012: Выпуск 9. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2013. – 147 с.
 32. Социальные тенденции Кыргызской Республики: 2009–2013: Выпуск 10. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2014. – 147 с.

33. Социальные тенденции Кыргызской Республики: 2010–2014: Выпуск 11. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2015. – 147 с.
34. Социальные тенденции Кыргызской Республики: 2011–2015: Выпуск 12. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2016. – 147 с.
35. Социальные тенденции Кыргызской Республики: 2012–2016: Выпуск 13. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2018. – 147 с.
36. База данных юридических лиц Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://minjust.gov.kg/ru/content/824> (Дата обращения: 30.04.2018)
37. Электронный сервис «Поиск по имени» Государственной налоговой службы Кыргызской Республики. URL: <https://e-taxservices.kg/TaxPayer/Info> (Дата обращения: 30.04.2018)

Cherevyk K.A. Non-Government Organizations of Kyrgyzstan: Specifics of Identification and Accounting // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 147-157.

The presence or absence of civil society in a given country today is largely determined by the number of non-governmental organizations (NGOs). Very often they are generally identified with the definition of "civil society". Formation of an extensive NGO system is considered an indicator of the development of civil society, evidence of the diversity and structuredness of its interests. The article explores the specifics of the definition and accounting of non-governmental organizations (NGOs) in Kyrgyzstan. The analysis of the regulatory and legal framework regulating the activities of NGOs is carried out, its features are revealed. The term "non-governmental organization" is not fixed in the Kyrgyz legislation, but is actually used by both the state and civil society. The issues of NGO activity are regulated by normative-legal acts relating to non-commercial organizations (NGOs). Only some organizational and legal forms of NGOs meet the definition and criteria of NGOs. The situation with accounting of NGOs in Kyrgyzstan was studied, and its peculiarities were revealed. The latter is not carried out separately at the state level. Data on registered non-governmental organizations are in the state registers of legal entities. Due to the local specifics of the definition of NGOs, there is no single database of such organizations in the country, information on their quantity differs in different sources. Despite the objective difficulties with the calculation of NGOs, the author established their minimum number in the country.

Keywords: non-governmental organization (NGO), Kyrgyzstan, non-profit organization (NGO), third sector, civil society.

References

1. Andreeva O. S. Nepravitel'svennye organizacii i politicheskie izmeneniya v mirovom soobshchestve [Non-governmental organizations and political changes in the world community]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestia of Altai State University], 2010. № 4–3. p. 243–247.
2. Osnovopolagayushchie principy statusa nepravitel'svennyh organizacij v Evrope. Strasburg, 13 noyabrya 2002 g. Reshenie Komiteta Ministrov Soveta Evropy. 837-oe zasedanie. 16 aprelya 2003 g. [Fundamental principles of the status of non-governmental organizations in Europe. Strasbourg, November 13, 2002. Decision of the Committee of Ministers of the Council of Europe. 837th meeting. 16 April 2003]. URL: http://www.mid.ru/mezdunarodnye-akty-o-pravovom-statuse-npo/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/408002 (Accessed: 30 April 2018).
3. Programma ES «Nepravitel'svennye organizacii» dlya Rossii [EU program "Non-governmental organizations" for Russia]. Evropejskij Soyuz. Predstavitel'stvo Evropejskogo Soyuza v Rossijskoj Federacii, 2016, 56 p.
4. Grazhdanskoe obshchestvo i NPO Kyrgyzstana: vzglyad iznutri». Sbornik statej [Civil Society and NGOs of Kyrgyzstan: a View from Within". Collection of articles]. Bishkek: Mezhdunarodnyj centr «Interbilim», 2005, 150 p.
5. Nepravitel'svennye. Desyatiletie vyzhivaniya [Non-governmental. Decade of Survival]. Kazan': Izdatel'stvo «Otechestvo», 2008, 244 p.

6. Horozov S. Rol' nepravitel'stvennyh organizacij v realizacii social'noj politiki Respubliki Moldova [The role of non-governmental organizations in implementing the social policy of the Republic of Moldova]. Doctor's thesis, Kishinehu, 2016, 205 p.
7. Molchakov N. YU. Nekommercheskie organizacii kak simvol sovremennogo grazhdanskogo obshchestva [Non-profit organizations as a symbol of modern civil society]. Kontury global'nyh transformacij: politika, ehkonomika, pravo [Contours of global transformations: politics, economics, law], 2016, № 2 (46), p. 33–49.
8. Obzor deyatel'nosti ehkologicheskikh obshchestvennyh organizacij v Tadzhibikistane. Rabochij document [Review of the activities of environmental NGOs in Tajikistan. Working Paper]. Umidzhon Ulugov, 2017, 28 p.
9. Mickevich M. M. Nepravitel'stvennye organizacii i ih rol' v reshenii social'no-gumanitarnyh problem [Non-governmental organizations and their role in solving social and humanitarian problems] / M. M. Mickevich // Upravlenie v social'nyh i ehkonomicheskikh sistemah: materialy HIX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Management in social and economic systems: materials of the XIX international scientific-practical conference], g. Minsk, 18 maya 2010 g. / Minskij in-t upravleniya; redkol.: N. V. Susha [i dr.]. Minsk, 2010, p. 354–355.
10. Konceptsiya sotrudnichestva mezhdru obshchestvennymi ob"edineniyami, obshchestvennymi fondami (nepravitel'stvennymi organizacijami) i organami gosudarstvennoj vlasti (Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva KR ot 25 marta 2004 goda № 200) [The concept of cooperation between public associations, public funds (non-governmental organizations) and public authorities (Approved by the Resolution of the Government of the KR dated March 25, 2004 No. 200)]. URL: http://www.mid.ru/mezdunarodnye-akty-o-pravovom-statuse-npo/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/408002 (Accessed: 30 April 2018)
11. Konstituciya Kyrgyzskoj Respubliki ot 27 iyunya 2010 g. [The Constitution of the Kyrgyz Republic of June 27, 2010]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru> (Accessed: 30 April 2018)
12. Grazhdanskij kodeks Kyrgyzskoj Respubliki ot 8 maya 1996 g. № 15 [Civil Code of the Kyrgyz Republic of May 8, 1996, No. 15]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4?cl=ru-ru> (Accessed: 30 April 2018)
13. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O nekommercheskikh organizacijah» ot 15 oktyabrya 1999 g. № 111 [Law of the Kyrgyz Republic "On Non-Profit Organizations" of October 15, 1999 No. 111]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/274> (Accessed: 30 April 2018)
14. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O tovarishchestvah sobstvennikov zhilyh i nezhilyh pomeshchenij mnogokvartirnyh domov» ot 9 iyulya 2013 g. № 122 [Law of the Kyrgyz Republic "On partnerships of owners of residential and non-residential premises of multi-apartment buildings" of July 9, 2013 No. 122]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=61251 (Accessed: 30 April 2018)
15. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «Ob ob"edineniyah (associacijah) vodopol'zovatelej» ot 15 marta 2002 g. № 38 [Law of the Kyrgyz Republic "On Associations (Associations) of Water Users" of March 15, 2002 No. 38]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=287 (Accessed: 30 April 2018)
16. Law of the Kyrgyz Republic "On Cooperatives" of June 11, 2004 No. 70 [Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O kooperativah» ot 11 iyunya 2004 g. № 70]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1456> (Accessed: 30 April 2018)
17. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O zhamaatah (obshchinah) i ih ob"edineniyah» ot 21 fevralya 2005 g. № 36 [Law of the Kyrgyz Republic "On Jamaats (Communities) and their Associations" of February 21, 2005 No. 36]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1632> (Accessed: 30 April 2018)
18. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O kreditnyh soyuzah» ot 28 oktyabrya 1999 g. № 117 [Law of the Kyrgyz Republic "On Credit Unions" of October 28, 1999 No. 117]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/280/10?cl=ru-ru> (Accessed: 30 April 2018)
19. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «Ob ob"edineniyah rabotodatelej» ot 22 maya 2004 g. № 66 [The Law of the Kyrgyz Republic "On Associations of Employers" of May 22, 2004 No. 66]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1452> (Accessed: 30 April 2018)
20. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O rynke cennyh bumag» ot 24 iyulya 2009 g. № 251 [Law of the Kyrgyz Republic "On the Securities Market" of July 24, 2009 No. 251]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202677/40?cl=ru-ru> (Accessed: 30 April 2018)

21. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O professional'nyh soyuzah» ot 16 oktyabrya 1998 g. № 130 [The Law of the Kyrgyz Republic "On Trade Unions" of 16 October 1998 No. 130]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=298 (Accessed: 30 April 2018)
22. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O svobode veroisповедaniya i religioznyh organizacijah» ot 31 dekabrya 2008 g. № 282 [The Law of the Kyrgyz Republic "On Freedom of Religion and Religious Organizations" of December 31, 2008 No. 282]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498> (Accessed: 30 April 2018)
23. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O politicheskix partijah» ot 12 iyunya 1999 g. № 50 [Law of the Kyrgyz Republic "On Political Parties" of June 12, 1999 No. 50]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kz/215> (Accessed: 30 April 2018)
24. Sozdanie nekommercheskix organizacij v Kyrgyzskoj Respublike [Establishment of non-profit organizations in the Kyrgyz Republic]. / Avt.-sost. N. Idrisov. B.: 2011, 87 p.
25. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki «O gosudarstvennoj registracii yuridicheskix lic, filialov (predstavitel'stv)» ot 20 fevralya 2009 g. № 57 [The Law of the Kyrgyz Republic "On State Registration of Legal Entities, Branches (Representative Offices)" of February 20, 2009 No. 57]. URL: <http://minjust.gov.kg/ru/content/36> (Accessed: 30 April 2018)
26. Kratkij obzor grazhdanskogo obshchestva v Kyrgyzskoj Respublike [Brief overview of civil society in the Kyrgyz Republic]. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/29513/csb-kgz-ru.pdf> (Accessed: 30 April 2018).
27. Korostyleva N. N. Rol' grazhdanskogo obshchestva v razvitii nezavisimogo Kyrgyzstana [The role of civil society in the development of independent Kyrgyzstan] // Izvestiya vuzov Kyrgyzstana [Proceedings of the higher educational institutions of Kyrgyzstan], 2005, № 4, p. 71–75.
28. Social'nye tendencii Kyrgyzskoj Respubliki: 2005–2009: Vypusk 6 [Social Trends of the Kyrgyz Republic: 2005–2009: Issue 6]. Bishkek, Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki, 2011, 140 p.
29. Social'nye tendencii Kyrgyzskoj Respubliki: 2006–2010: Vypusk 7 [Social Trends of the Kyrgyz Republic: 2006–2010: Issue 7]. Bishkek, Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki, 2012, 149 p.
30. Social'nye tendencii Kyrgyzskoj Respubliki: 2007–2011: Vypusk 8 [Social Trends of the Kyrgyz Republic: 2007–2011: Issue 8]. Bishkek, Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki, 2012, 147 p.
31. Social'nye tendencii Kyrgyzskoj Respubliki: 2008–2012: Vypusk 9 [Social Trends of the Kyrgyz Republic: 2008–2012: Issue 9]. Bishkek, Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki, 2013, 147 p.
32. Social'nye tendencii Kyrgyzskoj Respubliki: 2009–2013: Vypusk 10 [Social Trends of the Kyrgyz Republic: 2009–2013: Issue 10]. Bishkek, Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki, 2014, 147 p.
33. Social'nye tendencii Kyrgyzskoj Respubliki: 2010–2014: Vypusk 11 [Social Trends of the Kyrgyz Republic: 2010–2014: Issue 11]. Bishkek, Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki, 2015, 147 p.
34. Social'nye tendencii Kyrgyzskoj Respubliki: 2011–2015: Vypusk 12 [Social Trends of the Kyrgyz Republic: 2011–2015: Issue 12]. Bishkek, Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki, 2012, 147 p.
35. Social'nye tendencii Kyrgyzskoj Respubliki: 2012–2016: Vypusk 13 [Social Trends of the Kyrgyz Republic: 2012–2016: Issue 13]. Bishkek, Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki, 2012, 147 p.
36. Baza dannyh yuridicheskix lic Ministerstva yusticii Kyrgyzskoj Respubliki [Database of legal entities of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic]. URL: <http://minjust.gov.kg/ru/content/824> (Accessed: 30 April 2018)
37. EHlektronnyj servis «Poisk po imeni» Gosudarstvennoj nalogovoj sluzhby Kyrgyzskoj Respubliki [Electronic service "Search by name" of the State Tax Service of the Kyrgyz Republic]. URL: <https://e-taxservices.kg/TaxPayer/Info> (Accessed: 30 April 2018)

УДК 168.522:82-1

МИФОПОЭТИКА КУЛЬТУРЫ: К ВОЗМОЖНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Габриелян О.А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: gabroleg@mail.ru

В статье разрабатывается методология исследования культуры как «текста». В связи с этим предпринимается методологическое расширение – применение мифопоэтики (понимаемой в классическом смысле) для изучения такого текста. Выдвигается ряд гипотез, подтверждение которых определяется эффективностью теории – ее объяснительными, прогностическими и прикладными возможностями. Приводится взаимосогласованный понятийный аппарат с определением ключевых понятий.

Ключевые слова: культура, текст, миф, мифологема, мифопоэтика, мифопоэзис.

Чтобы построить методологию исследования конкретной культуры, используя мифопоэтический подход, мы предварительно сделаем несколько важных допущений, которые постараемся обосновать по ходу статьи. Некоторые из них уже стали общепринятыми утверждениями, другие потребуют серьезного обоснования в качестве методологических принципов нашей теории.

Философия в историческое время успешно преодолела мифологию и мифологическое сознание такими своими фундаментальными качествами как критичность и рациональность. Более того, она открыла перспективы для науки. Мифология была вытеснена на периферию интеллектуальной жизни общества. Однако удалить ее из культуры было невозможно, не только потому, что она была у истоков культурного освоения и объяснения мира человеком, но и потому, что является фундаментальным феноменом культуры.

Мы придерживаемся положения, что эта фундаментальность обусловлена тем, что мифологичность является неэлиминируемым качеством человеческого сознания. Обыденное сознание, как правило, относит мифологическое сознание к седой древности, к началам человеческой истории. В известной степени это верно. Вместе с тем мифологичность сознания свойственна современному человеку в той же степени необходимости, как и человеку любой другой эпохи, культуры и цивилизации. Индивидуальный опыт и социальная практика доказывают это вполне

очевидным образом. В любую историческую эпоху человеческое сознание обладает этим качеством. Оно не снимается другими, более поздними, иными формами общественного сознания, будь то религия, искусство, литература, философия и даже наука.

Постараемся обосновать это и дать философский анализ отмеченного качества сознания, покажем, как эта способность (мифологическое осмысление мира) позволяет человеку строить мировоззренческую модель, которой он руководствуется в своей повседневной жизнедеятельности как социальный субъект.

Принципиальность нашей исследовательской позиции заключается в том, что ни одна из более поздних форм общественного сознания не отменяет не только никакую другую, но у них нет оснований и возможности отменить данное свойство – мифологичность сознания. Мифы и мифология продолжают существовать и в современном общественном сознании, наряду с другими его формами.

Постараемся показать и обосновать, что все они содержат в себе в скрытой форме мифологию, которая и в этом смысле является фундаментальной основой всех иных форм общественного сознания.

Даже в такой рационально-рафинированной форме общественного сознания, как наука, «исторически все или почти все научные теории возникли из мифов» (К. Поппер). Более того, после их возникновения мифы не исчезают, но трансформируются таким образом, что становятся частью научной теории и науки в целом. «Поразительная живучесть мифа состоит не только в его неисчерпаемости, несводимости к выделяемым частям, но и в способности приспосабливаться к радикальным изменениям в обществе и культуре. В свою очередь, и отделившиеся от мифа научные теории продолжают черпать из своего прародителя энергию, интенциональность, аттрактивность, интуиции и даже предрассудки» [1, с. 104]. Но носителем всего этого является мифология, которая продолжает свое существование в человеческом сознании вне зависимости от того, насколько ошеломляющими являются достижения современной науки и насколько теоретически безупречной она пытается выглядеть.

Сегодня уже можно встретить обоснованные рассуждения о мифопоэзисе науки. «Проблематизация современных способов научного познания вынуждает внимательней относиться к тому пространству и к той временной ситуации, где она (проблематизация) возникает. В благополучные времена этот хронотоп выведен за границы научного знания, ненаблюдаем для методологической рефлексии классического типа. Лишь благодаря проблематизации (кризис науки) пространство перепроверки старых и формирования новых взаимоотношений (границ) научного знания с вненаучным опытом обнаруживается как языковая среда, в которую погружен и формирующийся предмет дисциплинарного знания, и коммуникативно взаимодействующая с ним методологическая рефлексия. В этой среде мы попадаем в ситуацию неопределенности и гипотетичности, что является необходимым условием ее креативной «поэтичности» — способности к производству форм упорядоченного знания из языкового «хаоса». Синергетически понимаемое событие подобного рода произведения терминологически обозначается нами как “мифопоэзис научного дискурса”» [2, с. 544]. Отмеченное не умаляет значимости

науки, также как не умаляет значимости философии или иных форм общественного сознания. Все они имеют свой весьма широкий, но все же ограниченный интервал успешного описания, осмысления и объяснения мира, демонстрируют эффективное практическое применение своих достижений в социуме [3, с. 24].

Миф и различные мифологемы, в основе которых лежат те или иные архетипы, у различных народов особым образом оформляются и складываются в определенные композиции, которые мы характеризуем как мифопоэтику их культуры. Причем этот процесс, однажды начавшись, продолжается до тех пор, пока народ способен продолжать создавать «сюжет» своего исторического бытия. Это не просто «текст» истории, а культуры в целом.

У этого «текста», как и у обычного текста литературного произведения, есть своя поэтика. Нас будет интересовать ее особый – мифопоэтический – аспект.

Выдвинутые положения можно рассматривать как гипотезы. Они нуждаются в философском анализе и рефлексии. Это позволит построить соответствующую исследовательскую методологию. Если она окажется рационально обоснованной, то откроет возможность научного исследования современной мифологии и мифологического сознания. А эффективность и перспективность ее применения в исследовании конкретных проблем определенной предметной области только укрепит ее статус.

Цель нашего исследования расширить сферу применения классической мифопоэтики, понимаемой как текст, на культуру. Нам представляется, что такой подход обладает эвристической и прагматической перспективой. Он позволит «читать» текст культуры, то есть осуществлять декодирование его символических форм, понимать мифопоэтическую модель мира, которая строится культурой. В этой модели в виде мифологии в архэ-типичной форме представлен мир вполне осмысленным образом в некоей целостности. Пример такого методологического расширения осуществлен автором в отношении феномена Русского мира, в издании, подготовленном к публикации в ближайшее время.

Высокая степень обобщения и идеализации в формах общественного сознания упускает особенности массового сознания современного человека вне зависимости от его социального статуса. Сознание конкретного человека фрагментировано. В нем присутствуют различные знания и фиксируется разнообразный опыт его жизнедеятельности. Непротиворечивость и целостность ему предлагает любая из отмеченных выше форм общественного сознания в виде той или иной доктрины. Но повседневная жизнедеятельность не исчерпывается ими, не может быть описана и регламентирована на уровне повседневности. Любой человек всегда «больше», чем просто верующий, ученый, художник или философ. Поэтому на индивидуальном, личностном уровне непротиворечивость и целостность достигается способностью сознания конкретного человека к построению мифов и своей личной мифологии. Она позволяет ему преодолевать собственное незнание самым простым и наименее затратным – «чудесным» образом. Наше незнание и экзистенциальный страх перед неопределенностью многомерного мира принципиально неисчерпаемы, и мы преодолеваем их также, как

и тысячи лет назад, посредством мифизирующей активности нашего сознания, этим – возможно примитивным, но эффективно работающим способом.

В «Диалектике мифа» А.Ф. Лосев дает следующее определение: «Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная имаксимально конкретная реальность» [3, с. 27]. И далее: «Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью. Миф не есть бытие идеальное, но – жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» [3, с. 29]. Мифология есть взаимодополняющая друг друга система мифов, которая всегда готова объяснить любое многообразие повседневности, ее неопределенность, открытость к вариативным сценариям будущего. Именно это качество мифа привлекало внимание Лосева. Его исследования мифа носят не частный характер, отнесены не только к философско-религиозной проблематике или какой-то конкретной исторической эпохе или культуре, например, античности. Они обоснованно претендуют на фундаментальность и универсальность.

Новые формы общественного сознания не отменяют, не преодолевают «примитивную» мифологию, как не отменяет значимость евклидовой геометрии – неевклидова или как наука не отменяет религию.

Повторимся, мы утверждаем принципиально иное видение мифологии. Не как архаического феномена, преодолеваемого более продвинутой формой общественного сознания, например, философией, или даже наукой, но как первой, фундаментальной и полноправно актуальной формой. Мы солидарны с возражением Лосева относительно того, что якобы «некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно несвойственно мифическое сознание, что наука побеждает миф» [6, с. 220].

Существенное отличие от общепринятого в современной философии понимания мифологии и мифологического сознания заключается в том, что наш подход обращает внимание на следующее обстоятельство. Рациональное сознание вполне успешно преодолевает мифологию и мифологическое сознание в конкретном интервале (культурном, временном, теоретическом и др.), но не в состоянии элиминировать его окончательно в силу самой природы индивидуального сознания. Именно это доказывает Лосев. Мифизирующая способность сознания – насущная потребность для человеческого существования. Именно она позволяет действовать и принимать решения на уровне повседневного бытия человека, упорядочивает и согласует между собой разнообразную информацию в целостное мировоззрение «здесь и сейчас». Наше незнание фундаментально не преодолимо ни философией, ни наукой. Это не уничтожает их роль, а только указывает на ограниченный интервал их успешности.

Для нас эти утверждения являются важной отправной точкой разрабатываемой методологии.

Если бы мы постарались строить нашу жизнедеятельность в рамках только одной из отмеченных общественных форм сознания, то обнаружили бы, что это практически невозможно. Они взаимодополнительны и даже могут быть взаимно противоречивыми. Только мифологическое осмысление мира позволяет сознанию преодолевать интерпретативную множественность и противоречивость. Иначе как объяснить феномен верующего ученого или ученого клирика? Постоянно «включенная» способность сознания мифологически обустроить мир позволяет выстраивать непротиворечивым образом всю цепочку жизнедеятельности человека: мировосприятия – мироосмысления – миропонимания – мировоззрения. Причем (повторимся) не только непротиворечиво, но и в целостном виде.

Актуальность предлагаемой методологии заключается в следующем. Во-первых, она позволяет сосредоточить внимание на теоретическом осмыслении социальных (культурных, политических) ценностей, выявить закономерности их действия. Во-вторых, определить конституирующие принципы и феномены, сформировавшиеся в «осевое время» возникновения той или иной культуры. В-третьих, открывается возможность не только их теоретического анализа, но и самоосуществления в повседневности, в частности, современной, что является лучшим подтверждением теории. И, в-четвертых, позволяет показать, как культура разворачивается в истории в системе своих ценностей, запечатленная не только в материальных артефактах, но, что не менее важно, и в нематериальных формах.

Социальная практика свидетельствует, что наиболее эффективным образом манипулирование сознанием происходит путем воздействия на глубинные смыслы – архетипы сознания, составляющие содержание коллективного бессознательного. Это очень хорошо усвоили и эффективно используют маркетологи, политтехнологи, идеологи. Исследование мифопоэтики позволит понимать логику воздействия на сознание. Такого рода поэтика обретает прагматический характер посредством мифологии, как архетипичной попытки мироосмысления и миропостроения.

Поэтика в ее академическом и широком понимании рассматривается как раздел общей эстетики. Мы же понимаем под ней логику как эстетической, так и этической системы конкретной культуры, то есть наш подход осуществляет методологическое расширение очерченными рамками практической философии. В связи с этим можно говорить, что мы расширяем понятийное, проблемное и прикладное поле последней.

Собственно, под мифопоэтикой мы имеем в виду общепринятое в настоящее время значение этого термина – фундаментальную включенность мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т. д.) в текст произведения. Мифопоэтика в нашем исследовании будет выступать и как процесс исследования, и как логика генезиса и бытия изучаемой реальности как повседневности.

Выбранный теоретический инструментарий – мифопоэтика – неслучаен. Философское осмысление этического и эстетического в социальном мифе имеет вполне прагматическую цель. В частности, открывается возможность изучить механизм взаимодействия мифологии и идеологии. Анализируя его, применяя мифопоэтику к истории и современности как тексту, мы открываем не только исследовательские перспективы, но и возможность понимать конструирование

новых мифологем или модернизацию старых как ответы на актуальные вызовы истории эпохи постмодерна.

Итак, отталкиваясь от литературоведческих исследований мифопоэтики, переосмысливая их в расширительном методологическом ключе, мы выходим на «социологию мифа» (А. Ф. Лосев) и даже «политологию мифа», реализуя их прикладные возможности.

В литературоведении под мифопоэтикой понимается раздел поэтики, который изучает мифологические структуры произведения, оформление в нем той или иной мифологемы как универсального сюжета и/или образа. Собственно, сам термин «мифопоэтика» имеет сегодня двойное толкование. С одной стороны, это наименование объекта изучения: архетипическое и символическое в произведении и его составляющих: в композиции, сюжете, образах. С другой – это название метода литературоведческого анализа, который направлен на изучение этих составляющих элементов.

Мы будем придерживаться этого двойного толкования мифопоэтики и постараемся повысить ее статус до методологии исследования культуры и ее феноменов, до принципиального подхода в изучении целостной мифопоэтической модели картины мира. Очевидно, что при этом нам надо будет исследовать всю «элемент(ар)ную базу» культуры: архетипы, культурный код, символы культуры, мифы, мифологемы и др.

Взятые в отдельности они не в состоянии объяснить, как мифомышление формирует мифосознание, строит из них мифологическую картину мира, складывается в мировоззрение. А то, что оно в своем базисе мифологично, доказывает принципиальная неполнота любой формальной непротиворечивой системы согласно теореме Геделя о неполноте, методологический статус которой еще недооценен. То, что с точки зрения немифологического сознания различно, расчленено, подлежит сопоставлению, в мифе выступает как вариант (изоморф) единого события, персонажа или текста [7, с. 704]. Такой литературоведческий вывод носит методологический характер и может иметь широкое применение к культуре как тексту. Здесь отсылка к «семиосфере» Ю. М. Лотмана не будет излишней [8, с. 139].

Подчеркнем снова, что мы рассматриваем культуру как текст, то есть систему символических форм, отражающих мир в мифологии как целостной картине мира. «С точки зрения изучения культуры, существуют только те сообщения, которые являются текстами. Все прочие как бы не существуют и во внимание исследователем не принимаются. В этом смысле можно сказать, что культура есть совокупность текстов или сложно построенный текст» [9, с. 194]. Культура структурирует, вносит сознательную организацию в окружающий человека мир. Посредством символических форм культура фиксирует смыслы этого мира и его ценности, охватывает и схватывает семантическое поле, прежде всего, в мифологии. Так формируется текст культуры. Собственно, человеческая культура начинается именно тогда, когда появляется способность сознания к символизации, кодировке и декодировке в языке культуры, в ее текстах.

Изначально текст культуры мифологичен. Сейчас он более разнообразен, чем на заре развития человечества. Он может быть религиозным, художественным, научным. Но это не значит, что в современной культуре его мифологичность полностью исчезла. «Логос мифа, или осознание мифической действительности, есть мифология. Как бы ни относиться к мифологии, всякая критика ее есть всегда только проповедь иной, новой мифологии. Миф есть конкретнейшее и реальнейшее явление сущего, без всяких вычетов и оговорок, — когда оно предстает как живая действительность. ... Мифология — основа и опора всякого знания, и абстрактные науки только потому и могут существовать, что есть у них та полнокровная и реальная база, от которой они могут отвлекать те или другие абстрактные конструкции. ... Однако под мифом я понимаю не совсем то, что мыслится обычно под этим понятием. Обыкновенно полагают, что миф есть басня, вымысел, фантазия. Я понимаю этот термин как раз в противоположном смысле. Для меня миф — выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя — того мира, который открывается людям и культуре, исповедующим ту или иную мифологию. ... Словом, миф есть наиболее реальное и наиболее полное осознание действительности...» [10, с. 8]. Логика мифа отлична от практического опыта, прагматики. Для нее не существует грани естественного и сверхъестественного, объективного и субъективного. Причинно-следственные связи подменяются связями по аналогии, ассоциативными связями. «Динамическая структура мифа есть структура метаморфозы его образов и их движения по кривой смысла. Это и есть собственно Логика мифа. Диалектическая структура мифа есть структура его смысла. Миф многосмысленен. Раскрытие его многомыслия и обнаруживается как логика его смысла. ... Я разделяю положение, что также разумная творческая сила — а имя ей Воображение, Имагинация, — которая создавала миф, действует в нас и по сейчас, постоянно, особенно у поэта и философа, но в более прикрытом виде. Пока не угасло воображение, до тех пор есть, есть и есть логика чудесного. Вычеркнуть ее можно только с истиной» [10, с. 45]. Добавим, что отмеченная способность в той или иной степени присуща любому человеку, так как определяет его природную сущность. Безусловно, у поэта, философа и ученого она значительно более развита, чем у обычного человека. Но она также присуща и ученому, она проявляет себя даже в научных теориях, в их метафорах, аксиомах, гипотезах, интерпретациях теорий и их результатов [10, с. 10].

«Ремифологизация» в западной литературе и культуре делает чрезвычайно актуальной проблему мифа как в общем плане, так и в связи с поэтикой. Разумеется, необходимо соотнести классические формы мифа с породившей их исторической действительностью, и особенно мифологизмом XX в. с общественной ситуацией XX в., и обнаружить те различия между первобытным мифом и современным мифизированием, которые отсюда вытекают. Этого, однако, недостаточно, поскольку новейшие интерпретации мифа выдвигают на первый план миф (и ритуал) как некую емкую форму или структуру, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения, а также художественной практики. Следовательно, необходим анализ структуры мифа. Поскольку началось своеобразное взаимодействие этнологии и

литературы, то следует углубить понимание мифа в рамках этого взаимодействия» [10, с. 28]. Е. М. Мелетинский не только подчеркнул важность проблемы и ее исторически обусловленный характер, но и указал путь, на котором нас могут ждать новые открытия.

Очевидно, что в XXI веке отмеченная проблема не только не потеряла своей актуальности, но в ней возникла практическая потребность. Она заключается в необходимости такой социальной теории, которая могла бы ответить на вполне прагматичные вопросы информационной борьбы, государственного идеологического строительства и крайне востребованного патриотического воспитания гражданина, как субъекта– члена группы социальной солидарности с единым образом прошлого, настоящего и будущего социального воображения. «Политическое мифотворчество – один из аспектов мифологического возрождения». Очевидно, что параметры такой теории должна предложить социальная философия.

Отмеченная ремифологизация, то есть возвращение к мифологии, осуществлялась в «философии жизни» Ницше и Бергсона, в «морфологии культуры» Шпенглера, в экзистенциализме Камю и Хайдеггера, в революционном мифотворчестве анархо-синдикализма Жоржа Сореля. Даже М. Элиаде в «Аспектах мифа» не удержался и предпринял попытку толковать, например, коммунизм К. Маркса как новый эсхатологический миф. Этот ряд можно продолжить. К отмеченному выше Е. М. Мелетинский добавляет «Мифологии» (1957) Р. Барта и «Мифологии нашего времени» (1965) А. Соби. Первый объясняет, как миф превращает историю в идеологию, и считает, что современность мифологизирована. А. Соби утверждает, что миф не исчезает при его разумной деконструкции, а снова и снова порождается социальной психологией. Очевидно, что отмеченные философы и их концепции существенно отличаются друг от друга. Однако они вполне определяют тенденцию ремифологизации и подтверждают тезис о мифизированности сознания современного человека и принципиальной неэлиминируемости этого его качества и способности. Отмеченное подтверждается не только в философских исследованиях, но и в литературе, в художественном творчестве в целом. Осмелимся утверждать –и в современной науке. Но это утверждение требует отдельного своего обоснования. Однако начало уже положено попытками демаркации науки в философии К. Поппера и в «методологическом анархизме» П. Фейерабенда.

Сегодня мы можем констатировать, что взыскательные исследователи были правы в своих утверждениях. Более того, мы вступили в такой исторический период, когда социальные технологии оказались настолько продвинутыми, что мифотворчество в политическом процессе стало искусственно осуществляемой манипулятивной технологией, посредством которой создают дополненную реальность и внедряют в человеческое сознание соответствующие мифы. Используя эти технологии как часть агрессивной политехнологии, сменяются неугодные режимы. Многие государства оказались безоружными передвнешними угрозами. Они лишаются своих граждан в результате реформатирования сознания последних внешней «мягкой силой» механизмов новых социальных технологий. Сам

суверенитет таких государств подвергается серьезным испытаниям. Можно было бы не сокрушаться об этом, если бы при потере его не оказывалась бы под угрозой исчезновения сама культура, ее самобытность, цивилизационная уникальность.

Список литературы

1. Киященко Л. П. Мифопоэзис научного дискурса // *Философские науки*. – 07/2002. – № 4. – С.104–118. <https://iphras.ru/page47850562.htm>
2. Ставицкий А. В. *Онтология современного мифа*. /А. В. Ставицкий Севастополь, 2012. – 544 с.
3. Лосев А. Ф. *Диалектика мифа* /А. Ф. Лосев. *Философия. Мифология. Культура*. М., 1991. – 304 с.
4. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. *Литература и мифы* / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // *Мифы народов мира: Энциклопедия*. М., 1980. Т. 1. С. 200–226.
5. Лотман Ю. М. *Семиосфера* /Ю. М. Лотман. СПб., 2000. – 704 с.
6. Лотман Ю. М. *Избранные статьи в трех томах*. Т. I. *Статьи по семиотике и топологии культуры*. / Ю. М. Лотман. Таллинн, 1992. – 139 с.
7. Лосев А. Ф. *Философия имени*. /А.Ф. Лосев. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1990. – С. 194–196.
8. Голосовкер Я. Э. *Логика мифа*. /Я. Э. Голосовкер. М.: Наука. 1987. – 218 с.
9. Петрунин Ю. Ю. *Lapis philosophorum, artificial intelligence и perpetuum mobile: эволюция взаимоотношений мифа и науки*. / Ю. Ю. Петрунин // *Вопросы философии*. – 2017. – № 3. – С. 42–51.
10. Мелетинский Е. М. *Поэтика мифа*. / Е. М. Мелетинский. М., 2006. – 331 с.

Gabrielyan O.A. Mythopoetics of Culture: to a Possible Research Methodology // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 158-166.

The article develops a methodology for studying culture as a "text". In connection with this, a methodological expansion is undertaken – to use the mythopoetics to study the culture as a text. A number of hypotheses are advanced, the confirmation of which is determined by the effectiveness of the theory - it's explanatory, prognostic and applied capabilities. A mutually agreed conceptual apparatus is defined, with the definition of key concepts.

Key words: culture, text, myth, mythology, mythopoetics, mythopoiesis.

References

1. Kiyashenko L. P. Mifopoezis nauchnogo discursa [Mythopoiesis of scientific discourse]. *Filosofskie nauki*. 07/2002, № 4, pp. 104–118. Available: <https://iphras.ru/page47850562.htm>
2. Stavichtki A.V. *Ontologia sovremennogo mifa*. [The ontology of modern myth] Sevastopol, 2012. 544 p.
3. Losev A. F *Dialektika mifa* [Dialectics of myth] *Filosofia. Mifologia. Kultura*. Moscow, 1991. 304 p.
4. Lotman U. M., Mincht Z. G., Meletinski E. M. *Literatura I mifi* [Literature and myths]. *Mifi narodov mira: Enchticlopedia*. Moscow, 1980. Vol. 1. pp. 220–226.
5. Lotman U. M. *Semiosphera* [Universe of the mind] SPb., 2000. 704p.
6. Lotman U. M. *Izbrannye statii v trehtomah* [Selected articles in three volumes] Vol. 1. *Statii po semiotike i topologii kulturi*. Tallin, 1992. 139 p.
7. Losev A. F. *Filosofia imeni* [The philosophy of name] Moscow, Moskov-go Un-ta Publ., 1990. pp. 194–196.
8. Golosovker Y. E. *Logika mifa* [The logic of myth] Moscow, Nauka Publ., 1987. 218 p.
9. Petrunin Y. Y. *Lapis philosophorum, artificial intelligence и perpetuum mobile: evoluchtia vzaimootnosheniy mifa i nauki*. [Lapis philosophorum, artificial intelligence and perpetuum mobile: the evolution of the relationship between myth and science] *Voprosi filosofii*. 2017, no. 3, pp. 42–51.
10. Meletinski E. M. *Poetica mifa* [The poetics of myth] Moscow, 2006. 331 p.

УДК 930.85

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ, ОБЛАСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЯХ БОГА ХОРСА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ДОХРИСТИАНСКОЙ ЭПОХИ

Козлов М.Н.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация.

E-mail: kmn_75@mail.ru

Предметом исторического анализа в данном исследовании стало происхождение, область распространения и основные функции одного из наиболее почитаемых восточными славянами дохристианской эпохи дружинных божеств – Хорса.

При написании статьи были использованы аналитический и сравнительно-исторический метод научного исследования.

Автор провел детальный историографический анализ проблемы, поставленной в исследовании, коснулся актуальной в последнее время в отечественной гуманитарной науке темы чужеродности и малозначительности культа Хорса у восточных славян дохристианской эпохи.

Основу источниковедческой базы исследования составили отечественные летописные памятники XI – XIV вв., поучения против язычества XI-XII вв., древнеславянские апокрифы, произведения иностранных авторов. В статье были также использованы также материалы раскопок восточнославянских святилищ и дружинных могильников, данные топонимики.

Опираясь на разностороннюю источниковедческую базу, автор поэтапно показал функции божества, область его распространения в славянском мире, особенности богослужения в языческих святилищах и священных местах, связанных с Хорсом.

Полученные результаты дают возможность утверждать, что Хорс был достаточно почитаемым божеством автохтонного происхождения. Его культ был широко распространен во всем славянском мире и был генетически связан с тотемистическим культом огненной птицы - петуха.

Ключевые слова: представления, верования, культ, святилища, священные места, могильники, захоронения.

Реконструкция разных сфер духовной культуры древнерусского населения в дохристианскую эпоху – это одна из первостепенных задач современной гуманитарной науки. При этом происхождение и культ восточнославянских языческих божеств редко становятся предметом специального изучения. Историческая реконструкция культа того или иного божества возможна лишь в рамках анализа всей совокупности исторических источников, доступных ученым на момент исследования. При этом достоверность, как письменных свидетельств, так и данных археологии часто подвергаются сомнению со стороны многих исследователей. В связи с этим, в современной гуманитарной науке существует

множество различных взаимоисключающих теорий и гипотез относительно происхождений, функций и особенностей культовой системы большей части восточнославянских языческих божеств.

Следует отметить и относительную бедность источниковедческой базы исследования восточнославянского язычества. В древнерусских ранних письменных источниках упоминаются лишь имена нескольких божеств без описаний культовой службы и функций объектов поклонения наших предков дохристианской эпохи. Поздние источники более информативны, однако вызывают подозрения в фальсификации.

Существенно обогатившаяся в последнее время археологическая база, безусловно, играет важную роль в исследовании особенностей восточнославянского языческого культа в целом. Вместе с тем, привязать археологический материал какого-либо святилища к конкретному божеству (если нет четкой топонимической привязки к местности) зачастую практически невозможно. Таким образом, несмотря на последние существенные достижения гуманитарной науки, о многих восточнославянских языческих божествах мы знаем не намного больше, чем, например, знали отечественные ученые сто лет назад.

В настоящее время основное внимание исследователей привлекают восточнославянские божества, связанные с потусторонним миром или хозяйственной деятельностью наших предков: Велес, Дажьбог, Макошь. Определенный научный интерес вызывает и культ покровителя княжеской власти Перуна. Небесного же двойника Перуна – Хорса исследователи либо вовсе игнорируют в своих трудах, либо интерпретируют как некое солярное загадочное божество восточного происхождения, случайно попавшее в восточнославянский пантеон. Между тем, Хорс, наряду с Родом, Перуном и Велесом, являлся одним из наиболее упоминаемых в письменных источниках божеств, что никак не соотносится с господствующей в современной гуманитарной науке теорией малозначительности или чужеродности происхождения данного божества. В пользу значительной распространенности в славянском мире культа Хорса убедительно свидетельствует и топонимика.

Исторический анализ происхождения, области распространения и основных функций древнеславянского бога Хорса на основе отечественных письменных источников, данных археологии и топонимики – основная цель этой статьи.

Первые попытки реконструкции культа Хорса у наших предков дохристианской эпохи были осуществлены еще в конце XVIII в. Тогдашние отечественные исследователи интерпретировали его как некое загадочное божество, аналогичное римскому богу виноделия Бахусу [1, с. 49; 2, с.122-123].

Представители мифологической школы видели в Хорсе двойника бога солнца Дажьбога [3, с.222; 4, с. 14–20; 5, с. 285].

Мнения отечественных исследователей второй половины XIX в. – начала XX в. разделились. Так, Е. В. Аничков, проанализировав отрывок из «Слова о полку Игореве», в котором упоминается «Великий Хорс», обратил внимание ученых на тот факт, что полоцкий князь Всеслав перебегал дорогу Хорсу «до кур».

Основываясь на этом отрывке из источника, он пришел к выводу, что Хорс символизировал у наших предков не солнце, а луну [6, с. 312].

По мнению М. И. Касторского, Хорс в восточнославянском пантеоне был аналогом Перуна. Ученый первым из отечественных исследователей выдвинул гипотезу славянского происхождения бога Хорса. По его мнению, имя божества происходит от общеславянского «карась», что означает «спор», «войну», или словацкого «maras» – «смерть» [7, с. 180].

В советскую эпоху отечественные филологи в основном придерживались теории восточного происхождения имени божества. Так, Абаев В. И., например, обнаружил параллели имени Хорса в некоторых восточных языках. В частности он указывает на то, что имя восточнославянского бога «Хорса» близко к осетинским словам «хорз», «хварз» («хороший», «добрый»). В новоперсидском языке, по словам исследователя, «хоршид» означает «солнце». Опираясь на эти параллели, Абаев В. И. пришел к выводу, что Хорс был заимствован древними славянами из скифо-сарматского мира и означал у наших предков бога солнца [8, с.291; 9, с.115-117].

Опираясь на исследования В. И. Абаева, А. П. Новосельцев пришел к выводу, что данное божество почиталось той частью восточных славян, которая, двигаясь на восток, ассимилировала часть старого скифо-сарматского населения, то есть полянами или северянами. Владимир же, отбирая в свой пантеон важнейших племенных богов, включил туда и Хорса [10, с. 17-32].

По мнению Б. А. Рыбакова, культ Хорса был аналогичным культу греческого Аполлона и возник у наших предков еще в индоевропейской эпоху [11, с. 418].

В постсоветский период точку зрения В. И. Абаева и А. П. Новосельцева вполне разделял М. А. Васильев, посвятивший Хорсу одну из глав своей монографии «Язычество восточных славян накануне крещения Руси» [12, с.274].

Сверхкритическое отношение к теории древнеславянского происхождения Хорса высказывает Е. Левкиевская. По ее мнению, Хорс был абсолютно чужд славянскому миру и попал в пантеон Владимира вместе с каким-то кочевым племенем во второй половине X в. [13, с.33]. В целом ее точку зрения разделяют многие современные ученые [14, с. 185-192; 15, с.514-517].

Современные украинские исследователи придерживаются теории автохтонного происхождения культа Хорса. Так, по мнению М. В. Поповича, данное божество было у наших предков символом изобилия и двойником Велеса [16, с. 45]. Аналогичной точки зрения придерживался и В. С. Горский [17, с. 40].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в наше время в науке не существует единой точки зрения относительно происхождения и функций данного божества у наших предков.

Прежде всего, нельзя согласиться с гипотезой о чужеродности культа Хорса в восточнославянской среде. Так, еще в середине XIX в. существовали деревни Хорсин и Хорстово недалеко Зарайска в Рязанских землях. По преданию, здесь некогда находилось святилище Хорса [18, с.157-158]

В Новгородской земле еще в XVII-XVIII вв. существовало поселение Коротстыня на Ильмене, а также Хорсово болото и Хорсов овраг. Небольшое село

Коростень до сих пор существует в Шимском районе Новгородской области [19, с. 45; 18, с.157-158; 14, с. 185-192].

Есть крайне любопытное свидетельство о существовании языческого святилища Хорса в псковских землях. Согласно сообщениям немецкого путешественника Иоганна Давида Вундерера, посетившего Московское государство в конце XVI в., наши предки поклонялись Хорсу в святилище недалеко от Пскова. Так, в его произведении «Путешествие в Московию» находим следующее: «Перед городом Псковом видели мы двух идолов, поставленных в давние времена жрецами, которые им поклонялись, а именно Услава, каменное изваяние которого в руке имеет крест, и Хорса, который стоит на змее с мечом в одной руке и молнией в другой [20, с.34].

Сообщение Вундерера нельзя воспринимать дословно. Так, существование языческого святилища в XVI в. вблизи одного из самых значительных центров православия в тогдашней Московской державе невозможно. Уже в XI в. – первой половине XIII в. языческие общины скрывались на окраинах восточнославянского мира, далеко от крупных городов и владели жалкое существование. Никаких языческих могильников или святилищ послемонгольской эпохи археологи не зафиксировали.

Кроме того, вызывает сомнение и собственно описание идолов. Так, языческий идол не мог держать в руках христианский крест или поражать змею. До сих пор археологи не зафиксировали подобных скульптур ни в одной из областей славянского мира. Не встречается подобных описаний и в письменных источниках. Вместе с тем, нельзя игнорировать тот факт, что Вундерер правильно назвал имя идола – Хорс. Скорее всего, местные жители показали Вундереру место, где некогда находилось святилище с восточнославянскими божествами. Надменный немец, считавший всех православных язычниками, использовал для описания языческих идолов в своем произведении образы православных святых, которых увидел в одной из местных церквей. Не случайно его описание древнерусских богов сильно напоминает образ Георгия Победоносца, держащего в одной руке крест, а другой поражающей змея копьем.

Гипотеза А. Н. Кирпичникова о том, что идол, найденный у р. Промежицы недалеко от Пскова, соответствует описанию Хорса из сообщения Вундерера, не выдерживает никакой критики. Как верно заметил А. А. Александров, данная статуя божества явно имеет не славянское происхождение [21, с. 54-55]. Так, у идола широкие скулы и узкий разрез глаз. Перед нами типичное изображение тюрка-кочевника. Вырезанный на статуе крест грубо уродует композицию изображения и явно сделан не рукой автора. Скорее всего, его вырезали в эпоху христианизации, стремясь «обезопасить» чужого идола. Таким образом, сообщение Иоганна Вундерера может свидетельствовать лишь о том, в XVI в. местные жители еще помнили о существовании некогда вблизи Пскова языческого святилища со стоящим здесь в дохристианскую эпоху идолом бога Хорса и рассказали об этом немецкому путешественнику.

В нынешней Черкасской области Украины существует древний городок Корсунь-Шевченковский. Небольшие деревеньки под названием Корсунь существовали в Дрогочинском районе Брестской области, Кормянском районе

Гомельской области, Верховском районе Орловской области. В Солегорском районе Минской области до сих пор существует поселок Хорестово [19, с. 43]. В Галицкой земле на границе с Польшей еще в XIX в. существовала Хорсова гора [5, с. 301].

Согласно «Повести временных лет», Хорс входил в пантеон дружинных богов, поставленных князем Владимиром в Киеве на Княжьей горе. При этом его идол стоял рядом со статуей верховного божества Перуна: «И нача кн[я]жити Володимерь в Киеве единый, и постави кумирь на холмъ внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а глава ему серебряна, а усь золоть, и Хорса, и Дажеб[о]га, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь» [22, с. 77-78].

Возможно, что поляне знали и почитали Хорса задолго до построения языческого храма на Княжьей горе. Так, еще В. Татищев высказал вполне обоснованное предположение, согласно которому автор легенды о князе Кие и его братьях Хориве и Щеке и сестре Лыбиди использовал названия гор и рек для составления имен своим легендарным героям [23, с. 200]. Позже эту гипотезу поддержал Б. А. Рыбаков [24, с. 41].

Но в таком случае, откуда получила свое название гора Хоревица? В наше время гора Хоревица идентифицирована как современная Лысая гора - место, где располагался в языческую эпоху огромный курганный могильник [25, с. 52; 26, с. 37].

В Радзивилловской летописи сообщается о том, что на Лысой горе существовало какое-то капище, мимо которого проезжал князь Владимир в 980 году: «обрыв на Дорогожичи, на Лысой горе межю Дорогожичьмъ и Капичемъ; и есть ров до сего дня» [27, с. 43]. Вполне возможно, что упомянутый «Капич» – это капище бога Хорса, в честь которого гора и получила свое первоначальное название «Хоревица».

Интересно, что в Новгороде на Софиевской стороне издревле существовала улица Хорива, получившая свое происхождение от некоего мифического предка [28, с. 356].

Существуют данные о том, что Хорса почитали и древляне. Так, в поздних источниках, в частности Синописе Ундольского, сообщается о месте казни князя Игоря. Согласно данному источнику, великого киевского князя убили в священном месте, посвященном богу Хорсу: «Князь этой земли Малдитто распорядился убить его. На месте, называемом Хорсово, где и похоронили его. И тако лбину князя Игоря оковавши древляне сребром и позлатиша и тако пияху и веселишася» [29, л. 84-85].

Сигизмунд Герберштейн, посетивший восточнославянские земли в XVI веке и, по его словам, ознакомившийся с некоторыми древними рукописными книгами, также сообщает в своих «Записках о московитских делах», о том, что князя Игоря убили в некоем городе Коресте [30, с. 158]. Типографская и Ермолинская летопись называют место убийства Игоря Коростенем [31, стб. 20; 32, стб. 6]. В некоторых восточнославянских письменных источниках древнерусский Хорс назван Корсом. Таким образом, возможно, что летописный Искоростень (Коростень) получил свое название от древнерусского бога Хорса и представлял собой во времена князя Игоря городище-святилище.

Не случайно в «Повести временных лет» сообщается о том, что древляне приняли решение убить князя Игоря на вече: «слышавше же деревляне яко опять идеть, сдумавше со князем своимъ, и вышедше изъ града Изъкоръстена. Деревлене оубиша Игоря и дружину его» [22, с. 27-28].

Согласно археологическим данным, вече у древних славян обычно собиралось в общественной части городищ-святилищ внутри так называемых длинных домов. Сюда сходились местные жрецы, старейшины племен и родовых поселений [33, с. 167]. Вполне возможно, что Искоростень представлял собой такое городище-святилище, посвященное богу Хорсу.

Таким образом, в дохристианскую эпоху Хорс был одним из наиболее почитаемых восточнославянских божеств. Его культ имел широкое распространение в самых различных регионах восточнославянского мира.

Нельзя согласиться и с утверждением А. Н. Сыдыкова о том, что Хорс не был известен за пределами Древней Руси [14, с. 188]. О язычестве западных (за исключением полабских) и, особенно, южных славян письменные источники нам практически ничего не сообщают. Неверно делать на этом основании вывод, что южные и западные славяне не знали Хорса.

Топонимика же славянских земель прямо противоречит утверждению А. Н. Сыдыкова. В славянских землях можно встретить названия многочисленные деревень, местечек, округов, рек, гор, производные от имени бога Хорса. Так, в Болгарии, на правом берегу Дуная, находится небольшой городок Хорсов. В Хорватии еще в XIX в. существовали поселения: Hersina, Hersovo, Hersenica, Hersenki, Hersibotia. В Семиграде городки: Hrašca, Hraščan, Hraščani, Hraščica, Hraščina, Hruševac и др; в Штирии поселки: Horschau, Hörsin, Horschitz, Herscheditz, Herslack, Horschowitz, Horsowitz, Hrusowa, Hroznietitz, Hrozniewitz, Hroznits; в Чехии городок Hörsin; в Богемии два поселения: Herspitz и Hrosinkau; в Моравии горный проход в Карпатах: Hrozinko; поселок Horsa – в Силезии [5, с. 286, 293, 301]. У поляков и чехов было известно имя собственное Хорислав [28, с. 159].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в языческую эпоху Хорс был широко известен в разных областях славянского мира. Если заимствование культа данного божества у кочевых азиатских народов и имело место, то произошло оно еще в эпоху, предшествующую разделению славянской общности на западную, южную и восточную ветви.

К сожалению, в настоящее время очень сложно выделить характерные особенности богослужения в святилищах Хорса. В языческом святилище, поставленном князем Владимиром на Перуновом холме, богослужение было унифицировано под один общий стандарт. Тем не менее, из уже упомянутого отрывка «Повести временных лет» под 980 г., мы узнаем, что Хорсу в числе других дружинных богов приносили кровавые жертвы, включая человеческие.

Археологические исследования в целом подтверждают письменные свидетельства и сообщают некоторые ценные детали богослужения языческого святилища на Перуновом холме. Так, руины языческого святилища, поставленного Владимиром в 980 г. в Киеве, были исследованы археологической экспедицией Института археологии АН УССР в 1975 г. Изучение конфигураций фундамента

языческого святилища позволило воссоздать постройку, которая представляла собой в плане прямоугольник [7×1,75 м], вытянутый по оси север – юг с шестью симметричными закругленными выступами, примыкавшими к нему с севера, востока и юга. На них могли стоять постаменты шести летописных богов. Сооружение точно ориентировано по сторонам света. В святилище найдено большое количество костей животных, 91% из которых – кости крупного рогатого скота, принадлежавших молодым и взрослым особям. В жертвеннике найдены также кости свиней, птиц и рыб. Вокруг культового сооружения найдены остатки ритуальных костров с пережженными и обгоревшими костями животных и людей, углем и камнями, а также амулеты и предметы языческого богослужения. По мнению исследователей, святилище было разрушено в конце X в. [34, с. 47–52].

Интересные детали языческого богослужения в священном месте, посвященном Хорсу, возможно, сообщает нам Константин Багрянородный в своем фундаментальном труде «Об управлении империей». Так, византийский император, описывая путешествия древних руссов по Днепру в Византию, внезапно приводит детальное описание языческого жертвоприношения священному дубу на острове Хортица: «После того, как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг дуба, а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми» [35, с. 49].

Если предположить, что остров Хортица получил свое название в честь бога Хорса, то священный дуб, служивший нашим предкам некогда объектом поклонения, также был посвящен Хорсу. Таким образом, перед нами уникальное описание жертвоприношений Хорсу, совершаемое в языческую эпоху купцами и путешественниками.

В раннехристианскую эпоху Хорсу, как и другим языческим божествам, продолжали тайком приносить в жертву тех же петухов. Так, в «Слове некоего Христолюбца» (источнике XI в.) находим описание языческих обрядов, существовавших в крестьянской среде того времени: «И верують Пероуна и въ Хърса... и тако кладоутъ имъ требы и короваи имъ молять и коуры режутъ» [6, с. 374]. Схожие данные находим в другом источнике домонгольского периода: восточнославянском глоссе к «Слову Иоанна Златоуста об идолах»: «Человеци, забывше страха Божия небрежениемъ, жрутъ Перуну, Хоурсу... и куры имъ режутъ. О убогая коурята, иже не на честь святымъ породися, а на жертву идоломъ режутся. И то блутивше сами ядять. А инъми въ водахъ потопляеми соуть. А друзии к кладезъмъ приходяще молятся и въ воду мечуть» [6, с. 89].

Таким образом, можно прийти к выводу, что Хорсу, как и иным восточнославянским божествам, приносили в жертву животных (чаще всего петухов). Обычай приносить в жертву Хорсу петухов сохранился и в раннехристианскую эпоху.

Относительно функций Хорса у наших предков дохристианской эпохи, то, в первую очередь, нельзя согласиться с гипотезой о чужеродности и незначительности

данного божества у восточных славян. Так, в отрывке из «Слова о полку Игореве», Хорс назван великим: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тматороканя, великому Хрьсови влъкомъ путь прерыскаше» [36, с. 13].

Возможно, что в данном источнике выражение «Хрьсови влъкомъ путь прерыскаше» и «дорискаше до куръ» означает время незадолго до рассвета, то есть в предрассветный час. В таком случае Хорс был символом сакральной границы между тьмой и светом.

В пользу данной гипотезы свидетельствует и тот факт, что в некоторых восточных языках слова, близкие по звучанию к имени бога Хорса, означают «петух», в частности, новоперсидский «хирос» – «петух», древнеиранского «хгаос» – «божественная птица» [37, с. 267].

Гипотезу о связи Хорса с культом птиц-берегинь подтверждает и миниатюра с Радзивилловской летописи, на которой древнерусский автор изобразил принесения клятвы князя Игоря византийцам. На данной миниатюре справа от Перуна изображено какое-то восточнославянское божество в виде получеловека-полуптицы [27, с. 45].

В подавляющем большинстве древнерусских поучений против язычества и летописном рассказе о построении Владимиром языческого храма в Киеве, Хорс упоминается на втором месте после Перуна. Таким образом, возможно, что наши предки представляли себе Хорса в виде птицеподобного доброжелательного существа, одного из олицетворений вооруженного добра.

В восточнославянской мифологии вплоть до нашего времени сохранилось поверье, согласно которому нечистая сила проявляет свою негативную активность только до первого крика петуха, а затем исчезает. Возможно, что Хорс олицетворял собой какого-то доброжелательного по отношению к руссам сверхъестественного прародителя наших предков. Не случайно после принятия христианства, Хорс стал ассоциироваться в сознании наших предков с ангелами-воителями. В апокрифическом сочинении «Беседа трех святителей», например, находим следующее: «Василий сказал: два ангелы громные есть – эллинский старец Перун и Хорс жидовин. Это два есть ангела молниеносны» [38, с. 263].

Интересно, что Хорс в данном отрывке представлен таким же воином-громовержцем, как и Перун. В пользу гипотезы о автохтонности культа Хорса у восточных славян свидетельствует и наличие в древнерусском языке множества общеупотребительных терминов, производных от имени данного божества: например "хоромы", что обозначает большое богатое здание, "хоро" – круг, "хоровод" – «вечность», бесконечное существование, "хор" – собрание людей округа-хоры [39, с. 791].

Таким образом, можно сделать вывод, что достаточно значимым древнеславянским божеством автохтонного происхождения был Хорс – одно из олицетворений вооруженного добра, символизировавший в сознании наших предков границу между тьмой и светом. Культ Хорса был распространен во всем славянском мире и был генетически связан с тотемистическим культом огненной птицы – петуха.

Список литературы

1. Кайсаров А. Славянская и российская мифология // Мифы древних славян. – Саратов: Надежда, 1993. – С. 23-84.
2. Глинка Г. Древняя религия славян // Мифы древних славян. – Саратов: Надежда, 1993. – С. 89-140.
3. Костомаров М. І. Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики і літературознавства. – Київ: Либідь, 1994. – 384 с.
4. Бодянский О. Об одном прологе библиотеки Московской духовной типографии и тождестве божеств Хорса и Дажьбога // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1846. № 2. – С. 14–20
5. Фаминцын А. С. Божества древних славян. – СПб.: Типография Э. Арнольда, 1884. – 357 с.
6. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1914. – 386 с.
7. Касторский М. Начертания славянской мифологии. – СПб.: Типография Е. Фишера, 1841. – 191 с.
8. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. – М.: Наука, 1965. – 317 с.
9. Абаев В. И. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – 374 с.
10. Новосельцев А. П. Киевская Русь и страны Востока // Вопросы истории. – 1983. – №5. – С.17-32
11. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
12. Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. – М.: Индрик, 1999. – 328 с.
13. Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. – М.: Индрик, 2002. – 214 с.
14. Сыдыков А. Н. Древнерусские теонимы (на материале литературного памятника «Слово о полку Игореве») // Вестник Московского Государственного Лингвистического университета: серия гуманитарные науки. – 2013. – Выпуск 23 (683). – С. 185-192
15. Шабанова Д. С. Семантика теонимов «Хорс», «Алав», «Див» в «Слово о полку Игореве» и древнескандинавском памятнике «Андрей Наме» (Сказание о битве при Анджии) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – №73-1. – С.514-517
16. Попович М. В. Нарис історії культури України. – Київ: Артк, 1998. – 727 с.
17. Горський В. С. Святі Київської Русі. – Київ: Абрис, 1994. – 169 с.
18. Макаров М. Заметки о землях Рязанских // Чтения в Императорском обществе Истории и древностей российских при Московском университете. – 1846. – №1. – С. 157-183.
19. Филиппова Л. А.; Секретарь Л. А. По Приильменью: Путеводитель. – Л.: Лениздат, 1991. – 267 с.
20. Кирпичников А. Н. Древнерусское святилище у Пскова // Древности славян и Руси. – М.: Наука, 1988. – С. 34-38.
21. Александров А. А. Каменные антропоморфные идолы на территории Псковской области // Археология история Пскова и псковской области. – 2011. – №26[56]. – С. 48-61
22. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
23. Татищев В. Н. История Российская. В 3-х томах. – М.: АСТ, 2003. – Т.2. – 735 с.
24. Рыбаков Б. А. Город Кия // Вопросы истории. – 1980. – №5. – С. 31-48.
25. Каргер М. К. Древний Киев. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т.1. – 579 с.
26. Толочко П. П. Древний Киев. – Киев: Наукова думка, 1989. – 326 с.
27. Радзивилловская летопись. – Ленинград: Наука, 1989. – 182 с.
28. Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). – Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2005. – 468 с.
29. Собрание Ундольского № 1110. – Синопис. – 123 л.
30. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 429 с.
31. ПСРЛ Т.24.: Летопись по Типографскому списку. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 272 с.
32. ПСРЛ Т.23.: Ермолинская летопись. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 252 стр.
33. Тимошук Б. А., Русанова И. П. Во времена Збручского идола // Вопросы истории. – 1990. – № 8. С. 153-157.
34. Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян. – Киев: Наукова думка, 1982. – 103 с.
35. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Изд-во АН СССР, 1989. – 337 с.

36. Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя новгород-северского Игоря Святославича. – М.: Типография М.М. Стасюлевича, 1800. – 22 с.
37. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1971. – Т.4. – 827 с.
38. Беседа трех святителей // Златоструй. Древняя Русь X-XIII веков. – М.: Наука, 1990. – С. 262-266.
39. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Отчий дом, 1900. – 543 с.

Kozlov M.N. On the Question of the Origin, Area of Distribution and the Basic Functions of the God Horsa in the Eastern Slavs of the pre-Christian Era // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 167-178.

The subject of historical analysis in this study was the origin, the area of distribution and the basic functions of one of the most popular Eastern gods of the pre-Christian era, the warrior deities, Khors.

The research used analytical and comparative-historical methods of scientific research, as well as analysis, synthesis, generalization, individualization, historical narrative.

The author carried out a detailed historiographic analysis of the problem posed in the study, touched on the topic of foreignness and insignificance of the Khors cult of the Eastern Slavs of the pre-Christian era, which is topical in recent years in the Russian humanitarian science.

When writing the article, written and archaeological sources were used, as well as data toponymy. This is primarily domestic chronicles of XI-XIV, teachings against paganism XI-XII centuries., Old Slavonic apocrypha, works of foreign authors. The author of the study also used materials from the excavations of the East Slavic sanctuaries and *druzhinnyh* burial grounds, given toponyms.

Relying on a large source study base, the author gradually demonstrated the functions of the deity, the area of its spread in the Slavic world, the peculiarities of worship in pagan sanctuaries and sacred places connected with Horsa, cited convincing arguments in defense of the theory of the autochthonous origin of the Horse cult.

The obtained results make it possible to assert that in the minds of our ancestors, a significant Old Slavic deity was Horsa, one of the personifications of armed good, symbolizing the boundary between darkness and light. The Cult of Horse had an autochthonous Proto-Slavic origin, was widely distributed throughout the Slavic world and was genetically related to the totemic cult of the fire bird - the cock.

Key words: representations, beliefs, cult, sanctuaries, sacred places, cemeteries, burials.

References

1. Kajsarov A. Slavyanskaya i rossijskaya mifologiya [The outlines of Slavic mythology], Mify drevnih slavyan [The outlines of Slavic mythology] Saratov: Nadezhda Publ., 1993. pp. 23-84. (In Russian).
2. Glinka G. Drevnyaya religiya slavyan [Ancient religion of the Slavs], Mify drevnih slavyan [Myths of the ancient Slavs] Saratov: Nadezhda Publ., 1993. pp. 89-140. (In Russian).
3. Kostomarov M. I. Slov'yans'ka mifologiya. Vibrani praci z fol'kloristiki i literaturoznavstva [Slavic mythology. Selected works on folklore and literary criticism] Kiïv: Libid' Publ., 1994. 384 p. (in Ukrainian)
4. Bodyanskij O. Ob odnom prologe biblioteki Moskovskoj duhovnoj tipografii i tozhdestve bozhestv i Dazhd'boga [About one prologue of library of the Moscow spiritual printing-house and identity of deities of Horsa and Dazhd'boga], Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. 1846. vol. 2. pp. 14–20 (In Russian).
5. Faminyn A. S. Bozhestva drevnih slavyan [Deities of ancient slavs]. SPb.: Tipografiya Arngol'da, 1884. 357 p. (In Russian).
6. Anichkov E. V. Yazychestvo i Drevnyaya Rus' [Paganism and Ancient Rus] SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1914. 386 p. (In Russian).
7. Kastorskij M. Nachertaniya slavyanskoj mifologii [The outlines of Slavic mythology], SPb.: Tipografiya E. Fishera, 1841. 191 p. (In Russian).
8. Abaev V. I. Skifo-evropejskie izoglossy [Scythian-European isoglosses] M.: Nauka Publ., 1965. 317 p. (In Russian).

9. Abaev V. I. Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskije yazyki [Fundamentals of Iranian linguistics. Old Iranian Languages] M.: Nauka Publ., 1979. 374 p. (In Russian).
10. Novosel'cev A. P. Kievskaya Rus' i strany Vostoka [Kievan Rus and the countries of the East], Voprosy istorii [Questions of History]. 1983. vol. 5. pp.17-32
11. Rybakov B. A. Yazychestvo drevnih slavyan [Paganism of ancient slavs]. M.: Nauka Publ., 1981. 608 p. (In Russian).
12. Vasil'ev M. A. Yazychestvo vostochnyh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi: Religiozno-mifologicheskoe vzaimodejstvie s iranskim mirom. Yazycheskaya reforma knyazya Vladimira [Paganism of the Eastern Slavs on the eve of the baptism of Rus: Religious-mythological interaction with the Iranian world. The pagan reform of Prince Vladimir] M.: Indrik Publ., 1999. 328 p. (In Russian).
13. Levkievskaya E. E. Slavyanskij obereg. Semantika i struktura [Slavic amulet. Semantics and structure] M.: Indrik Publ., 2002. 214 p. (In Russian).
14. Sydykov A. N. Drevnerusskie teonimy (na materiale literaturnogo pamyatnika «Slovo o polku Igoreve») [Old Russian теонимы (on material of literary monument "Word about a regiment Igoreve)], Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo universiteta: seriya gumanitarnye nauki [Announcer of the Moscow State Linguistic university : series humanity]. 2013. Vypusk 23 (683). pp. 185-192 (In Russian).
15. Shabanova D. S. Semantika teonimov «Hors», «Alav», «Div» v «Slovo o polku Igoreve» i drevnekumyjskom pamyatnike «Andzhi Name» (Skazanie o bitve pri Andzhi) [Semantics of teonims «Hors», «Alav», "Marvels" in "Word about a regiment of Igorevs " and kumyk monument of «Andzhi Name» (Story about a battle at Andzhi)], Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena [News of PGIY the name of Gercen], 2008. vol. 73-1. pp.514-517 (In Russian).
16. Popovich M. V. Naris istorii kul'turi Ukraïni [Essay on the History of Culture of Ukraine]. Kiev: Artel Publ., 1998. 727 p. (in Ukrainian)
17. Gors'kij V. S. Svyati Kii'vs'koï Rusi [Saints of Kievan Rus]. Kii'v: Abris Publ., 1994. 169 p. (in Ukrainian)
18. Makarov M. Zametki o zemlyah Ryazanskikh [Notes on the lands of Ryazan], Shteniya v Imperatorskom obshchestve Istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial Society of History and Antiquities of the Russian University of Moscow]. 1846. vol. 1. pp. 157-183. (In Russian).
19. Filippova L. A.; Sekretar' L. A. Po Priil'men'yu: Putevoditel' [Guide-book of Priil'men'ye]. Leningrad: Lenizdat, 1991. 267 p. (In Russian).
20. Kirpichnikov A. N. Drevnerusskoe svyatilishche u Pskova [Ancient Slavic sanctuary near Pskov], Drevnosti slavyan i Rusi [Antiquities of the Slavs and Russia] M.: Nauka Publ., 1988. pp. 34-38. (In Russian).
21. Aleksandrov A. A. Kamennye antropomorfnye idoly na territorii Pskovskoj oblasti [Stone anthropomorphic idols on the territory of the Pskov region], Arheologiya istoriya Pskova i pskovskoj oblasti [Archeology the history of Pskov and the Pskov region]. 2011. vol. 26(56). pp. 48-61 (In Russian).
22. Povest' vremennyh let [Questions of History], pod red. i s pred. V. P. Adrianovoj-Peretc. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 239 p. (In Russian).
23. Tatishchev V. N. Istoriya Rossijskaya. V 3-h tomah [History Russian is in three volumes]. M.: AST, 2003. T.2. 735 p. (In Russian).
24. Rybakov B. A. Gorod Kiya [City Kiya], Voprosy istorii [Questions of History] 1980. vol. 5. pp. 31-48. (In Russian).
25. Karger M. K. Drevnij Kiev [Ancient Kiev] M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. T.1. 579 p. (In Russian).
26. Tolochko P. P. Drevnij Kiev [Ancient Kyiv]. Kiev: Naukova dumka, 1989. 326 p. (In Russian).
27. Radzivilovskaya letopis' [The Radziwil chronicle]. Leningrad: Nauka, 1989. 182 p. (In Russian).
28. Vasil'ev V. L. Arhaicheskaya toponimiya Novgorodskoj zemli (Drevneslavyanskije deantroponimnye obrazovaniya) [Archaic toponymy of Novgorod land (Old Slavic deantroponymic formations)]. Novgorod: Izd-vo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. 2005. 468 p. (In Russian).
29. Sobranie Undol'skogo [Collection of Undol'skiy]. № 1110. Sinopsis. 123 p. (In Russian).
30. Gerbershtejn Sigizmund. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. M.: Izd-vo MGU, 1988. 429 p. (In Russian).
31. PSRL T.24.: Letopis' po Tipografskomu spisku [Annals on the Typographical List]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 272 p. (In Russian).

32. PSRL T.23.: Ermolinskaya letopis' [Ermolin chronicle] M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 252 p. (In Russian).
33. Timoshchuk B. A., Rusanova I.P. Vo vremena Zbruchskogo idola [In the days of Zbruch idol], Voprosy istorii [Questions of history]. 1990. vol. 8. pp. 153-157.
34. Borovskij Y. E. Mifologicheskij mir drevnih kievlyan [Mythological world of ancient Kievans]. Kiev: Naukova dumka, 1982. 103 p. (In Russian).
35. Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej [On the management of the empire] M.: Izd-vo AN SSSR, 1989. 337 p. (In Russian).
36. Ironicheskaya pesn' o pohode na polovcev udel'nogo knyazya novgorod-severskogo Igorya Svyatoslavicha [The ironic song about the campaign against the Polovtsians of the specific prince of Novgorod-the-northern Igor Svyatoslavich] M.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1800. 22 p. (In Russian).
37. Fasmer Maks. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymologic dictionary of Russian]. M.: Progress Publ., 1971. T.4. 827 p. (In Russian).
38. Beseda trekh svyatitelej [Paganism and Ancient Rus], Zlatostroj. Drevnyaya Rus' X-XIII vekov [Golden-blasted. Ancient Russia of the 10th-13th centuries]. M.: Nauka Publ., 1990. pp. 262-266. (In Russian).
39. D'yachenko G. Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar' [Full Church Dictionary]. M.: Otchij dom Publ., 1900. 543 p. (In Russian).

УДК: 008:728.83:911.375.5(477.75)

**РУССКАЯ УСАДЕБНАЯ АРХИТЕКТУРА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ
ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА
(ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ, ЭТАПЫ, ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ)**

Кокорина Е.Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: kkokorina@gmail.com

Предметом данной работы является эволюция русской усадебной архитектуры XIX – начала XX вв. как формообразующей составляющей крымских югобережных культурных ландшафтов. С присоединением Крыма к Российской империи в 1783 г. связан ряд изменений в политической, экономической, социокультурной сферах. В связи с освоением новоприсоединенных земель, культурные ландшафты полуострова претерпевали значительные изменения. Одним из факторов их трансформации стало влияние русской архитектурной традиции, которая сочеталась с местным народным зодчеством. Важнейшую роль в формировании архитектурного облика Крыма и его культурных ландшафтов сыграли усадьбы XIX – начала XX вв. Стилистая эволюция в этот период соотносится с общевропейскими тенденциями. Однако крымская усадебная архитектура характеризуется оригинальными чертами, выражая вкусы заказчиков, которые подчинены как моде своего времени, так и особенностям природы и истории культуры полуострова. Усадьбы Южного берега Крыма являются уникальным региональным явлением, сформировавшимся в результате многовековой истории региона, полиэтничности и диалогичности его культуры. Анализ основных исторических, социальных, экономических, культурных катализаторов дает право говорить о масштабной трансформации культурного ландшафта, разворачивающейся постепенно с начала XIX в.: от первых попыток вписать постройки в живописные пейзажи до искусно организованных архитектурных ансамблей усадеб более позднего периода, когда они уже мыслились и заказчиками, и архитекторами как органическая часть системы конкретных ландшафтов. К концу рассмотренного исторического периода многоплановость, постепенное распространение синтетичности стали ключевыми факторами, определившими главенствующую роль русской усадебной архитектуры в преобразовании, обогащении местных культурных ландшафтов.

Ключевые слова: усадьба, культурный ландшафт, архитектурные стили, культура Крыма.

Сегодня в Крыму мы наблюдаем интенсификацию гражданского строительства, преобразование как городской, так и сельской среды. Эти факторы приводят к последствиям, которые нередко носят весьма травматичный характер для крымского культурного ландшафта. Данные процессы затрагивают так или иначе всю территорию полуострова, но в наибольшей степени, по нашему мнению, трансформации подвергаются складывавшиеся веками культурные ландшафты

Южного берега Крыма. Поэтому столь актуальным представляется определение их своеобразия.

Важным этапом в складывании местных культурных ландшафтов стало развитие усадебной архитектуры в Крыму с конца XVIII по начало XX в., что нашло отражение в строительстве имений русских дворян на полуострове, которые позже станут важными культурными центрами.

Известно, что «многие крымские усадьбы, даже находящиеся за чертой города, по своему устройству относятся именно к типу городской усадьбы, сформировавшемуся в конце XVIII – начале XIX вв.» [1, с. 18]. Ю. Шамурин писал в начале XX в.: «Сколько бы ни изучать старых усадеб, никогда нельзя почувствовать усталости и пресыщенности. В них нет однообразия, нет повторений» [2, с. 18]. Часто сами усадебные постройки являются уникальными произведениями искусства, строившимися согласно вкусам хозяев и тенденциям своего времени. В крымской архитектуре этого периода нашел воплощение диалог различных национальных традиций, «в отдельных элементах жилища<...> прослеживаются черты сходства с культурой других народов» [3, с. 78].

Целью данной работы является обзор эволюции русской усадебной архитектуры XIX – начала XX вв. как формообразующей составляющей крымских южнобережных культурных ландшафтов. Для этого были поставлены следующие задачи:

- проанализировать факторы, повлиявшие на развитие русской усадебной архитектуры XIX – начала XX вв. в Крыму;
- рассмотреть этапы эволюции русской усадебной архитектуры на полуострове в указанный период;
- выделить характерные черты русской усадебной архитектуры XIX – начала XX вв. как формообразующей составляющей крымских южнобережных культурных ландшафтов.

Эпоха господства Российской империи в Крыму характеризуется форсированной преобразовательной деятельностью. В том числе одним из важнейших векторов общекультурного и экономического развития Таврической губернии являлось усадебное строительство. Постепенность эволюции усадебных имений Крыма разворачивается в контексте исторического развития и переходных периодов. Цикличность усадебного строительства может быть соотнесена с историческим фактором. Целесообразно разделить всю «царскую эпоху» на два периода, в соответствии с временными рамками – ранний и поздний, граница между которыми пролегает в середине XIX в. Каждый период логически делим на два этапа, не равных по значению.

Период ознакомления и раннего строительства усадеб: 1783–1823 гг.

В 1793 г. под руководством П. Палласа впервые было осуществлено научное экспедиционное исследование, направленное на изучение природных условий Крыма.

Этот важный исследовательский этап не был достаточно плодотворным, что заметно по тенденциям усадебного строительства того времени. Ряд препятствий, таких как отсутствие дорожных коммуникаций между степными и горными

местностями Крыма, неразвитая инфраструктура сети дорог вдоль морского побережья явились одной из причиннеосуществлённости проекта всестороннего этнографического и природно-климатического исследования особенностей Таврической области.

Тем не менее, в результате экспедиции были выявлены положительные и отрицательные факторы, которые могли повлиять на процесс строительства, а также были сформулированы приоритетные задачи.

К положительным факторам можно отнести обнаружение богатейших природных запасов каменных материалов (строительных ресурсов, полудрагоценных и поделочных камней).

В архитектурных комплексах конца XVIII – первой половины XIX вв. имения генерал-губернатора Новороссийского края М. Воронцова, академика П. Палласа в Симферополе в основе архитектурной композиции лежат традиционные принципы классицизма и свойственного романтическому этапу эклектизма, присутствуют совершенно новые для русского зодчества элементы, воспринятые из местной культуры. Это впоследствии станет отличительной чертой крымской архитектуры второй половины XIX вв.

Отсутствие сети дорожных коммуникаций и обилие неблагоприятных факторов не повлияли на появление первых усадеб в Крыму. Одним из первых подобных объектов, построенных на Южном берегу Крыма, можно считать особняк-дворец герцога де Ришелье в Гурзуфе, строившийся с 1813 по 1823 г. и впоследствии проданный М. Воронцову.

Стоит указать на неразвитость это время декоративного паркостроения, как отрасли переосмысления пространства парков с точки зрения художественного оформления на территории с унаследованным многовековым опытом греческой культуры земледелия, садоводства и виноградарства.

В конце XVIII в. был заложен потенциал усадебного паркостроения в Крыму под патронатом князя Г. Потемкина, который привез на полуостров экзотические на тот момент для Крыма агрокультуры из Средиземноморья.

Необходимо выделить характерные особенности местного колорита в архитектуре с точки зрения этнического многообразия:

1. Греческая традиция строить двухэтажные каменные дома на склонах гор, присущие ей декоративные элементы – деревянная пропильная резьба на ограждениях южных террас.
2. Культовая архитектура крымских татар с высокими минаретами.
3. Характерные особенности декорирования ханского дворца и жилищ богатых беев.
4. Строительная культура беднейших слоев крымских татар (хижины из необработанного булыжника либо глинобитные сооружения).

Первый этап строительства: 1824–1853 гг.

1824 г. – начальный этап деятельности графа М. Воронцова, при строительстве первых дорог, усадебных особняков.

1853 г. – завершение строительства дворца в Ореанде (1852 г.) и начало Крымской войны 1853–1855 гг.

Также каждый этап соотносится с определенным поколением русского дворянства и представителей Дома Романовых, как основной движущей силы данной эпохи и главных заказчиков строительства усадебных поместий.

Первый этап на начальной стадии усадебного строительства на Южном берегу Крыма развивался неоднородно, он делится на:

- начальную стадию – 1820-е гг. – полужизненного строительства с уклоном в местный восточный колорит в архитектуре;

- основную стадию – с 1830 по 1853 гг. – организацию пространства имений на профессиональной основе, под сильным влиянием западноевропейских идей романтизма, когда усадебные комплексы уже становятся формообразующими факторами обновленных культурных ландшафтов крымского Южного берега.

На горной местности со скалистым ландшафтом здания сооружались таким образом, что тыльную северную стену значительно заглубляли в грунт, гарантируя формирование пространства цокольного этажа, и, в противовес, южный двухэтажный фасад благодаря ряду галерей строился открытым к морю.

В то время у М. Воронцова служил единственный архитектор – выпускник Санкт-Петербургской Академии художеств Ф. Эльсон (1793–1867 гг.). Он был настолько увлечен колоритом местных татарских особняков, что придерживался некоторых традиций крымского зодчества. К примеру, его постройка (башня-донжон) – первый Воронцовский дворец в Алушке – ярко иллюстрирует синтез тюркского стиля с европейской архитектурной традицией. Ф. Эльсон в отдельных случаях обращался и к классическому, и готическому стилям. Постройки, относящиеся к 1820-м гг., демонстрируют стремления мастера к подражанию «восточному колориту» путем наивных заимствований отдельных форм и деталей тюрко-татарской архитектуры и применению их в новом, по объемной композиции, типе особняка.

Основная стадия развития первого этапа усадебного зодчества началась с 1830 г. и связана с деятельностью высокопрофессиональных архитекторов, строителей, мастеров садово-паркового искусства, которые прибыли в Тавриду по отдельным приглашениям из различных стран Европы (Германии, Швейцарии, Италии, Англии, Франции). Они привнесли определенные европейские традиции зодчества, повлиявшие на ход развития усадебного строительства и охватившие разные сферы общественной жизни 1830–1850-х гг. В сфере усадебного строительства основы, заложенные европейской традицией романтизма, в ходе дальнейшего развития получили новую интерпретацию.

Через несколько десятилетий после присоединения Крыма к Российской империи южный край приобретает популярность у знати и состоятельных людей. После того, как Ливадия стала местом летней резиденции императорской семьи, на побережье один за другим начали появляться новые дворцы, принадлежавшие самым влиятельным дворянским и княжеским фамилиям, которые скупали землю сотнями гектаров [4]. Наряду с ними старались построить в Крыму летнюю резиденцию и представители купечества.

Изначально в 1860–1870-х гг. постройка здания осуществлялась в условном «восточном» стиле, ориентиром было первое царское имение в Ливадии. Данное

стилистическое направление надолго укоренится в южнобережной архитектуре Крыма и станет базовым набором архитектурных «знаков», на котором впоследствии будет развиваться местный вариант модерна.

В начале 1830-х гг. в районе Ливадия – Мисхор усадьбы строились рядом с древнейшими поселениями, отсюда заимствования из греческих названий: «Софиевка – Мисхор» – князя Л. Нарышкина, «Александрия – Гаспра» – князя А. Голицына, «Кореиз» – княгини А. Голицыной, «Ливадия» – графа Л. Потоцкого, «Ореанда» – Александра I, позже – Николая I.

И уже на раннем этапе заметно формирование ареала концентрации усадеб императора и приближенных ко двору представителей русского дворянства.

Особенности «стилистического почерка» первого этапа усадебного зодчества были сформированы деятельностью архитекторов Ф. Эльсона, К. Эшлимана, В. Гунта, Э. Блора, К. Фридриха, К. Кебаха, К. Геккеля, И. Патера под покровительством М. Воронцова.

Для выполнения наиболее сложных каменотесных работ приглашались камнерезы из Италии, а также привлекались крепостные графа М. Воронцова.

Плеяда мастеров разной специализации, обладавшая профессиональными знаниями, творческим потенциалом, объединяющей этико-эстетической идеей, сформировала своеобразный местный стиль южнобережного усадебного зодчества в Крыму. Он определялся по сложившимся общностям определенных приемов организации архитектурного пространства. Эстетика данного стиля формировалась на стыке нескольких явлений: культа готики; эллинистического искусства; восточной экзотики, а также усадебного паркостроения.

Создание Алушкинской резиденции графа М. Воронцова имело большое значение в становлении усадебного строительства. В результате происходят изменения в понимании сущности и роли усадьбы: теперь она становится дворцово-парковым комплексом, органичной частью пейзажа, все более отдаляясь от ранней формы фермерского поместья.

Примером развития этой тенденции является дворец «Меллас», одно из красивейших сооружений Южнобережья начала XIX в. На территории дворцового комплекса, благодаря графу Л. Перовскому, сформировался уникальный культурный ландшафт.

В середине 1820-х гг. в Мшатке было основано имение «Варино», названное по имени хозяйки – В. Башмаковой (в девичестве Суворовой-Рымникской). Л. Перовский купил в 1834 г. у нее 59 десятин земли в западной части владений. Будучи любителем древностей и археологических изысканий, он назвал свой будущий дом греческим словом «меллас», что переводится как «темный», «седой», «серебристый». Вероятно, в выборе имени сыграли свою роль и природные особенности местности. Имение находится у подножия гор: вулканический массив Ай-Юри (Дракон), протянувшийся от обрывов Ай-Петринской яйлы к морю, своим темным цветом контрастирует со скалами светлой известняковой породы [5]. Здесь мы уже наблюдаем интерес человека к окружающему природному пространству, что говорит о начале формирования новых культурных ландшафтов, когда усадебная архитектура становилась дополнением к красоте природы.

Дворец «Меллас» был возведен в 1834 г. по проекту Ф. Эльсона. Постройку осуществил английский архитектор В. Гунт, известный своей работой в Воронцовском дворце.

Крымская усадьба второй половины XVIII – первой половины XIX вв. проектировалась как выражение культурных интересов, духовного мира владельцев [6]. Здание дворца «Меллас» сохранилось практически в первоизданном виде. Архитектура дворца эклектична, она воплощает «многоголосый полилог»: в плане это средневековое палаццо, но присутствуют элементы, традиционные для ренессансной виллы. По углам здания построены четыре трехэтажные башни, которые завершены серебристыми куполами. В отделке наружных стен и особенно в интерьере прослеживаются явные следы восточных стилей. Фасады были украшены майоликовой плиткой, лепными гирляндами цветов и фигурками птиц, элементами с арабской вязью. В декоре использован местный камень [5].

В 1830–1840-х гг. рядом с дворцом «Меллас» был разбит парк, в котором сочетаются ландшафтный и регулярный стили. Так культурный ландшафт дополнился новыми элементами. В парке, который сейчас является памятником садово-паркового искусства, есть водоемы с фонтанами, лестницы, скальные нагромождения, переходы, поляны, аллеи, цветники и бухты. Здесь произрастает около 60 пород ценных растений. Со стороны моря построена набережная, протяженность которой составляет около полутора километров [5].

Таким образом, деятельность профессиональных архитекторов и паркостроителей второй четверти XIX в. имела оригинальную стилистическую направленность и была катализатором развития романтических тенденций в архитектуре, что имело своим логическим следствием влияние русской усадьбы на культурный ландшафт Южного берега Крыма.

Социальный заказ обусловил широкое распространение романтизма в усадебном зодчестве. Создание «идеализированных пространств» было основной мировоззренческой установкой русского дворянства, что проявилось в организации и развитии определенной стилистически-пространственной среды культурного ландшафта.

Третьей и главной причиной формирования колоритного сплавленного стиля была специфика крымской природы. Изрезанный берег моря, многоликие бухты, обрывистые скалы, разноцветные заливы, панорамные виды Ай-Петри, можжевеловые, сосновые леса, каньоны, горные источники, исполинские деревья – всё это соответствовало представлениям об «идеальном образе природы», поэтому многие природные объекты выступали акцентом в среде частично преобразованной (например, парковых зонах).

Следующий период развития усадебного зодчества в Таврической губернии охватывает вторую половину XIX и начало XX в. Он разделяется на два этапа: переходный этап – 1860–1880-х гг. и более поздний, он же и заключительный – 1895–1920 гг. Хронологические границы этих этапов подчинены конкретным историко-политическим событиям в жизни Крыма и России.

Переходный строительный этап: 1860–1880-е гг.

Точкой отсчета и катализатором начала строительства послужило приобретение Александром II имения «Ливадия» у наследников графа Л. Потоцкого в 1860 г. В следующие десятилетия братья царя и его приближенные получили в распоряжение собственные поместья на территории Ливадия – Мисхор.

«Ореанда» – имение К. Романова, «Ай-Тодор» в Гаспре принадлежал М. Романову, «Кореиз» был приобретен графом Ф. Сумароковым-Эльстон, служившим в подчинении у братьев царя, «Гаспра» (бывшая «Александрия» князя А. Голицына) находилась в имении Н. Романова (старшего), «Мисхор» перешел по наследству к С. Нарышкиной и ее супругу, графу П. Шувалову.

Таким образом, на втором этапе влияния на развитие усадебного хозяйствования в Крыму стало оказывать поколение сыновей императора Николая I и их приближенных. Помимо крупных владельческих имений возникает и ряд мелких дачных усадеб.

Наиболее существенным итогом переходного периода стали своеобразные образцы зодчества известных мастеров в отдельных усадьбах: в Ливадии – архитекторов А. Венсана, И. Монигетти, в Ай-Тодоре – В. Попова; в Ореанде – А. Авдеева, в то же время расширился парк графа П. Шувалова в Мисхоре.

Заключительный этап: 1895–1920 гг.

В 1895 г. началось строительство дворца «Дюльбер» – программного объекта «модернизированной эклектики», либо «исторического ретроспективизма».

1919 г. – революция и бегство Романовых из Крыма в Европу, завершение усадебного зодчества.

1920 г. – Белая армия сдала Крым.

Именно в этот период дворцово-парковое искусство на южном берегу Крыма достигло наивысшего расцвета. В последние 15 лет XIX – и в начале XX в. происходит окончательное формирование того культурного ландшафта Южнобережья под влиянием русской усадебной архитектуры, который встретил революцию, пережил советский период и в более или менее полной форме сохранился до наших дней.

За короткий исторический период рубежа веков ареал Ливадия – Мисхор перетерпел кардинальные изменения, которые по масштабу и значимости превосходят всю строительную деятельность, проведенную здесь на протяжении всего XIX в., и равнозначны только с преобразованиями 1830–1840-х гг. в Алушке, под руководством графа М. Воронцова.

Господствовать стало новое поколение Великих Князей Романовых, возглавляемое императором Николаем II. Именно для его представителей и приближенных были произведены строительные реконструкции в районе Ливадия – Мисхор в конце XIX – начале XX вв. Десять усадеб нового уровня определили качественный скачок в развитии культурного ландшафта Южного берега Крыма.

Важную роль сыграла творческая деятельность архитектора Н. Краснова, преобразовавшего стилевую этико-эстетическую направленность архитектуры усадеб нового типа. По проектам Н. Краснова и его группы выполнено фактически всё, за исключением нескольких усадеб. Его творческий метод отличался синтетичностью и привнес новые черты в культурный ландшафт региона.

Н. Краснов – автор Ливадийского дворца, здания банка Общества взаимного кредита в Симферополе и множества частных домов на южном побережье Крыма.

Один из первых заказов, который получил Н. Краснов в Ялте, была дача А. Эрлангера. Здесь архитектор опирался на уже существовавшую «восточную» традицию, но одновременно с этим обращался к композиционным решениям в духе Ренессанса, что говорит о рождении в Крыму нового стилистического направления [7].

Н. Краснов также явился архитектором виллы «Ксения» в Симеизе, которая была построена в стиле шотландского шале: ее отличают рустовка, килевидные окна под остроконечной крышей. Иной предстает перед нами вилла «Мечта» (или, как ее еще иногда называют, «Мечеть»). Уже издали она выглядит восточным дворцом с возвышающийся над ней башней-«минаретом». В ее декоре были использованы характерные для стиля модерн изразцы, благодаря которым она сияла под лучами южного солнца. К сожалению, в отличие от виллы «Елена» и Массандровского дворца этим двум памятникам крымского модерна повезло гораздо меньше, и уже в начале XXI века они удивляли туристов своим удручающим состоянием.

Всеобъемлющая продуктивность архитектурных преобразований в районе Ливадия – Мисхор на позднем этапе обусловлена экономической стабильностью за счет резервов прошлых этапов.

К концу XIX в. на Южном берегу Крыма сложился культурно-экономический потенциал для зарождения и преобразования усадебного строительства. Была налажена сеть дорожных коммуникаций, обеспечены добыча и производство натурального камня в местных карьерах, построен новый мол в Ялте для пассажирских и грузовых судов, возникло множество специализированных строительных артелей: мраморщиков, штукатуров, каменщиков, кровельщиков, парковых рабочих. Такие изменения повлекли рост качества работ как результат конкуренции и узкой специализации.

Для дальнейшего культурного освоения прибрежной зоны в этот период улучшается сеть шоссейных дорог и подводятся водопроводные коммуникации. Всё это способствовало колоссальному качественному скачку в развитии усадебного строительства в районе Южного берега Крыма и активизировало освоение и преобразование ландшафтов Тавриды, одним из важных факторов которого выступала архитектура.

Рассмотрев ряд архитектурных сооружений XIX– начала XX вв., можно отметить среди факторов развития русской усадьбы в Крыму влияние местного народного зодчества: греческой традиции строить двухэтажные каменные дома на склонах гор, декоративных элементов – деревянной пропиленной резьбы на ограждениях южных террас; особенностей культовой архитектуры крымских татар с высокими минаретами; характерного декорирования ханского дворца и жилищ богатых беев; строительной культуры бедных слоев крымских татар. Немаловажным является обнаружение богатейших природных запасов каменных материалов на полуострове. Социальный заказ также сыграл важную роль в эволюции русской усадебной архитектуры в Крыму в период XIX– начала XX вв.

Цикличность русского усадебного строительства на полуострове соотносится с социокультурной динамикой в указанный период, а также определенными поколениями русского дворянства. Первый этап начинается с деятельности графа М. Воронцова и завершается к началу Крымской войны (от полуконсервативного зодчества с увлечением местным восточным колоритом – к профессиональной организации пространства имений как культурных ландшафтов). Следующий этап связан с возникновением с приобретением в Крыму ряда имений представителями Дома Романовых. Именно в это время дворцово-парковое искусство Южного берега достигло наивысшего расцвета. Его ярким завершением стала усадебная архитектура в стиле крымского модерна на рубеже XIX–XX вв., которая во многом обязана появлением Н. Краснову.

Основные стилистические черты развития русской архитектуры рассматриваемого периода в Крыму соотносятся с общеевропейскими. Но в то же время крымская усадебная архитектура обладает характеристиками, которые выделяют ее как формообразующую составляющую крымских южнобережных культурных ландшафтов: отражение вкуса заказчиков и модных тенденций того времени, сочетание с природными и историко-культурными особенностями полуострова. Мы видим в местных усадьбах синтез неоклассики, готики, мавританского и других стилей, которые в совокупности составили сложный полилог крымского архитектурного «текста».

Все это позволяет нам говорить о масштабной трансформации культурных ландшафтов Южного берега Крыма, разворачивающейся постепенно с начала XIX в. от первых попыток вписать постройки в живописные пейзажи до искусно организованных архитектурных ансамблей усадеб более позднего периода, когда они уже мыслились и заказчиками, и архитекторами как органическая часть системы конкретных ландшафтов, где им отводилась преобразующая и дополняющая природное окружение роль.

Список литературы

1. Кокорина Е. Г. Усадьба XIX–XX вв. как одно из формообразующих начал культурного ландшафта Крыма // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 210. – С. 39–43.
2. Богданова Н. В. Имение И. И. Фундуклея в Гурзуфе (1834(35)–1881 годы) // Мир усадебной культуры: материалы II Крымских Международных научных чтений [Крым, Алушка, Воронцовский дворец, 11–13 мая 2001 г.]. – Симферополь: Крымский архив, 2002. – С. 18–22.
3. Материальная культура компактных этнических групп на Украине: жилище / АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая [ред. М. Г. Рабинович]. – М.: Наука, 1979. – 188 с.
4. Кокорина Е. Г. Роль эскапизма в формировании творческого пространства Крыма // Сборник материалов конференции XXXIX Международные научные чтения «Культура народов Причерноморья с древнейших времён до наших дней», 21–22 сентября 2015 г. – Симферополь, 2015. – С. 57–60.
5. Брагина Т. А. Путешествие по дворянским имениям ЮБК / Татьяна Брагина, Наталья Васильева. – Симферополь : Таврия, 2001. – 224 с.

6. Кириченко Е. И. Организация архитектурного пространства Крыма в годы правления генерал-губернатора Новороссии М. С. Воронцова // Мир усадебной культуры. I Крымские международные научные чтения (22–24 мая 2000 г., Алушка): Материалы. – Симферополь: Крымский Архив, 2001. – С. 145–154.
7. Калинин Н. Архитектор Высочайшего Двора / Николай Калинин, Александр Кадиевич, Марина Земляниченко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 232 с.

Kokorina E.G. Russian Manor Architecture of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries as the Element of the Crimean South Coast Cultural Landscapes (Factors of Evolution, Phases, Characteristics) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 179-189.

The subject of the article is the evolution of Russian manor architecture of the 19th–early 20th centuries as a forming factor of the Crimean south coast cultural landscapes. With the accession of Crimea to the Russian Empire in 1783, a number of changes took place not only in the social, political and economic, but also in the cultural sphere. In connection with the development of newly acquired lands, the cultural landscapes of the peninsula underwent significant changes. One of the factors of their transformation was the influence of Russian architectural tendencies, which was combined with the local traditions. The important role in the formation of Crimean architectural appearance and cultural landscapes was played by the manors of the 19th–the beginning of the 20th centuries. The style evolution in this period was correlated with the European trends. However, the Crimean manor architecture is characterized by its original features: the demonstration of customer fancy that was submitted to the up-to-date vogue, peculiarities of the peninsula nature and history of culture. The Crimean south coast manors are unique regional phenomenon, formed as results of the centuries-old history of the region, its multiethnic and dialogical culture. The analysis of the main historical, social, economic, cultural catalysts gives the right to talk about a large-scale transformation of the cultural landscape, which has been developing gradually since the beginning of the 19th century: from the first attempts to fit the buildings into the picturesque landscapes to the artfully designed manor ensembles of the later period, when they were already understood by customers and architects as the organic parts of the specific landscapes systems. By the end of the considered historical period, the multifaceted nature, the gradual spreading of synthesis became the key factors that led to the dominant role of Russian manor architecture in the transformation and enrichment of the local cultural landscapes.

Key words: manor, cultural landscape, architectural styles, the culture of Crimea.

References

1. Kokorina E. G. Usad'ba XIX–XX vv. kak odno iz formoobrazuyushchikh nachal kul'turnogo landshafta [19th–20th centuries manor as one of the forming factors of the Crimean cultural landscape]. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya [The Culture of the Black Sea Region People], 2011, № 210, p. 39–43.
2. Bogdanova N. V. Imenie I. I. Fundukleya v Gurzuf (1834(35) – 1881 gody) [The estate of I. I. Fundukley in Gurzuf (1834(35) – 1881)]. // Mir usadebnoi kul'tury : materialy II Krymskikh Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii (Krym, Alupka, Vorontsovskii dvorets, 11–13 maya 2001 g.) [The World of Manor Culture: materials of the II Crimean International Scientific Readings (Crimea, Alupka, Vorontsov Palace, May 11–13, 2001)], Simferopol, Crimean Archive, 2002, p. 18–22.
3. Material'naya kul'tura kompaktnykh etnicheskikh grupp na Ukraine: zhilishche; red. M. G. Rabinovich [Material culture of the compact ethnic groups in Ukraine: Habitation]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 188 p.
4. Kokorina E. G. Rol' eskapizma v formirovanii tvorcheskogo prostranstva Kryma [The role of escapism in the formation of the Crimean creative space]. // Sbornik materialov konferentsii XXXIX Mezhdunarodnye nauchnye chteniya «Kul'tura narodov Prichernomor'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei», 21–22 sentyabrya 2015 g. [Collection of the conference materials of the 39th International scientific readings

"The Culture of the Black Sea Region People from ancient times to our days", September 21-22, 2015], Simferopol, 2015, p. 57–60.

5. Bragina T., Vasilieva N. Puteshestvie po dvoryanskim imeniyam UBK [Journey through the aristocratic estates of the Southern coast of Crimea]. Simferopol, Tavriya, 2001, 224 p.
6. Kirichenko E. I. Organizatsiya arkhitekturnogo prostranstva Kryma v gody pravleniya general-gubernatora Novorossii M. S. Vorontsova [The Organization of the Crimean architectural space during the rule of the Governor-General of Novorossia M. Vorontsov].// Mir usadebnoi kul'tury. I Krymskie mezhdunarodnye nauchnye chteniya (22–24 maya 2000 g., Alupka) : Materialy [The World of Manor Culture. I Crimean International Scientific Readings (May 22–24, 2000, Alupka): Materials], Simferopol, CrimeanArchive, 2001, p 145–154.
7. Kalinin N., Kadiyevich A., Zemlyanichenko M. Arkhitektor Vysochaishego Dvora [The architect of the Highest Court]. Simferopol, Biznes-Inform, 2011, 232 p.

УДК 130.2, 338.14

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ «БОЛЕЗНИ ИЗДЕРЖЕК» НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА РОК-ОПЕРЫ

Празднова О.С., Резник О.В., Швецова А.В.

Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: prazdnova.olga@mail.ru (Празднова О.С.)

E-mail: voljaton@mail.ru (Швецова А.В.)

В контексте данного исследования рассмотрены средства профилактики «болезни издержек» в исполнительских (театрально-музыкальных) искусствах на примере жанра рок-оперы, указаны методы успешной терапии, на основании которых защищается тезис о том, что «болезнь издержек» представляет собой лишь экономическую проблему и с культурологических позиций болезнью не является.

С зарождением и становлением экономических теорий XX века, с активно развивающимся предпринимательством и научно-техническим прогрессом, экономисты обратили внимание на сферу культуры, что привело к возникновению понятия «болезни издержек» как характерной проблемы культурных организаций. Этот термин, введенный в обиход американскими экономистами У. Баумоном и У. Боуэном, быстро обрел популярности нашел применение в других областях знания – диагностировали «болезнь» в профессиях, требующих физического труда, в образовании, в культуре и искусстве, в том числе в исполнительском искусстве.

Важно отметить, что авторы теории рассматривают проблему именно с экономической точки зрения, игнорируя культурную ценность данного феномена. «Болезнь издержек» в исполнительских искусствах отчасти преодолима, но предполагаемое полное ее излечение приведет к утрате первоначальных ценностей искусства.

Ключевые слова: «болезнь издержек», экономика культуры, исполнительские искусства, рок-опера, индустриализация культуры.

На протяжении всего периода своего становления и существования сфера культуры никогда не привлекала внимания такого количества исследователей, как в XX веке. Именно в этот период произошло активное развитие наук о культуре, становление культурологии как отдельной научной дисциплины, а представители других областей научного знания начали интересоваться этой сферой в рамках междисциплинарных исследований.

С точки зрения экономики сфера культуры стала рассматриваться как объект анализа во второй половине XX века, в связи с бурным развитием коммерциализации искусства. Возникает понятие «культурного блага», которое рассматривает культуру в качестве услуги, предоставляемой соответствующими организациями и лицами для удовлетворения гражданских культурных

потребностей¹. Внимание многих исследователей привлекли такие аспекты культуры, как ее товарная цена и финансовая выгода [1, 2, 3, 4]. Но предпринимательство в большинстве сфер культуры сопряжено с неоправданными рисками, редко бывает прибыльным, а часто – хронически убыточным, пораженным «болезнью издержек». Данную проблему впервые подняли за рубежом во второй половине XX века, в отечественной литературе она практически не рассматривалась.

Целью работы является выделение механизмов преодоления «болезни издержек» на примере рок-оперы. Соответственно, в исследовании поставлены следующие задачи: определить специфику видов художественной деятельности, в частности – исполнительных искусств; выделить характерные черты «болезни издержек» в культуре; изучить способы профилактики «болезни издержек» в театральном-музыкальном искусстве на примере жанра рок-оперы. В данном исследовании мы будем рассматривать период XX века, под влиянием идей которого в культурологии было введено понятие «болезни издержек».

Известно, что человеческая деятельность подразделяется на две обширных формы – материальную и духовную. С активным развитием науки и техники в XX веке материальная деятельность людей значительно облегчилась, ведь главный экономический результат века заключается в переходе к массовому индустриальному производству товаров из естественных и синтетических материалов, созданию конвейерных производственных линий и заводов-автоматов, а человеческий труд постепенно заменялся машинным. В XX веке открытий и изобретений было сделано больше, чем за всю предшествующую историю человечества. Научно-техническая революция перевела мировую экономику в постиндустриальную стадию.

Если материальная форма сводится к производству и освоению предметов и явлений материального мира, включая изменения физической природы человека, то духовная ведет к изменениям в общественном и индивидуальном сознании. Она включает в себя религию, науку, мораль, политику. В XX веке духовная сфера также претерпела значительные изменения – наука вышла на первый план и стала главной производительной силой общества, с количеством произошедших по политическим причинам конфликтов политическая власть постепенно теряла доверие социума. Религиозность была потеснена наукой, распространялись атеистические идеи, которые нашли признание в философии и мировоззренческих представлениях рассматриваемого периода. Получают распространение светский гуманизм, нигилизм, логический позитивизм, марксизм, феминизм и т. д.

В контексте данного исследования обратим внимание на художественную деятельность как один из типов духовной деятельности.

Художественная деятельность – это практически-духовная активность человека в процессе создания, воспроизведения и восприятия произведений искусства. Искусство, как один из способов освоения мира, является специфической формой

¹Основы законодательства Российской Федерации о культуре" (утв. ВС России 09.10.1992 № 3612-1) (редакция от 08.05.2010).

общественного сознания и человеческой деятельности, представляющей собой отражение действительности в художественных образах [5]. В искусстве изначально предполагается эстетическая ценность; произведения искусства, как правило, способствуют нравственному совершенствованию человека.

Существует обширная классификация искусств по различным признакам (зрительные и слуховые, статичные и динамичные, и т. д.), отдельно можно выделить исполнительские искусства, рассматриваемые в данной работе. Они относятся к динамичному типу, где художественная деятельность подразделяется на первичную и вторичную. Первая подразумевает деятельность автора произведения, драматурга, композитора, а вторая – деятельность исполнителя произведения (певца, артиста, режиссера). Вторичность исполнителя проявляется в воссоздании, творческом воспроизведении произведения – результата первичного процесса творчества. Исполнительское искусство – это «вторичная, относительно самостоятельная художественно-творческая деятельность, заключающаяся в процессе материализации и конкретизации продукта первичной художественной деятельности» [6, с. 3]. К исполнительским искусствам относятся: творчество актеров и режиссеров, воплощаемое на сцене, телевидении и в кинематографии; чтецов, переводящее в живую речь литературные тексты; музыкантов, певцов, инструменталистов, дирижеров, озвучивающих сочинения композиторов; танцоров, воплощающих замыслы хореографов, и др.

Развитая технологизация общества практически никак не сказывалась на исполнительских искусствах, ведь люди посещали концерты и спектакли, чтобы насладиться реальной игрой живых актеров, получить от них человеческие эмоции. Заменить этот труд машинным было невозможно. Именно тогда, в 60-е годы XX века, появилась работа «Исполнительские искусства: экономическая дилемма», опубликованная Уильямом Баумолем в соавторстве с Уильямом Боуэном², где впервые было введено понятие «болезни издержек»³. С тех пор эта книга остается одним из главных исследований в области грантовой поддержки искусства.

Ключевая мысль исследования заключается в том, что издержки культурных организаций превышают их доходы, а чтобы покрыть сами издержки, необходимо привлекать внешние частные и общественные взносы. Уильямом Баумолем и Уильямом Боуэном были исследованы различные вопросы функционирования культурных организаций, которые связаны с исполнительскими искусствами.

²Уильям Баумоль – известный американский экономист, в 1981 году являлся президентом Американской экономической ассоциации, а в 1985–1986 годах – президентом Международного атлантического экономического общества. Его экономические исследования были удостоены премии Джона Роджера Коммонса (1977) и премии Фрэнка Сейдмана (1987). Объединившись с другим известным исследователем, Уильямом Боуэном, который являлся президентом Фонда Эндрю У. Меллона (1988–2006), а также президентом Принстонского университета (1972–1988), авторы разработали новую по своему содержанию концепцию экономики культуры.

³ Впервые «болезнь издержек» была описана в статье Анне и Тибора Сцитовски в 1959 году (Scitovsky A., Scitovsky T. What Price Economic Progress? // Yale Review. 1959), но авторы не использовали термин «cost disease» («болезнь издержек»). Это понятие ввели Уильям Баумоль и Уильям Боуэн.

Авторы также указали, что ситуация является типичной для большинства творческих отраслей, которые неизбежно будут страдать от «болезни издержек».

В материальной сфере, особенно в промышленности, производительность труда стремительно возрастала за счет технологических нововведений, обучения персонала, экономии ресурсов. В исполнительском искусстве она подобным образом возрасти не может: для того, чтобы исполнить концерт для струнного квартета, как и сто лет назад, требуется ровно четыре музыканта. Следовательно, издержки отраслей исполнительского искусства будут расти быстрее, чем цены в среднем в экономике [7]. Работа привлекла внимание как научных исследователей, так и государственных политиков, ведь в ней были предложены весомые аргументы для принятия необходимых мер поддержки в области культуры и искусства, а многие страны приняли решение о расширении масштабов и форм субсидирования творческой деятельности (Голландия, США, Великобритания и т. д.).

Один из американских экономистов культуры Грегори Бешаров утверждает, что престиж этой книги был обеспечен теми условиями, в которых она появилась: набирала силу общественная и частная поддержка сферы искусства, попечительские советы связанных с искусством организаций морально были готовы принимать помощь от государства, да и сама книга была выпущена как ключевой момент кампании по увеличению расходов крупнейшего благотворительного фонда «Twentieth Century» [8].

Однако после публикации работы кроме ее сторонников появилось и множество критиков. Часть из них утверждает, что в исполнительских искусствах артист получает дополнительное нематериальное вознаграждение в виде морального удовлетворения от самореализации и почета публики, именно поэтому производители культурных благ полностью готовы нести издержки взамен на признание. Другая часть утверждает, что «болезнь издержек» актуальна не только для исполнительских искусств, но и для всех сфер, где требуется «рука мастера» (услуги массажистов, парикмахеров и др.) [7]. Но, несмотря на критику, работа Баумоля и Боуэна по-прежнему остается одной из наиболее влиятельных в экономике культуры.

Среди отечественных исследователей данной проблемы – Ирина Абанкина и Павел Деркачев, изучавшие понятие «болезни издержек» в сфере высшего образования [9]. Александр Рубинштейн использовал в своих трудах основанное на концепциях Уильяма Баумоля и Уильяма Боуэна понятие «болезни цен» в сфере культуры [10]. Суть «болезни» заключается в том, что в секторах экономики с «отстающей производительностью» издержки производства растут быстрее, чем цены на конечный продукт [11]. Он диагностировал «болезнь издержек» для организаций культуры в России.

Важно также рассмотреть предложение продукции культуры. При современной ситуации его можно охарактеризовать как в значительной степени неэластичное. Способность производителя к перераспределению ресурсов для того, чтобы реагировать на изменение цены продукта, определяет степень эластичности

предложения. Такое перераспределение в культуре является затруднительным в связи с некоторыми факторами.

Объем предложения в культуре зачастую ограничивается вместимостью зрительных залов, режимом работы культурных организаций, включая время потребления культурного блага в краткосрочном и долгосрочном периоде, которые остаются в целом неизменными факторами, ограничивающими возможности изменения объема предложения. Затруднительно также изменение производственных возможностей, в частности, на отечественном рынке, так как большинство учреждений являются собственностью государства и находятся в зависимости от бюджетной политики чиновников, которые не считают культуру приоритетным направлением. Кроме того, в культуре создаются уникальные товары (картины известных художников, произведения композиторов), предложение которых ограничено.

Соответственно неэластичность предложения культурного продукта и порождает «болезнь издержек», что определяет сферу культуры как совершенно невыгодную с экономической точки зрения. Но в XX веке постепенно начали возникать идеи преодоления этих проблем в культуре.

Прежде всего, стоит выделить становление массовой культуры. В XX веке активно развивались средства массовой информации (радио, телевидение, массовая литература), появились телевизионные шоу, развивалась поп-музыка, тиражировались журналы. Отличительной чертой массовой культуры является коммерциализация, ее продукты часто производились партиями и были сориентированы на вкусы преобладающего большинства. Отношение к массовой культуре среди исследователей XX века было неоднозначным: одни видели в ней «упадок сущности искусства» (Карл Ясперс), а другие отмечали, что все современные формы искусства «входят в трансэстетическую сферу симуляции» (Жан Бодрийяр) [12]. Отзываясь о продуктах массовой культуры, Питирим Сорокин отмечал, что искусство превратилось в товар ради потребителей релаксации, развлечения и удовольствия. Он считал, что божественные ценности искусства умирают во мнении публики, а граница между истинным искусством и обычным развлечением стирается [13]. Массовая культура на сегодняшний день является одним из самых коммерчески выгодных предприятий.

Образцом индустриализации в культуре являются киностудии Голливуда, где с развитием кинематографа начало происходить серийное производство культурных товаров. Работа в голливудских проектах сравнима с работой на сложно структурированном предприятии, где заняты тысячи людей из самых разных сфер деятельности, начиная с декораторов и заканчивая социологами. Фильмы выпускаются десятками ежемесячно, а их успех просчитывается заранее сотнями опытных маркетологов и социологов, которые проводят детальный анализ запросов аудитории и осуществляют рекламную кампанию будущего фильма.

Для Голливуда также свойственна система производства звезд, которые изготавливаются и сходят со ступеней в нужных количествах. Звезды являются важным элементом экономики культуры, который обуславливается не только

факторами предложения (звезда «создается» продюсерами), но и факторами спроса (у зрителей есть потребность в кумирах) [7].

И массовая культура, и киноиндустрия Голливуда расцвели в середине XX века, уже изначально ориентируясь на коммерциализацию творчества. Сложнее ситуация обстоит с видами исполнительских искусств, имеющими многовековую историю и неспособными мгновенно адаптироваться к изменениям. Однако в сфере театрально-музыкального искусства также были разработаны способы преодоления «болезни издержек».

В противовес массовой культуре рок-культура возникла как контркультурное явление, последователей которого определяла ярко выраженная индивидуальность, стремление к переменам, дух протеста. Характерная для нее рок-музыка стала популярным стилем в 60-х годах – во времена вьетнамской войны, студенческих и народных волнений, наряду с усилением репрессивных действий со стороны государства, с появлением движения хиппи и существенным подъёмом политической и общественной активности на Западе. В это время происходит коренной перелом в музыкальной культуре: публика требовала появления жесткости в звучании музыки и свободы в текстах песен.

Рок-музыка распространялась стремительными темпами и постепенно проникла в театр, что повлекло за собой новый синтез музыкального и драматического искусств, зарождение нового театрального жанра – рок-оперы. Рок-опера – это музыкально-сценическое произведение, имеющее сюжетную линию и использующее преимущественно рок-музыку. Наряду с мюзиклом она является одним из наиболее известных и востребованных театральных жанров второй половины XX – начала XXI века. Рок-опера подразумевает как музыкальное сюжетное произведение, так и театрализованное по его мотивам.

В значительной степени рок-опера вовсе не была поражена «болезнью издержек». Рассмотрим детальнее те средства, которые позволили достичь нужного иммунитета.

Поскольку рок-опера не всегда подвергалась театрализации, многие альбомы с расположенными в порядке сюжета песнями записывались на грампластинки, а впоследствии – на CD-диски, поэтому они были пригодны для массового тиражирования (альбомы группы «The Who», «Queen», «Augeon») – главного средства массовой культуры. Так рок-опера становилась эластичным продуктом – потребитель мог посетить спектакль в театре, а мог приобрести пластинку с записью любимой группы и прослушивать ее в любое время. Второй вариант явным образом упрощает работу всей рабочей группы проекта, позволяет зарабатывать не только посредством живых представлений, но и с помощью производства и распространения товаров массового потребления. Такой вид популяризации рок-оперы эффективен и на сегодняшний день, с появлением сети Интернет эластичность рок-оперы выросла еще сильнее.

Еще одним фактором профилактики преодоления «болезни издержек» в рок-опере является специфическое музыкальное сопровождение театральных постановок. Для классических театральных жанров во время спектакля всегда

привлекался сложный оркестр со множеством инструментов и, следовательно, с увеличенным числом необходимых работников-музыкантов. Поскольку в рок-опере роль оркестра исполняет рок-группа, стандартный состав которой включает не более 6-7 человек, это позволяет примерно на порядок сократить объем средств, расходуемых на обеспечение полноценного оркестра.

В отличие от привычных музыкальных групп, рок-музыканты используют электронные инструменты (электрогитара, синтезатор, бас-гитара), которые значительно упрощают им работу, изменяют звучание, усиливают громкость. Если ранее для достижения нужного музыкального эффекта использовали многие инструменты, привлекали большее количество музыкантов, то с электронной музыкой эта задача значительно упростилась. С активным развитием инструментов электронной музыки появилась возможность добавлять звучание посредством синтезатора, создавать полноценные произведения, минимизируя затраты.

«Болельщик издержек» купируется в отношении рок-опер также резким увеличением вместимости зрителей на исполнительских площадках. Многие рок-группы стали практиковать выступления на открытых площадках, что позволяло собрать большее количество зрителей, извлечь максимальную прибыль. Такой подход к выступлению являлся также удачным маркетинговым ходом: ведь услышать рок-оперу могли зрители не только с приобретенными билетами – звук был открыт и распространялся на километры. В результатеросло число фанатов рок-группы.

Активное развитие техники в рассматриваемый период также отразилось на рок-опере. Если ранее для классических театральных жанров использовали сложные декорации, которые требовали физического труда работников и значительных материальных затрат, то теперь наблюдалось активное использование мультимедийного оборудования, в частности – проекции. На экран проецируется видео или слайд-шоу, которое дополняет и украшает театральное представление, а также позволяет увеличить количество используемых сюжетом представления локаций, освободить сценическое пространство от избытка декораций. Этот механизм нельзя полностью приписать только рок-опере, так как он присущ практически всему театральному искусству конца XX – начала XXI века. Синтез кино и театрального искусства во многом упростил задачи постановщиков. Помимо этого в театре активно начали использовать компьютерные программы, автоматизированные декорации, рации связи постановочной группы и др.

Но не подлежит упрощению работа артистов, которые по-прежнему работают, как и сотни лет назад – их труд нельзя заменить машинным. С развитием звуковой аппаратуры произошло усиление сценического звука, что отчасти облегчило сценическую речь артистам. Но энергия и эмоции, передаваемые ими зрителю, творческая работа постановочной группы, написание партитур и высокий художественный уровень – суть те факторы, которые придают произведению искусства истинную ценность, определяют его уникальность и неповторимость, что не может быть шаблонным в принципе. Этот фактор препятствует полному

излечению «болезни издержек» и определяет важное место искусства в современном мире.

Механизмы преодоления «болезни издержек» можно отследить на примере рок-оперы «The Wall» (с англ. – стена) британской группы Pink Floyd, альбом которой был выпущен в 1979 году. Рок-опера поднимает проблемы отчуждения и самоизоляции. По ее мотивам группой был организован большой гастрольный тур со сложными театрализованными постановками – «The Wall Tour» (1980-1981). Для выступлений были выбраны спортивные арены, выставочные комплексы и другие здания, вмещающие максимальное количество зрителей, что уже способствует увеличению прибыли. Из декораций была использована лишь большая стена с небольшими проемами, через которые можно было проследивать театральное действие. На стену проецировали насыщенный видеоряд, что упрощает работу декораторов в рок-опере, но вместе с тем производит необходимый эффект на зрителя. «The Wall» является одним из самых коммерчески успешных альбомов 1980 года, он занял верхнюю строчку нескольких чартов, в том числе «Billboard»; к 1999 году в США было продано свыше 23 миллионов копий альбома, благодаря чему «The Wall» вошёл в тройку самых продаваемых альбомов в США. Журнал «Rolling Stone» поместил эту запись на 87-е место в своём списке «500 величайших альбомов всех времён». Соответственно, данная рок-опера является прибыльным и успешным проектом и практически не поражена «болезнью издержек».

Подводя итоги исследования, отметим, что «болезнь издержек» в исполнительских искусствах по-прежнему существует. Художественная деятельность зачастую является экономически невыгодной, и наиболее ярко это отражается в исполнительских искусствах, где невозможно автоматизировать или заменить человеческий труд, в особенности – талант. Авторы термина «болезни издержек» – У. Баумоль и У. Боуэн – создали работу, результаты которой актуальны до сих пор, а ситуацию с издержками по-прежнему не удастся преодолеть. Однако есть жанры, которые разрабатывают механизмы решения данной проблемы, и одним из них является именно рок-опера. Она зародилась под воздействием популярной во второй половине XX века рок-музыки, и именно это позволило ей преодолеть некоторые проблемы экономики культуры. Такими средствами преодоления являются: тиражирование и запись рок-опер; музыкальное сопровождение спектаклей и использование электронных музыкальных инструментов; неограниченность зрителей рок-оперы; использование мультимедийного оборудования. Итак, объединение классического исполнительского искусства и элементов массовой культуры отчасти позволило преодолеть «болезнь издержек» в театральном искусстве.

Очевидно, что «болезнь издержек» представляет собой проблему только с экономической стороны, с культурологических позиций она вообще не является болезнью. Полное виртуальное излечение «болезни издержек» в искусстве невозможно, оно приведет к обесцениванию его как такового. Скорее, «болезнь издержек» является характерным критерием высокой художественной культуры. Чтобы достичь необходимого результата (признания работы произведением

искусства), необходимо понести определенные траты, которые в искусстве заключаются именно в применении человеческого труда, как физического, так и умственного. Других путей существования для исполнительских искусств просто нет.

Список литературы

1. Scitovsky T. & Scitovsky A. What price economic progress // The Yale Review. – 1959. – № 49. – pp. 95-110.
2. Trosbi D. Cultural capital // Journal of Cultural Economics. – 1999. – № 23. – pp. 3–12.
3. Besharov G. The Outbreak of the Cost Disease: Baumol and Bowen's Founding of Cultural Economics // History of Political Economy. – 2005. – № 37 (3). – pp. 412–430.
4. Бурдые П. Формы капитала / М.С. Добрякова; пер. с фр. – URL: www/situation.ru/app/j_art_752. (Дата обращения: 17.04.2018).
5. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 445 с.
6. Гуренко Е. Г. Проблемы художественной интерпретации / Е. Г. Гуренко. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 3.
7. Лукша П. Экономика культуры – штрихи к науке нового века // «Неприкосновенный запас». – 2003. – № 6 (32). URL: <http://magazines.russ.ru/ns/2003/6/19.html> (Дата обращения: 05.04.2018).
8. Besharov G. The Outbreak of Cost Disease / Proceedings of «The Case for Public Support of the Arts», Conference. October, 2003.
9. Абанкина И. В. Исследование «болезни издержек» в российском высшем образовании // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 4-5. – С. 52-65.
10. Рубинштейн А. Я. «Болезнь Баумоля» в сфере культуры: опыт эконометрического исследования // Электронный журнал «Художественная культура. Art & Culture». – 2012. – № 1 (2). URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-1/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/601.html> (Дата обращения: 06.04.2018).
11. Рубинштейн А. Я. Тенденции и закономерности потребления услуг организаций исполнительских искусств // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – № 2 (14). – С. 158–164.
12. Ясперс К. Призрак толпы / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.
13. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. / П. А. Сорокин – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

Prazdnova O.S. Prevention and Successive the Rapy of "Cost Disease" in Rock Opera // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 190-199.

In the context of this study, mechanisms for the prevention of the "cost disease" in the performing arts (theatrical and musical) are exemplified by the example of the rock opera genre, the methods of successful therapy are indicated, based on which the thesis that the "cost disease" is only an economic problem and this is not a culturological position.

With the emergence and establishment of economic theories of the twentieth century, actively developing entrepreneurship and technological progress, economists of the period under consideration touched the sphere of culture, which led to the emergence of the concept of "cost disease" as a characteristic problem of cultural organizations. This term, introduced by American economists W. Baumol and W. Bowen, quickly gained popularity and found application in other fields of knowledge – diagnosed "disease" in occupations requiring physical labor, in education, in culture and art, including in performing arts.

An important aspect is the fact that the authors of the theory consider this problem from the economic point of view, excluding the cultural value of this phenomenon. "Cost disease" in the performing arts are partly overcome, but complete cure will lead to the depreciation of art in principle, loss of its unique features.

Key words: "cost disease", economic of culture, performing arts, rock opera, industrialization of culture.

References

1. Scitovsky T. & Scitovsky A. What Price Economic Progress. The Yale Review, 1959, № 49, pp. 95-110.
2. Trosbi D. Cultural Capital. Journal of Cultural Economics, 1999, № 23, pp. 3-12.
3. Besharov G. The Outbreak of the Cost Disease: Baumol and Bowen's Founding of Cultural Economics. History of Political Economy, 2005, № 37 (3), pp. 412-430.
4. Burd'e P. Formy kapitala [Forms of capital]. URL: www/situation.ru/app/j_art_752. (Accessed: 17 April 2018).
5. Frolov I. T. Filosofskii Slovar' [Philosophical Dictionary]. Moscow, Politizdat, 1981, 445 p.
6. Gurenko E.G. Problemy Khudozhestvennoi Interpretatsii [Problems of Artistic Culture], Novosibirsk, Nauka, 1982, p. 3
7. Luksha P. Ekonomika Kul'tury – Shtrikhi k Nauke Novogo Veka [Economics of Culture Strokes of the New Century] Zhurnal «Neprikosnovennyi Zapas» [Journal «Emergency Ration»], 2003, № 6 (32). URL: <http://magazines.russ.ru/ns/2003/6/19.html> (Accessed: 5 April 2018).
8. Besharov G. The Outbreak of Cost Disease. Proceedings of «The Case for Public Support of the Arts», Conference. October, 2003.
9. Abankina I. V. Issledovanie «Bolezni Izderzhkek» v Rossiiskom Vysshem Obrazovanii [The Study of Costs Disease in Russian Education] Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University management practice and analysis], 2014, № 4-5, P. 52-65.
10. Rubinshtein A.Ya. «Bolezn' Baumolya» v Sfere Kul'tury: Opyt Ekonometricheskogo Issledovaniya [“Baumol's Disease” in the Field of Culture: the Experience of Economic Research] Elektronnyi zhurnal «Khudozhestvennaya kul'tura. Art & Culture» [Electronic Magazine «Artistic culture. Art & Culture»], 2012, № 1 (2). URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-1/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/601.html> (Accessed: 6 April 2018).
11. Rubinshtein A. Ya. Tendentsii Zakonomernosti Potrebleniya Uslug Organizatsii Ispolnitel'skikh Iskusstv [Trends and Patterns of Consumption of Services for the Organization of Performing Arts] Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 2012, № 2 (14), P. 158-164.
12. Yaspers K. Bodriy Zh. Prizrak Tolpy [Ghost Crowd], Moscow, Algoritm, 2007, 272 p.
13. Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. [Human. Civilization. Society], Moscow, Politizdat, 1992, 543 p.

УДК 1:81

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПТА “ТРУД” (НА МАТЕРИАЛАХ ЛЕКСЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

E-mail: slyusarevvladimir@gmail.com (Слюсарев В.В.)

E-mail: timur@husyainov.ru (Хусяинов Т.М.)

Статья посвящена философскому осмыслению культурно-антропологического значения концепта «труд» на основе этимологического анализа лексем русского, болгарского, польского и украинского языков. Цель работы – выявить характерные семантические свойства лексем концепта в языке и их влияния на отношение носителей языка к труду. В статье проведено рассмотрение историко-культурологических особенностей фиксации концепта в виде лексем в указанных языках, на основании которого авторы постарались подчеркнуть ряд важных аспектов. Во-первых, проявляется явная взаимосвязь условий труда, конкретной культурно-исторической ситуацией и формой фиксации концепта в языке (особенно хорошо это видно на примере украинского языка). Во-вторых, показана взаимосвязь лексемы «труд» с формами деятельности, связанными, как правило, с физическим трудом и не требующими выхода за рамки ограниченной области. В-третьих, показана и обоснована важность языковой фиксации концепта «труд» в омонимичной лексеме в современных глобализационно-технократических условиях, которые стремятся к отказу от телесности и естественной формы существования человека. В заключении, авторы делают вывод о необходимости изменений данной лексемы, оставляя за обществом и читателем выбор, в каком направлении будет развиваться человеческая духовность, цивилизация и культура.

Ключевые слова: труд, концептосфера, концепт; славянские языки, лексемы, культурно-антропологический анализ.

Проблема трудовой деятельности является одной из фундаментальных в развитии и функционировании человеческого общества. Хотим мы того или нет, но на протяжении своей истории для обеспечения нормального существования человек вынужден совершать целесообразные и сознательные действия, направленные на удовлетворение потребностей как самого индивида, так и общества, в которое он включен. Важность влияния явления труда на процессы как жизнедеятельности, так и, собственно, генезиса человека многократно подчеркивалось исследователями, как например, в работе Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», где было продемонстрировано безусловное значение трудовой деятельности для человека. При этом оппозиционное мнение, сводящее к нулю

важность и влияние данного явления для существования человека, отыскать если и возможно, то крайне проблематично.

Однако, современные тенденции развития общества, особенно в наиболее развитых (в экономической сфере) странах, свидетельствуют об обратном – фактические данные говорят о том, что роль труда в его народном, протосемантическом значении (как в первую очередь физической деятельности), постепенно снижается. Все больший акцент в данных обществах делается не на производство тех или иных благ, а на удовлетворение потребностей – потребление. Повышения эффективности трудовой деятельности, развитие трудосберегающих технологий и снижение доли физического труда в пользу интеллектуального, а также самой необходимости участия человека и затраты им сил непосредственно в производстве, в результате приводит к фактическому «избавлению» человека от труда в быденном, «живом» смысле. Наиболее развитые экономики мира (так называемые постиндустриальные), по всей видимости, вплотную подошли к концу, к максимуму постиндустриальной формации и готовятся выйти уже и из нее. Они стремятся к так называемой, четвертой технологической революции, которая позволит «освободить» человека от труда, что в результате может привести, к так называемой «смерти труда»[1] – к его концу как традиционной форме деятельности, связанной с выполнением физической работы и выраженной в качестве лексемы в языке.

Но тогда самое время вспомнить, какую роль играл труд в истории человечества? Является ли он неким атрибутивным свойством *Homo Sapiens* как такового, о чем писал Энгельс? Да и что, собственно, мы имеем в виду, обращаясь в нашей речи к слову “труд”? Какой герменевтический процесс происходит в результате нашего восприятия данной лексемы? Какова ее семантика? Какой смысл субъект, находящийся в рамках русской языковой картины мира, вкладывает в понятие “труд”?

В ходе данного рассмотрения, мы предлагаем обратиться к важности исторической и культурологической контекстуальности в процессе формирования и становления языка. Определить взаимозависимость культурно-исторического контекста и процесса формирования представлений об определенных концептах и их проявление в конкретных лексемах. В фокус нашего исследования попала трудовая деятельность, которая сопровождала человечество на протяжении всей его истории. В частности, в рамках данного исследования мы предлагаем сфокусироваться на концепте “труд” и тех лексемах, которые фиксируют его в русском, болгарском, польском и украинском языках. Это позволит нам определить культурно-исторические смыслы и, по возможности, актуализировать представление о труде с учетом происходящих социокультурных трансформаций.

На протяжении веков понятие «труд» и те значения, которые в него вкладывались, претерпевали изменения, трансформируясь вместе с самой трудовой деятельностью человека. Так, труд античного раба заметно отличался от труда средневековых ремесленников и их подмастерьев, и естественно имел мало общего с трудом в индустриальную эпоху или информационного общества. Эти различия выражались как в особенностях трудовых отношений и отчуждаемости результатов

труда, в отношении к труду со стороны разных социальных слоев, так и в самом процессе трудовой деятельности, тех технологиях, которые использовались при работе и т.д. Все это естественно накладывало заметный отпечаток на само понимание труда как деятельности в определенный период и у определенной социальной группы.

Исходя из сказанного выше, представляется вполне очевидным, что в различных языках, используемых в различных культурных группах, по необходимости, должна присутствовать определенная лингвистическая проекция явления труда. Обозначим данный мыслительный образ, предшествующий речевому отображению, как концепт «труд».

Хотя понятие концепта относительно новое в философии, в нашем случае оно кажется подходящим для выявления связи между изменениями языка и характера труда, так как обладает объяснительной силой. Как показал Ю.С. Степанов, соотнося концепт и культурный мир человека, «концепты существуют в ментальном мире не в виде четких понятий, а как некий пучок представлений <...> концепты не только мыслятся, они переживаются» [2]. Концепты, образуя целую систему, формируют концептосферу, которая и представляет совокупность культурных смыслов, а понимание концептосферы определенной группой позволяет выявить как ключевые понятия из ее жизни в разные периоды истории, так и несущественные. В широком смысле, в число концептов включаются лексемы, значение которых составляет содержание национальной языковой картины мира. Так как язык является характерным выражением культурных ценностей его носителей, то и исследование каких-либо концептов через него наиболее оправданно.

Очевидно, что концепт «труд» будет различен как по форме, так и по коннотациям, оттенкам смысла в различных языках. Для выявления характерных семантических свойств этого концепта, мы обращаемся к анализу данного концепта в структуре индоевропейской языковой семьи. Прежде всего – к форме лексемы и приведем несколько примеров из европейских языков – наиболее близких к латыни, как «центральной оси». Так в английском языке труд – это *work* (работа, труд, произведение, дело, дела) или *labor* (труд, работа, роды, рабочее, усилие). В немецком – *das Werk* (дело, детище, труд, работа, произведение, сочинение), *das Berufsleben* (трудовая деятельность, труд)[3]. Во французском – *le travail* (работа, труд, служба, дело, занятие, произведение) или *l'oeuvre* (дело, создание, труд, произведение).

Можно заметить, что лексемы, используемые в данных языках, имеют различные семантические связи с теми или иными проявлениями труда, обусловленные своим особым этимологическим и культурологическим этногенезисом. Однако, хотя данные языки и относятся к общей индоевропейской языковой семье, культурологически и лингвистически они довольно далеки как от русской речи, так и друг от друга, чем и обосновывается их полифоническое звучание и семантическая разнородность. Каждое из них восходит своими корнями к разным лексемам, различных эпох. Так, различия между *Work* и *Labor* заключается в том, что лексема *Labor*, будучи заимствованной из

древнефранцузского, где означала тяжелый труд, утомительную работу, страдание, в то время как *Work* – это лексема восходит к древнеанглийским *Weorc, Worc*, что означало выполнение чего-либо, действие или поступок; таким образом, лексема *Work* обозначает деятельность стороны личности и поле осознанной деятельности [4]. Таки образом, мы можем видеть, что культурологический процесс формирования концепта “труд” в данных языках различается как между собой, что во многом связано с культурогенезом каждой отдельной языковой группы, почему древнефранцузское слово *Labor* и стало более употребимым в современном английском языке.

Дабы рассмотреть подобные процессы и определить взаимосвязи культурно-исторического контекста и становления представлений об определенных концептах в русском языке, мы предпринимаем попытку сравнительного анализа лексем в славянских языках.

Для поиска более близких к русскому языку (и восприятию) лексем, обратимся к славянской группе языков балто-славянской ветви. Так, в сербском языке труд – рад (труд, работа), как и в близком по подгруппе хорватском – *rad* (работа, труд). В западнославянской подгруппе – это польское *praca* (труд, работа) и чешское *práce* (опять же – труд, работа). Похожая лексема используется и в части восточноевропейских языков. Так в белорусском труд – праца, в украинском – праця. Тем обособление выглядит в данном ряду русская лексема труд, которая созвучна юго-восточной подгруппе. Так, в македонском – это трудот, а в болгарском и вовсе омонимичное – труд. Следует отметить, что лексемы в данном случае довольно близки как по своему морфологическому составу (фактически сводимому до трех общих для группы корней – рад, труд, прац), так и по семантике – отсутствует столь характерная для германо-романской ветви смысловая полифония. Так или иначе, но трансляции во всех языках группы обозначают труд, работу, выполнение какой-то деятельности. При этом важно отметить, что исходный праславянский язык не представлял собой монолитную систему, включая в себя различные диалектные зоны, которые в дальнейшем стали основанием языковой дифференциации народностей [5].

Обозначив ряд корней, проявляющихся в сходную семантическое трансляцию концепта “труд”, обратимся к их этимологии. В частности, корень “рад” (“*rad*”) представлен в во всей группе языков – русское *ра́да, ра́до*, украинское *ра́дий, рад*, белорусское *рад*, древнерусское, старославянское *радъ*, болгарское *рад*, сербохорватское *рад, рада, радо* «охотный», словенское *rād, rāda* «рад, охотный», чешское *rád* – то же, словацкое *rád*, польское, верхнелужицкое, нижнелужицкое *rad*. Предполагают родство с англосаксонским *rót* «радостный, благородный», древнеисландским *rótask* «проясняться, веселеть», англосаксонским *rótu* «радость» [6]. Также, возможно, однокоренное русское *ра́да* «совет», южное, западное, украинское, белорусское *ра́да* «совет, помощь», древнерусское *рада* «совет», «советник». Заимствовано через польское *rada* – то же, чешское *rada* из средневерхненемецкого *rat* «совет». Вероятно происходит от немецкого *Rat* «совет», далее от прагерманской формы **rād (*raedanan)*, от которой в числе прочего произошли: древневерхненемецкое *rāt*, немецкое *Rat*, древнеанглийское *ræd*,

нидерландское *gaad*, английское *rede*. Прагерманское **gād* восходит к праиндоевропейскому **gei* – «рассуждать, считать» [7]. Последняя трансляция представляется наиболее вероятной, так как, в смысловом значении, близка к выполнению определенной коллективной деятельности, требующей согласованности, что вновь отсылает нас к Ф. Энгельсу, полагавшему речь в качестве производной от необходимости согласованных действий, или, в широком смысле – труда.

Корень праца «труд, работа, занятие», южное, западное, украинское праця, белорусское праца. Заимствование через польское *praca* из чешского *práce*, среднесловацкое *práca*, древнепольское *prosa*, верхнелужицкое *prósa*, нижнелужицкое *prosa*. Реконструируют праславянское **portia*, сближаемое с сербохорватским *pratiti* «сопровождать», словенским *prátiti* – то же, *prátiti se* «собираться в путь». Украинское праця, белорусское праца, заимствованные через польское *praca* из чешского *práce* при древнепольское *prosa* вызывают некоторые дополнительные общие замечания в связи с одним из видов генезиса лексем «работа, труд, дело». Реконструируемое на основании приведенных слов праславянских диалектов **portja*, несомненно, родственно сербохорватскому *pratiti* «посылать», болгарскому – *prátja* «послать» (праславянскому **portiti*). Констатируемая семантическая эволюция «посылать» > «работа, дело» представлена также в сербохорватском языке – *pòsao*, родительный падеж посла «дело, работа» <**posъlъ*;, русское послать [7]. Таким образом, корень “праца” семантически представляется, как некая процессуальность, (по)следовательность, совокупность целенаправленных действий, что сходно с семантическим значением корня “рад”. Также, следует отметить и омонимическое сходство с русских праща – метательным оружием сходного принципа действия (посылать снаряды).

Перейдем к последнему из выделенных корней – “труд”. В русском родительном падеже труда; трудный, трудиться, украинское труд, древнерусское трудъ «труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь», старославянское троудъ, болгарское труд, сербохорватское труд, , польское, словенское, чешское и словацкое *trud* родственно литовскому *triūsas* «работа, хлопоты», *triūsti*, *triūsiù* «хлопотать», латышскому *trauds* «хрупкий», средневерхненемецкому *droz* «тяжесть, тягота, досада», готскому *us-þriutan* «отягощать», древнеисландскому *Þraut* «испытание, беда, искушение», латинскому *trūdō*, *trudere* «толкать, теснить», ирландскому *trot* «спор» (**trudno-*), *troscaim* «пощусь» (**trudskō*), албанскому *treth* «обрезаю» (**treudō*) [6]. Также, индоевропейское – *tr-eu-d* “мять, жать, давить, щемить”, общеславянское – *trudъ*, *trudit* (тяжелая ноша, досада, печаль), древнерусское – трудъ (работа, трудность, беспокойство, забота, страдание, скорбь, болезнь, горе) [7]. Таким образом, исходя из представленного выше этимологического рассмотрения корня труд мы можем заключить, что семантически оно ближе не к процессуальности или коллективной согласованности, а, скорее, к тяжелой, до(над)садной, подчас, болезненной деятельности. Опираясь на латинское и индоевропейское – деятельности, связанной с тяжелым физическим трудом – “переталкиванием”, “перемалыванием”, “размягчением”.

Исходя из представленного этимологического рассмотрения, можно заключить определенное отличие между корнями “рад” и “прац” и корнем “труд”. Так первые для корня исходят преимущественно из социального характера труда, его общественной пользы, полезности, благодности, процессуальности. Коннотативные оттенки, скорее положительны. Протосемантическое значение исходит из труда, как организованного целенаправленного движения, посылы. Подобная деятельность направлена в большей мере на достижение результата, и результат ожидается положительный. В то же время, корень “труд” базируется в большей степени на трудностях, связанных с достижением этого общественного блага. Процессуальность, если и предполагается, то не носит определяющего характера. Протосемантические “следы” указывают нам на тяготы, лишения, болезни и подчеркивает конкретность и однозначность решаемых задач. В определенной степени – дает нацеленность на результат, но результат с негативной коннотативной оценкой, результат – как избавление от тягот, а не преддверие праздности.

Следует сделать небольшое отступление. В частности, в структуре украинского языка наличествует употребление одновременно двух корней со сходным семантическим значением. Так и праця, и труд в украинском языке являются лингвистически верным употреблением для обозначения деятельности. При этом существует определенная коннотативная разница в словоупотреблении. Как отмечают исследователи украинское слово праця традиционно обозначает физические усилия, так в «прототипической» ситуации – это труд хлебороба [8]. Несмотря на то, что в современном языке подобные связи ослабляются, однако лексема сохраняет на себе прежние контексты, это по-прежнему деятельность человека; совокупность целенаправленных действий, требующих физической или умственной энергии и ведущих к созданию материальных и духовных ценностей [9]. В то же время, лексема труд, в соответствии с Толковым словарем украинского языка носит следующий смысл: упорный и усердный труд, труд требующий большой затраты физической или умственной энергии [10]. Данное замечание лишь подчеркивает характер выводов, следующих из этимологического рассмотрения.

Представленное этимологическое рассмотрение дало нам возможность выявить определенные контрастные семантические оттенки для трактовки концепта “труд” в славянской группе языков. В частности, в тех из них, где употребляются корни “рад” и “праца” – коннотация концепта “труд” скорее положительна. В то же время, корень “труд”, напротив, связан скорее с отрицательным оттенком смысла, что выражается в словообразовании, например “трудно” или “трудности”, что содержат в своей семантике элементы значения лексемы «труд», т.е. «требует большого труда, усилий, напряжения» [11]. Подобное отношение как к лексеме “труд”, так и к лексемам “праца” и “рад”, несомненно связано с теми событиями которые претерпело конкретное общество. Иными словами, историко-семантический выбор лексемы для лингвистического выражения концепта “труд” обуславливался тем конкретный социально-культурологическим контекстом, в условиях которого происходил генезис обособленных языков.

Как уже было отмечено нами ранее, в большинстве языков славянской группы, для обозначения концепта “труд” были выбраны лексемы, имеющие, в целом, положительную этимологическую коннотативность. При этом русский и болгарский (и близкий к нему македонский) языки скорее выглядят исключением из общего ряда. По нашему мнению, подобная обособленность обуславливается теми сложностями, с которыми пришлось столкнуться нашим культурным группам в своем развитии, и которых избежали их более благополучные в культурно-историческом отношении соседи.

Болгария, как независимое государство, перестала существовать в конце XIV века, так как была завоевана Османской империей. В 1396-м году вероятно после битвы при Никополе, на тот момент уже вассальная Болгария была полностью аннексирована турками. Период с 1396 года и вплоть до 1878 (восстановление Болгарией независимости в результате Берлинского конгресса) в болгарской истории известен как период турецкого ига. В результате данного ига, уже к концу XV века турецкая феодальная система и религиозные различия усугубили положение крестьян, низведя его, фактически, до положения раба. Разумеется, ухудшились условия труда - турецкая государственная машина была нацелена на максимально возможную эксплуатацию своих новых подданных “второго сорта”. Вероятно, в этот период и произошла лингвистическая фиксация концепта “труд” в форме лексемы труд. Рассмотрение македонской лексемы трудот, по нашему мнению, можно не проводить, так как, в целом, данный регион пережил похожий на болгарский культурно-исторический процесс.

В российской истории также прослеживаются черты характерной эксплуатации крестьян, одно по иным причинам. Подобно болгарскому этносу, русский этнос пережил период завоевания и последующего ига (татаро-монгольское иго). Однако, данный процесс происходил значительно раньше и оказал, по-видимому, лишь косвенное влияние на формирование лексемы. Вероятнее всего, процесс консолидации Московским княжеством русских земель, устранение удельных княжеств, а также перманентное противостояние с соседями в XV – нач. XVI вв. сыграли гораздо большую роль в этом отношении, так как потребовали консолидации сил, осуществить которую власть не имела возможности без эксплуатации крестьянского сословия. Также, не следует забывать, что наша страна находится в самой неблагоприятной климатической части ареала расселения этносов славянской группы языков, что, безусловно, осложняло крестьянский труд даже без административного давления. Таким образом, можно сделать вывод, что в русском языке фиксация концепта “труд” именно в форме лексемы труд, также во многом связана с ухудшением статуса (планомерное распространение Крепостного права со времен Ивана Великого до царствования Алексея Михайловича) и условий жизни крестьян.

В то время, например, Польша или Речь Посполитая набирала мощь и становилась наиболее успешным государством Восточной Европы, не подвергавшимся столь крупным нашествиям ни с востока, ни с запада, ее население избежало внешнего угнетения. В тоже время, на территории Польши отсутствовало столь зависимое положение крестьян, как сформированное в России Крепостным

правом. Лишь кризис середины XVII века изменил это положение, когда война с Россией и Швецией, народные восстания Косинского и Наливайко, а также экономический спад, вызвали серьезный политический кризис и ослабили страну. Однако, по всей видимости, стадия становления польского языка уже была пройдена, что и обусловило фиксацию концепта “труд” в более положительной и позитивной лексеме праца (праца). В то время как схожая с русско-болгарской по корню лексема *trud* означает заботы и усилия, а не вид человеческой деятельности нацеленный на создание какой-либо материальной или интеллектуальной продукции, что подтверждает истинность наших рассуждений.

Несколько обособленной, а вернее будет сказать – гибридной, выглядит ситуация с украинским языком. Поскольку украинский этнос вплоть до 1917 года был лишен собственной государственности (за исключением недолгого периода Гетманщины), то процесс формирования его языка был одновременно включен как в российский, так и в польский с постепенным изменением степени их влияния, в зависимости от вхождения в состав того или иного государства или сферу его влияния. Как уже было отмечено нами ранее, в украинском языке для обозначения концепта “труд” существуют две исследуемые лексемы – праця и труд, но с ярко выраженным семантическим характером. По всей видимости, на определенном этапе приоритетным в использовании была про-польская лексема праця, однако, с ростом влияния Московского государства на территориях проживания украинцев, а, вместе с тем и ужесточения института крепостничества, все большее употребление приобретала про-русская лексема труд. Таким образом, украинский язык, (как и белорусский, насколько мы можем судить), сохранил в себе билингвизм, параллельно избавив себя от многоуровневой дифференциации одной лексемы для позитивной и негативной коннотаций концепта “труд”.

Следует, также сделать определенное замечание. Безусловно, что в большинстве языков независимо от этимологического содержания лексемы, несмотря на изложенные выше выводы, присутствует как положительная, так и отрицательная коннотация концепта “труд”. Подобное противоречие смыслов, при наличии всего одной лексемы (что характерно для большинства славянских языков) требует ее многоуровневой дифференциации. Как, например, отметила Л.В. Басова, концепт «труд» в русском языке является многоуровневым, на базовом уровне он представлен такими признаками, как «усилие», «напряжение» и «физическое мучение», в то время как на другом - когнитивном отражается его развитие [12]. Позитивное же значение лексемы труд несомненно связано в первую очередь с нравственной ценностью данной деятельности, которая формируется под воздействием Христианской морали. Однако и здесь “Труд” нередко ассоциируется с тяжелой работой, усердием и мучением [13], а сам труд как явление возникает в жизни человека связи с его изгнанием из Рая в результате грехопадения, а не с момента сотворения человека. Более того, существует образ мира без труда – Эдемский сад, где нет необходимости заботиться о чем-либо. Поэтому труд, несмотря на свою необходимость, имеет значение наказания.

Таким образом, в ходе данного рассмотрения, нами была представлена важность исторической и культурологической контекстуальности в процессе

формирования и становления язык; взаимозависимость культурно-исторического контекста и формирования представлений об определенных концептах и их проявление в лексемах. Можно утверждать, что, как минимум на уровне народной, историко-культурологической памяти, в русской языковой системе лексема “труд” ассоциируется с тяжелыми, упорными и выматывающими действиями. Труд, в лингвистической памяти русского народа, – это непрерывное тяготение, преодоление сложностей и невзгод, преодоление кропотливое и, как правило, безропотное.

В контексте происходящих изменений в современном обществе, сокращение сфер деятельности, где необходимо участие человека, возникает угроза нового кризиса, как экономического, так и социального, культурологического, антропоного. Для его предупреждения, требуется, как минимум, сменить семантические акценты в русской фиксации концепта “труд”. Труд не перестает быть тяжелым, но из физической перемещается в иные сферы – коммуникативную, виртуальную, информационную. Вне зависимости от того, с какой коннотацией мы встречаем грядущие изменения, нам необходимо трансформировать форму фиксации концепта “труд” в социокультурном сознании. Как именно? Очевидно, что сообразно с нашими целями. Если мы хотим идти по пути безоглядного прогресса – в форме трансформации его в некую технокреативность. Но если же, напротив, мы хотим сохранить хотя бы часть своего культурного багажа и богатства, а, вместе с тем, и самих себя, то трансформировать таким образом, чтобы возникала потребность в сохранении важности труда человека для человека. Не столько как способа получить материальную пользу, сколько для удовлетворения его социальных, гуманитарных, антропологических потребностей, основой для чего может выступить такое направление как экология труда. И если выбор подходящих лексем – это, в сущности, выбор истории, культуры и, в конце концов, самой нашей жизни, то выбор пути – он, хочется верить, остается за нами. Пока остается...

Список литературы

1. Беляева Е.В. Нравственные ценности эпохи постмодерна / Е.В. Беляева // *Философия и социальные науки*. – 2010. – №1. – С. 60-64.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 2001. – 990 с.
3. Щадрукова А.Н. Концепт «Труд» в немецкой и русской языковых картинах мира: На материале пословиц русского и немецкого языков / А.Н.Щадрукова, М.А. Широкова, Н.А. Крупнова// *Культура и образование*. – 2014. – № 5(9). – С. 27. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/05/1785> (дата обращения: 03.03.2017).
4. Попова Е.С. Актуализация концепта Work в различных типах дискурса: Автореф. ... канд. филолог. наук / Попова Екатерина Сергеевна. – М., 2010. – 23 с. URL: <http://www.avtoref.mgou.ru/ar/ar510.pdf> (дата обращения: 02.06.2016).
5. Курбачева О.В. Язык как социокультурный фактор этногенеза восточных славян / О.В. Курбачева // *Философия. Политика. культура: Материалы школы молодого философа*. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 126-133.
6. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*/ М. Фасмер / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. В 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Том 3. – 832 с.
7. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* / М. Фасмер / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. В 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Том 4. – 864 с.

8. Радзиевская Т.В. Представление о труде по данным украинского языка, или о концептах «праця» и «робота» / Т.В. Радзиевская // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М., Наука, 2004. – С. 632-639.
9. Білодід І.К. Словник української мови / І.К.Білодід, А.А.Бурячок та ін. В 11 томах. Том 7. – Київ: Наукова думка, 1976. – 723 с.
10. Білодід І.К. Словник української мови / І.К.Білодід, А.А.Бурячок та ін. В 11 томах. Том 10. – Київ: Наукова думка, 1979. – 658 с.
11. Басова Л.В. Словообразовательный потенциал лексем, представляющих концепт «Труд» (по данным словообразовательного словаря) / Л.В. Басова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2006. – № 4. – С.207-212.
12. Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Басова Лариса Валерьевна. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. – 19 с.
13. Олейникова Т.С. Краткий церковнославянский словарь / Т.С. Олейникова. – М.: ЛОДЪЯ, 2006.

Slusarev V.V., Husainov T.M. Cultural and Anthropological Significance of the Concept «Labor» (on the Basis of the Lexemes of the Slavic Languages) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 200-210.

The article is devoted to the philosophical interpretation of the cultural and anthropological significance of the concept of "labor" on the basis of the etymological analysis of the lexemes of Russian, Bulgarian, Polish and Ukrainian languages. The aim of the work is to reveal the characteristic semantic properties of the lexemes of the concept in the language and show their influence on the attitude of native speakers to phenomenon of labor. The article considers the historical and cultural peculiarities of fixing the concept in the form of lexemes in the indicated languages, on the basis of which the authors tried to emphasize some important aspects. At first, there is a clear interconnection of working conditions, a specific cultural and historical situation and the form of fixation of the concept in the language (this is especially true in the Ukrainian language). Secondly, the association between the token "labor" and the forms of activity associated, as a rule, with physical labor and not requiring to go beyond the limited area. At third, the importance of linguistic fixation of the concept of "labor" in the homonymous lexeme (in Russian language) in modern globalization and technocratic conditions that seek to abandon corporality and the natural form of human existence is shown and justified. In conclusion, the authors conclude that it is necessary to change this lexeme, leaving behind the society and the reader the choice in which direction human spirituality, civilization and culture will develop.

Keywords: labor, conceptsphere, concept; Slavic languages, lexemes, cultural and anthropological analysis.

References

1. Belyaeva E.V. Nравstvennye tsennosti epokhi postmoderna [Moral Values of the Postmodern Epoch]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [The Journal of Philosophy and Social Sciences], 2010, № 1, p. 60-64.
2. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, 2001, 990 p.
3. Shchadrukova A.N., Shirokova M.A., Krupnova N.A. Kontsept «Trud» v nemetskoj i russkoj yazykovykh kartinakh mira: Na materiale poslovits russkogo i nemetskogo yazykov [The concept of «Work» in German and Russian language pictures of the world: On the Proverbs of Russian and German Languages]. *Kul'tura i obrazovanie* [Culture and Education], 2014, № 5(9), p. 27. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/05/1785> (Accessed: 03.03.2017).
4. Popova E.S. Aktualizatsiya kontsepta Work v razlichnykh tipakh diskursa [Actualization of the concept Work in different types of discourse]. Extended abstract of candidate's thesis, Moscow, 23 p. URL: <http://www.avtoref.mgou.ru/ar/ar510.pdf> (Accessed: 02.06.2016).
5. Kurbacheva O.V. Yazyk kak sotsiokul'turnyi faktor etnogeneza vostochnykh slavyan [Language as a socio-cultural factor of ethnogenesis of the Eastern Slavs]. *Filosofiya. Politika. kul'tura: Materialy shkoly molodogo filosofa* [Philosophy. Policy. Culture: Materials of the school of the young philosopher], Moscow: Progress-Traditsiya, 2010, p. 126-133.

6. Vasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Progress, 1987, Vol. 3, 832 p.
7. Vasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Progress, 1987, Vol. 4, 864 p.
8. Radzievskaya T.V. Predstavlenie o trude po dannym ukrainskogo yazyka, ili o kontseptakh «pratsya» i «roboota» [The notion of labor according to the Ukrainian language, or about the concepts of «pratzya» and «roboota»]. Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura [Secret meanings: the Word. Text. Culture]. Moscow, Nauka, 2004, p. 632-639.
9. Bilodid I.K., Buryachok A.A. Dictionnaire Ukrainian Language. Kiiv, Naukova dumka, 1976, Vol 7, 723 p.
10. Bilodid I.K., Buryachok A.A. Dictionnaire Ukrainian Language. Kiiv, Naukova dumka, 1976, Vol 10, 658 p.
11. Basova L.V. Slovoobrazovatel'nyi potentsial leksem, predstavlyayushchikh kontsept «Trud» (po dannym slovoobrazovatel'nogo slovary) [The word-building potential of lexemes, representing the concept of "Work" (according to the word-building vocabulary)]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya [Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research], 2006, № 4, p. 207-212.
12. Basova L.V. Kontsept TRUD v russkom yazyke (na materiale poslovits i pogovorok) [Concept LABOR in the Russian language (based on proverbs and sayings)]. Extended abstract of candidate's thesis, Tyumen, 2004, 19 p.
13. Oleinikova T.S. Kratkii tserkovnoslavyanskii slovar' [A Brief Church Slavonic Dictionary]. Moscow, LODYa, 2006.

УДК 908+930.25(470+292.471)

**КРАЕВЕДЫ РОССИИ И АРХИВЫ.
К 100-ЛЕТИЮ ДЕКРЕТА СНК РСФСР ОБ АРХИВНОМ ДЕЛЕ
ОТ 1 ИЮНЯ 1918 Г.**

Филимонов С.Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: *filimonov.47@list.ru*

1 июня 1918 г. Советом Народных Комиссаров РСФСР был утвержден и подписан В. И. Лениным декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Декрет этот стал первым в истории Отечества законодательным актом, специально посвященным архивному делу. Этим документом были заложены основы советского архивного строительства. Однако, если деятельность советских государственных архивных учреждений по спасению и сохранению документальных памятников нашла достаточно полное отражение в многочисленных статьях, монографиях и учебных пособиях по истории архивного дела, то деятельность краеведческих организаций в этом направлении оставалась до недавнего времени малоизвестной. В предлагаемой вниманию читателей статье характеризуются причины, размах, формы и направленность мощного краеведческого движения, развернувшегося в России в первые послереволюционные годы. Подчеркивается роль краеведческих организаций как в непосредственном спасении и сохранении документальных памятников и создании архивов, так и в пропаганде и популяризации архивного дела, что для страны массовой безграмотности, какой была в тот период Россия, имело исключительно важное значение. Особое внимание уделено деятельности старейшей и авторитетнейшей в Крыму историко-краеведческой организации – Таврической ученой архивной комиссии, существовавшей в 1887–1923 гг., в 1923 г. преобразованной в Таврическое общество истории, археологии и этнографии, работавшее до 1931 г., когда краеведческое движение в СССР было разгромлено. Раскрывается роль в развитии архивного дела в Крыму таких выдающихся ученых-историков, профессоров и преподавателей Таврического университета, как Г. В. Вернадский, Б. Д. Греков, А. И. Маркевич.

Ключевые слова: Россия, краеведческое движение, Крым, Таврическая ученая архивная комиссия, Таврическое общество истории, археологии и этнографии, архивное дело, документальные памятники, Г. В. Вернадский, Б. Д. Греков, А. И. Маркевич.

В России в первые послереволюционные годы необходимость спасения и сохранения многочисленных и разнообразных памятников истории и культуры вызвала к жизни мощное краеведческое движение, организаторами и активнейшими участниками которого были, главным образом, представители старой, дореволюционной интеллигенции. В результате с 1917 г. по 1927 г. количество краеведческих организаций (обществ, кружков, музеев и других объединений краеведов) возросло более, чем в 10 раз – со 155 до 1688 [1, с. 306]. С 1922 г. функционировал руководящий орган российских краеведов – Центральное бюро

краеведения (ЦБК), издававшее журналы «Краеведение» (1923–1929), «Известия Центрального бюро краеведения» (1925–1929). Публикуемые на страницах этих печатных органов документы и материалы во многом предопределяли характер, направленность, формы и методы деятельности «академий наук на местах», как в 1920-е годы в условиях отсутствия в провинции других научных и культурных учреждений зачастую именовались краеведческие общества и музеи. В стране проводились разномасштабные краеведческие съезды и конференции. Важнейшие вопросы развития краеведения решались на 1–4 краеведческих конференциях РСФСР и СССР (Москва, 1921, 1924, 1927, 1930 гг.) [2, с. 17–18].

На 1 – 3 краеведческих конференциях РСФСР и СССР, в периодике ЦБК перед краеведческим движением в качестве важнейших ставились задачи спасения и сохранения всех разнообразных памятников истории и культуры, в том числе документальных [3, с. 71–80].

В соответствии с такого рода рекомендациями работы по спасению и сохранению документальных памятников становятся важным направлением деятельности краеведческих организаций. В составе некоторых краеведческих обществ были образованы даже специальные исторические секции, а в составе краеведческих музеев – исторические архивы или рукописные отделы [4].

Особые заслуги в деле спасения документальных памятников принадлежали крупным краеведческим обществам, возникшим еще в дореволюционное время и имевшим к 1917 г. уже значительный опыт архивной работы. Так, в Крыму старейшей и авторитетнейшей краеведческой организацией была Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК), существовавшая в 1887–1923 гг., в 1923 г. преобразованная в Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), работавшее до 1931 г. Состав ТУАК – ТОИАЭ насчитывал до 300 человек. Среди них – весь цвет крымской многонациональной интеллигенции, видные общественные деятели Крыма, представители духовенства, а также крымоведы из других регионов страны. Бессменным председателем ТУАК – ТОИАЭ в 1908–1930 гг. был выдающийся ученый-краевед и организатор науки Арсений Иванович Маркевич (1855–1942), за заслуги перед крымоведением в 1927 г. избранный в член-корреспонденты Академии наук СССР.

В 1887–1919 гг. спасением и сохранением документальных памятников в Крыму занималась лишь исключительно ТУАК, имевшая в своем составе в качестве структурного подразделения постоянно пополнявшийся Исторический архив. С установлением в Крыму в апреле 1919 г. советской власти председатель ТУАК А. И. Маркевич и товарищ (заместитель) председателя ТУАК профессор Таврического университета Б. Д. Греков, опираясь на декреты СНК РСФСР об архивном деле, подали в Комиссариат народного просвещения Крымской ССР заявление о необходимости обратить внимание на состояние архивов Крыма. Профессор Б. Д. Греков предложил проект устройства в Симферополе Таврического центрального архива. 22 мая 1919 г. Наркомпрос Крымской ССР постановил учредить в Симферополе Центральный архив. Заведующим архивом стал Б. Д. Греков, а научными сотрудниками – члены ТУАК и одновременно преподаватели истории Таврического университета профессор Г. В. Вернадский, доцент А. И. Маркевич и

приват-доцент Н. Л. Эрнст [5, с. 28–31; 6, с. 3–17]. Примечательно, что деятельность ТУАК по спасению памятников истории и культуры, определенным итогом которой стало создание как Центрального архива, так и Центрального музея Тавриды, была отмечена почетным членом ТУАК академиком В. И. Вернадским. В опубликованной в 1921 г. статье «О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг.» В. И. Вернадский писал: «Музей и архив находятся еще в стадии созидания и их будущее не ясно. Однако они сейчас имеют значение уже потому, что спасают много научно ценного, что гибнет при междоусобной войне. Кажется, все крупные архивы учреждений – общественных и государственных – Крыма спасены в этом новом архиве» [7, с. 6].

Энергичная деятельность краеведческих организаций по непосредственному спасению документальных памятников сопровождалась столь же энергичной пропагандой бережного к ним отношения, что для развития архивного дела в стране массовой безграмотности имело исключительно важное значение.

В деле пропаганды охраны памятников краеведческие организации использовали разнообразные формы и методы. Во-первых, важной формой пропаганды бережного отношения к памятникам служили воззвания и обращения к населению. Как указывал А. И. Маркевич, в связи с февральской революцией 1917 г. Таврическая ученая архивная комиссия, «исполняя свой долг... обратилась в местной прессе с воззванием к населению Тавриды о бережном отношении к памятникам истории Родины, как монументальным и вещественным, так и письменным, в частности, архивным, как важнейшим историческим ценностям, а вместе с тем обращалась с ходатайствами к властям о принятии мер к охране архивов в городах и селениях» [8, с. 204].

Изучению и популяризации документальных памятников и пропаганде архивного дела способствовали заседания краеведческих обществ. На этих заседаниях, всегда открытых и потому обычно многочисленных, заслушивались и обсуждались многочисленные доклады и сообщения о научной и практической значимости как отдельных документов, так и их комплексов, о мерах по их выявлению, собиранию, охране и использованию. Так, из 1048 докладов и сообщений, заслушанных на заседаниях ТУАК – ТОИАЭ в 1887–1931 гг., 88 относились к теме «Архивы и архивное дело» [9, с. 47–84, 100–101].

Важной формой пропаганды бережного отношения к документальным памятникам являлась провинциальная периодическая и непериодическая печать. По нашим подсчетам, в 1917–1931 гг. 151 краеведческая организация России имела свои издания [10, с. 35–40]. Эти издания, помимо информационных материалов о деятельности краеведческих организаций по выявлению, собиранию, охране и использованию памятников, содержали статьи и заметки о научной и практической ценности документов, об истории и организации архивного дела в регионах, об очередных его задачах. Об этом свидетельствуют и издания ТУАК – ТОИАЭ: вышедшие в 1887–1920 гг. 57 выпусков «Известий» ТУАК, оставшееся малоизвестным «Приложение к № 57 Известий Таврической ученой архивной комиссии» [Симферополь, 1920] («Приложение» не учтено даже в специальном библиографическом указателе, посвященном «Известиям» ТУАК – ТОИАЭ [11]), а

также изданные в 1927–1931 гг. 4 выпуска «Известий» ТОИАЭ. Как сообщает вышеупомянутый библиографический указатель, на страницах «Известий» ТУАК – ТОИАЭ теме «Архивы, архивное дело» было посвящено 12 публикаций [11, с. 151].

Важная роль в пропаганде и популяризации архивного дела принадлежала и региональным краеведческим съездам, и конференциям, которых в 1920-е годы состоялось в России более 100. На многих из них заслушивались доклады о большом научном и практическом значении документальных памятников и принимались резолюции о необходимости всемерной их охраны [10, с. 46–51]. Что касается Крыма, то на 20–23 сентября 1925 г. был намечен Первый Крымский краеведческий съезд. Съезд не состоялся. Но сохранилась программа съезда, содержащая перечень предполагавшихся докладов, к сожалению, без указаний фамилий докладчиков. Из программы явствует, что на съезде предполагался доклад «Содержание крымских архивов и их значение для истории Крыма» [10, с. 50]; следует согласиться с предположением одного из биографов А. И. Маркевича о том, что только этим выдающимся знатоком крымских архивов и крымской истории мог быть заявлен доклад такой тематики [12, с. 178].

Необходимо подчеркнуть, что если после декрета СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. деятельность краеведческих организаций была направлена в помощь советским архивным учреждениям, то до 1 июня 1918 г. краеведческие общества и музеи являлись зачастую единственными в провинции организациями, занимавшимися спасением архивов. Не случайно на состоявшемся 11 июня 1919 г. съезде губернских уполномоченных Главного управления архивным делом (этот съезд фактически был первым съездом архивных деятелей РСФСР), по словам одного высокопоставленного советского архивного чиновника, «проскользнула мысль о том, что спасением от гибели архивов на местах занимались главным образом члены ученых архивных комиссий и других научных и культурных учреждений дореволюционной России» [13, с. 60]. Справедливость «проскользнувшей мысли» подтверждают многочисленные источники, в том числе и свидетельство одного из самых авторитетных краеведов России 1920-х годов В. П. Бирюкова, который в «Очерках краеведческой работы» писал: «Большую услугу по спасению архивов оказывали местные краеведные учреждения (музеи и др.) и организации в лице обществ по изучению края. Они, невзирая на пожар революции, зачастую весьма ревностно спасали если не все, то хотя самые главные и ценные листки великой государственной памятной книги» [14, с. 18].

В 1929–1931 гг. краеведческое движение в СССР было разгромлено [15, с. 119–120]. С тех пор в архивоведческой литературе роль краеведческого движения 1917–1929 гг. долгое время либо замалчивалась, либо принижалась, а нередко и извращалась. Роль же эта, как мы убедились, исключительно велика.

Список литературы

1. Святский Д. Проникает ли краеведение в массы? (К 10-летию Октябрьской революции) // Краеведение. – 1927. – Т. 4. – № 3. – С. 306–308.
2. Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917– 1929 гг.) / С. Б. Филимонов; под ред. С. О. Шмидта. – М., 1989. – 178 с.
3. Филимонов С. Б. Вопросы архивного дела в материалах руководящих краеведческих органов РСФСР и СССР 1920-х – середины 1930-х годов // Историография и источниковедение архивного дела в СССР: Межвуз. сб. – М., 1984. – С. 71–80.
4. Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. – 2-е изд. – Л., 1927. – 205 с.
5. Филимонов С. Б. Д. Греков – заведующий Крымцентрархивом // Советские архивы. – 1978. – № 3. – С. 28–31.
6. Андросов С. А. Крымские архивы и власть: история отношений на фоне социальных потрясений (1917–1920 гг.) // XVIII Таврические научные чтения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы отечественной истории: к 100-летию революционных событий 1917 года в России». – Симферополь, 2017. – С. 3–17.
7. Вернадский В. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники. – 1921. – № 4. – С. 3–12.
8. Филимонов С. Б. Документальные материалы Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии 1920–1931 гг. // Археографический ежегодник за 1982 год. – М., 1983. – С. 203–208.
9. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). – Изд. 2-е, перераб. и доп. / С. Б. Филимонов. – Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004. – 316 с.
10. Филимонов С. Б. Краеведческие организации европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / С. Б. Филимонов; под ред. С. О. Шмидта. – М., 1991. – 209 с.
11. Вісті Таврійської вченої архівної комісії і Таврійського товариства історії, археології та етнографії (1887–1931): Бібліографічний покажчик / Укладач Л. Шаріпова. – Київ, 1994. – 162 с.
12. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – 430 с.
13. Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.) / В. В. Максаков. – М.: Наука, 1969. – 431 с.
14. Бирюков В. П. Очерки краеведческой работы // Шадринское научное хранилище. – Шадринск, 1924. – № 1. – С. 16–32.
15. Филимонов С. Б. Революция и социально-политические контексты краеведения в России (1917–1931 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – Симферополь, 2017. – Т. 3 (69). – № 3. – С. 114–123.

Filimonov S.B. Local Russian Historians and Archives. To the Anniversary of the CPC RSFSR on the Archives of June 1, 1918 // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 211–217.

100 years ago, on June 1, 1918, the Council of People's Commissars of the RSFSR approved and signed the decree "On the reorganization and centralization of archival affairs in the RSFSR" by V.I. Lenin. This decree was the first legislative act in the history of the Fatherland specifically dedicated to the archives. This document laid the foundation of Soviet archival construction. However, if the activity of the Soviet state archival institutions for saving and preserving documentary monuments has been fully reflected in numerous articles, monographs and textbooks on the history of archives, the activity of local lore organizations in this direction remained until recently little-known. In the present article the reasons, scope, shape and direction of a powerful local history movement that unfolded in Russia in the first post-revolutionary years are described. It emphasizes the role of local history organizations in the direct rescue and preservation of documentary monuments and the creation of archives, as well as in the propagation and popularization of the archive file, that for the country of mass illiteracy, which was at that time Russia, was of great importance. Particular attention is paid to the activities of the oldest and most prestigious historical and regional organization in the

Crimea – the Tavrichesky Academic Archive Commission, which existed in 1887-1923. In 1923 it was transformed into the Taurian Society of History, Archeology and Ethnography, which operated until 1931, when the local lore movement in the USSR was crushed. Information on the participation in the development of archive business in the Crimea of such outstanding academic historians, professors and teachers of the Taurida University as G.V. Vernadsky, B.D. Grekov, A.I. Markevich.

The purpose of the article is to reveal the role of the regional studies movement in the development of archive business in Russia in the first post-revolutionary years.

Keywords: Russia, local lore movement, Crimea, Tavrichesky scientific archival commission, Taurian society of history, archeology and ethnography, archives, documentary monuments, G.V. Vernadsky, B.D. Grekov, A.I. Markevich.

References

1. Svyatskij D. Pronikaet li kraevedenie v massy? (K 10-letiyu Oktyabr'skoj revolyucii) [Does the Study of Regional Studies Penetrate the Masses? (To the 10th Anniversary of the October Revolution)]. Kraevedenie [Local Studies]. 1927, Vol. 4, no. 3, pp. 306-308.
2. Filimonov S. B. Kraevedenie i dokumental'nye pamyatniki (1917– 1929 gg.) [Local History and Documentary Monuments (1917-99)]. Ed. S.S. Schmidt. Moscow, 1989, 178 p.
3. Filimonov S. B. Voprosy arhivnogo dela v materialah rukovodyashchih kraevedcheskih organov RSFSR i SSSR 1920-h – serediny 1930-h godov [Questions of archival affairs in the materials of the leading local lore authorities of the RSFSR and the USSR in the 1920s and the mid-1930s]. Istoriografiya i istochnikovedenie arhivnogo dela v SSSR: Mezhevuz. sb. [Historiography and Source Study of Archive Business in the USSR: Interuniversity Compilation]. Moscow, 1984, pp. 71-80.
4. Kraevednye uchrezhdeniya SSSR. Spisok obshchestv i kruzhkov po izucheniyu mestnogo kraja, muzeev i drugih kraevednyh organizacij [Local Lore Institutions of the USSR. List of Societies and Circles for Studying the Local Land, Museums and Other Local Organizations]. 2nd ed. Leningrad, 1927, 205 p.
5. Filimonov S. B. B. D. Grekov – zaveduyushchij Krymcentrarhivom [B.D. Grekov – the Head of the Crimean Central Archive]. Sovetskie arhivy [Soviet Archives]. 1978, no. 3, pp. 28–31.
6. Androsov S. A. Krymskie arhivy i vlast': istoriya otnoshenij na fone social'nyh potryasenij (1917–1920 gg.) [Crimean Archives and Power: the History of Relations Against the Background of Social Upheavals (1917–1920)]. XVIII Tavricheskie nauchnye chteniya: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy otechestvennoj istorii: k 100-letiyu revolyucionnyh sobytij 1917 goda v Rossii» [Tauride XVIII Scientific Conference: Proceedings of the All-Russian Scientific-practical Conference "Actual Problems of Russian History: the 100th Anniversary of the Revolutionary Events of 1917 in Russia"]. Simferopol, 2017.
7. Vernadskij V. O nauchnoj rabote v Krymu v 1917–1921 gg. [About Scientific Work in the Crimea in 1917–1921]. Nauka i ee rabotniki [Science and its Workers], 1921, no.4, pp. 3–12.
8. Filimonov S. B. Dokumental'nye materialy Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii i Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i ehtnografii 1920–1931 gg. [Documentary materials of the Taurida Academic Archive Commission and the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography 1920–1931] Arheograficheskij ezhegodnik za 1982 god [Archaeographic Yearbook for 1982]. Moscow, 1983, pp. 203–208.
9. Filimonov S. B. Hraniteli istoricheskoy pamyati Kryma: o nasledii Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii i Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i ehtnografii (1887–1931 gg.) [The Keepers of the Historical Memory of the Crimea: the Legacy of the Tauric Academic Archive Commission and the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography (1887–1931)]. Simferopol, ChernomorPRESS, 2004, 316 p.
10. Filimonov S. B. Kraevedcheskie organizacii evropejskoj Rossii i dokumental'nye pamyatniki (1917–1929 gg.) [Local History Organizations of European Russia and Documentary Monuments (1917-1929)]. Ed. S.S. Schmidt. Moscow, 1991, 209 p.
11. Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii i Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i ehtnografii (1887–1931): Bibliograficheskij ukazatel' [Proceedings of the Taurida Academic Archive

- Commission and the Taurida Society of History, Archeology and Ethnography (1887–1931): Bibliographic Index]. L. Sharipova compiler. Kiev, 1994, 162 p.
12. Nepomnyashchij A. A. Arsenij Markevich: Stranicy istorii krymskogo kraevedeniya [Arseny Markevich: Pages of the History of Crimean Local Lore]. Simferopol, Bizness-Inform, 2005, 430 p.
 13. Maksakov V. V. Istoriya i organizaciya arhivnogo dela v SSSR (1917–1945 gg.) [History and Organization of Archive Business in the USSR (1917–1945)]. Moscow, Nauka, 1969, 431 p.
 14. Biryukov V. P. Ocherki kraevedcheskoj raboty [Sketches of Local History Work]. Shadrinskoe nauchnoe hranilishche [Shadrinsky scientific storehouse]. Shadrinsk, 1924, no. 1, pp. 16–32.
 15. Filimonov S. B. Revolyuciya i social'no-politicheskie konteksty kraevedeniya v Rossii (1917–1931gg.) [Revolution and Socio-Political Contexts of Regional Studies in Russia (1917–1931)]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology]. 2017, Vol. 3 (69), no. 3, pp. 114–123.

УДК 008: 39

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ЛИТОВСКОЙ ДИАСПОРЫ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ

Шахов В.А.

Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Российская Федерация.

E-mail: shakhov1952@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы культурной идентичности литовцев – жителей Калининградской области. Раскрыта специфика этнокультурного взаимодействия этой немалочисленной диаспоры с титульной нацией пограничного литовского государства в динамике и статике со всеми вытекающими последствиями культурного, геополитического и экономического характера. Автор подчеркивает значение в поликультурном регионе приоритетных функции культуры, направленных на гармонизацию отношений между отдельными странами на основе обмена сведениями о об их культурной идентичности на условиях открытого и доверительного взаимодействия и культурного обмена традиционными ценностями. По мнению автора, перед литовцами Калининградского эксклава стоит проблема выбора между полной социализацией в российском социуме с сохранением и развитием своих национально-культурных традиций или окончательного исхода в страны Евросоюза, что может привести к потере их культурно-национальной идентичности в «море» его культурного пространства, подверженного масштабной глобализации.

Ключевые слова: литовская диаспора, этнокультура, идентичность, Юго-Восточная Балтия, этничность, национальные традиции, ментальность.

Значительную роль в развитии культуры в многонациональном российском регионе Юго-Восточной Балтии (Калининградская область) играет литовская диаспора. До распада СССР объективных данных о ней не публиковалось. Весомая часть национального меньшинства этнических литовцев, проживающих на территории Калининградской области, – это выходцы из соседнего независимого литовского государства, и они сохраняют живые связи со своими родственниками в Литве. Более того, многие из них считают себя в определенной степени частью народа Литвы, практически ее гражданами. Это отнюдь не означает, что надо считать их антигосударственным, непатриотичным позиционированием в российском социуме. Ведь в современном мире практически не осталось культур, в которых над универсальным аспектом преобладает локальный, и наоборот. Сегодня в любой культуре обнаруживаются обе позиции. Мировая динамика культуры накладывает серьезный отпечаток на культурную самобытность локальных сообществ. Но что касается Литвы, то возникающие проблемы не связаны, в большинстве своем, с разной ментальностью наших народов – ибо трудно найти

более совпадающие системы культуры и мышления народов разных этнических групп, чем у восточных славян и литовцев.

Современный масштабный мировой общественный кризис ознаменовался ломкой и трансформацией прежних идентификационных основ, поиском и выстраиванием новых моделей самовосприятия. Эти явления, как правило, протекают весьма болезненно. Многие проблемы являются рудиментами «холодной войны».

После приобретения Литвой государственной независимости этнополитические решения не стали чрезвычайно жесткими, но латентный этнический конфликт присутствует. Под влиянием внутренних или внешних политических процессов он проявляется в умеренных формах. И все же, важно констатировать, что процессы, происходящие в русской диаспоре стран Балтии, наносят свой отпечаток на всю совокупность отношений России с государствами Балтийского моря, более того, со всей Европой.

В статистических исследованиях СССР официальные термины были весьма неоднозначны с позиций этнологии, например: «использование в качестве родного языка язык другой национальности» (имелся в виду русский) вместо – «язык семейного общения». Это отражало не реальное языковое поведение, а представление о нем, сложившееся в сфере государственного управления. С началом перестройки фрустрирующие факторы стали снижаться. А затем основным поведенческим мотивом членов диаспор стал национальный дух. Языки нацменьшинств стали не столько этническими идентификаторами, сколько национальными символами, приобрели социальное и политическое значение.

Этническая идентичность имеет в своей основе такие грани, как: общность культуры, религиозные традиции и практики, язык, одинаковое понимание течения истории и общей исторической родины, а также правила взаимоотношений, приоритетов и целей. В случае с калининградским анклавом на значение этнического фактора влияет близость национальной границы титульной нации, причем для этнических литовцев она абсолютно прозрачна. Надо признать, что значительная часть населения Литвы полагает желательным и возможным передел границ с присоединением Калининградской области [1, с. 21].

Этническая деятельность реализует потребности общины в самовыражении и самореализации, выделяет своих лидеров, результативно использующих тонкости политтехнологий. Нарботанные методы политической социализации могут адаптировать многонациональное и многоконфессиональное население Юго-Восточной Балтии к реалиям жизни в демократическом обществе. Эти методы включают в себя многолетнюю латентную стадию неополитического научения (подготовка общественного мнения, осознание экономических и личностных преимуществ новой формы государственности) и стадию прямой политической социализации. Одной из первых выполненных задач будет осознание и литовцами, и славянами, что понятие государствообразующей нации, как и национального меньшинства, – не демографическое, а политическое, осуществляемое госаппаратом, партиями или движениями.

Более ламинарный механизм социально-политического воздействия присущ горизонтальной политической социализации, реализующейся при перманентном выборе из широкого числа конкурирующих между собой на добровольной и равной основе образов мира и моделей поведения. К этому ряду агентов относятся культурные факторы, в т. ч. этнокультурные и субкультурные [2, с. 279–310]. Национальная идентичность – это когда человек отождествляет себя с определенными культурными моделями и социальными отношениями. Процессы ассимиляции и диссимиляции в диаспоре мало коррелируются со степенью знания языка, воцерковленности и состояния литовского духа. Зато экономическое воздействие на диаспору может оказаться необычайно эффективным. В орбиту национальной жизни ныне вовлекаются ранее, казалось бы, полностью ассимилированные семьи, каковыми являются потомки ссыльных во времена польских восстаний. Национальные проблемы, как свои, начала воспринимать не только интеллигенция, но и низшие слои населения, даже смешанные семьи. Для всех групп диаспоры возможна отрицательная динамика отношений со страной пребывания, далекая от лояльности. А влияние структурных российских национальных организаций на литовскую диаспору незначительно. Большую роль могли бы сыграть представители властных и общественных структур государства.

Возрождение связей с нашей национальной культурой для литовцев, проживающих в Калининградском регионе, экономически более чем оправдано. А знание литовского языка было бы полезно для всех жителей приграничной полосы. Наша творческая интеллигенция имеет возможность знакомиться с зарубежными, в том числе и литовскими, публикациями, выставками, концертной и театральной деятельностью. Научно-педагогическая интеллигенция, даже в низших социальных стратах, также получает преференции, пусть и мелкие, например, приглашения читать лекции, причем не только в университетах, но и в средних школах, участвовать в конференциях, подключаться к живым проектам в метрополии.

Ментальность диаспоры в целом может становиться активно враждебной, и как следствие – усиление ксенофобии россиян, не только по национальности, но и по вере. Ассимиляционные процессы при этом замедляются, а этническая консолидация, напротив, усилится, возрастет роль религии как культурно-политической константы. Особо надо учитывать вероятность этнической мобилизации литовского национального меньшинства при любых неопределенностях в статусе Калининградской области, притеснениях католической церкви, а также при снижении жизненного уровня жителей области.

Как бы то ни было, отнюдь нельзя говорить о полной идентичности диаспоры «российских литовцев» и жителей Литвы. В результате избирательной деятельности этнического менталитета происходит этническая регионализация. Будучи полисистемным образованием, этнический менталитет способен соподчинять националистические символы-мотивации с региональной и мировой средой. Носитель этнического менталитета способен отойти от позиции национальной исключительности на позицию универсализма, быть гражданином полиэтнического или внеэтнического образования. Поэтому необходимо перейти от эпизодического анализа к перманентной «управленческой экспертизе», учитывающей текущие

результаты и предсказывающей результаты любых вмешательств в этнические процессы, вычленять скрытые этнические тревоги, свидетельствующие об утрате перспективы этнической ментальности. Понимание национального характера как системы установок, ценностей и верований – это поле исследований, где можно наглядно увидеть внутринациональную схожесть индивидов и межнациональные различия. В крайнем пределе это приводит к позиции, что для понимания духа народа достаточно понять мировоззрения его элиты: для русской души – это Толстой и Достоевский, для литовской диаспоры – признание абсолютной ценности всего корпуса национальной истории и непоколебимая вера в святость законов и обычаев св. Римско-католической церкви. Последнее не означает ни особую начитанность русских, ни глубокую религиозность или исторические познания литовцев, особенно членов диаспоры.

Это вызывает вопрос о соотношении различных культурных традиций – культуры храмов и школ и крестьянской общины. Толщина первого слоя, в первую очередь литературного, подлежит исследованию, в то время как кино и другие визуальные искусства (живопись, TV) с позиций этнокультуры вообще ничего не отражают. Адекватно можно описать культуру только с позиций носителя и увидеть очевидные для него смыслы различных ее элементов. При этом надо понимать и различие взглядов культур храмов и школ и крестьянской общины. В целом этот подход, хоть и убедительно демонстрирует наличие ценностных межэтнических различий, не дает оснований для построения концептуальной базы объяснения происхождения и сущности этих различий, т.е. в большей степени является инструментом социологического описания. Тем не менее, даже беглый анализ литовской диаспоры Калининградской области показывает, что истинных носителей культуры храмов и школ среди них абсолютное меньшинство.

Потеря этносом своей центральной культурной темы всегда связана с сокращением в социуме числа лиц с традиционным культурным сознанием, или, по меньшей степени, их исключением из внутриэтнических коммуникаций, что в высшей степени соответствует ситуации в литовской диаспоре. Это ведет к деструкции традиционного социума, к резкому росту числа аутсайдеров, причем из числа интеллектуальной и культурной элиты. Попытки таких этнокультурных маргиналов привить новое этническое сознание, как правило, безуспешно, ибо проявляется защитный механизм традиционного социума: информация, противоречащая содержанию традиционного сознания, просто не воспринимается. Внутри культурных систем, в том числе и диаспор, возникают особые социально-культурные комплексы культурных автономий, живущих по своим представлениям о культуре [3, с. 33–46].

Для диаспор важно явление культурного дрифта – перенесение ядерного герменевтического круга на объекты большого круга, когда материально-технические феномены становятся подлинной традицией. Так, литовцы, проживающие в России, переносят из Литвы элементы архитектуры, интерьера, стиль жизни – например, две машины на семью или предпочтение жить в коттеджах. Немаловажно, что, несмотря на все исторические перипетии, литовцы в Калининградской области сохраняют свою этнокультурную идентичность с

литовским населением соседней Литвы, соблюдают преемственность традиций. В той же мере литовский народ, католический в своем большинстве, высоко ценит вклад своей церкви в сохранение и обогащение общенародных ценностей. Современные региональные культуры эклектичны – они представляют собой сложную мозаичную картину соседствующих, но не всегда взаимодействующих субкультур. Реально, в Калининградской области складывается особый, комплиментарный тип культуры, который позволяет каждой субкультуре как неотъемлемой части целого развиваться самостоятельно, т.е. региональная культура выступает консолидирующим фактором для регионального сообщества [4].

Анализируя ментальность литовцев, проживающих в калининградском регионе, легко выделить три основные группы. Первая – людей, полностью идентифицирующих себя литовцами, живущими на территории другого государства, истинная диаспора. Вторая – полностью ассимилированные – воспитывают детей вне национального языка и этнокультуры. Переходная группа – люди, пользующиеся литовским языком на уровне семейного, как правило, деформированного, но сохранившие стремление восполнить утраченную этнокультуру. Последняя группа, как правило, сохраняет связь с католической церковью.

Процентный состав групп практически неизвестен. Прежде всего, нет общепринятых критериев раздела. Ригористические националистические слои в Литве склонны считать ассимилированными всех литовцев, не владеющих свободно языком (включая говорящих с акцентом) и живущих вне узковоспринимаемой “литовскости” – т.е. предъявляют к диаспоре более жесткие требования, чем к жителям самой Литвы. Широкий взгляд признает “сохранившими литовский дух” всех литовцев по самовосприятию, признавая извинительным почти полную утрату языка мигрантами в третьем и более поколениях. Очевидно, что первая позиция неприемлема как изоляционистская и порождающая конфронтационные отношения к склонным к толерантности стратам. Последняя же может быть признана лишь при условии достаточно быстрой регенерации национального самосознания, что предполагает или значительную помощь титульного государства, или появления серьезных экономических причин для изучения национального языка и культуры. Очевидно, что у литовской диаспоры Калининградской области такие мотивы существуют даже в низших социальных стратах.

Без глубокого этнографического анализа мы бы определили долю литовцев в Калининградской области, аутентичных национальному облику, не более чем 20 %. Почти полностью ассимилированных, но литовцев по самоопределению, – примерно в 30 %. Степень денационализации практически половины «калининградских литовцев» весьма велика и включает в себя подстраты лиц: сохранивших большую часть национальной культуры в качестве семейной при утрате литературного языка (или региональных диалектов); владеющих языком на уровне семейного и сохранивших связь с костелом (в этнокультурном, а не в сакральном понимании, т.е. не обязательно выполняющих законы св. церкви в степени, достаточной для ритуальной чистоты); сохранивших национальное самовосприятие и пассивное владение языком при общем интересе к родине

предков. Подчеркнем, что слабое знание литовского языка, или даже полное его незнание, не уничтожают чувства этнического самосознания – язык для таких людей является символом этничности, а не средством коммуникации. Необходимо подчеркнуть, что такие, вроде бы денационализированные, члены диаспоры сохраняют значительный интерес к истории и культуре Литвы (как этнической, так и цивилизационной, включая сакральную), высоко оценивают мировоззренческий и этно-традиционный аспект литовскости [5, с. 96–112].

Модус действия литовцев в России задается их собственными этническими константами. В этносоциальном плане можно различить следующие страты литовской диаспоры:

1. Интеллигенция, выехавшая в Россию до распада СССР с целью большей самореализации. Эти люди, естественно, вживались в русскую среду, но без цели ассимиляции. Развиваясь независимо от культурных процессов в Литве, они все же не отрывались от национальной среды, имея намерения вернуться на родину. Ныне они группируются вокруг консульских служб, костелов, их связи держатся не только на экономической подпитке. С укреплением литовской государственности эйфория времен возрождения независимости проходит, уступая место желанию воспользоваться ее экономическими преимуществами

2. Выходцы из отдаленных районов страны, осевшие по местам ссылки в Сибири (из мусульманских регионов СССР большинство семей ремигрировало сразу после ликвидации запретов). Ассимилируясь культурно, ввиду отсутствия национальной интеллигенции, они сохранили бытовую национальную культуру, но исповедовали даже не антисоветизм, а русофобию. Тем не менее, многие литовцы, достигшие высокого уровня образования, вышли именно из этой среды. Они корреспондировали в Литву русофобию в наиболее агрессивных формах, ибо в самой республике на время распада СССР существовало понимание, что часть репрессий была вызвана условиями военного времени, и осознавалось резкое повышение качества жизни в республике 60-х годов по отношению к раннему послевоенному периоду.

3. Осевшие в ближнем приграничье Литвы невъздные потомки репрессированных, а также потомки литовцев, издавна живущих вне границ современной Литвы. К этой страте относится ныне основная часть «калининградских литовцев». Они принадлежат по большей мере к низким социальным стратам, сохранили литовский язык и культуру как семейные, придерживаются земляческой солидарности, но не склонны к идеологическому национализму, объединению на национальной основе за пределами своего привычного круга. Как правило, после восстановления независимости они не ремигрировали, но усилили национальные семейные традиции и завязали из прагматических соображений контакты с Литвой.

4. Осевшие в больших городах, прежде всего – в Санкт-Петербурге и Москве, потомки репрессированных и экономические мигранты постсталинского периода, относящиеся к более низким социальным стратам. Они в наименьшей степени сохранили литовский язык и культуру и не склонны к объединению на национальной основе. Именно эти литовцы массово выезжали на родину предков

после распада СССР – из романтического восприятия событий развала СССР и в связи с недостаточной адаптированностью к российским условиям. Утратив национальный стержень, они зачастую не приобретали новой ментальности. Национальные чувства таких людей активно поддерживались экономической помощью из Литвы. Ныне эта помощь не представляется значительной, а потому и национализм в этой среде имеет специфический характер: получить гражданство Литвы и мигрировать на Запад.

5. Существуют воспринимающие себя литовцами потомки ссыльных со времен польских восстаний и экономической диаспоры XIX – начала XX века. Они практически ассимилированы, национальная культура сохраняется более как аспект религиозной традиции. Однако полное отсутствие представлений о реальной истории и современной жизни Литвы, при наличии энергичных эмигрантов из нее и из дальнего зарубежья, может подогреть романтические настроения среди молодежи с недружественным антироссийским вектором, опирающейся на ностальгическую семейную традицию и общероссийскую неудовлетворенность современной ситуацией в стране. После распада СССР усилился интерес в молодежной среде, в т. ч. и в организованной, к повышению статуса национальной культуры, восстановлению традиций, переходу на более широкое функционирование литовского языка, вплоть до формирования землячеств и национально-культурных автономий [6, с. 279–280].

Для литовской диаспоры в Калининградской области национальное сосуществование не статичная, а динамическая реальность. Объединение нации всегда связано с каким-то важным предприятием, с замыслом, требующим всеобщего участия и способным воодушевить людей. Только тогда все начнут стараться, будут соблюдать дисциплину и выручать друг друга. При этом надо понимать, что этнос, попавший в опасное положение, сразу же собирает все силы, всю энергию, чтобы как можно скорее отразить угрозу, справиться с какой-то жизненно важной проблемой. Литовская диаспора может оставаться российскими патриотами только при наличии ясной личной перспективы, как минимум, безопасности пребывания на российской земле. Оптимально было бы использовать естественные превенции от двойной ментальности этих наших сограждан.

Миссионеры нашего времени разделяют взгляды св. Адальберта, утверждая, что надо с ухищренностью и великой любовью вжиться в дух и культуру народа, чтобы приобрести сердце его и носить его облик [7, с. 226]. Трюизм, что в любом обществе необходимо сохранять национальные культуры, включая культуру национальных меньшинств, ибо это является основой социального механизма взаимной адаптации этнических общин, является определяющим фактором в интеграционных процессах [8, с. 116–126; 9, с. 139–144].

В полиэтническом и поликонфессиональном регионе приоритетное значение имеют взаимопроникающие функции культуры, ибо гармонизация отношений происходит на основе обмена сведениями о культурной идентичности отдельных страт. То есть, национальные общины приобретут положительное значение, если будут открытыми, а их основой станет социально-культурная деятельность, особенно в части ознакомления славянского населения с культурой других жителей

региона. Если малый народ не имеет сведений о большом – это приводит к ограниченности, но если большой пренебрегает изучением своих малых соседей и сограждан – это путь к агрессивности. Напротив, нельзя забывать о такой значительной исторической миссии российского балтийского региона, как устранение динамического стереотипа русофобии в сопредельных странах, где она нагнетается в последнее десятилетие. Например, даже элитарный журнал польской интеллигенции «Новая Польша», специализирующийся на отражении польской ментальности для интеллигенции русской, из номера в номер публикует нетолерантные материалы. Этому есть объяснения, но нельзя допустить, чтобы ошибки прошлого накладывали свою тень на будущее народов региона Юго-Восточной Балтии.

Выводы. Целью настоящей работы было определение оптимальных этнокультурных методов интеграции подэтнуса литовской диаспоры в гражданское общество российского региона Юго-Восточной Балтии (Калининградской области).

В современных условиях интеграция наших соотечественников литовского происхождения в экономическое, культурное и политическое пространство не только важна для благоприятного протекания всех культурных, социальных и экономических процессов в калининградском локусе, но и сопряжена с высокой степенью неопределенности. Здесь нет явных дестабилизирующих факторов: законодательство отвечает международным стандартам, нет дискриминации национальных общин по этнокультурным и политическим мотивам, нет серьезного уровня бытового национализма у титульного населения. Наравне с этим является сложным выбор этносоциальных технологий стабилизации общественной жизни: латентные дисбалансирующие процессы в инокультурной диаспоре и стабильном российском обществе все равно идут, и нет рецептов прямолинейных решений. Существующий дискомфорт диаспоры является функцией макропроцессов, не направленных непосредственно против литовской общины. В этих условиях приходится использовать симптоматические методы решения национальных проблем, из которых наиболее эффективно и наименее конфликтно приведут к успеху этнокультурные технологии, являющиеся к тому же наиболее дешевыми методами социокультурного планирования общества.

Реализуя задачи, направленные на снижение межнациональной напряженности, можно и нужно опираться на многовековые традиции балтских и славянских народов. Диахроническая вертикальная информация включает в себя передаваемые из поколения в поколение знания по мировоззренческим и поведенческим вопросам, ориентирующим личность на различение добра и зла, судьбы этноса. Особое интеграционное значение для общественного сознания имеют представления о единой истории балтийского региона для всех населяющих его народов. Другим необходимым требованием является способность к межэтническому, межконфессиональному и политическому сотрудничеству, а для национальных меньшинств – и к положительной общественно-психологической оценке жизни в инокультурной среде, при сохранении внутреннего своеобразия этнокультурных групп.

Калининградский регион в рамках этих воззрений является оптимальным полигоном для моделирования интеграционных процессов в Европе. Дабы избежать унификации и минимизации культур, надо найти методы локализации самобытности небольших этносов, находящихся в инокультурном окружении, каковыми и являются представители литовской диаспоры России.

Список литературы

1. Петружис Г. Проблемы интеграции литовской диаспоры в регионе южной Балтии // Калининград – Клайпеда, 2017. – С. 21.
2. Marelman R. M. Revitalizing Political Socialization Political Psychology. – San-Francisco, 1986. – p. 279-310.
3. Шейнис В. Национальные интересы и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 4. – С. 33–46.
4. Докучаев Д. С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // Философия и культура. 2012. № 12 (60).
5. Малинова О. Ю. Либерализм и концепт нации // Полис – 2003. – № 2. – С. 96–112.
6. Суртеев В. Я. Культурное пространства и культурные инициативы молодежи на рубеже веков // Культура на пороге III тысячелетия. – СПб.: Академия культуры, 1998. – С. 279–280.
7. Любак А. Католичество. Социальные аспекты доктрины // Христианская Россия. – 1992.
8. Захаров А. А. Федерализм и глобализация // Полис. – 2002. – № 6. – С. 116–126.
9. Heller A. Cultural memory, identity and civil society // Intern. Politikund. Gess. – 2001, no. 2, pp. 139–144.

Shakhov V.A. Features of Culture of the Lithuanian Diaspora in the Russian Region of South-Eastern Baltic // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (40). – № 3. – P. 218-227.

The article deals with the problems of cultural identity of Lithuanians, residents of the Kaliningrad region. The specificity of ethno-cultural interaction of this considerable Diaspora with the titular nation of the border state of Lithuania in the dynamics and statics with all the ensuing consequences of cultural, geopolitical and economic character is revealed. The author emphasizes the importance in the multicultural region of the priority functions of culture aimed at the harmonization of relations between individual strata on the basis of the exchange of information about their cultural identity on the terms of open and trustful interaction and cultural exchange of traditional values. According to the author, the Lithuanians of Kaliningrad exclave face the problem of choosing between full socialization in the Russian society with the preservation and development of their national and cultural traditions or the final Exodus to the EU countries, which can lead to the loss of their cultural and national identity in the "sea" of its cultural space, subject to large-scale globalization.

Key words: Lithuanian Diaspora, ethnic culture, identity, South-Eastern Baltic, ethnicity, national traditions, mentality.

References

1. Petruzhis G. Problemy integracii litovskoj diaspory v regione yuzhnoj Baltii [Integration problems of the Lithuanian Diaspora in the region of the southern Baltic]. Kaliningrad – Klajpeda, 2017. – S. 21.
2. Marelman R. M. Revitalizing Political Socialization Political Psychology. – San-Francisco, 1986. – p. 279–310.
3. Shejnis V. Nacional'nye interesy i vneshnyaya politika Rossii [National interests and foreign policy of Russia]. Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2003. – № 4. – S. 33–46.
4. Dokuchaev D. S. Regional'naya identichnost': ponyatie, struktura, funkicii [Regional identity: concept, structure, functions]. Filosofiya i kul'tura. 2012. № 12 (60).
5. Malinova O.YU. Liberalizm i koncept natsii [Liberalism and the concept of the nation]. Polis – 2003. – № 2. – S. 96–112.
6. Surteev V. YA. Kul'turnoe prostranstva i kul'turnye iniciativy molodezhi na rubezhe vekov [Cultural space and cultural initiatives of young people at the turn of the century]. Kul'tura na poroge III tysyacheletiya. – SPb.: Akademiya kul'tury, 1998. – S. 279–280.
7. Lyubak A. Mysli o Tserkvi [Thoughts about the Church]. Khristianskaya Rossiya. – 1994. – S. 69.
8. Zaharov A. A. Federalizm i globalizaciya [Federalism and globalization]. Polis. – 2002. – № 6. – S. 116–126.
9. Heller A. Cultural memory, identity and civil society // Intern. Politikund. Gess. – 2001, no. 2, pp. 139–144.

Сведения об авторах

Астанин Д.М. – старший преподаватель Череповецкого государственного университета. E-mail: montenegro.astanin@mail.ru.

Вархотов Т.А. – к. филос. н., доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: varkhotov@gmail.com.

Габриелян О.А. – д. филос. н., декан философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: gabroleg@mail.ru.

Демешко Н.Э. – аспирант кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: natalidem93@mail.ru

Дьяченко О.Н. – к. филос. н., доцент кафедры теологии и религиоведения Курского государственного университета. E-mail: dyachenkoolga13@yandex.ru.

Жалдак Н.Н. – к. филос. н., доцент кафедры философии Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет». E-mail: zhnn3@rambler.ru.

Ирхин А.А. – д-р полит. н., доцент, заведующий кафедрой «Политология и международные отношения» Севастопольского государственного университета. E-mail: alex.irhin@mail.ru.

Ислямова Э.Э. – к. полит. н., преподаватель кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: defi77@yandex.ru.

Ишин А.В. – д. истор. н., профессор кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: a.ischin@yandex.ua.

Карабущенко И.П. – д. филос. н., профессор Астраханского государственного университета. E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

Кемалова Л.И. – к. филос. н., доцент кафедры общественных наук и социальной работы Керченского государственного морского технологического университета. E-mail: kemalova@yandex.ru.

Козлов М.Н. – д. истор. н., профессор кафедры истории Севастопольского государственного университета. E-mail: kmn_75@mail.ru.

Кокорина Е.Г. – к. культурологии, доцент кафедры культурологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: kkokorina@gmail.com.

Мельник А.В. – к. филос. н., доцент кафедры философии и культурологии Уральского государственного горного университета. E-mail: melnikalex@list.ru.

Неелов В.М. – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: wneelov@gmail.com.

Папаяни Ф.А. – к. тех. н., доцент, докторант кафедры отечественной и региональной истории Донецкого национального университета. E-mail: f.papayani@mail.ru.

Пашковский П.И. – к. полит. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: petr.pash@yandex.ru.

Празднова О.С. – аспирант кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма. E-mail: prazdnova.olga@mail.ru.

Резник О.В. – д. филолог. н., профессор, проректор по научной работе Крымского университета культуры, искусств и туризма.

Слюсарев В.В. – аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, E-mail: slyusarevvladimir@gmail.com.

Филимонов С.Б. – д. истор. н., профессор, заведующий кафедрой истории России Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: filimonov.47@list.ru.

Хусяинов Т.М. – преподаватель департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: timur@husyainov.ru.

Черевык К.А. – к. истор. н., доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: spliso@rambler.ru.

Шахов В.А. – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии Калининградского государственного технического университета. E-mail: shakhov1952@yandex.ru.

Швецова А.В. – д. филос. н., профессор, зав. кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма. E-mail: voljaton@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Вархотов Т.А. Объективность «объективности»: историографическая модель Л. Дастон и П. Галисона и эпистемологическая история науки	3
Дьяченко О.Н. К вопросу онтологического статуса зла в эпоху схоластики	14
Жалдак Н.Н. Диаграммное представление значений логических форм суждений и рассуждений о бинарных отношениях	24
Мельник А.В. Конструирование социальной реальности в сетевых сообществах в эпоху информационной глобализации	37

ПОЛИТОЛОГИЯ

Астанин Д.М.. Пятый уровень организации природоохранных систем: международное право. Эволюция институтов экологической глобальной политики	47
Демешко Н.Э. Россия и крымские татары: уроки истории и взгляд в будущее	57
Ирхин А.А. Модели функционирования режима Черноморских проливов: 1783–2018 гг. и национальные интересы России	70
Ислямова Э.Э. Организация Черноморского экономического сотрудничества как модель региональной интеграции в Черноморском регионе	81
Ишин А.В. Репутационный капитал государства как политико-социальный феномен	92
Карабущенко И.П. Элитологические воззрения Иоанна Дамаскина	99
Кемалова Л.И. Анархистские тенденции в молодежной среде.....	108

Неелов В.М. Использование США частных военных компаний в условиях изменения характера и способов ведения войны.....	118
Папаяни Ф.А. О некоторых сторонах демократии.....	127
Пашковский П.И. Генезис и специфика общественных противоречий в контексте проблемы внешнеполитического позиционирования Украины.....	137
Черевык К.А. Неправительственные организации Кыргызстана: особенности определения и учета.....	147

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Габриелян О.А. Мифопоэтика культуры: к возможной методологии исследования	158
Козлов М.Н. К вопросу о происхождении, области распространения и основных функциях бога Хорса у восточных славян дохристианской эпохи	167
Кокорина Е.Г. Русская усадебная архитектура XIX – начала XX вв. как элемент культурных ландшафтов Южного берега Крыма (факторы развития, этапы, характерные черты).....	179
Празднова О.С., Резник О.В., Швецова А.В. Пути преодоления «болезни издержек» на примере жанра рок-оперы.....	190
Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Культурно-антропологическое значение концепта “труд” (на материалах лексем славянских языков).....	200
Филимонов С.Б. Краеведы России и архивы. К 100-летию декрета СНК РСФСР об архивном деле от 1 июня 1918 г....	211
Шахов В.А. Особенности культуры литовской диаспоры российского региона Юго-Восточной Балтии.....	218
Сведения об авторах	228
Содержание.....	230

About the Authors

Astanin D.M. – Senior Lecturer of Cherepovets State University. E-mail: montenegro.astanin@mail.ru.

Varkhotov T.A. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science of Lomonosov Moscow State University. E-mail: varkhotov@gmail.com.

Gabrielyan O.A. – Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy of Crimean Federal V.I. Vernadsky University. E-mail: gabroleg@mail.ru.

Demeshko N.E. – Postgraduate at the Department of Political Sciences and Foreign Affairs of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: natalidem93@mail.ru.

Dyachenko O.N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theology and Religious Studies of Kursk State University. E-mail: dyachenkoolga13@yandex.ru.

Zhaldak N.N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of National Research University исследовательского университета «Belgorod State University». E-mail: zhnn3@rambler.ru.

Irkhin A.A. – Doctor of Political Science, Associate Professor, Chairman of the Department of Political Science and Foreign Relation of Sevastopol State University. E-mail: alex.irhin@mail.ru.

Islyamova E.E. – Candidate of Political Sciences, Lecturer of the Department of Political Science and International Relations of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: defi77@yandex.ru.

Ishin A.V. – Doctor of History, Professor of the Department of the Russian History of Crimean Federal V.I. Vernadsky University. E-mail: a.ischin@yandex.ua.

Karabushenko P.L. – Doctor of Philosophy, Professor of Astrakhan State University. E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

Kemalova L.I. – Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of Social Sciences and Social Work of Kerch State Maritime Technological University. E-mail: kemalova@yandex.ru.

Kozlov M.N. – Doctor of History, Professor of the Department of History of Sevastopol State University. E-mail: kmn_75@mail.ru.

Kokorina E.G. – Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Culturology of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: kkokorina@gmail.com.

Melnik A.V. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Ural State Mining University. E-mail: melnikalex@list.ru.

Neelov V.M. – Postgraduate at the Department of Theory and History of Foreign Affairs of Saint-Petersburg State University. E-mail: wneelov@gmail.com.

Papayani F.A. – Candidate of Engineering Sciences, Doctoral Candidate of the National and Regional History Department of Donetsk National University. E-mail: f.papayani@mail.ru.

Pashkovsky P.I. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: petr.pash@yandex.ru.

Prazdnova O.S. – Postgraduate of the Department of Philosophy, Culture and Humanitarian Disciplines of Crimean University of Culture, Arts and Tourism. E-mail: prazdnova.olga@mail.ru.

Резник О.В. – д. филолог. н., профессор, проректор по научной работе Крымского университета культуры, искусств и туризма.

Slusarev V.V. – аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: slyusarevvladimir@gmail.com.

Filimonov S.B. – Doctor of History, Professor, Chairman of the Department of the Russian History of Crimean Federal V.I. Vernadsky University. E-mail: filimonov.47@list.ru.

Cherevyk K.A. – PhD in History, Assistant Professor of the Department of International Relations and Integration Processes of Lomonosov Moscow State University. E-mail: spliso@rambler.ru.

Husainov T.M. – преподаватель департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: timur@husyainov.ru.

Shakhov V.A. – Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology of Kaliningrad State Technical University. E-mail: shakhov1952@yandex.ru.

Швецова А.В. – д. филос. н., профессор, зав. кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма. E-mail: voljaton@mail.ru.

CONTENT

PHILOSOPHY

Varkhotov T.A. The Objectivity of «Objectivity»: I. Daston and P. Galison's Historiographic Model and the Historical Epistemology of Science	3
Dyachenko O.N. On the Issue of the Ontological Status of Evil in the Era of Scholasticism	14
Zhaldak N.N. Diagram Representation of Meanings of Logical Forms of Judgments and Reasonings about Binary Relations	24
Melnik A.V. Construction of Social Reality in Network Communities in the Epoch of Informational Globalization	37

POLITICAL SCIENCE

Astanin D.M. The Fifth Level of Organization Nature of Protection Systems: International Law. The Evolution of Institutions Global Environmental Policy	47
Demeshko N. E. Russia and the Crimean Tatars: Retrospect and Forecast	57
Irkhin A.A. The Regime of the Black Sea Straits in 1783–2018 and Russia's National Interests	70
Islyamova E.E. Organization of the Black Sea Economic Cooperation as a Model of Regional Integration in the Black Sea Region	81
Ishin A.V. Reputation Capital of the State as Politic-Social Phenomenon	92
Karabushenko P.L. Elitological Views of Joann Damaskin.....	99
Kemalova L.I. The Anarchist Tendencies in the Youth Surroundings.....	108
Neelov V.M. The Use of Private Military and Security Contractors by the USA in a Changed Nature and Methods of Warfare.....	118
Papayni F.A. The Essence of Democracy and its Modern Interpretation.....	127

Pashkovsky P.I. Genesis and Specificity of Social Contradictions in the Context of the Problem of Foreign Policy Positioning of Ukraine.....	137
Cherevyk K.A. Non-Government Organizations of Kyrgyzstan: Specifies of Identification and Accounting.....	147

CULTUROLOGY

Gabrielyan O.A. Mythopoetics of Culture: to a Possible Research Methodology	158
Kozlov M.N. On the Question of the Origin, Area of Distribution and the Basic Functions of the God Horsa in the Eastern Slavs of the pre-Christian Era	167
Kokorina E.G. Russian Manor Architecture of the 19th - the Beginning of the 20th Centuries as the Element of the Crimean South Coast Cultural Landscapes (Factors of Evolution, Phases, Characteristics).....	179
Prazdnova O.S. Prevention and Successive the Rapy of "Cost Disease" in Rock Opera.....	190
Slusarev V.V., Husainov T.M. Cultural and Anthropological Significance of the Concept «Labor» (on the Basis of the Lexemes of the Slavic Languages).....	200
Filimonov S.B. Local Russian Historians and Archives. To the Anniversary of the CPC RSFSR on the Archives of June 1, 1918.....	211
Shakhov V.A. Features of Culture of the Lithuanian Diaspora in the Russian Region of South-Eastern Baltic.....	218
About the Authors	228
Content	230